В. М. СУХОДРЕВ

# ЯЗЫК МОЙ – ДРУГ МОЙ

## От Хрущева до Горбачева...

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

Виктора Михайловича Суходрева по праву можно назвать легендарным, "генеральным" переводчиком. На протяжении почти сорока лет он был личным переводчиком политических лидеров нашей страны: Хрущева, Брежнева, Громыко, Микояна, Косыгина, Горбачева. Во время их переговоров с Никсоном, Кеннеди, Картером, Насером, И. Ганди и многими другими выдающимися политическими мировыми деятелями он персонифицировал собой интеллект, культуру и дипломатическую гибкость советских руководителей. Особенно важна последняя составляющая деятельности "главного переводчика страны", так как от того, что скажет первое лицо государства, от его слов зависело не только решение многих насущных вопросов в международных отношениях, но и в целом мир на планете (например, в эпоху холодной войны, дни Карибского кризиса и т. п.).

Автор предлагает читателю свое видение, так сказать с ближнего расстояния, сильных мира сего той поры. Рассказывает о том, что они были за люди, об их достоинствах и слабостях, привычках, о том, какое они производили впечатление, как вели себя не только в официальной обстановке, но и в неформальной ситуации, что называется за кадром, о том, что их отличает от нас, простых смертных.

- ЯЗЫК МОЙ - ДРУГ МОЙ
  - От издателя
  - Слово к читателю
  - Англия моего детства
    - Ночные бомбежки
    - Новое оружие и «Святая Анна…»
    - Хочу быть переводчиком
  - Никита Хрущев
    - И звездный час, и полное забвение
    - «Ожившие портреты»
    - Херст-младший и байка о разбойниках
    - У нас в гостях Уолтер Липпман
    - Дрю Пирсон
    - Прогулка в Крым
    - Куда смотрела охрана?
    - Кваме Нкрума и совещание на лужайке
    - Хрущев в осаде
    - О вреде рекламных пауз

- Лорд Томпсон на целине
- Лицом к лицу с Америкой
- Наш вечный авось
- Первые шаги по Америке
- Обед у Эйзенхауэра
- Казусы перевода
- Нью-йоркские встречи
- За столом с «акулами»
- «Театр абсурда»
- На «фабрике грез»
- Канкан
- Мать Кузьмы
- Скандал на банкете
- Настоящая Америка
- Лапоточки на память
- В кукурузном раю
- Язык классиков не требует перевода
- Результаты малые — надежды большие
- Взрыв в небе — срыв в Париже
- Очередной «главный вопрос»
- Рейс Мира
- Холодная встреча
- «Мы так строить не будем»
- ООН за работой
- Первое знакомство с парламентаризмом
- Двое в одной лодке
- Путь к Вене
- Встреча с Кеннеди
- Прощание с Кеннеди
- Ближний круг: от визита к визиту
- «Большая троица» в Индии
- Непальские этюды
- Храм Любви
- Снова в Дели
- Печальная история
- Сюрпризы Сукарно
- Лекарство не для всех
- Азиатские сувениры
- Друг и соратник
- Дипломатический ход Хрущева
- Сын не в отца
- Недоброжелатели
- Made in England
- Последние встречи

- Алексей Косыгин
  - Человек неординарных решений
  - «Индо-пакистанский инцидент»
  - «Жил и умер…»
  - Оборванная песня
  - «Красный телефон»
  - Лучше сто раз увидеть…
  - Гласборо и больной зуб
  - Веселые эскапады Трюдо
  - Дискотека для премьера
  - За штурвалом
  - Северные соседи
  - Белый танец
  - «Трудно быть премьером»
  - Мужской разговор
  - Любимая трубка Гарольда Вильсона
  - Великий египтянин
  - Запорожские приключения
  - И скорбь, и бронетранспортеры…
  - Конец его пути
- Леонид Брежнев
  - Первая встреча
  - Путь наверх
  - Секретный визит Киссинджера
  - Никсон в Кремле
  - Кому — банкет, кому — «дежурные» сосиски
  - Переговоры начались
  - Добрый ужин и ссору скрасит…
  - Арестованный город
  - Политика или стилистика
  - ЧП в аэропорту Внуково
  - Завидовские страдания
  - На бешеных скоростях
  - Идет охота…
  - Переговоры на вышке
  - Так в чьих же руках будущее?
  - На часах вашингтонское время
  - В Белом доме
  - Кемп-Дэвид: приятное и полезное
  - Прибавление в коллекции
  - Дом Мира
  - Ужин втроем
  - Кольты для Генсека
  - В разных режимах

- Гуд-бай, Америка!
- Визит под угрозой импичмента
- Двое в Крыму
- Стол на лужайке
- Встреча с Фордом у Тихого океана
- От Владивостока до Улан-Батора
- Увядание…
- Собачий портрет в Грановитой палате
- Портсигар с секретом
- «Разговорник» в действии
- Вариации на тему протокола
- Подписание с поцелуем

○ Андрей Громыко
- Синий карандаш
- «Ни шагу назад!»
- Хождение по кругу
- Тупики
- Кулаком по столу
- От серьезного до смешного
- «Третья корзина»
- Утка под номером
- «Сладкий мальчик»
- Гамбургер по-президентски
- Громыко в работе
- Привычка — вторая натура
- Пять дней в океане
- Соратники без дружбы
- Дела мирские
- Ежегодные шляпы
- «Прищепка» для Брежнева
- Охота пуще неволи
- Словесная эквилибристика
- Итоги

○ Михаил Горбачев
- Между двумя эпохами
- Последний Генсек
- Жена нового типа
- В роли «певца за сценой»

○ Заметки на полях
- Вожди с бокалами в руках
- Дети и отцы

○ Несанкционированные встречи
- Мой друг Ван Клиберн
- В «Клубе-21»

- «Подмосковные вечера» в Вашингтоне
- Марафон
- Бар «Пи Джей Кларкс»
- Володя Горовиц
- Леонард в Москве
- Американцы за русским столом
- Послесловие

○ НЕДОСКАЗАННОЕ…

- 
- Беседы на Николиной горе
- А нам было хорошо…
- Феномен Виктора Суходрева

# ЯЗЫК МОЙ - ДРУГ МОЙ
# От Хрущева до Горбачева…

*Посвящается моей жене Инге, благодаря любви, заботе и настойчивости которой эта книга увидела свет*

# От издателя

Виктора Михайловича Суходрева по праву можно назвать легендарным, «генеральным» переводчиком. На протяжении почти сорока лет он был личным переводчиком политических лидеров нашей страны: Хрущева, Брежнева, Громыко, Микояна, Косыгина, Горбачева. Во время их переговоров с Никсоном, Кеннеди, Картером, Насером, И. Ганди и многими другими выдающимися политическими мировыми деятелями он персонифицировал собой интеллект, культуру и дипломатическую гибкость советских руководителей. Особенно важна последняя составляющая деятельности «главного переводчика страны», так как от того, что скажет первое лицо государства, от его слов зависело не только решение многих насущных вопросов в международных отношениях, но и в целом мир на планете (например, в эпоху холодной войны, дни Карибского кризиса и т. п.).

Автор предлагает читателю свое видение, так сказать с ближнего расстояния, сильных мира сего той поры. Рассказывает о том, что они были за люди, об их достоинствах и слабостях, привычках, о том, какое они производили впечатление, как вели себя не только в официальной обстановке, но и в неформальной ситуации, что называется за кадром, о том, что их отличает от нас, простых смертных.

Виктор Михайлович Суходрев рассказывает нам и о себе, о детстве и отрочестве, прошедших в Англии. Благодаря последнему обстоятельству, а также несомненному природному таланту английский стал для него вторым родным языком, что, в свою очередь, определило судьбу высокопрофессионального переводчика.

Со времени первого издания воспоминаний «Язык мой — друг мой», надо сказать мгновенно разошедшегося, прошло восемь лет. И вот в наши дни Виктор Михайлович, идя навстречу многочисленным пожеланиям, решил переиздать свои мемуары, переработав и дополнив прежний материал. Внес он изменения и в фотографический ряд книги, что, на наш взгляд, еще больше ее обогатило. Кроме того, появилась новая глава — «Недосказанное…». Автор, отвечая на вопросы Александра Липницкого, повествует о заключительном периоде своей службы — дипломатической работе в нью-йоркской штаб-квартире ООН. Безусловно, интересны и бытовые подробности этого пятилетнего пребывания в США Виктора Михайловича с женой Ингой Дмитриевной (дочерью Татьяны Кирилловны Окуневской,

известной актрисы кино и театра): о перипетиях с жильем, о том, как проводили вечера и выходные дни, о встречах со старыми и новыми друзьями, людьми, широко известными как в России, так и в Америке.

На страницах нашего издания мы публикуем также статью «Феномен Виктора Суходрева» российского ученого-международника, американиста, дипломата, главного редактора журнала «Международная жизнь» Бориса Дмитриевича Пядышева, связанного с Виктором Михайловичем долгими годами совместной работы и дружбы.

Мы уверены, что новое издание книги воспоминаний В. М. Суходрева обретет множество благодарных читателей.

*Доктор экономических наук, профессор* ***Елена Тончу***

# Слово к читателю

В этой книге описаны события, так или иначе связанные с людьми, с которыми мне довелось работать на протяжении моей служебной карьеры практически с 40-х до 90-х годов, то есть в течение добрых пятидесяти лет. И люди эти — непростые: первые руководители многих стран мира и прежде всего нашей страны, в мое время называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик.

Должен сразу оговориться. Я не историк, не политик и с самого начала не ставил перед собой задачи делать анализ или пересказывать содержание и перипетии многочисленных доверительных переговоров на самом высоком уровне, в которых участвовал в качестве переводчика. Соответственно, я не обращался к архивам, не окунался вновь в официальные отчеты (кстати сказать, значительная их часть мной же и была составлена). Вы не найдете в книге рассказов о том, как, на основе каких компромиссов, какой дипломатической игры достигались важнейшие договоренности, воплощавшиеся затем в официальные соглашения и договоры (например, по ограничению стратегических вооружений, по урегулированию тех или иных мировых конфликтов). Ученый-историк сегодня легко найдет источники, прежде всего в архивах, с помощью которых он сможет разобраться во всех этих хитросплетениях.

Многие мемуаристы высокого ранга также внесли важную лепту в процесс осмысления исторического развития, формирования отношений между различными государствами. Достаточно в этой связи упомянуть невероятно интересные, очень объемистые тома воспоминаний Генри Киссинджера; воспоминания выдающегося советского дипломата Анатолия Федоровича Добрынина, побившего все рекорды по срокам пребывания на посольской должности в Вашингтоне (двадцать три года), и другие книги мемуарного жанра в этой области.

Итак, окончив официальную карьеру, выйдя в отставку после пятилетнего пребывания в последней своей должности — Директор в Секретариате Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, освободившись от необходимости ежедневно ходить в присутствие и, наконец, оказавшись наедине со своими мыслями, я получил возможность разобрать личный архив, фотографии, которые у меня накопились за прошедшие годы, и как-то невольно стал вспоминать многие, очень многие интереснейшие эпизоды своей жизни.

Постепенно эти личные, памятные для меня материалы, а

также довольно частые просьбы нашего, да и не только нашего, телевидения прокомментировать те или иные конкретные события, факты, ситуации, связанные так или иначе с историческими личностями, с которыми мне приходилось общаться, подтолкнули меня к тому, чтобы систематизировать свои воспоминания, рассказать о том, чему был свидетелем, зачастую единственным.

Будучи таким свидетелем, я видел, как действуют, как реагируют друг на друга, как ведут себя не только в официальной обстановке, но и в неформальной ситуации, так сказать за кадром, мировые лидеры. Естественно, свидетель-переводчик тоже человек, и у него есть свои ощущения и своя реакция, и свои эмоции, и свое отношение к происходящему, и, в конце концов, личное мнение, которое, правда, он не выказывает, но которое может не совпадать со взглядами сильных мира сего. Вот мне и захотелось в своей книге не только представить, образно говоря, холодную, черно-белую фотографию того памятного, иной раз драматичного, а подчас курьезного и даже анекдотического, что было в моей жизни, но и выразить сегодня, много лет спустя, собственные чувства и эмоции, передать атмосферу той эпохи, постараться в доходчивой форме и совсем не в хронологической последовательности рассказать об этом читателю. У меня не было цели написать автобиографию.

Работа переводчика многогранна. Приходится высиживать много часов за столом переговоров, сопровождать высоких лиц в поездках, на встречах, так сказать, неформального характера, во время посещения ими самых разных объектов — университетов, фабрик, заводов, ферм, исторических достопримечательностей. Это и работа в том же качестве переводчика на шикарных, изысканных банкетах, завтраках, обедах, когда эти трапезы становятся удовольствием для кого угодно, но только не для переводчика, которому подчас и кусок в горло не лезет, поскольку ему приходится и за обеденным столом играть ту же роль, а именно — быть единственным посредником, дающим возможность людям, не понимающим языка друг друга, общаться, причем общаться так, чтобы они забыли о самом присутствии переводчика, чтобы им казалось, что они действительно общаются напрямую друг с другом. И в этом высший пилотаж моей профессии: стать как бы невидимым, но присутствующим, если хотите, необходимым злом, потому что было бы идеально, если б люди могли общаться напрямую, глядя друг другу в глаза, говоря на одном, едином языке.

По телевидению часто показывают, как общаются между собой государственные деятели: министры иностранных дел,

премьер-министры, президенты. Рядом с каждым из них обязательно маячит фигура человека, чье имя не называют дикторы, но кто на самом деле является активнейшим участником любых подобных встреч. Это — переводчик. Часто бывает и так, что никого другого рядом с высокопоставленными лицами нет. Каждому ясно, что во время таких встреч происходит самый откровенный разговор, иногда между людьми диаметрально противоположных взглядов, разговор, который, возможно, является последним средством для достижения договоренности, компромисса, понимания, короче говоря, того, что впоследствии воплотится в официальный текст важнейшего международного договора или соглашения. Из этого следует, что разговор между такими людьми и в такой обстановке не должен остаться незафиксированным, другими словами — не записанным на бумагу. Но ведь нельзя ожидать, что, скажем, президент будет потом по памяти воспроизводить и записывать страницу за страницей содержание своей беседы, переговоров. Это может сделать только переводчик. Что он и делает, причем тогда, когда рабочее время того, кому он целый день помогал общаться, заканчивается и тот уходит отдыхать. И начинается второй, ничуть не менее сложный этап работы переводчика: он должен, потратив немногим меньше часов, чем на саму беседу, продиктовать, зафиксировать на бумаге с максимальной точностью, практически дословно, абсолютно все, что обсуждалось за столом переговоров, включая, казалось бы, самые обыденные темы, ибо на подобных встречах второстепенного быть не может.

Приведу достаточно красноречивый пример. После двухдневных переговоров между Никитой Сергеевичем Хрущевым и президентом США Джоном Кеннеди в Вене, в 1961 году, я надиктовал 120 страниц текста, который и составил содержание того, о чем два лидера беседовали, как принято было сообщать, с глазу на глаз, в присутствии лишь переводчиков. Именно такие записи ложатся потом в основу работы многих ведомств по продвижению устных договоренностей, высказанных идей, воплощению их в какие-то официальные документы, соглашения, договоры. Не говоря уже о чисто историческом, архивном значении подобных записей.

И этим мне приходилось заниматься практически на всем протяжении карьеры. Так что в конце многих документов о важнейших встречах руководителей моей страны с высшими представителями других государств, прежде всего США, Англии, Индии, повторяю, очень многих документов, покоящихся сейчас в архивах, напечатано, как официально положено: «Записал

В. Суходрев».

# Англия моего детства

# Ночные бомбежки

В детстве мне хотелось быть летчиком. Наверное, многие мальчишки в те военные годы мечтали о том же.

И я не был исключением. Тем более что сама жизнь как бы подталкивала меня к моей мечте. Англия — страна моего детства — использовалась союзническими войсками как большой остров-аэродром, так что разной авиационной техники я навидался. И не только я, но и все, кто жил в Лондоне в годы войны. Я даже имел колоду карт, на каждой из которых был изображен силуэт конкретного самолета: «летающая крепость», «либерейтор», «Галифакс» и другие, в том числе немецкие. Такими картами пользовались английские авиаторы и зенитчики для тренировки в распознавании боевых машин.

Жили мы довольно далеко от торгпредства, где работала моя мама, и это обстоятельство в какой-то мере предопределило мою дальнейшую судьбу. Дело в том, что мама весь день находилась на работе, а я постоянно был в окружении только англичан — взрослых и детей. Общаться приходилось исключительно с ними. Поэтому я очень легко и быстро усвоил английский язык. Выучил его настолько, что через несколько месяцев после нашего приезда уже говорил на нем лучше, чем на родном.

Приехали в Англию мы с мамой в начале августа 1939 года, а месяц спустя началась Вторая мировая война.

Для меня, шестилетнего мальчика, начало войны прошло, по существу, незаметно. Разве что от своих английских сверстников я узнавал, что их отцы были призваны в армию. В остальном наша детская жизнь протекала без особых изменений. Только через год, в августе 1940-го, начались первые воздушные налеты немецкой авиации.

***Виктор Суходрев с отцом Михаилом Лазаревичем и мамой Евгенией Александровной***

***1936 год***

В небе над Лондоном закружились военные самолеты.

Днем это были главным образом «наши» — самолеты британских ВВС, а по ночам, даже сквозь толщу стен бомбоубежища, был слышен гул мощных моторов тяжелых немецких бомбардировщиков. Началась так называемая Битва за Британию. Налеты совершались каждую ночь. Это были страшные налеты. Если бы они продолжались с той же интенсивностью до конца войны, Лондон, как и многие другие города Великобритании, наверняка был бы стерт с лица земли.

Поначалу мы спасались от налетов в «андерсоновском убежище», названном так по имени Джона Андерсона, британского министра внутренних дел, выдвинувшего и осуществившего план строительства специальных бомбоубежищ. На небольшом заднем дворике типичного, на три-четыре семьи, английского дома вырывали неглубокий котлован, бетонировали его пол и стены, накрывали рифленым железом, засыпали сверху

землей и обкладывали мешками с песком. Словом, конструкция элементарная, и защитить она могла разве что от падающих осколков и обломков, но никоим образом не от прямого попадания бомбы. В таком убежище и собирались все жильцы нашего дома.

***«Английский» мальчик***

***Лондон, 1940 год***

По ночам вокруг меня тоже звучала английская речь — под нее я засыпал, под нее и просыпался, когда завывала сирена, оповещавшая о конце налета.

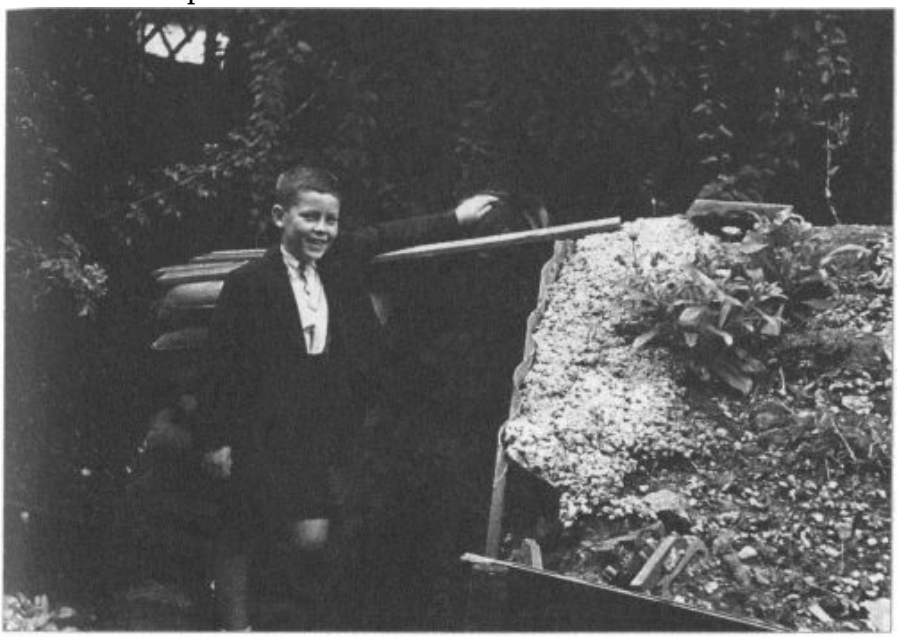
Но вскоре вышел приказ о том, что все советские сотрудники с семьями должны во время бомбежек находиться в большом бомбоубежище, которое специально вырыли во дворе торгпредства. Это было уже серьезное сооружение — с подачей воздуха, бетонными стенами и водопроводом.

Район, где мы жили, отделял от торгпредства Хэмстедский парк. Мама после работы бежала через этот парк, брала меня, и мы вместе отправлялись обратно, в бомбоубежище. Там и находились до рассвета, пока не прекращались бомбежки. Потом возвращались домой, где я досыпал еще часок-другой, а мама снова торопилась через парк на свою работу.

Мама позже вспоминала, что, впервые появившись в

бомбоубежище, где было много детей работников торгпредства, я поначалу их плохо понимал и все время спрашивал у нее: «Что они говорят?»

Известно, что в раннем возрасте дети очень быстро воспринимают языки. Мне, шестилетнему, было достаточно нескольких месяцев погружения в английскую языковую среду, чтобы основательно подзабыть родную речь. Разумеется, потом я ее быстро восстановил, но факт остается фактом — я рос все-таки «английским» ребенком.



***У входа в «андерсоновское убежище»***

***Лондон, 1940 год***

Вскоре война в Англии ощущалась уже каждый день. Прежде всего из-за интенсивных налетов. Мы с мамой, возвращаясь по утрам домой, примерно на полпути, с вершины холма, откуда открывался вид на Лондон, вплоть до самого центра, до собора Святого Павла, сквозь рассеивающийся утренний туман видели сплошное зарево пожаров, возникающих после налетов немецкой авиации. Весь день их тушили, а ночью все начиналось снова…

Бомбежек я насмотрелся вдоволь. У нас, мальчишек, все карманы были порваны собираемыми нами осколками. Причем

очень важно было найти «свежий» осколок, а не тронутый ржавчиной, что в то время в Лондоне было совсем несложно. Предметом моей особой гордости была целая, несработавшая, зажигательная бомба, из которой кто-то уже извлек смертоносную начинку. По дороге в школу я то и дело останавливался, чтобы подобрать осколок причудливой формы, гильзу от крупнокалиберного патрона или даже хвостовую часть зажигалки. Они делались из алюминия и поэтому не сгорали.

***Отдых с мамой***

***Лондон, 1940-е годы***

Днем, пока мама была на работе, за мной присматривали соседи по дому — семья Холловэй, дядя Джек и тетя Мери. Дядя Джек служил почтальоном. По образованию он был инженером, но во время Первой мировой войны имел несчастье попасть под газовую атаку во Франции. И когда он вернулся с фронта, врачи настоятельно рекомендовали ему подыскать работу на свежем воздухе. Выбор был невелик — либо полицейский, либо почтальон. Он выбрал последнее.

По сути дела, на протяжении всего дня я был рядом с дядей

Джеком, разносил с ним письма, и мы, естественно, постоянно разговаривали. Думаю, это общение доставляло удовольствие не только мне, но и ему — своих детей у супругов Холловэй не было.

***Джек и Мери Холловэй***

***Юг Англии, 1967 год***

В доме мы с мамой занимали целый этаж. Звучит это внушительно, но на самом деле в нашем распоряжении были всего две небольшие комнаты, кухня и ванная. Семья Холловэй занимала этаж над нами, да еще две чердачные комнаты — владения дяди Джека. Там он устроил фотолабораторию и мастерскую, где проводил все свободное время: проявлял фотопленки, изготовлял механические игрушки, зажигалки. Конечно, многие свои поделки он дарил мне.

В первый класс я пошел только в сентябре 1941-го, спустя два года после нашего приезда в Англию. К тому моменту школа для детей сотрудников советских учреждений в Лондоне сильно разрослась. В нашей школе-десятилетке ребят было человек двести. Уже вовсю расширялись союзнические связи между СССР и Англией, а следовательно, увеличивались штаты посольства и торгпредства, появилась специальная военная миссия и иные

организации. А кроме того, сложилось совершенно необычное положение — в Лондоне функционировали целых два советских посольства. Одно — при дворе британского короля Георга VI, а другое — при так называемых правительствах в изгнании. Это были нашедшие в Англии прибежище руководители многих оккупированных Германией стран Европы, например Франции, Польши, Чехословакии…

Семьи советских сотрудников, как правило, жили поблизости от места работы. А дети, естественно, вместе играли, вместе ходили в детский сад или в школу, друг к другу в гости. С английскими сверстниками они не общались. Поэтому мало кто из них хорошо владел английским. До сих пор не знаю, почему мы с мамой жили так далеко. Может быть, она хотела, чтобы я выучил язык, а может, по финансовым соображениям. Не исключено, что это произошло просто случайно, ведь тогда все работники советских представительств снимали квартиры кто где хотел, это никак не регулировалось. Как бы то ни было, можно сказать, что мне с местожительством повезло.

Когда налеты стали особенно интенсивными, советских детей эвакуировали в местечко неподалеку от Челтенхэма, где не бомбили. Налеты совершались в основном на Лондон и другие крупные центры, в частности на Ковентри, разрушенный до такой степени, что склонные к изобретению новых слов немцы придумали глагол «kowentriren», который использовался в значении «сровнять с землей».

Мы, дошкольники, расположились в доме зажиточного фермера, призванного в армию. Его семья, сдав свою усадьбу, переехала в небольшой домик рядом. А школа находилась в другом месте, в нескольких километрах от нас.

Мама работала в Лондоне, а я оставался под присмотром няни — беженки из Дании. Но через некоторое время, видимо под давлением наших «бдительных служб», няню пришлось уволить: советский гражданин не имел права нанимать иностранную прислугу. К иностранцам вообще было особое отношение. Помню, в торгпредстве служили два водителя-англичанина — Штемберг и Поттер. В конце войны их тоже уволили, несмотря на то что они были коммунисты. Поттер, правда, потом, до самой своей кончины, все-таки работал в советском учреждении в Лондоне — в нефтяной компании. После войны он несколько раз приезжал в Москву, и мы виделись с ним.

После того как уволили датчанку, за мной присматривала мать одного из моих сверстников. Много времени я проводил с пожилым пастухом, которого по возрасту не призвали в армию. Было на ферме небольшое стадо коров. Я ходил с пастухом на

пастбище, помогал ему загонять коров на скотный двор и даже доил их. Поначалу пастуху приходилось додаивать за мной. Но однажды, присев на табурет после меня, он удивленно воскликнул: «Да ты же ее досуха выдоил!» Не передать, как я был горд! На моем поясе всегда висела большая алюминиевая кружка, и после дойки я пил парное молоко. Все свободное время я проводил на свежем воздухе и поэтому был крепок, розовощек и здоров.

# Новое оружие и «Святая Анна…»

Где-то в мае 1941 года немецкие бомбардировки Англии прекратились. Тому было две причины. Во-первых, англичане мужественно и достойно защищались и по праву одержали победу в воздухе. А во-вторых, готовясь к нападению на Советский Союз, немцы начали активно сосредотачивать свою авиацию у наших западных границ.

Вскоре нас вернули в Лондон. Видимо, это было буквально накануне вторжения Гитлера в Советский Союз, поскольку детская память, по-моему, сохранила живой голос Уинстона Черчилля, который заявил по радио на второй или третий день после этого события о том, что он готов заключить союз даже с дьяволом ради того, чтобы повергнуть нацистского зверя.

***Виктор Суходрев***

***Лондон, 1943 год***

По возвращении в Лондон наша жизнь вернулась в нормальную колею. Хотя, насколько я помню, отдельные налеты

совершались. С середины 1944 года ситуация вновь осложнилась. У Германии появилось новое оружие, так называемая летающая бомба, или ФАУ-1. Выражаясь сегодняшним языком, это был прототип крылатой ракеты. Говорю об этом не понаслышке. Я ее видел своими глазами: нечто похожее на укороченный самолет с кургузыми крыльями и короткой же черной трубой поверх фюзеляжа. И вот однажды днем, когда я гулял в парке, эта штука появилась в небе надо мной. Она летела на небольшой высоте, треща, как мотоцикл, а за ней стремительно гнался английский истребитель «спитфайер».

Характерный стрекот реактивного двигателя особенно явственно слышался ночью. Но самое страшное начиналось, когда он вдруг замолкал: это означало, что топливо кончилось и через какие-то мгновения ракета спикирует и взорвется.

Через несколько месяцев стало еще страшнее: на Лондон обрушились ФАУ-2. Это уже прототип баллистических ракет. Их не было ни слышно, ни видно до момента взрыва. Значит, и тревогу не могли объявлять.

Нас, детей, срочно эвакуировали в замечательный уголок неподалеку от курортного города Блэкпул на берегу Ирландского моря. Местечко носило романтическое название «St. Anne's on Sea» — «Святая Анна на море». Для нас это было чудесное время, мы жили в бывших пансионатах, купались, загорали, играли на пустынных песчаных пляжах.

Как раз в период нашего пребывания в «Святой Анне на море» произошел один весьма знаменательный для меня случай. В доме, где располагалась наша школа, решили сделать какой-то мелкий ремонт. Наняли небольшую местную строительную фирму. Ее владельцем оказался высокий здоровенный англичанин, добрый улыбчивый человек, с которым я сразу подружился. Школьный завхоз по-английски не говорил и как-то попросил меня помочь в общении с владельцем фирмы и рабочими. Можно сказать, что это был мой первый опыт работы в качестве переводчика.

В это время Красная армия начала быстро продвигаться на запад, спасая тем самым Англию от высадки немецкого десанта. До нападения немцев на Советский Союз наша страна считалась союзницей Гитлера, агрессором, напавшим на Финляндию, поделившим Польшу. Словом, для англичан мы были почти такими же злодеями, как нацисты. Но после того как Гитлер напал и на Советский Союз, отношение англичан к нам резко изменилось. А после победы в Сталинграде на советских людей стали смотреть как на героев-освободителей, нас, что называется, носили на руках.

Как-то дядя Джек, наш лондонский сосед, подарил мне свою

каску и военный ремень времен Первой мировой войны. На каске он изобразил звезду с серпом и молотом. А еще он сделал мне игрушечный автомат из обрезка газовой трубы и ножки от стула, вместо барабана там была выкрашенная в черный цвет жестяная коробка из-под конфет. Он даже снабдил автомат заводным механизмом, чтобы тот трещал, «как настоящий». На одной из сохранившихся фотографий тех лет я запечатлен на улице возле нашего дома «в полном обмундировании». Полагаю, что раньше в такой «форме» я и не помыслил бы появиться на улице. Сталинградская битва действительно ощутимо изменила отношение к нам англичан.

Однажды владелец строительной фирмы пригласил меня к себе в гости на субботу. Он жил в Блэкпуле вместе с женой и сыном — моим ровесником. В то время я увлекался футболом: вырасти на родине этой игры и не стать ее поклонником просто невозможно. И как раз в этот день состоялась игра, в которой участвовала знаменитая команда Блэкпула. После матча мы отправились домой к владельцу фирмы. Там же собрались школьники, одноклассники его сына, соседи. Я был счастлив: впервые увидел настоящий английский футбольный матч, обзавелся новыми товарищами. Англичанам же, как я теперь понимаю, было больше всего интересно посмотреть на живого русского мальчика, да еще говорящего по-английски. Затем хозяин отвез меня на машине домой.

Через несколько дней одна из моих школьных учительниц вдруг остановила меня на перемене и сказала, что со мной хочет поговорить «дядя, приехавший из Лондона, из посольства», и привела в одну из комнат, оставив наедине с незнакомым человеком. Тот усадил меня напротив себя и довольно строгим тоном, не столько спрашивая, сколько утверждая, напомнил, что я был на днях в гостях у англичанина — хозяина строительной компании, ремонтировавшей школу. Я с готовностью это подтвердил. Он спросил:

— А что ты там делал?

Я и на этот вопрос ответил довольно подробно, рассказал о футбольном матче, о ребятах и даже про кекс, который подали к чаю.

— Какие вопросы тебе задавали? — не унимался «дядя», с каждой минутой нравившийся мне все меньше.

Я пересказал ему наши разговоры.

— А не спрашивали они что-нибудь про твою маму, о том, где она работает?

Ну какие такие государственные тайны мог знать третьеклассник? Я отвечал правдиво и очень удивился, когда он

сказал:

— Знаешь что, не надо тебе больше туда ездить.

К тому времени вместе с языком я уже впитал в себя и некоторые английские культурные традиции, поэтому не только не представлял, что можно явиться в гости без приглашения, но и легко мог предположить, что меня туда больше никогда не пригласят. Но если пригласят… почему это я не могу поехать туда, куда пожелаю? И тогда «дядя» на полном серьезе стал объяснять мне, десятилетнему, почему нельзя общаться с этим англичанином: тот может задать такие вопросы, на которые я «не так отвечу». Вот он, сотрудник посольства, знает, что можно говорить, а чего нельзя, а я не знаю. На этом разговор закончился. Я был удручен. И долго не мог понять, на какие же такие вопросы я могу «не так ответить». И что это такое — «не так ответить»?

После того как у немцев отбили базы, с которых запускали ФАУ, налеты закончились, и мы вернулись обратно в Лондон.

Когда я жил в «Святой Анне на море», мама, разумеется, оставалась в Лондоне и приезжала лишь по воскресеньям. За мной же присматривала мать моего одноклассника. Жил я в небольшой комнатке одного из домов прямо на берегу моря — до войны это был пансионат. По сути, я был очень самостоятельным ребенком. Меня никто не принуждал, скажем, чистить зубы или мыть руки. Я просыпался сам, выбирал одежду. Разве что легкий завтрак нам с приятелем готовила его мать. После занятий в школе мы обедали уже все вместе — и школьники, и учителя.

Я вовсю читал английские книжки, соответствующие, конечно, моему возрасту. Безусловно, читал и английские газеты. Телевидения тогда вообще не было, я любил слушать радио, особенно последние известия. Окружающие взрослые даже просили меня рассказывать после новостных передач о последних событиях на фронтах, прежде всего на наших. Поэтому я всегда был в курсе всех побед Красной армии. В школе висела карта, и мы, дети, постоянно передвигали флажки, отмечавшие наступление нашей армии. Следили мы и за наступлением войск союзников после открытия второго фронта.

В Англии во время войны широкий размах получила кампания по сбору всякого утиля — бумагу собирали, картон, но в основном, конечно, металлолом. Занимались этим и дети, причем по всей стране. Естественно, ни мы, ни наши родители не могли в этом участвовать. Но родители, помню, собирали деньги в фонд помощи, а соседи-англичане передавали через них теплые вещи, вязаные носки для наших солдат. Мы, само собой, ничего не шили и не вязали, но что-то пытались мастерить, собирали карандаши и тетрадки для отправки в Союз.

Кстати, все посылки подобного рода могли быть отправлены только морским путем, конвоем, поскольку никакого иного сообщения между Англией и Советским Союзом тогда просто и не существовало.

Вспоминаю, что после известия о нашей победе в Сталинградской битве по всей Англии развернулась кампания по сбору денег на приобретение и отправку в СССР походных аппаратов для переливания крови и рентгеновских установок. Именно тогда был получен как бы первый опыт миниатюризации этой очень громоздкой аппаратуры. Наверное, англичане знали, да и мы им подсказывали, что подобная медицинская техника была нам особенно нужна в полевых госпиталях и в освобожденных от врага районах. И они, уже по собственной инициативе, устраивали публичные символические передачи данной аппаратуры. Такие церемонии проходили, например, в помещениях кинотеатров. Приглашали и нас, школьников, поскольку считалось, что эта техника предназначалась на освобожденных территориях и для детей. Ну а мы должны были их представлять, вещая речи, заранее подготовленные и заученные. Выступали обычно трое: один мальчик, постарше меня, который хорошо знал английский, девочка, тоже старше и знающая язык, и я.

Однажды ответную дружескую встречу устроил наш посол в зимнем саду советского посольства. Накрыли столы: лимонад, пирожные, бутерброды… Однако до прихода английских школьников нам строго-настрого наказали ничего не трогать, «пока англичане не покушают». *У* нас, естественно, глаза разгорелись, мы едва дождались окончания церемонии, и стоило закрыться двери за последним английским школьником, как мы, словно саранча, накинулись на оставшиеся яства и мигом их смели.

Тогда в Англии было голодно. Так же как и у нас, действовала карточная система. Нормы были скудные. Англии даже в мирные дни приходилось закупать продовольствие за границей, что уж говорить о военном времени. Многие морские пути оказались перекрыты, в воздухе хозяйничали немцы, так что продуктов катастрофически не хватало. Но все-таки нормы соблюдались неукоснительно. Если на карточке было написано «четверть фунта масла и два яйца», вы могли быть уверены, что получите именно эти продукты и в указанном количестве. Не было никаких «рабочих», «иждивенческих», «служебных» карточек: пайки делились только на «взрослые» и «детские». Правда, существовал черный рынок. Помню, у моей мамы были «свой мясник», «свой бакалейщик», у которых можно было

прикупить продукты.

# Хочу быть переводчиком

Заграничные командировки до войны обычно длились два-три года. Но из-за того, что разразилась война, железнодорожные переезды через воюющую Европу прекратились, а морские пути стали слишком опасными, все задержались в Англии на целых шесть лет — вплоть до капитуляции Германии. Мы с мамой уехали оттуда в сентябре 1945-го.

Мы плыли пароходом через Стокгольм. Я не очень представлял, какая жизнь ждет меня впереди, но уже твердо знал, что буду переводчиком.

В Москве квартиры у нас с мамой не было, и первое время, по крайней мере год, мы жили в гостинице «Националь». Дело в том, что гостиница эта тогда принадлежала обществу «Интурист», а сам «Интурист» — Министерству внешней торговли, где и работала мама. По чисто формальному, районному признаку ближайшей школой, где я мог продолжить учебу, была 135-я мужская средняя школа в Малом Гнездниковском переулке. Туда, в пятый класс, и привела меня моя мама.

Должен сказать, что я тогда впервые надел длинные брюки. А на протяжении всего своего английского детства носил, на английский же манер, короткие штаны. Была на мне и довольно шикарная, как сейчас помню, кожаная куртка, купленная мамой в Стокгольме, по дороге из Лондона в Ленинград. В Лондоне во время войны таких купить нельзя было.

Первый удар, постигший меня в московской школе, — строжайший приказ постричься наголо. Под машинку, под ноль. Так было принято в те годы в наших мужских школах. Удар был действительно тяжелый. Я стал протестовать, что, мол, вообще в школу не пойду, но в конце концов сам же понял бессмысленность этого протеста. И меня торжественно постригли под ноль в считавшейся тогда шикарной парикмахерской гостиницы «Националь».

В школе в качестве иностранного языка преподавали английский. И с первого же дня молодая учительница поняла, что мне на ее уроках делать нечего. Приняли решение, что на занятия английским я могу не ходить. Все пять лет, вплоть до окончания школы, так оно и было. Самое большое удовольствие я испытывал, когда, согласно учебному расписанию, английский язык приходился на первый или на последний урок, ведь тогда я либо появлялся в школе на час позже, либо уходил из нее на час раньше.

***Ответ у доски. Мужская средняя школа № 135***

***Москва, 1947 год***

***В классе. Мужская средняя школа № 135***

***Москва, 1949 год***

*На первомайской демонстрации*

*Москва, 1951 год*

*Счастливые школьные годы*

***На крыше дома Нирензее***

***Москва, 1951 год***

После окончания школы в 1951 году я успешно поступил, сдав все экзамены, в Институт иностранных языков. Но и в институте я решил, что на первом-втором курсах опять «учить» английский с нуля вряд ли стоит, и попросился на французское отделение, где и проучился первые три года, одновременно по полной программе сдавая все экзамены по английскому языку. А вот после третьего курса, по чьему-то совету, я договорился о своем переводе все-таки на английское отделение. Я уже тогда подумал о будущем распределении. Мне пришла в голову мысль, что если я закончу учебу на французском отделении, то с этим языком, учитывая наши бюрократические порядки, меня и распределят, не обращая внимания на то, что мой французский, выученный за пять лет пребывания в институте, никогда не сможет стать вровень с нажитым мной естественным путем английским языком.

Однако до формального распределения дело так и не дошло. Цепь некоторых событий, отчасти случайных, привела к тому, что обо мне рассказали Олегу Александровичу Трояновскому, в то

время основному и очень известному переводчику, который работал в Министерстве иностранных дел, в секретариате министра. К тому моменту он уже тяготился своей переводческой нагрузкой, хотел перейти на нормальную дипломатическую работу и искал себе замену. Я был приглашен на беседу к нему, он устроил мне нечто вроде экзамена: поговорил со мной по-английски, предложил перевести какой-то материал с русского на английский, с английского на русский. А затем, как я позже узнал, переговорил с тогдашним первым заместителем министра иностранных дел Василием Васильевичем Кузнецовым, который и дал команду, чтобы меня после института направили в МИД. Где я и оказался — в Бюро переводов.

Так что Олега Александровича Трояновского я и по сей день считаю своего рода крестным.

Кому-то может показаться, что профессия переводчика более прозаична, менее остра и романтична, нежели работа летчика, которым я хотел стать в раннем детстве. Будущее показало, что это не так.

# Никита Хрущев

# И звездный час, и полное забвение

О Хрущеве написано много. И сегодня его продолжают вспоминать достаточно часто по разным поводам в связи с целой эпохой, в течение которой он находился на вершине власти, — эпохой, начавшейся в марте 1953-го.

Я пришел на работу в МИД уже после исторического поворота в биографии нашей страны. Я имею в виду доклад Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, где он развенчал Сталина. Текст этого, считавшегося секретным, доклада зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях.

В определенной степени это был звездный час Хрущева. Хотя с позиций сегодняшнего дня можно по-разному относиться к мотивам, которые его побудили проявить такую взрывную инициативу и незаурядную, по крайней мере так тогда казалось, смелость.

А меньше чем через год он одержал новую победу. Изгнав из политической жизни основных своих соперников, бывших соратников самого Сталина — Молотова, Маленкова, Кагановича и человека с самой длинной фамилией, как шутили тогда, — «Примкнувшегокнимшепилова», Хрущев, по сути дела, стал действительно единоличным руководителем страны.

Утвердившись, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно демонстрируя свою открытость, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.

То же самое он активно выносил и на международную арену. Частые поездки Хрущева за рубеж открыли его, а вместе с ним и все наше государство, миллионам людей. Советский Союз предстал перед миром в новом облике сверхдержавы — могучей, грозной, но в то же время готовой вести диалог, искать пути к сотрудничеству и договоренностям по самым острым вопросам.

Таким образом, авторитет Хрущева, его престиж возрастали и внутри страны, и за рубежом. Но это, как оказалось, имело и оборотную сторону. Сам Хрущев постепенно стал меняться.

Довольно часто находясь рядом с ним, я был невольным свидетелем этого процесса. Он поддался соблазнам того самого культа личности, против которого на первых порах так яростно боролся. Этому в немалой степени способствовали усилия его окружения, тех людей, которых он привел во власть, наделив всеми благами «королевской свиты». Немалую роль сыграла здесь и могущественная пропагандистская машина, всепроникающий

партийный аппарат.

Было заметно, как под влиянием всех этих факторов Хрущев в конечном счете уверовал в свою всесильность, всезнайство, всемогущество, непогрешимость.

Я наблюдал не раз, как он все больше становился нетерпимым к чужому мнению, как попытки вести какой-то диалог с ним на основе аргументов, убеждения, доказательств постепенно стали пресекаться самим Хрущевым, когда ему недоставало аргументов. Об этом, несомненно, речь еще впереди в моем повествовании.

А закончилось все тем, что именно соратники Хрущева, те, кто, по сути дела, инициировали и создали образ Хрущева-руководителя, Хрущева непогрешимого, сговорившись, в одночасье превратили его в ничто. Причем так, что даже упоминать фамилию Хрущева почти два десятка лет было запрещено. И когда писали историю страны, вспоминая о каких-то достижениях и успехах хрущевского десятилетия, умудрились ни разу не назвать того, кто стоял в эти годы во главе партии, а значит, и государства.

Мысленно окидывая взглядом весь тот период, когда мне часто приходилось в своем профессиональном качестве находиться рядом с Хрущевым, могу сказать, что лично я не испытывал каких-то негативных проявлений его бурного и непредсказуемого характера. Я ощущал, что, может быть, в одном Хрущев не изменял себе: он умел оценить профессиональную работу людей, с которыми общался. И если, по разумению Никиты Сергеевича, человек делал свое дело на профессионально высоком уровне, то и сам он относился к такой работе, а стало быть, и к такому человеку позитивно, по-доброму, уважительно. Никогда, ни разу на меня, например, Хрущев не повысил голоса, не сделал мне никаких замечаний, кроме разве что полушутливых и уж, во всяком случае, необидных. Такое отношение ко мне он сохранил и после ухода в политическое небытие. В своих воспоминаниях, о самом факте появления которых существует целая история, с тайнами и полудетективным сюжетом, Никита Сергеевич счел возможным и меня упомянуть. Причем с большой теплотой и уважением — за высокий профессионализм и отменные переводческие способности.

В этом разделе, посвященном воспоминаниям о Хрущеве, читатель, разумеется, найдет и такие эпизоды, где Никита Сергеевич предстает в неприглядном виде. Но я все-таки в конечном счете всегда буду вспоминать о Хрущеве-человеке с теплым чувством, с уважением.

# «Ожившие портреты»

Впервые я увидел Хрущева в 1956 году, без малого через месяц после поступления на работу в Бюро переводов МИДа. Вначале в мои обязанности входил в основном письменный перевод разных документов, посланий, нот и тому подобного.

Дальше — больше. Мне стали поручать перевод бесед замминистра иностранных дел с послами и другими представителями иностранных государств. Потом пошел в гору — переводил выступления, беседы высших руководителей государства.

После смерти Сталина новая «команда», наверняка под влиянием Хрущева, решила проявлять гораздо большую открытость: руководители страны стали чаще появляться на людях, общаться с иностранцами. И как нередко это у нас бывает, начали перебарщивать. Даже на рядовых приемах в посольствах стали появляться члены Президиума ЦК и другие высокопоставленные лица. В начале зимы, помнится, отмечали национальный праздник Албании. Здание посольства было небольшим, и поэтому прием албанцы решили устроить в гостинице «Метрополь». Через протокольный отдел МИДа к нам, в Бюро переводов, поступила заявка: сколько и каких переводчиков требуется.

Послали и меня. Приехали мы к самому началу приема. Гости постепенно собирались. Вдруг широко раскрылись двери. Вспыхнули софиты. Застрекотали кинокамеры. Все повернулись к входящим в зал.

Никогда не забуду этот момент. В зал входили «ожившие портреты» — люди, которых я с детства привык видеть на полосах газет, на плакатах, висящих на фасадах зданий, во время демонстраций.

Хрущев, Маленков, Каганович, Молотов, Микоян.

Вот они — в трех метрах от меня…

Первое впечатление — все они одинаково невысокого роста. Все сверх нормы упитанны, за исключением, пожалуй, довольно худощавого Микояна. В одинаковых костюмах — темно-серого цвета, белых рубашках и с какими-то незапоминающимися галстуками.

Они прошли в зал, где были накрыты столы.

И началась моя работа. Иностранные дипломаты стремились хоть на короткое время завладеть вниманием кого-нибудь из наших руководителей, завести беседу. Каждый дипломат не просто вел разговор, а «набирал материал», чтобы в тот же вечер

отослать шифровку своему руководству, что сегодня, мол, имел беседу с таким-то и он мне сказал то-то и то-то. В те годы открывалось широкое поле деятельности для иностранных дипломатов. В Москве, в прошлом одной из самых закрытых столиц мира, они теперь могли несколько раз в неделю (посольств было много, праздников — еще больше) встретиться и даже побеседовать с высшими руководителями страны. В других государствах приемы в посольствах по случаю национальных праздников из высшего руководства в лучшем случае посещает министр иностранных дел. Обычно приглашают представителей общественности, ученых, деятелей культуры, да и тех приходит гораздо меньше, чем разослано приглашений. Есть даже неписаный закон протокола: если хочешь, чтобы был полный сбор, приглашений надо разослать раза вдвое больше, чем планируется гостей.

Получилось так, что в этот свой первый день мне пришлось сразу же переводить продолжительную беседу Никиты Сергеевича с Поверенным в делах Индии. Индиец был весьма активным дипломатом, очень говорливым, ему надолго удалось завладеть вниманием Хрущева. Впрочем, Хрущев с интересом его слушал, охотно отвечал на вопросы. Был он в хорошем настроении, вел себя раскованно, шутил. Видно, уже привык общаться с иностранными дипломатами. Правда, его юмор показался мне чересчур простецким, как и сама манера вести разговор. В общем, первое впечатление — Хрущев хороший, нормальный мужик. И совсем нестрашно его переводить.

Вот таким было мое боевое крещение.

Что же касается «оживших портретов», то и они мне на том приеме открылись с неожиданной стороны — доступные, улыбчивые, общительные.

Мне было двадцать три года, и я еще способен был идеализировать многое, восхищаться многими. Хотя прошел уже XX съезд партии и содержание доклада Хрущева я знал.

На следующий день — снова прием, на этот раз в посольстве Югославии. И снова я рядом с Хрущевым. Правда, сам прием я плохо помню, как и многие другие приемы, встречи, беседы, на которых мне пришлось присутствовать. Ничего не записывал. В молодые годы не думаешь, что когда-нибудь сядешь писать мемуары…

Встречи с сильными мира сего стали просто работой. Со временем я уже стал почитать за счастье, когда меня не посылали вечером на очередной прием и я мог, как все люди, после рабочего дня идти домой.

На этих довольно частых приемах мне доводилось переводить

в беседах с иностранцами Молотову, Маленкову, Кагановичу и моему тогдашнему министру Шепилову. Но недолго. Менее чем через год все они лишились своих высоких постов.

На одном из приемов — в английском посольстве на Софийской набережной — я был рядом с Маленковым. Он разговаривал с послом Великобритании, и тот поднял бокал за здоровье советского руководителя. Маленков в свою очередь выпил за здоровье посла. Потом они выпили за здоровье королевы. Маленков обернулся ко мне:

— Ну что же, давайте теперь выпьем за ваше здоровье.

«Вот, — подумал я, — какие у нас, однако, человечные руководители».

А через несколько месяцев Маленкова назначили директором Усть-Каменогорской ГЭС. Перевели на другую работу, так сказать.

# Херст-младший и байка о разбойниках

Первая моя по-настоящему сложная работа — телевизионное интервью Никиты Сергеевича Хрущева радиотелевизионной компании «Си-би-эс». По тем временам чрезвычайно ответственное мероприятие. Так получилось, что я попал в кадр, потому что сидел в центре: слева от меня — Хрущев, справа — американцы. Моя задача состояла в том, чтобы переводить с английского на русский вопросы Хрущеву. А Олег Трояновский сидел у микрофона в проеме между двойными дверями кабинета и синхронно переводил ответы Хрущева американцам, которые слушали его через наушники. Таким образом, я делал менее сложную часть работы, но вместе с тем достаточно основательную.

Хрущев всегда придавал огромное значение средствам массовой информации зарубежных стран. Он до конца своих дней был глубоко убежден в том, что пролетариям всех стран действительно необходимо объединиться. А не объединяются они потому, что этому мешают происки империалистов, и до простых людей, до пролетариев, не доходит слово правды. Он был обуреваем идеей донести это слово правды до трудящихся всех стран. И тогда-то они начнут наконец объединяться. Он охотно давал интервью и часами, не жалея времени, беседовал с журналистами. Именно поэтому неизменно ставил условие, чтобы интервью публиковались полностью, без каких-либо сокращений.

Охотников до интервью с Хрущевым из самых читаемых, самых популярных газет и телекомпаний было очень много. И они вынужденно мирились с таким его подходом. Слово Никиты Сергеевича летело на Запад.

Для пользы дела он с легкостью давал обещания журналистам без промедления предоставить переводы полных текстов своих высказываний. Для меня же это означало, как правило, очередную бессонную ночь.

Помню интервью, которое состоялось у Хрущева с Уильямом Херстом-младшим, сыном владельца крупнейшей газетно-издательской империи США «Херст ньюспейперс», легендарной личности, одного из королей средств массовой информации. Я впервые так долго работал — интервью длилось что-то около четырех часов. Хрущев сразу сказал: «Сколько нужно, столько я вам времени и уделю». Херст и два других сопровождавших его журналиста не могли поверить собственному счастью. Но опять же, как всегда, было поставлено условие: публикация интервью полностью, без купюр. Надо сказать, что вопросы

формулировались корректно, хотя и остро, и ни один из них не вывел Хрущева из себя. В меру своего понимания Никита Сергеевич на все вопросы давал исчерпывающие ответы. Считая, видимо, про себя, что он просто ведет курс ликбеза с этими «безграмотными капиталистами».

Когда заранее заготовленные вопросы иссякли, журналисты стали выдумывать на ходу самые неожиданные. Помню один — об отношении коммунистов к религии. Вы, мол, коммунисты — атеисты, а как быть тогда со множеством людей во всех странах, которые верят в Бога? Хрущев пустился в рассуждения на эту тему:

«Вот читал я еще в юношеские годы один рассказ. Не помню, правда, чей. И там была изложена такая история. Шел путник по дороге. Его подкараулили разбойники. Двое. Напали на него и убили. Забрали все пожитки путника и ушли. Шли-шли, устали и решили сделать привал, а заодно и посмотреть, что в котомке убитого имеется. Нашли кусок сала. Один вытащил нож и начал это сало резать. Сейчас, думает, закусим. А второй и говорит: “Нельзя сегодня. Сегодня пятница — день постный”. Вот вам и вся религия: человека зарезали, а мясное есть не стали — религия-де запрещает».

Он еще долго говорил о религии, вспоминал, сколько людей погибло во времена Крестовых походов. И даже сказал такую фразу, которую я запомнил дословно: «Так что же, и мы должны воевать за один гроб, чтобы множеством гробов устилать мир?!» У него часто проскальзывали подобные образные выражения.

Наконец показавшееся мне бесконечным интервью завершилось, и Хрущев пообещал передать его полный перевод Херсту. Тот, естественно, обрадовался. А я приступил к работе. Сидел всю ночь, расшифровывал свои записи. Потом в нашем Бюро переводов мы все коллективно переводили на английский текст. На беседе присутствовал тогдашний завотделом печати МИДа Леонид Ильичев. Когда он и Хрущев прочитали расшифрованный текст интервью, то они решили, что надо назвать имя автора рассказа, того самого, о путнике и двух разбойниках.

Хрущев не смог вспомнить ни фамилию автора, ни название рассказа. И тогда было дано задание Институту мировой литературы, Пушкинскому Дому в Ленинграде и, кажется, Союзу писателей по переданному Хрущевым сюжету найти рассказ. Двое суток работали наши институты. Известные литературоведы пытались найти его. И не нашли. Фамилия автора и само произведение остались неизвестны. В данном случае никаких «оргвыводов» не последовало — период был еще «оттепельный».

Так никто и не узнал, что за рассказ читал в юности Хрущев. И уж конечно, осталось тайной, читал ли он его вообще.

# У нас в гостях Уолтер Липпман

Хрущев обычно отдыхал в Пицунде в августе. Любил это время года. Черное море, вековая сосновая роща, три новые дачи в этом раю — все радовало глаз, все располагало к хорошему отдыху. Но и здесь, можно сказать, покой ему только снился. Приглашал к себе журналистов, встречался с партийными руководителями разных республик и стран. Встречи эти у многих его гостей надолго остались в памяти.

Однажды мы вместе с заведующим отделом печати МИДа Михаилом Харламовым сопровождали к Хрущеву в Пицунду знаменитого американского журналиста Уолтера Липпмана с супругой. К тому времени он был уже весьма пожилым человеком.

Самолетом мы прибыли в Адлер, ночевать предстояло в Сухуми. Те, кто бывал в тех местах, знают, что от Адлера до Сухуми путь немалый. Встречал нас в аэропорту Адлера первый секретарь обкома партии Абхазии М. Бгажба, по-кавказски очень хлебосольный, большой знаток и любитель застолий. Он сразу сообразил: человек приехал из Америки брать интервью у самого Хрущева, значит, надо его принять по высшему разряду.

Липпман был уникальной личностью. Не пойди он в журналистику, из него мог бы получиться выдающийся политический деятель. К его словам в печати внимательно прислушивались многие серьезные люди, включая самого президента.

И вот едем мы из Адлера. Первая остановка — в Гагре. Заехали в ресторан «Гагрипш». Там нас, оказывается, уже ждали первый секретарь горкома и другие руководители этого курортного города. И пошло-покатилось кавказское застолье. Липпман был смущен. Как он ни отказывался, хозяева не сбавляли напора, произносили такие слова, что проигнорировать очередной тост не было никакой возможности. Пили за Хрущева, пили за Липпмана, за его жену, родителей, за весь американский народ, за солнце, за море… отказаться не смог бы и менее вежливый гость. Липпман все пытался объяснить, что впереди у него серьезная работа, но его, конечно, никто не слушал.

Часа через два поехали дальше. Но по дороге в Сухуми почему-то остановились в красивейшем ущелье, где расположен ресторан «Эшера». Кто бывал там, видел пацху (плетеный домик), где прямо на углях готовится мамалыга, к потолку подвешено копченое мясо молодого барашка, а из больших глиняных кувшинов наливают ароматное вино «Изабелла». Мягкое, как правило, молодое вино бьет в голову не меньше старого. К тому

же наливают его в глиняные конусообразные бокалы, которые не поставишь на стол до тех пор, пока содержимое не будет выпито. Бедный Липпман. Мне было его искренно жаль. Но он держался молодцом.

В Сухуми нас поселили в центральной гостинице. И тут же сказали Липпману, чтобы он отдохнул часа три, а потом — легкий ужин в ресторане «Амра», который находится на пирсе, прямо в море. Липпман уже вяло отнекивался. Только попросил, чтобы ужин был очень легкий. Его заверили, что так и будет. И вот через три часа мы появились в ресторане, где собралась уже вся власть Абхазии. И стол, конечно же, был накрыт по полной программе. Мало того, добавился еще и ансамбль песни и танца. Начался концерт. И снова тосты, снова вино…

В какой-то момент я всерьез испугался за патриарха американской журналистики — выдержит ли его организм — и сказал первому секретарю, что завтра у нас неблизкая дорога в Пицунду, а затем продолжительный разговор с Хрущевым. Лишь после этого Липпмана оставили в покое. Но наутро опять все сначала. Стол снова ломился от яств. Тут уж Липпман не выдержал, запротестовал.

С грехом пополам мы выбрались оттуда и уехали в Пицунду.

Липпман довольно быстро оправился от безудержного гостеприимства, встреча с Хрущевым состоялась.

Хрущев вел себя как радушный хозяин, чувствовалось, что он основательно подготовился к беседе, понимал, какого калибра журналист к нему пожаловал. Липпман, само собой, не обманул этих ожиданий. В детали вдаваться не буду — текст интервью тогда полностью опубликовали в нашей печати. Замечу лишь, что разговор был на редкость серьезным и, я бы сказал, всеобъемлющим, глобальным. Липпман остался доволен и уже с юмором вспоминал о гастрономических излишествах прошедших суток. Хрущев же весело реагировал на рассказ Липпмана о его злоключениях на гостеприимной кавказской земле и, улыбаясь, разводил руками: что поделаешь, такие люди, такие здесь обычаи!

# Дрю Пирсон

А через год я сопровождал в Пицунду другого известного американского журналиста, Дрю Пирсона.

В то время я был вынужден уходить в отпуск тогда, когда уезжал в отпуск Хрущев, — обычно в августе. При этом мне следовало оставлять точные координаты своего местонахождения. С легкой руки Уолтера Липпмана я сблизился с первым секретарем обкома Бгажбой и, пользуясь его приглашением, несколько лет подряд отдыхал в Сухуми. Мы с женой жили в пансионате. Ходили на так называемый обкомовский пляж. Благоустроенный, чистый, всегда безлюдный. Известно, что те, кто живут у моря, в нем почти не купаются, и мы на пляже часто бывали одни.

И вот в один прекрасный день — это было в самом конце нашего отпуска — прямо на пляже появился посыльный и сообщил, что мне надо срочно позвонить по спецсвязи в Москву Юрию Жукову — тогдашнему председателю Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами. Я быстро собрался, поехал в местный КГБ (именно оттуда был гонец) и позвонил. Жуков сказал, что Никита Сергеевич согласился дать интервью Дрю Пирсону и последний через день-два вылетает в Пицунду, а мне нужно к его приезду быть там.

Я, разумеется, принял указание к исполнению, но смущало одно обстоятельство: как оставить жену в одиночестве в этих южных краях, известных своими темпераментными мужчинами? Я поделился опасениями с Жуковым, и мне показалось, что тот правильно понял меня. Он велел перезвонить через полчаса. Что я и сделал. Жуков сообщил, что по моему поводу у него состоялся «очень важный» разговор с Пицундой. И Хрущев дал команду явиться мне к нему вместе с женой.

В назначенный день и час у подъезда стояла машина и мы отправились в аэропорт, где благополучно встретили Пирсона, а затем прямиком укатили в Пицунду, так что история с Липпманом не повторилась.

Хрущев предложил Пирсону переночевать в одной из своих трех дач. В центральной, с бассейном, жил сам Хрущев, в другой — его помощники, а третью предоставили Дрю Пирсону с супругой. Мы с женой поселились там же.

Дрю Пирсон после беседы с Хрущевым сразу сел за пишущую машинку и стал выстукивать текст. Хрущев, как обычно, выказал желание ознакомиться с текстом интервью. Утром Дрю Пирсон вручил мне его, и я поспешил с ним на дачу, где жили

помощники Хрущева — Лебедев, Трояновский и другие. Там, прямо с листа, я продиктовал стенографисткам перевод. Хрущев несколько раз звонил с центральной дачи, торопил меня. Когда текст был готов, помощники кое-что в нем начали править, прояснять высказывания Хрущева по некоторым международным вопросам. Звонки с главной дачи не прекращались. Я сказал:

— Вам-то хорошо, вы сидите и правите, а я должен буду сейчас явиться пред светлы очи. И на меня падет гнев за задержку.

Тем не менее все, что нужно, было исправлено, странички перепечатаны набело. Я схватил текст и помчался на главную дачу.

Хрущев и приехавший к нему Микоян сидели в столовой, пили чай.

Никита Сергеевич, покачав головой, сказал:

— Ну что же так долго-то, Суходрев? Я-то думал, ты — украинец, а оказался турок!

Я понял его интонацию. Наверняка он имел в виду эдакого медлительного, сонного басурманина. А почему украинец — рассказ впереди.

Я отвечаю:

— Хотел кое-что уточнить у помощников.

— А-а, значит, еще и помощнички приложили руку? Ну не могут без этого! — бурчал он, читая интервью. Но тем не менее проделанной работой остался доволен.

Затем с текстом, в который были внесены хрущевские поправки, я отправился к Пирсону. Американский журналист принял их без возражений.

Вечером Пирсон отбыл в хорошем настроении, о чем я и доложил Хрущеву, а сам по его предложению остался еще на одну ночь.

# Прогулка в Крым

Утром Хрущев собрался на пляж, предложил мне составить ему компанию. Я, конечно, не отказался. Надо сказать, он очень любил плавать. Несмотря на свое грузное тело, легко и подолгу плавал своеобразным брассом. А если море штормило, перебирался в бассейн.

Пошли мы к морю. Плывем. Хрущев говорит:

— Слушай, я завтра собираюсь поехать в Крым. Там отдыхает президент Ганы Кваме Нкрума. Давай-ка со мной поедем. А оттуда я в Москву. И тебя захвачу. У тебя когда отпуск кончается?

Я отвечаю:

— Послезавтра мне уже надо быть на работе. Да и вещи все я оставил в Сухуми.

— Ну, я думаю, мы Андрея Андреевича уговорим, — заверил меня Хрущев. — Пару деньков добавит. А насчет вещей — дам команду, там все упакуют и привезут.

На том и порешили.

Но, узнав о поездке в Крым, неожиданно взбунтовалась жена: как это, мол, чужие люди будут собирать по всему номеру ее вещички!

Словом, пришлось мне самому нестись в пансионат, в спешке упаковываться и мчаться обратно, в Пицунду.

Хрущев решил отправиться в Крым морским путем. Потому что для него был построен какой-то новый катер, очень быстроходный и мощный, и он хотел его опробовать. Перспектива морской прогулки меня, конечно, обрадовала. Катер роскошный: белоснежный, с удобными каютами, обставленными мягкой мебелью, просторной палубой с шезлонгами и тому подобным.

Хрущев сказал, что до Сочи поедет на машине: по дороге собирается совершить «наезд» на какой-то колхоз, посмотреть новый санаторий. Он очень любил такие «наезды». Так что до Сочи, где была запланирована ночевка, мы плыли без Никиты Сергеевича, вместе с его маленьким внуком Ванечкой.

Хрущеву очень повезло, что не отправился с нами. Только мы вышли за пределы пицундской бухты, как появились белые барашки, а потом пошла сильная волна. Начало укачивать. Катер, сконструированный на базе торпедного, шел на высокой скорости, но это лишь усиливало болтанку. Маленькому Ванечке стало плохо. Как, впрочем, и моей жене. И ничем помочь нельзя было. Когда сошли с катера в Сочи, мои спутники были зеленого цвета.

В порту собралась толпа зевак: такого красивого катера

никому не доводилось видеть. Да еще подъехало несколько «Чаек». Тоже невидаль для тех лет.

Мы отправились на сочинскую госдачу. Вскоре туда приехал Никита Сергеевич. Узнав о состоянии внука и моей жены, а также ознакомившись с прогнозом погоды, он решил отказаться от морской прогулки и вызвал спецсамолет. Я получил от адъютантов информацию, что в таком-то часу Никита Сергеевич ждет всех на ужин. Жена моя сказала, что даже думать о еде не может.

Вдруг через несколько минут раздается стук в дверь и входит Никита Сергеевич.

— Ну, где тут наша морячка? — спрашивает, улыбаясь.

— Никита Сергеевич, по-моему, я умираю, — отвечает моя жена.

Хрущев еще веселее:

— Ничего подобного. Считайте, что я вам даю приказ — подняться и через десять минут быть за столом. Обещаю, что все будет хорошо. Рюмочка коньяка с лимоном — и все образуется, вы меня еще благодарить будете.

Знаете, подействовало. Жена привела себя в порядок, поднялась, выполнила приказ насчет рюмочки с лимоном — и все как рукой сняло.

Да, действительно, такое не забывается: стук в дверь — входит Никита Сергеевич, приветливый, заботливый…

На следующий день уже самолетом мы отправились в Крым, в Ялту. Там, в Ореанде, нас поселили на так называемой первой даче. Первая — соответственно для первых лиц государства. Это был большой особняк сталинской архитектуры, пышно обвитый диким виноградом. Построили его давно. Сталин здесь никогда не бывал, потому что вообще не любил жить у моря. Все дачи, предназначавшиеся для него, даже в той же Ялте, как правило, строились в горах. А Хрущев, напротив, очень любил отдыхать именно у моря. Дача была трехэтажной, белокаменной, с несколькими верандами, на которых летом, в хорошую погоду, подавали обед и ужин.

Окна нашей спальни на третьем этаже выходили на небольшую террасу-солярий, где по утрам Хрущев вместе со своим инструктором делал зарядку. Ходил, приседал… Прямо как в санатории. Только что без аккордеона. Было, конечно, забавно смотреть на его фигуру в длинных синих трусах и майке. Никита Сергеевич исправно выполнял упражнения. Нашу дверь и окна прикрывала полупрозрачная сетка от насекомых, и он не замечал, как мы поглядываем на него.

# Куда смотрела охрана?

В те дни произошел один курьезный случай.

Когда на даче находился Хрущев, то помимо его личной охраны по всему периметру дачного участка дежурили специальные подразделения охраны из местной службы безопасности. Естественно, все было обнесено стеной, хотя и не очень высокой. Казалось — место неприступное.

У Хрущева был довольно твердый распорядок дня. С самого утра, как я уже говорил, зарядка, потом массаж в пляжном домике, затем морское купание и, наконец, завтрак.

Мне посоветовали ходить купаться, когда Хрущев находится на массаже, потому что сразу после него он купается и немедленно идет переодеваться и завтракать, а опаздывать к столу не положено. Так поступали и его домочадцы.

Хрущев не любил, когда охрана постоянно торчала перед глазами, говорил, что и без нее все хорошо охраняется, и отсылал подальше от себя. Поэтому, если Никита Сергеевич находился на пляже, телохранители дежурили на расстоянии примерно семидесяти — восьмидесяти метров от него, под навесом.

В тот день все было как обычно. Хрущев после купания направился к дому, шел не спеша. За ним, метрах в десяти, следовал телохранитель. А мы — чуть дальше. Пляж кончился. Началась асфальтовая дорожка. Справа — довольно крутой откос, уходящий вверх метров на тридцать. На нем — кустарник, за которым виднелся каменный забор. И вдруг, я просто оцепенел, сверху, по этому откосу, что-то покатилось. И это «что-то» было человеком. Мужчиной. Он кубарем, поднимая облако пыли, скатился буквально к ногам Хрущева. Поднялся и начал что-то доставать из кармана.

Это был конверт. Мужчина начал что-то торопливо говорить. Я увидел, что Хрущев спокойно стоит и слушает его. Но тут подбежали охранники, схватили мужчину и увели.

Позже, во время завтрака, Хрущев с невозмутимым видом рассказывал об этом инциденте присутствующим. По его словам, тот мужчина просил принять какое-то прошение, но письмо у него Хрущев не взял, потому что тот сделал все не по правилам, не по закону. Оказывается, мужчина этот и с ним еще две женщины приехали откуда-то издалека, сумели перелезть через каменный забор, притаились в кустах и ждали там до утра, пока не появился Хрущев.

Вот вам и хваленая охрана. Вся эта система оказалась легко преодолимой даже для обычных мирных людей. Охране, конечно,

тогда крепко досталось. Наверняка были предприняты и какие-то меры по ее усилению.

# Кваме Нкрума и совещание на лужайке

Как я уже говорил, в Крыму, в Мухолатке, отдыхал Кваме Нкрума, один из крупных, наряду с Неру, Насером, Сукарно, лидеров Движения неприсоединения. Он отдыхал с женой и двумя детьми. В эти же дни в Крым были приглашены первые руководители соцстран Восточной Европы. Был запланирован дружеский обед под открытым небом на бывшей даче Сталина, которая находилась на горе. Хрущев хотел провести товарищескую встречу — обмен мнениями, встречу друзей, так сказать. Но прежде он решил повидаться с Кваме Нкрумой.

Отправились мы на пограничном катере вдвоем. Устроились на корме в плетеных креслах. Через полчаса пришли в Мухолатку.

Кваме Нкрума был видным деятелем. Видным не только с точки зрения политического веса, но и физически. Высокого роста, атлетически сложенный, с типично африканскими чертами лица. По-английски говорил прекрасно, это был его второй родной язык. Нкруму сопровождала жена-египтянка, смуглая, но намного светлее, чем он сам. Дети у них получились — глаз не оторвать: кожа цвета кофе с молоком, красивые, хорошо воспитанные, приветливые, раскованные. Маленького сына звали Гамаль — в честь Насера.

У политиков произошел весьма обстоятельный разговор. Никита Сергеевич говорил о том, какими ему видятся задачи Движения неприсоединения. Вскоре должна была состояться встреча в верхах представителей этого Движения, и он надеялся, что Нкрума донесет его мысли до остальных участников форума. Кваме Нкрума сказал, что мысли Хрущева кажутся ему очень ценными, и пожелал получить основные положения высказываний Хрущева в письменном виде на английском языке. Тот с готовностью пообещал, что все будет сделано, при этом указал на меня.

Несколько забегая вперед, отмечу, что политическая карьера Нкрумы была на исходе. Во время его визита в Китай на родине политика произошел военный переворот, и он был свергнут. Остаток жизни он провел в изгнании. По-моему, в Египте, у родственников своей жены.

Однако тогда, в Крыму, этого никто не мог предположить. Хрущев пригласил его на встречу с руководителями братских стран. Нкрума, конечно, был польщен и с благодарностью принял приглашение.

Когда вернулись в Ялту, я засел расшифровывать запись беседы. Но возникла одна чисто техническая проблема: нужна

была печатная машинка с латинским шрифтом. Начались поиски. В Крымском обкоме такой машинки не оказалось. В Ялтинском горкоме и горисполкоме тоже. Тогда я вспомнил о вездесущем «Интуристе». И естественно, она там была. Так что Кваме Нкрума хрущевские изречения получил.

На обеде с братскими руководителями я сидел рядом с Кваме Нкрумой и переводил ему все, о чем говорилось.

Собрались высокие гости — Владислав Гомулка, Тодор Живков, Янош Кадар и другие. С нашей стороны присутствовали Хрущев, Микоян, Козлов и Фурцева. Тамадой назначили Микояна, по национальной принадлежности. Анастас Иванович с энтузиазмом принял на себя эту обязанность, произносил тосты с истинным, кавказским, знанием дела. Затем стали выступать по очереди гости. Почти все говорили по-русски, кроме, пожалуй, Яноша Кадара. Помню, Гомулка в своем выступлении высказывал не совсем стандартные мысли о путях дальнейшего развития социализма. Настолько нетрафаретные, что Хрущев начал проявлять некоторое беспокойство и даже перебивать Гомулку. Называл он его при этом по старой партийной кличке — «Веслав».

Думаю, что мой «клиент» Кваме Нкрума вряд ли разбирался во всех тонкостях данной «политической интриги». Поэтому, когда ближе к концу банкета Микоян, с подачи Хрущева, предложил выступить африканскому гостю, мой сосед, наклонившись ко мне, спросил, о чем же ему следует говорить в такой компании. Я высказал предположение, что присутствующим, наверное, было бы интересно послушать рассказ видного африканского лидера о положении дел в Движении неприсоединения. Нкрума так и поступил. Мне показалось, что со своей задачей он справился. Не знаю, правда, насколько это было интересно собравшимся.

В общем, все говорили свободно, какой-то плюрализм мнений все-таки был.

А весь мир в очередной раз узнал, что и на отдыхе наш лидер не сидит сложа руки, ведет активную борьбу за мир, прогресс и дальнейшее сплочение мировой системы социализма.

К слову сказать, и в брежневскую эпоху продолжалась практика проведения советским вождем в отпускной период «важных встреч» с иностранными деятелями. Но они проходили на индивидуальной основе, и, пожалуй, единственным их итогом были многословные сообщения в нашей печати.

Через день вместе с Хрущевым я улетел домой, в Москву.

Отпуск мой увеличился на пять суток. Я немало поработал, настроение было отличное. Была и малая радость: сэкономили с женой на обратные билеты.

# Хрущев в осаде

Я уже говорил, что Хрущев часто встречался с журналистами, любил с ними беседовать. При каких-то острых или, по его мнению, враждебных вопросах мог вспылить, повысить голос. Активно жестикулировал, грозил кулаком. На вопросы, казавшиеся ему доброжелательными, отвечал спокойно, иногда со свойственным ему народным юмором. Все его визиты за рубеж обязательно завершались проведением большой пресс-конференции, на которую съезжались корреспонденты из многих стран. Если их вопросы ему нравились, то нередко ответы на них превращались в многословные лекции. Вещал о близком воцарении коммунизма, предрекал, что мы «догоним и перегоним Америку» и тому подобное.

Вспоминается поездка Хрущева в США в 1960 году, проходившая на фоне резкого обострения советско-американских отношений в связи с разведывательным полетом американского самолета-шпиона «U-2» над нашей территорией. Самолет нам удалось сбить над Свердловском, а его пилот Пауэрс предстал перед судом. Разгорелся грандиозный скандал. Президент Эйзенхауэр, который знал лишь в общих чертах о программе разведывательных полетов, взял всю вину на себя и заверил, что больше таких полетов не будет. Однако предстоящий визит Эйзенхауэра в СССР был отменен. Кстати, с нашей стороны были потрачены гигантские средства на организацию его приема — на берегу Байкала выстроили большой особняк, подвели дороги к нему, коммуникации и так далее.

Эйзенхауэр не приехал, а Хрущев решил отправиться в Нью-Йорк, на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Разумеется, желая «в логове врага» высказать всю правду о нашей стране и, конечно же, о том, что он думает о коварстве США и человека, которого еще год назад называл «май френд».

Американские власти, учитывая резкое ухудшение отношений и полагая, что Хрущев будет использовать любую возможность для публичной критики американского руководства, неофициально, я бы сказал, намекали руководителям и владельцам основных средств массовой информации не делать Хрущеву паблисити: не предоставлять ему трибуны для выступлений, не брать у него интервью, освещать его пребывание в стране только в общих чертах.

Это чувствовалось: журналисты не рвались к нему, а всего год назад от них отбоя не было, газеты и телекомпании словно забыли, кто он такой. Хрущев оказался как бы взаперти. Жил он в

здании нашего постпредства при ООН, довольно старом особняке в сердце Манхэттена, на Парк-авеню. Но выйти погулять было нельзя по соображениям безопасности. Хрущев метался по комнатам как тигр в клетке.

Однако журналисты все-таки хотели задать свои вопросы Хрущеву и стали появляться у входа в особняк, за полицейскими барьерами, вооруженные блокнотами и фотокамерами, ожидая его выхода из дома.

Как-то Хрущев томился в большом зале, который использовался для обедов и приемов, и увидел через застекленную дверь, ведущую на балкон, этих журналистов. Он подошел к двери и спросил, нельзя ли ему хоть на балкон выйти — воздухом подышать. Охрана без особого энтузиазма разрешила.

Открыли дверь, и Хрущев вышел на балкон. Я, естественно, был рядом с ним.

Журналисты оживились. Объективы моментально нацелились на него. Посыпались вопросы. Хрущев повеселел. Наконец-то появилась аудитория. Он с огромным воодушевлением начал отвечать на вопросы журналистов. Стоя на балконе, вещал, распаляясь все сильнее и сильнее. Прохожие с большим интересом наблюдали за этой необычной сценой. На улице, как обычно, сновали автомобили. Помню, проезжавшие мимо на машинах выкрикивали «Бу-у!», что у американцев означает неодобрение. Никита Сергеевич улыбался, грозил им кулаком и отвечал таким же «буканьем». В общем, началось представление вполне в стиле Хрущева.

Микрофонов в тот день не было, но на следующий журналисты вооружились микрофонами на длинных шестах. Хрущев, нимало не смущаясь, что его не понимают, говорил очень громко, то же самое приходилось делать мне. В буквальном смысле кричать, чтобы перекрыть шум улицы. Хрущеву это понравилось. И потом каждый раз, когда у него выпадала свободная минута, он, обращаясь ко мне, говорил: «А ну-ка, пойдем, подышим воздухом, если это здесь, в Нью-Йорке, можно назвать воздухом. Заодно и поболтаем с ребятами». Для Никиты Сергеевича балкон стал своеобразной отдушиной в его «заточении».

Все-таки одно интервью, и очень значительное, ему дать удалось.

# О вреде рекламных пауз

В те годы в Америке был очень популярен тележурналист и продюсер Дэвид Саскайнд. В США тогда телевизионных каналов было мало, кажется около девяти. И работали они не круглосуточно, как сейчас, а где-то до часу ночи. Так вот, Дэвид Саскайнд вел на канале «Си-би-эс» еженедельную передачу (говоря современным языком, ток-шоу) под названием «Без конца», в ту пору одну из самых рейтинговых на американском телевидении. Она всегда стояла в программе последней и могла длиться ровно столько, на сколько хватало собеседника, практически хоть до утра.

Дэвид Саскайнд брал интервью у крупных политиков, кандидатов в президенты, стриптизерш и полицейских. Короче, это были самые разные люди, которые представляли интерес для зрителей. Саскайнд, несмотря на отношение американских властей к высокому гостю из Москвы, решил пригласить Никиту Сергеевича в студию. Хрущев, конечно, охотно согласился. Информационный вакуум сильно раздражал его.

В назначенный день мы вместе с членами пресс-группы, куда входили Ильичев, Аджубей, Сатюков, Жуков, отправились в студию. Легкий грим, микрофончики на лацканы — и интервью началось.

Студия по нашим сегодняшним меркам выглядела скромно. Не было какого-то яркого интерьера, рисунков на стенах, мигающих огоньков и так далее. Действующие лица держались официально. Талантливый Дэвид Саскайнд, симпатичный, с длинными вьющимися волосами, голубоглазый, не был специалистом по международным делам. Обычно он вел беседу в непринужденной манере, не пользуясь какими-либо шпаргалками. В этот же раз я сразу обратил внимание на то, что перед Саскайндом лежит стопка карточек с вопросами. Его сотрудники, видимо, провели предварительную работу: вопросы, подготовленные ими, были очень серьезными, заковыристыми.

С первых же минут беседы проявилась одна неискоренимая черта Хрущева — многословие. Чуть ли не на каждый вопрос он отвечал целой лекцией, с большим количеством примеров, с подробностями, ссылками на историю и на классиков марксизма-ленинизма. Разговор получался не в стиле американской телевизионной беседы — диалога с короткими ответами на короткие вопросы. Ночному зрителю, думаю, было довольно скучно. Дэвид Саскайнд как мог пытался вклиниться в этот поток слов, но — безуспешно. Хрущев его сразу же прерывал: «Молодой

человек, вы послушайте, послушайте, что я вам скажу, и тогда вы поймете…» — и продолжал дальше.

Периодически Саскайнд извинялся: «Мы должны сделать паузу для рекламы». Хрущева заранее предупредили на этот счет, тем не менее он нервничал. Во время очередной такой паузы в студию вошел Аджубей и сказал Хрущеву, что, оказывается, сейчас передают не обычную рекламу — автомобилей, лифчиков или губной помады, а рекламу, связанную с организацией, ежегодно проводящей Неделю порабощенных наций. В скобках замечу, что этими «порабощенными нациями» американцы считали, помимо прочих, наших восточноевропейских союзников, а также Прибалтийские и другие республики, входящие в СССР.

Услышав это, Хрущев помрачнел. Я почувствовал, что он внутренне закипает. И понял — будет взрыв. В том, что в вопросах Саскайнда он найдет к чему придраться, сомнений у меня не возникало. Тем более что у Саскайнда уже начал истощаться запас заранее приготовленных вопросов на карточках и ему приходилось на ходу придумывать новые.

Очень скоро возможность для взрыва представилась. В ответ на какой-то вопрос Хрущев стал долго и нудно излагать совершенно очевидные истины о приверженности Советского Союза миру, разоблачать политику Соединенных Штатов. И тут Саскайнд, продолжая свои попытки оживить диалог, спросил буквально следующее: «Когда вы все это говорите, вы не считаете, что лаете на луну?» «Лаять на луну» — известное английское идиоматическое выражение. В русском варианте — «ломиться в открытую дверь». Шел живой эфир. У меня не было ни секунды для того, чтобы вспомнить какой-то более-менее удобоваримый русский эквивалент. И я перевел дословно. Правда, добавил — «как у нас говорят», тем самым давая понять Хрущеву, что «лаять на луну» — идиома. Но тот уже взорвался и набросился на Саскайнда, как тигр на добычу. Никита Сергеевич повысил голос, в нем появились знакомые мне резкие интонации. Стал говорить, что он — глава правительства великой державы, а не собака, которая «приехала сюда лаять», что он прибыл по серьезному поводу, что он представляет великий народ и что он не потерпит, чтобы его оскорбляли перед американскими зрителями. Досталось и бедному Саскайнду: «Вам вообще кто-то тут из профессиональных антисоветчиков подсунул провокационные вопросы. А вы, вместо того чтобы слушать меня, пытаетесь обвинить в том, что я как собака приехал сюда лаять. И вообще, молодой человек, выкиньте вы весь этот мусор из своей головы».

Это был типичный Хрущев. Самораспаляющийся.

Все-таки Саскайнду удалось вставить новый вопрос и

успокоить гостя. Хрущев моментально остыл и сказал: «Ну вот это другое дело. Это я вам сейчас объясню…»

И передача уже в нормальном тоне начала подходить к концу.

Вот и конец. Все поднялись. Я с облегчением стал отцеплять микрофон от лацкана. Саскайнд, прощаясь со зрителями, выразил надежду, что наши страны непременно найдут общий язык.

И вдруг Хрущев вновь сел на свое место и заговорил. После завершающей фразы ведущего опять начал читать лекцию.

Я понял, что это будет продолжаться долго, и поспешно прикрепил микрофончик.

Он говорил еще около часа. На самые разные темы. Повторяясь, не замечая отчаяния Саскайнда.

В наших газетах беседа заняла всю первую полосу. Плотным шрифтом.

Это был Хрущев, который, соскучившись по прессе, рвался в бой, искренно стремился раскрыть глаза американцам на нашу страну и на самих себя.

Впоследствии газетчики, обсуждая между собой тот взрыв в эфире, утверждали, что это я своим буквальным переводом спровоцировал его. Но так могли говорить только люди, не знающие всей подоплеки: во всем виновата была реклама организации, проводящей Неделю порабощенных наций. Такой оплеухи Никита Сергеевич снести не мог. И взорвался. Впрочем, мог бы зацепиться и за что-нибудь другое. Дэвид Саскайнд своими вопросами давал ему такую возможность. Однако не его вопросы и не мой буквальный перевод вывели Хрущева из себя.

Как я уже отмечал, ток-шоу «Без конца» Дэвида Саскайнда имело очень высокий рейтинг. И потому его охотно спонсировали, причем деньги давали самые крупные компании. В рекламных целях, естественно. А в данном случае, учитывая ту неприязнь, которую инициировал по отношению к Хрущеву официальный Вашингтон, фактически все эти компании сняли с эфира свои рекламные ролики — автомобилей, косметики и прочего. Но так как передача все равно должна была кем-то финансироваться — телевидение иначе и не может работать, кстати и у нас сегодня то же самое, — телекомпания, а не лично Дэвид, была вынуждена принять услуги спонсоров, согласившихся оказать поддержку передаче в тот момент. И вот одним из таких спонсоров выступила организация, ежегодно проводившая акции в рамках Недели порабощенных наций. Поэтому конкретно Саскайнда никак нельзя было винить, он не являлся хозяином телекомпании и сам не волен был распоряжаться рекламными вставками.

Хотя, должен сказать, к самому Саскайнду, когда передача уже закончилась, Хрущев лично зла не имел и остался вполне дружелюбен.

На следующий год Саскайнд мне позвонил, и с той поры мы с ним не переставали быть по-настоящему добрыми друзьями, до самой его смерти в 80-х годах. Когда я приезжал в Нью-Йорк, мы обязательно встречались, он приглашал меня к себе. Из года в год я наблюдал, как растет его дочь Саманта, привозил ей в национальных одеяниях народов советских республик кукол, которые, даже будучи взрослой, она хранила как самый дорогой сувенир. В начале 90-х, когда я работал в Нью-Йорке, мы с женой были гостями на свадьбе дочери Дэвида.

А вот завершающий штрих к этой истории: каждый год, получая очередную куклу, маленькая Саманта приносила ее в школу, и учительница тут же поручала ей подготовить коротенькую «лекцию» о тех странах (читай: «советских республиках»), где люди носят такие одежды.

# Лорд Томпсон на целине

Последнее большое интервью Хрущев дал западному журналисту в августе 1964 года, незадолго до того, как покинул пост первого секретаря ЦК КПСС.

Среди многочисленных просьб об интервью, накапливавшихся в отделе печати МИДа и в секретариате самого Хрущева, была просьба и от лорда Томпсона, владельца старейшей английской газеты «Таймс».

В 1964 году исполнялось десять лет с начала освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане. Никита Сергеевич, собираясь на целину, которая, как известно, была его любимым детищем, решил пригласить туда и Томпсона, чтобы дать там ему интервью, так сказать, на фоне поспевающего богатого урожая.

Томпсон по профессии не был журналистом, и хотя, разумеется, сам мог составить вопросы, он все же прихватил с собой одного из пишущих газетчиков, для того чтобы затем тот подготовил текст интервью. С нашей стороны Томпсона сопровождали Алексей Аджубей, главный редактор «Правды» Павел Сатюков и завотделом печати МИДа Михаил Харламов.

После довольно долгого перелета мы приземлились в Целинограде. А оттуда по железной дороге поехали к месту условленной встречи с Хрущевым, который совершал поездку по Целиноградской области на специальном поезде.

На станцию мы прибыли к ночи. Ждать долго не пришлось: в назначенное время подошел небольшой, из шести вагонов, поезд, и мы пересели в него. Окна в вагонах были темными — пассажиры спали.

Утром нас разбудили и сообщили, что весь день Хрущев вместе с нами будет разъезжать по полям, а потом мы все вернемся в поезд и тогда Никита Сергеевич даст интервью лорду Томпсону.

Вскоре поезд остановился. Как мне показалось, прямо посреди поля. Это был переезд: железнодорожное полотно пересекала грунтовая дорога. Из последнего, товарного, вагона выкатилась большая открытая «Чайка», которая возглавила выстроенную колонну машин. Появился Хрущев. С ним был Кунаев, другие казахские руководители. У переезда, как это водится, Хрущеву поднесли хлеб-соль, а дети подарили цветы. Одна девочка сказала: «Здравствуйте, Никита Сергеевич. А нам тоже десять». Это были дети, родившиеся в первый год освоения целины. Конечно, Хрущев растрогался.

Поздоровавшись, Хрущев предложил лорду Томпсону и мне сесть в его «Чайку». Сам сел впереди, а мы сзади.

В течение многих часов мы колесили по дорогам поднятой целины. Зрелище впечатляющее. Вокруг не было видно ни деревень, ни лесов, а только, будто океан, расстилались сплошные поля пшеницы. До самого края, до горизонта, в любую сторону, куда ни посмотри. По пути в нашу машину подсаживался директор совхоза, на территории которого мы оказывались. Этого директора сменял другой, затем следующий. Так и следовали — от совхоза к совхозу, от директора к директору. Все снималось на кинопленку, а журналисты собирали информацию.

Хрущев частенько просил остановиться. Выходил, лущил на ладони пару колосков, расспрашивал очередного директора, попадавшихся на пути бригадиров, давал какие-то указания. Он был уверен, что хорошо разбирается в вопросах сельского хозяйства.

Лорду Томпсону было тогда под семьдесят. Типичный британский интеллигент, в чисто английском деловом темном костюме-тройке в полоску, в роговых очках с неимоверно толстыми стеклами, он казался инопланетянином в этой абсолютно чуждой ему среде. Особенно когда Хрущев приглашал его выйти из машины и помять в руках колоски.

Это был период, когда Хрущев взялся за севообороты — с помощью своих «специалистов» повел наступление на пары. Доказывал, что не нужно давать земле отдыхать. И поначалу, когда стали действовать по новому методу, кое-где урожай вроде бы действительно вырос. Хрущев пребывал в отличном настроении. Сияя от удовольствия, он то и дело оборачивался к Томпсону и рассказывал ему об этом.

На границе очередного совхоза к машине Хрущева подошла высокого роста женщина лет пятидесяти. Фамилия ее была Гуревич. Как выяснилось, она, выпускница Ленинградского сельскохозяйственного института, уже десять лет работала на целине, возглавляла один из крупнейших совхозов, где под ее началом трудились чуть ли не десять тысяч мужиков. Хрущев очень обрадовался, когда услышал все это. Тут же обратился ко мне: «Ты перевел лорду, какие у нас есть женщины?» Вот, дескать, какая — десять тысяч мужиков в кулаке держит! И при этом один из лучших директоров по всем показателям.

Гуревич села в нашу машину, и мы продолжили путь. Она рассказывала о достижениях своего совхоза, без запинки сыпала цифрами. Хрущев улыбался. Горделиво поглядывал на гостя, которому я переводил. Все шло замечательно. Ну что еще может

убедить капиталиста-газетчика? Все — и урожай хороший, и с животноводством в порядке, и люди живут все лучше и лучше, и даже равноправие женщин налицо! Едем дальше. И вдруг Хрущев становится мрачнее тучи. Кончилось одно поле — началось другое. И на нем ни колоска пшеницы. Одна трава. Тут даже у меня сердце екнуло. Уж совсем я не специалист, а чувствую — пары…

Хрущев дал команду остановить машину. Обратился к Гуревич:

— А это что такое?

Та отвечает:

— Пары, Никита Сергеевич.

Хрущев помрачнел еще больше:

— Какие пары? Вы что, не читаете решений, которые мы принимаем?

Гуревич все так же спокойно отвечает:

— Никита Сергеевич, я из года в год первое место держу по всему району.

Но разве его возьмешь таким аргументом?

— Так если бы у вас не было этих паров, то урожай бы еще возрос, — напирал он.

— А мы считаем, что нам пары нужны, — ничуть не тушуясь перед первым лицом государства, отвечала Гуревич.

Поездка Хрущева должна была завершиться в Целинограде большим совещанием в новом Дворце целинников.

— Ну ладно, — мрачно заключил Хрущев, — на совещании поговорим и об этом.

Я почувствовал, что его тон не предвещает ничего хорошего для Гуревич. А та была по-прежнему совершенно спокойна. Она знала, что за ней — огромный урожай зерна, первенство в районе по всем показателям, и отстаивала свою правоту. Томпсон, которому я переводил этот диалог, с большим интересом слушал.

Наконец злополучное поле под парами проехали. Снова океан пшеницы, снова бескрайние золотые поля. Хрущев опять повеселел.

Подъехали к полевому стану. Там раскинули огромный шатер, под которым уже были накрыты столы. Запомнилось, что во время застолья Кунаев представил в качестве свидетельства дружбы народов блюдо, придуманное на целине, — бешбармак из конины и свинины. Вот, мол: казахи стали есть свинину, а русские — конину.

Хрущев не очень долго побыл за столом, поспешил в обратный путь — к поезду. Там, в вагоне, Томпсон взял у него интервью и пообещал, что к утру уже в готовом виде представит

его Хрущеву.

Я сказал Никите Сергеевичу, что вряд ли успею до начала совещания перевести текст на русский в письменном виде. Он ответил: «Ничего, ты же сможешь перевести его мне устно». На том и порешили.

Томпсон, поблагодарив Хрущева, ушел к себе в купе. А мне Никита Сергеевич предложил остаться. Остался и председатель Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов, не помню сейчас его фамилию. Хрущев стал довольно сердито говорить о парах, которые ему удалось обнаружить на землях Гуревич. И надо отдать должное председателю Комитета: он начал не то чтобы спорить, но вежливо возражать Хрущеву, оправдывая Гуревич. По сути дела, он защищал пары, оперируя убедительными доводами в пользу того, что с использованием паров урожай в среднегодовом измерении будет стабильнее и выше. Приводил примеры из практики Канады и Америки. Хрущев сначала возражал. Тоже в доказательство приводил факты. Потом ему стало их не хватать. И кончилось тем (к тому времени это уже было характерно для Хрущева), что он хлопнул ладонью по столу и резко сказал:

— Ну все. Хватит разговоров. Будет так, как мы решили!

Сказал как отрезал.

К вечеру мы были в Целинограде. Там нас поместили в один из обкомовских гостевых домиков. Томпсон и его журналист работали всю ночь и к утру подготовили текст. Взяв его, я поехал в особняк, где ночевал Хрущев. Он завтракал в одиночестве. Усадил меня напротив себя, предложил составить ему компанию. Сидим, едим, разговариваем. Он спрашивает:

— Ну а как тебе-то целина?

В самых восторженных тонах, совершенно искренно, я высказал свои впечатления. Упомянул директора совхоза Гуревич. Вот, мол, какие женщины у нас, Никита Сергеевич, — вроде бы из Ленинграда, а смотрите, как она здесь освоилась, командует, действительно мужиков в руках держит. Хрущев вздохнул:

— Да, все верно… Но ты понимаешь — неграмотная. Просто неграмотная. Отсталый человек.

Он сказал это с сожалением, даже с болью. Чувствовалось, что он на самом деле считает Гуревич отсталой и неграмотной, неспособной поспеть за его новациями.

Потом я перевел ему текст интервью. Он его одобрил. Мы попрощались, и я уехал.

Был конец лета 1964 года. Хрущев выглядел крепким, бодрым и очень энергичным. И кто бы мог подумать, что через каких-нибудь два месяца его «верные» соратники напишут в

официальном сообщении о Пленуме ЦК, что этот человек освобожден от всех занимаемых должностей в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

# Лицом к лицу с Америкой

О том, какое значение Хрущев придавал встречам и беседам с представителями средств массовой информации, особенно зарубежных стран, написано выше. Для него, повторяю, это было прежде всего способом непосредственно обратиться к широкой общественности, а точнее, в его понимании, — к многомиллионным «массам трудового народа» с целью открыть им глаза на «великие истины», которые он провозглашал.

Однако был у Никиты Сергеевича и другой конек. Он искренне выступал за нормализацию, улучшение отношений между Востоком и Западом. Отсюда его приверженность к провозглашенной им же политике мирного сосуществования государств с различным политическим и общественным строем, хотя данному основополагающему принципу он тоже придавал несколько своеобразное значение (об этом чуть ниже). Во внешнеполитическом плане, преследуя эту цель развития отношений с зарубежными государствами, он во главу угла ставил личные контакты с их руководителями. Хрущев не уставал повторять своим иностранным коллегам — лидерам других стран: «Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга…» При этом он имел в виду, а зачастую прямо говорил собеседникам, что от чиновников, включая министров иностранных дел, этого ожидать не приходится.

Надо сказать, что Хрущев нимало не задумывался о том, в какое положение подобными словами он ставит министров, в том числе и нашего — Андрея Андреевича Громыко. Такие воззрения советского лидера привели к тому, что начиная со второй половины 50-х годов не проходило и недели, чтобы в Москве не появился очередной высокий гость. И сам Хрущев стал довольно часто отправляться в поездки за рубеж, которые сегодня считались бы чрезмерными по длительности.

Мне довелось участвовать во многих поездках Хрущева за границу. Но пожалуй, ярче всего черты его личности проявились в двух их них — в Соединенные Штаты Америки.

О визите 1959 года написано много. Вышла даже довольно объемная книга «Лицом к лицу с Америкой», созданная коллективом авторов. В их числе были такие поистине талантливые люди, как А. Аджубей, Е. Литошко, В. Матвеев, В. Орлов, а также «верные слуги партии» — Л. Ильичев, Н. Грибачев, Ю. Жуков, помощники Хрущева — А. Шевченко,

Г. Шуйский, О. Трояновский, В. Лебедев. Словом, компания серьезная. Участвовал в создании сборника и главный редактор «Правды» П. Сатюков, который, как говорили, за всю жизнь ничего толкового не написал, а когда что-то и сочинял после поездок за рубеж, то своими творениями вызывал лишь смех у коллег в редакции.

Книгу «Лицом к лицу с Америкой» писали на одной из подмосковных правительственных дач, и я в течение нескольких дней там находился — подбирал для авторов кое-какие материалы из американских газет. Как-то за ужином зашел разговор: сборник скоро будет закончен — надо это событие получше отметить… Кто-то из присутствующих лукаво пошутил: «Мы отметим — и нас отметят — еще выдвинут на Ленинскую премию». В ответ все дружно захохотали, настолько сказанное показалось невероятным. А ведь зря смеялись. Прошло некоторое время, книгу издали. А потом вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров, которым было учреждено ежегодное присуждение Ленинской премии за выдающиеся достижения в области журналистики и публицистики. Многие догадывались, о чем идет речь. Правильно догадывались. Авторам сборника «Лицом к лицу с Америкой» эту премию как раз и вручили. Я, конечно, в число премированных не попал: мое участие уж слишком незначительно. Но один из авторов получил эту высочайшую премию только за то, что подобрал для книги письма, присланные Хрущеву американцами.

По горячим следам той же поездки в Америку вышел еще один увесистый том — сборник «Жить в мире и дружбе!», содержащий официальные сообщения пресс-группы, все выступления нашего лидера, а также, в зависимости от политической тональности, полные тексты или же изложения в вольном пересказе выступлений американских представителей.

Мне лично, пожалуй, никогда до этого не приходилось участвовать в такой интересной поездке. Я расскажу прежде всего о тех эпизодах, которые подавались у нас в откровенно искаженном виде.

# Наш вечный авось

Вспоминая в своих мемуарах о прибытии в Америку, Никита Сергеевич утверждал, что прилетел туда самым первым рейсом нового самолета «Ту-114». Это не совсем так. Первый полет «Ту-114» был совершен в Нью-Йорк несколькими месяцами раньше — на открытие советской национальной выставки «Достижения СССР в области науки, техники и культуры». Я помню этот первый беспосадочный перелет Москва — Нью-Йорк, ибо был его участником.

Делегацию возглавлял Фрол Козлов, второй человек в нашей тогдашней партийной иерархии. Более подробный рассказ о нем впереди. А сейчас ограничусь лишь его краткой характеристикой: он был типичным партийным функционером со всеми худшими проявлениями этой категории людей.

Вместе с нами летела большая группа технических специалистов Туполевского КБ. На протяжении всего полета они ходили вдоль бортов, отвинчивали внутренние панели, что-то там исследовали с помощью приборов, отнюдь не добавляя спокойствия нам — немногочисленным первым пассажирам. Этим же рейсом летел и сам генеральный конструктор — Андрей Николаевич Туполев, патриарх советского самолетостроения. Он вошел в салон в тот момент, когда стюардесса наполнила стаканчики коньяком. Спросил: «Ну как самолет? Коньяк не разливается?» Мы бодро ответствовали, что нет, мол, все в порядке, хотя, замечу, поверхность жидкости в наших стаканах отнюдь не была гладкой.

Позже мне сказали, что этот самолет вообще не прошел еще тогда полный цикл летных испытаний. И только настойчивость Туполева, вызвавшегося лично сопровождать делегацию, подтолкнула высшее руководство дать добро на полет, видимо, полагаясь на извечный российский авось.

Пошли на посадку. Огромный город скрывали черные тучи. Довольно долго мы не могли их пробить. Когда наконец показалась земля, летчик увидел, что мы летим не прямо на полосу, а в сторону. Пришлось снова набирать высоту. Двигатели взревели. Был сделан еще один круг в несколько десятков километров, после чего мы благополучно приземлились. И тут вдруг выяснилось, что у американцев нет трапа нужной высоты. Мы еще минут сорок сидели в самолете, пока наращивали трап. Хрущеву, видимо, рассказали о том, как проходил тот полет. В своих воспоминаниях он тоже говорит о трапе, который якобы оказался коротким, хотя на самом деле к его прилету с трапом

уже все было в порядке. Иногда бывает, что услышанное становится собственным воспоминанием, особенно если речь идет об одном и том же событии.

Официальное приглашение посетить Соединенные Штаты Хрущеву было передано через Козлова. Мы жили в здании постпредства при ООН. В последний день пребывания Козлова в Нью-Йорке ему сообщили, что его хотят посетить трое сотрудников Госдепартамента во главе с Фоем Колером, будущим послом США в Москве, а тогда заместителем помощника госсекретаря по европейским делам. Они пришли и передали Козлову в запечатанном конверте личное письмо Хрущеву от Эйзенхауэра, в котором содержалось приглашение посетить США с официальным визитом. Разумеется, они пересказали Козлову содержание письма.

Возле подъезда толпились журналисты, наблюдавшие за всеми входящими и выходящими из дома. Однако ни одна телевизионная компания, ни одна газета не сообщила тогда, что высокопоставленный сотрудник Госдепартамента посетил советскую миссию.

Фрол Козлов был горд, что именно он, а не кто другой повезет Никите Сергеевичу личное письмо от Эйзенхауэра. На все уговоры посла Меньшикова и других дипломатов, что следует немедленно, в соответствии с установленной практикой, вскрыть конверт, перевести текст и отправить по каналам шифровальной связи лично Хрущеву, Козлов тупо упорствовал: «Это я лично вручу Никите Сергеевичу в его кабинете». В результате приглашение было получено Хрущевым с опозданием на сутки.

# Первые шаги по Америке

Итак, «затаив дыхание, американцы наблюдают, как огромная сереброкрылая птица идет на посадку… Советские летчики с исключительным мастерством приземляют громадную машину…» Так сообщил ТАСС о прибытии Хрущева в Америку.

Встречал Никиту Сергеевича сам президент Дуайт Эйзенхауэр. Поскольку это был официальный визит, проходил он с самого начала весьма торжественно.

Хрущев впервые встречался с Америкой. Там до него из советских руководителей успел побывать разве что Микоян в 30-е годы. От той поездки в нашей стране осталась память — мороженое-эскимо на палочке. Именно из США Микоян привез технологию его изготовления.

Поездку запланировали на двенадцать дней. Она включала в себя посещение разных районов Восточного и Западного побережья, а также центра страны.

В зарубежные вояжи Хрущев, отойдя от запрета сталинской поры, почти всегда брал жену. А иногда и других членов своей большой семьи. В этот раз с ним, кроме супруги Нины Петровны, были дочери, Юлия и Рада, и сын Сергей, тогда молодой инженер-конструктор ракетной техники, уже успевший получить звание Героя Соцтруда и Ленинскую премию.

Если читать отчеты той поры, то создается впечатление, что уже с первых минут пребывания Хрущева в Вашингтоне его приветствовали ликующие толпы американцев. На самом деле это не совсем так. По всему маршруту следования — от военного аэродрома, где приземлился «Ту-114», до официальной резиденции в Блэйрхаусе — стояло много людей, но они были скорее любопытствующими, чем ликующими. Им было интересно посмотреть на этого человека — «коммуниста номер один», как его тогда называли в американских газетах. Мы видели перед собой настороженные лица.

Кстати, на всем пути то тут, то там я замечал умело расставленных сотрудников нашего посольства и членов их семей. Те действительно ликовали, размахивая флажками. Общая же атмосфера была поначалу, как я уже сказал, настороженная, выжидательная. Однако потом я с интересом наблюдал, как после каждого из двенадцати дней пребывания Хрущева в США отношение к нему буквально целой страны (а он постоянно, по нескольку раз в день, появлялся на телевизионных экранах) менялось на глазах. Так что когда он снова прибыл в Вашингтон в конце своего визита, те же толпы народа встречали его

совершенно иначе. Люди улыбались, выкрикивали: «Никита, приезжай еще!» Хрущев сумел за это время влюбить в себя американцев. Талант общения у него был выдающийся.

# Обед у Эйзенхауэра

В первый же вечер Эйзенхауэр дал официальный обед. Форма одежды предусматривалась соответствующая — фрак, дополненный белым галстуком-бабочкой. Это, конечно, высший класс протокольной одежды. Все американцы именно так и были одеты. Ну а наши не то что белых, вообще никаких галстуков-бабочек не признавали, а тем более фраков. В смокинг, помню, облачился только посол. Так и определялись на обеде: если при обычном галстуке, в темном костюме, значит — русский, если во фраке с белой бабочкой, значит — американец, а если с черной бабочкой — это официант.

Началось с того, что все собрались в одном из залов Белого дома, выстроившись по ранжиру, в ожидании выхода Хрущева и Эйзенхауэра с супругами. Я оказался рядом со старейшим членом американского конгресса, спикером палаты представителей Сэмом Рейберном, невысоким, округлым, добродушным человеком. Он представился, сунул мне руку и с чисто техасским произношением прошамкал:

— А что, сынок, у вас в России никто не носит вот этого всего?

И показал на свой довольно потертый фрак и бабочку. Я говорю:

— Знаете, это у нас как-то не принято.

— Вот и молодцы. Правильно. Глупости все это. Я всю жизнь вынужден по торжественным случаям все это надевать, а привыкнуть так и не смог.

Тут я обратил внимание, что вместо стоячего воротничка, который положен к фраку, у его рубашки обычный отложной воротник. Он перехватил мой взгляд и сказал:

— А-а, заметили? Это из уважения к моей старости позволено мне носить нормальный воротник. Больше ни у кого такого нет. Только мне можно.

Во время обеда Хрущев выучил, наверное первые в своей жизни, слова на иностранном языке. Он спросил меня, как будет по-английски «мой друг». Я ответил: «Май френд». Хрущев старательно повторил. Потом, когда общался с Эйзенхауэром, постоянно приговаривал — «май френд». Причем произносил он это уж очень по-русски, но Эйзенхауэр его понимал. Он явно симпатизировал своему гостю.

Через год, когда отношения с Америкой вконец испортились, Хрущев любил повторять: «Тоже мне, май френд нашелся! Откуда ты взявся и на хрен мне сдався?!» Но это — через год… А тогда, в

59-м, — «май френд», и казалось, так будет всегда.

Программа пребывания Хрущева в Америке готовилась заранее и подробно обсуждалась службами протокола и охраны. При этом наши настаивали на том, чтобы Никите Сергеевичу было позволено летать по стране на своем самолете. Американцы не соглашались и говорили, что коль скоро Хрущев их гость, то он должен совершать все перелеты и на их самолетах. Подчеркивалось, что эти самолеты будут из числа специальных, обслуживающих только президента и его команду. Американцы, скорее всего, опасались тогда, что при полетах нашего самолета над территорией Соединенных Штатов мы непременно поддадимся соблазну заняться воздушным шпионажем.

За обедом Эйзенхауэр затронул вопрос перелетов. Хрущев без особого напора говорил, что ему будет удобнее летать на своем самолете, он к нему просто привык. Американский же президент настойчиво заверял, что выделит ему свой, личный, оснащенный всем необходимым, комфортный. Речь шла о новейшем американском «Боинге-707». В конце концов Эйзенхауэр сдался: если Хрущев настаивает, то пусть летает на своем самолете. Он тут же подозвал одного из помощников и довольно сердито сказал: «Я не вижу причин, по которым господин Председатель не мог бы воспользоваться для полетов своим самолетом». Я не знаком со всеми подробностями, но кончилось все-таки тем, что полеты совершались на американских самолетах. Думаю, Хрущев, которому Эйзенхауэр тогда нравился, согласился на условия хозяев. Скорее всего, этот спор вообще спровоцировали службы безопасности.

# Казусы перевода

На второй день состоялась встреча с ведущими журналистами США и других стран в Национальном клубе печати в Вашингтоне. Это традиционное мероприятие устраивается практически для всех высокопоставленных гостей, приезжающих в США. Переводчиком там был Олег Трояновский. А я в это время, находясь в гостинице, наблюдал за происходящим по телевизору. На благожелательные вопросы журналистов Хрущев отвечал спокойно, взвешенно и без привычного многословия. Но были вопросы и неприятные, задиристые: о культе личности Сталина, о нашем вторжении в Венгрию в 1956 году, о положении евреев в Советском Союзе и так далее. Вот тут Никита Сергеевич был уже наступателен, подчас излишне резок и, во всяком случае, никому спуску не давал.

В ходе встречи произошел казус, заставивший меня, как профессионала-переводчика, передернуться. Дело в том, что к визиту Хрущева в США был приурочен специальный запуск на Луну советской ракеты, доставившей туда вымпел с изображением нашего герба и указанием даты запуска. Хрущев при первой же встрече с президентом торжественно преподнес ему копию вымпела. И вот один из журналистов задал вопрос: «Есть ли у вас планы отправить человека на Луну?» А в переводе прозвучало: «Есть ли у вас планы забросить человека на Луну?»

Слово «забросить» довольно часто мелькало в нашей печати в данном контексте, и, думаю, поэтому Трояновский употребил его.

Но Никита Сергеевич, услышав перевод, возмутился:

— Что значит «забросить»? Вроде как выбросить?

И он, повысив голос, стал распространяться о том, что мы вообще никуда своих людей не забрасываем, потому что высоко ценим человека. И не собираемся никого забрасывать на Луну. Если мы и пошлем туда человека, то лишь тогда, когда будут созданы для этого необходимые технические условия.

Вот что значит одно не очень точно переведенное слово.

Между прочим, на этой же встрече прозвучало пресловутое выражение «Мы вас закопаем в землю», также явившееся результатом неточного перевода. Но подробнее об этом я расскажу ниже.

# Нью-йоркские встречи

Следующий день Хрущев встретил в Нью-Йорке.

Город огромный, удивительный, действительно поражающий своими контрастами — от трущоб Нижнего Манхэттена и Гарлема до огромных небоскребов. Хрущев по-своему был готов к встрече с ним, проинструктирован в духе «Города Желтого Дьявола» Максима Горького.

Нас окружила совершенно необычная жизнь, не замирающая ни днем ни ночью. Жизнь разноликого, разноязыкого, вечно куда-то спешащего города, в котором в любое время суток было где и что поесть или выпить. Последнее для советского человека в те годы было чем-то невообразимым.

***В. М. Суходрев и Н. С. Хрущев на пресс-конференции в штаб-квартире ООН***

***Нью-Йорк, 1959 год***

И здесь случился курьез. Хрущеву предстояло провести в Нью-Йорке две ночи. Запланирован был полный набор мероприятий: завтраки, обеды, посещение Генеральной Ассамблеи ООН, выступление там и прочее.

Поселили нас в знаменитой гостинице «Уолдорф-Астория». Это огромный отель, занимающий в центре Манхэттена целый квартал. Над ним возвышаются две башни. В одной из башен находились президентские апартаменты, кажется на тридцать пятом этаже. Их и предоставили Хрущеву. По случаю «большого наплыва» русских заработали сразу все восемь лифтов. Мы зашли в одну из кабин. Лифтер нажал кнопку, и лифт стал быстро набирать скорость. Хрущев с интересом оглядывался, рассматривая кнопочки, зеркала, золоченые завитушки на потолке. Вдруг где-то в районе тридцатого этажа лифт остановился. На лицах лифтера, главного администратора гостиницы, американских, да и наших, охранников отразился ужас. А Хрущев улыбается.

— Ну что, — спрашивает, — сломался лифт? Вот вам и хваленая американская техника! Значит, и у вас так бывает?

Администратор бормочет слова извинения, судорожно звонит по телефону… А лифт ни туда ни сюда. Лифтер пытается открыть дверь, нервничает, а Хрущев продолжает веселиться. И при этом успокаивает главного администратора:

— Это же техника, она всегда подвести может.

Прошло минут десять. Наконец лифт медленно подтянули до очередного этажа. Мы покинули его и пошли по лестнице вверх.

Хрущев был доволен, потом на протяжении всей поездки вспоминал этот случай: у них тоже бывает…

Нью-Йорк задал тон дальнейшему пребыванию в Америке. Члены делегации почувствовали себя свободнее, вольготнее, чем в официальном Вашингтоне. Хрущев же оставался в прежнем своем образе. Охотно выступал везде, куда его приглашали, не упускал случая рассказать об успехах СССР. Доставал из кармана текст речи, раскладывал листки перед собой, но потом не заглядывал в них, говорил «от себя». Речь была свободной, иногда грубоватой — американцам нравилась такая манера общения.

Дело в том, что американцам не мог не нравиться Хрущев. Я говорю о простых людях, у которых Хрущев каждый день появлялся дома на телевизионном экране, людях, не разбирающихся в тонкостях дипломатической игры и сложных рассуждениях о мировых проблемах. Но зато они очень хорошо воспринимали прямой, обращенный к ним, разговор, если угодно — уговор, какую-то непосредственную, очень простецкую, доходчивую аргументацию. Чем и был, кстати, силен Хрущев и что было в характере тогдашнего нашего лидера. Американцы затаив дыхание прислушивались к каждому его слову, для них это было нечто вроде завлекательного телевизионного шоу, нечто вроде футбольного матча, когда каждую секунду не знаешь, чего

ожидать в следующую. Отсюда и растущая популярность. Тем более что, восхваляя советскую систему, он тогда не выступал с какими-то прямыми осуждениями американского образа жизни. Говорил, что каждый должен выбирать сам: «вам, американцам, нравится бифштекс, а нам, русским, — борщ». И такая манера разговора импонировала им.

## За столом с «акулами»

Запомнился вечерний обед в Экономическом клубе. Он проходил в большом бальном зале «Уолдорф-Астории» — одном из самых больших залов подобного рода в Нью-Йорке тех лет. Как принято на таких обедах, на возвышении сидели главные гости, остальные — за столиками, расположенными ниже. Перед каждым приглашенным рядом с меню лежал список гостей. Читался он, как справочник «Кто есть кто в американском бизнесе». Это были руководители крупнейших промышленных корпораций, банков, видные финансисты и экономисты. Если посчитать совокупный капитал, принадлежащий им, то уж наверняка он бы на несколько порядков превысил весь американский бюджет.

Гости занимали свои места. Хрущев, перед тем как войти в зал, а он, будучи почетным гостем, должен был это сделать последним, сказал мне, что, пожалуй, стоило бы заглянуть в туалет. Дело обычное. Мы вошли в сияющий белизной, сверкающий зеркалами туалет. Затем, уже покидая это великолепие, он помыл руки и с интересом посмотрел на полотенца. Они лежали на столике двумя высокими стопками, вперемежку — белого и красного цвета. Спросил:

— А что означают эти цвета?

Я ответил, что, скорее всего, — ничего, просто для красоты. Он хмыкнул:

— Угу, придумали. Ну что ж, мы, коммунисты, возьмем красное. — И, приподняв лежащее сверху белое полотенце, вытащил из-под него красное и вытер руки. Потом повернулся ко мне:

— Виктор, ты представляешь себе, в каком обществе мы сегодня находимся? Ведь приедем домой, а нас Шверник из партии погонит. Это же сплошные капиталисты! Акулы!

Но куда денешься — пришлось сидеть за одним столом с «акулами». К слову, Николай Шверник для советских коммунистов был, пожалуй, пострашнее любой акулы, поскольку занимал в ЦК пост председателя Комиссии партконтроля.

После выступления специального представителя Эйзенхауэра — Генри Кэббота Лоджа, который сопровождал Хрущева во время поездки, Никита Сергеевич, верный себе, пошел в атаку и на Лоджа, и на всю американскую систему. Говорил, например, о том, что миллионы американцев владеют акциями, а вот нашим людям в них нет нужды, так как они без всяких акций имеют все блага.

Примечательно, что сегодня у подавляющей части нашего населения акции так и не появились, зато большинство благ исчезло.

Начались вопросы. Некоторые из них касались ограничения демократии в СССР. Спрашивали, почему глушат «Голос Америки». Этот вопрос, надо сказать, повторялся и на других встречах. Никита Сергеевич отвечал, что не их, американцев, это дело. Советский народ сам решает, что ему слушать. А когда ему говорили: тогда пусть народ выключает приемники, зачем глушить, Хрущев все равно твердил свое: мол, народ учить не надо — выключать или не выключать, — он сам все знает.

# «Театр абсурда»

На следующий день Хрущев выступал в ООН на сессии Генеральной Ассамблеи.

В те времена Советский Союз на каждой сессии выступал с очередной инициативой, в нашем дипломатическом обиходе именуемой «главный вопрос». Здесь сказывался в первую очередь конфронтационный подход тех лет: если Восток говорил — «да», то Запад автоматически отвечал — «нет». И наоборот: если США выдвигали какие-либо инициативы, то СССР сразу же их отвергал. Конечно, при поддержке своих союзников. Поэтому в те годы не приходилось ожидать, что в ООН можно о чем-то полезном договориться, и ценность этой организации для Советского Союза определялась прежде всего пропагандистскими возможностями, которые предоставляла трибуна Генассамблеи. Столь же пропагандистские цели преследовали и США со своими союзниками.

Выдвигаемые нами каждый год инициативы звучали громко, но производили впечатление лишь на не искушенных во внешней политике людей. Вот и на этот раз к визиту Хрущева был разработан «главный вопрос». Он представлял собой грандиозную программу «всеобщего и полного разоружения».

Коротко суть программы: за четыре года осуществить всеобщее и полное разоружение государств, уничтожить все виды вооружений, включая ядерное оружие и ракеты, распустить все вооруженные силы, упразднить военные министерства и генеральные штабы, в распоряжении государств оставить лишь небольшие контингенты полиции (милиции), предназначенные для охраны внутреннего порядка и безопасности граждан и вооруженные лишь легким стрелковым оружием.

Полагаю, нет нужды сегодня комментировать всю абсурдность и несбыточность этой «великой» инициативы. А ведь тогда наша программа всеобщего и полного разоружения на многие годы стала краеугольным камнем советской внешней политики.

Хрущев выступал перед огромной аудиторией. Помнится, в зале яблоку негде было упасть. Места, отведенные делегатам, почетным гостям, журналистам, и оба балкона, предназначенные для посетителей, были заполнены.

После выступления Хрущева делегаты вежливо поаплодировали. А вот наши пропагандисты потом вовсю раздували тезис о том, что такой яркой, незабываемой исторической речи не было за всю историю Организации

Объединенных Наций.

Ошарашенным американцам не оставалось ничего иного, как немедленно засесть за работу и через некоторое время противопоставить нашей затее столь же нереальную собственную программу.

Много лет спустя мы с американскими коллегами, пережившими то время, при встречах искренне смеялись, вспоминая тот «театр абсурда»…

# На «фабрике грез»

После Нью-Йорка — перелет на другое побережье США. С Атлантического океана — на Тихий. Несколько часов полета на замечательном самолете «Боинг-707» — и мы уже в Лос-Анджелесе. Это — совершенно другая Америка. Мы оказались как будто в другой стране. Иной климат, на улицах — пальмы, иной темп жизни. И главное — здесь Голливуд, знаменитая «фабрика грез». Сразу после прилета американцы, как и было запланировано, повезли Никиту Сергеевича именно туда.

Студия «XX век Фокс» принимала высокого гостя. Она раскинулась на огромной территории. Многочисленные большие павильоны, декорации, оставшиеся от прошлых съемок. В штаб-квартире студии — в большом зале для приемов — состоялся официальный завтрак в честь советского лидера.

Хозяином студии в то время был знаменитый Спирос Скурас, грек по происхождению. По американскому определению он был человеком, который сделал себя сам, из бедного эмигранта превратившись в одного из самых богатых людей Голливуда. Правда, как это часто там бывает, через несколько лет он вылетит из обоймы. Дела пойдут все хуже и хуже, кассовых картин студия будет выпускать из года в год все меньше, и Спироса Скуроса отправят на покой. Но в тот, хрущевский, период он был на коне.

Я сидел на возвышении рядом с Хрущевым и смотрел в зал. Глаза мои разбегались: передо мной был весь цвет Голливуда. На этот раз список гостей можно было озаглавить «Кто есть кто в американском кино». На какие-то минуты лица актеров перенесли меня в английское детство, когда по субботам мама водила меня в кино. Я до того любил кино, что едва ли не все свои малые карманные деньги тратил на открытки и журналы с фотографиями звезд экрана. И вот эти лица с открыток и фотографий ожили. Я увидел их воочию. Здесь были Гэри Купер и Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро и Гленн Форд, Эдвард Робинсон и Кирк Дуглас…

С основной речью выступил Спирос Скурас. Она прозвучала вполне почтительно. Но все же и он продолжил общую пропагандистскую линию американцев — всячески демонстрировать Хрущеву преимущества американского образа жизни. Скурас напирал на свое происхождение и свои успехи, на то, как он достиг могущества в киномире. Хрущев с интересом слушал, но я сразу почувствовал, что его заранее заготовленная речь, можно сказать, пойдет прахом. А значит, и моя работа переводчика будет сложной. Так оно и случилось.

У Никиты Сергеевича был такой полемический прием — уцепиться за какую-нибудь деталь и обыгрывать ее, к удовольствию слушателей. Что бы ни говорили о его манерах или об их отсутствии, но ораторский талант в нем все признавали.

Так вот… Прежде чем приступить к полемике со Спиросом Скурасом, Хрущев стал обращаться к нему не иначе как «мой брат грек». Сказал, что хотел построить речь несколько по-иному, но «брат грек» заставил его передумать. И тут же объяснил, что Россия получила христианство именно из рук греков. Далее сказал, что это замечательно — греческий мальчик стал таким большим человеком, но у нас все-таки таких людей намного больше.

Скурас подавал реплики, Хрущев ему остроумно отвечал — это было добродушное пикирование.

Скурас спросил:

— А сколько у вас президентов?

Хрущев ответил, что у нас их сотни. И указал в зал, где сидел Николай Александрович Тихонов, будущий Председатель Совета Министров СССР, а тогда председатель Днепропетровского совнархоза.

— Вот — бывший рабочий, а сейчас председатель хозяйства, которое по экономике и финансам равно иной европейской стране. А лично у него ничего нет.

Зал очень живо реагировал, часто все аплодировали, смеялись. Где-то ближе к концу своей речи Хрущев с обидой сказал о том, что его лишили возможности поехать в Диснейленд, хотя посещение парка значилось в программе. (В последний момент эту поездку отменили по соображениям безопасности.)

Хрущев не на шутку обиделся. Он наверняка очень хотел побывать там. Думаю, еще в Москве, когда согласовывалась программа, ему рассказали, что это за парк. А он был азартный человек. И вдруг — нельзя…

Говорили, что шеф местной полиции, решив еще раз проверить маршрут, по которому должны были везти Хрущева, поехал туда и кто-то кинул в его машину помидор. Тогда он и порекомендовал поездку отменить. Хрущев, узнав об этом, под дружный хохот присутствующих высмеял и помидор, и начальника полиции.

— Что у вас там, карантин, что ли, объявили? Холера завелась или чума?

Я чувствовал, это была искренняя обида. Ему так хотелось в Диснейленд, а не пустили.

# Канкан

Завтрак у Спироса Скураса закончился, сидевшие за главным столом направились к выходу. Хрущева провожали аплодисментами.

Спирос Скурас пригласил нас в отдельную комнату, чтобы дать возможность остальным гостям занять места в съемочном павильоне. Почему-то с нами оказалась знаменитая красавица Ким Новак. Я почувствовал, что она очень понравилась Хрущеву. Он смотрел на нее с большой симпатией. Скурас это тоже заметил и сказал ей негромко:

— Kiss him!

Я шепнул на ухо Никите Сергеевичу, что Скурас просит Новак поцеловать высокого гостя. Хрущев расплылся в улыбке и ответил:

— А зачем просить? Я ее сам с удовольствием расцелую!

И нежно (да, нежно!) взял ее за плечи и поцеловал в обе щечки. По-моему, Ким Новак была счастлива. Во всяком случае, потом она об этом поцелуе много рассказывала репортерам: меня поцеловал советский премьер, коммунист Хрущев!

Затем мы проследовали в расположенный неподалеку павильон. По дороге туда нам встретился Гэри Купер. Сколько фильмов с его участием я видел! Ну и, конечно, был счастлив, когда он сказал мне несколько одобрительных слов о моем переводе во время завтрака.

Вскоре он посетил нашу страну, и мы случайно встретились в Доме кино. Увидев меня, он подошел, и минут пять мы с ним проговорили, вспоминая встречу в Голливуде. Вокруг толпилась киношная публика, и я то и дело слышал за своей спиной: «А это кто такой?» — естественно, в мой адрес.

Но вернемся в Голливуд.

Хрущеву решили показать, как проходят съемки. Над съемочной площадкой возвели небольшую ложу, и мы разместились в ней.

Снимался кинофильм «Канкан». Декорации изображали парижское кабаре XIX века. Участвовали такие звезды, как Фрэнк Синатра, Луи Журден, легендарный Морис Шевалье. Главную женскую роль исполняла молодая Ширли Маклейн. Это уже потом она стала звездой первой величины, автором нескольких книг и даже заметным общественным деятелем. Именно эта актриса первой и появилась на съемочной площадке. В руках она держала микрофон. На площадке было шумно — осветители передвигали аппаратуру. Ширли топнула ножкой:

***Хрущев и Ширли Маклейн***

***Лос-Анджелес, 1959 год***

— Я прошу полной тишины! Для меня это очень важно!

И стала произносить по-русски довольно длинный текст:

— Надеюсь, мы вам понравимся так же, как нам нравятся ваши артисты…

Началась имитация съемок одного из эпизодов фильма «Канкан». Вышли Фрэнк Синатра и Морис Шевалье, спели песню «Живи и жить давай другим». Услышав перевод названия песни, Хрущев шепнул мне:

— Название очень уместное.

Горели софиты, стрекотали камеры. Затем начался танец, который и дал название фильму, — канкан. Об этом эпизоде потом у нас было много чего написано, главным образом резко негативно, как о чем-то непристойном. Громыко, в то время министр иностранных дел СССР, в своих мемуарах сообщает, что исполняющие канкан были какими-то полураздетыми существами, кривлявшимися и извивавшимися на сцене. Авторы книги «Лицом к лицу с Америкой» тоже углядели в танце нечто постыдное: «…было ясно, что актрисам стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их. Они танцевали, не понимая, кому и зачем пришло в голову заставлять их делать это перед Никитой

Сергеевичем Хрущевым и перед другими советскими гостями». А ведь это был танец, хорошо известный и советским людям — по многим опереттам. Впрочем, и сегодня наши словари толкуют слово «канкан» по-разному: словарь русского языка — как танец «с нескромными телодвижениями», а энциклопедический — как «французский бальный танец, позднее вошедший в оперетту».

В моей памяти голливудский канкан оставил весьма радужные воспоминания.

Хрущев во время танца никак не выражал своего отношения. По окончании — вежливо поаплодировал. А потом весело и непринужденно разговаривал с артистами: пожимал руки, благодарил. Но на выходе, когда к нему прорвались корреспонденты и стали спрашивать, как ему все это понравилось, он вдруг нахмурился и сказал, что, с его точки зрения и с точки зрения советских людей, это — просто аморально. Правда, он добавил, что зря хороших девушек заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенной, развращенной публике. «В Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задницами». С этими словами он и покинул Голливуд.

Выпад Хрущева вызвал не только у меня чувство горечи. Ведь в Голливуде его принимали хорошо. Ему радовались, его оценили, живо, по-артистически, реагировали на его незлобивую перепалку со Спиросом Скурасом… И вдруг — обидный выпад против тех, кто так старался ради него. Тем более огорчительный, что именно эти его слова были тут же растиражированы газетами.

В тот день я случайно оказался рядом с Аджубеем. Мы обменялись с ним впечатлениями, он, как и я, был в восторге от Голливуда. А потом сказал:

— Знаешь, я не совсем согласен с Никитой Сергеевичем относительно канкана. Думаю, что у красивой женщины не только лицом можно любоваться…

Я полностью был с ним солидарен. Кстати, когда год спустя мне довелось посмотреть фильм «Канкан», то мои восторги несколько умерились. Фильм оказался посредственным, несмотря на созвездие замечательных актеров. Но тогда, в Америке, не о фильме шла речь, а совсем о другом…

# Мать Кузьмы

В связи с отменой поездки в Диснейленд организовали автомобильную экскурсию по Лос-Анджелесу. В безоблачном голубом небе ослепительно сверкало солнце. Мы довольно долго колесили по улицам города. Наша пресс-группа потом подчеркивала в своих статьях, что власти постоянно и неожиданно меняли маршрут движения. И сразу же следовал вывод, что это, дескать, для того, чтобы помешать американцам приветствовать Хрущева. На самом же деле маршрут менялся из соображений безопасности. История Америки изобилует трагическими случаями покушений, некоторые из них еще у всех на памяти. Так что предосторожность была оправданной. Те же люди, которые попадались нам на пути, весьма дружелюбно провожали взглядами наш кортеж, приветственно махали руками. Хрущев с интересом посматривал направо и налево. И конечно же, заприметил американок, щеголявших в шортах. Для Лос-Анджелеса это совершенно обычное явление.

В машине, в которой ехал Хрущев, как всегда, находился Генри Лодж. Никита Сергеевич повернулся к нему и заметил:

— Интересно тут у вас… Женщины в коротких штанишках. У нас такое не разрешили бы.

Он не разъяснил, кто такие те, которые «не разрешили бы». В советском обществе высшие руководители, а за ними разного рода начальники четко знали, что можно, а чего нельзя «рядовому» жителю страны, особенно молодежи. Причем начальников не смущало, что они — представители другого поколения, другого образования и воспитания. Что носить, что слушать, что читать — они диктовали народу без тени сомнения.

Насмотревшись из окна автомобиля на частные дома Лос-Анджелеса с ухоженными лужайками перед фасадами, с непременными автомобилями, Хрущев опять обратился к Лоджу:

— Да, конечно, все устроено аккуратно, чисто, люди хорошо одеты… Но ничего. Мы еще вам покажем кузькину мать…

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. «Кузькина мать» — одно из любимых выражений Хрущева. По-моему, публично в первый раз он употребил его несколькими месяцами раньше в знаменитом «кухонном споре» с тогдашним вице-президентом США Ричардом Никсоном. Случилось это при осмотре первой Американской национальной выставки, которая разместилась в московском парке «Сокольники». Выставка произвела сенсацию. Хрущев присутствовал на ее открытии. Одним из экспонатов был образцово-показательный, или, как его

называли экскурсоводы — «типичный», дом американца. Он представлял собой как бы дом в разрезе, без двух стен, на одну семью, со спальней, столовой, с гостиной, холлом и другими комнатами, оснащенный по последнему слову техники — телевизор, радиоприемник, кондиционер. Главным же козырем являлась кухня, в которой размещались стиральная и посудомоечная машины, разные автоматические приборы. Холодильник ломился от диковинных для наших граждан продуктов, а на полках кухни красовались яркие наборы всякой бытовой химии.

Именно там, среди этого великолепия, разгорелся знаменитый спор. Надо сказать, что я при нем не присутствовал, так как в то время был в Женеве с Громыко на каких-то переговорах. Но суть и детали спора мне известны.

Он начался с довольно мирного разговора о жилье. В тот период у нас в стране возводились известные пятиэтажки, и Хрущев, естественно, старался убедить гостя, что надо строить не отдельные частные дома, а многоквартирные. И все было хорошо, пока Никита Сергеевич не распалился и не пообещал Никсону показать американцам кузькину мать. Мой коллега из Бюро переводов МИДа Юрий Лепанов, сопровождавший в тот день Хрущева, придерживался своего способа перевода идиоматических выражений: сначала все дословно переводил, а затем уже разъяснял. И тогда, на выставке, он сперва перевел — «мы вам покажем мать Кузьмы», а потом пытался объяснить, что это значит, но, кажется, не очень удачно. Да удачно и невозможно было перевести, потому что пресловутая «кузькина мать» в словарях толкуется как выражение грубой угрозы (у В. И. Даля, например: «показать кому кузькину мать — наказать, сделать какое зло»).

Узнав об этой истории, а также обратившись к собственному опыту общения с Хрущевым, я сделал вывод, что Никита Сергеевич вкладывал в это народное выражение совсем другой смысл. Показать кузькину мать — в его понимании — означало показать свою силу, лихость, дать жару.

Как раз в данном смысле я перевел полюбившееся ему выражение во время поездки по Лос-Анджелесу, когда Никита Сергеевич в очередной раз помянул эту самую мать.

Но Хрущев вдруг сказал мне:

— Ну что, Виктор, небось, опять не так с «кузькиной матерью» получилось? А это очень просто. Ты объясни — это значит показать то, чего они никогда не видели.

Оказалось, я был прав: Хрущев действительно вкладывал в известное выражение совсем другой смысл. Так наконец была

раскрыта тайна, мучившая переводчиков. Да, наверное, и не только их.

Короче говоря, Хрущев не угрожал Западу, он, употребляя это выражение, упорно дул в свою дуду — утверждал, что мы Америку догоним и перегоним, мол, покажем им такое, чего они даже на своей «хваленой кухне» никогда не видели. Жаль, что Никита Сергеевич только мне одному, а не широкой публике растолковал то особое, личное, а не словарное значение любимой фразы.

## Скандал на банкете

Вечером того же дня состоялся банкет. Хозяином на нем был Норрис Поулсон, мэр Лос-Анджелеса. Сидели как обычно — на небольшом возвышении, за столом «президиума». В центре — мэр, слева от него — Нина Петровна, справа — Хрущев, затем я и справа от меня — жена Поулсона, довольно пожилая женщина с ярким не по годам макияжем и снежно-белыми искусственными зубами, которые мешали ей говорить. Хрущев тоже запомнил эту женщину, но весьма своеобразно: в своих воспоминаниях он сочинил целую историю о том, что она якобы была женой какого-то миллионера и заплатила большие деньги за то, чтобы сидеть с ним, Хрущевым, рядом. И будто она ему призналась, что они с мужем раскошелились только на одно место, поэтому ей пришлось приехать без супруга. Видимо, на Хрущева повлиял известный ему факт, что на подобных встречах многие действительно платили немалые деньги за место в банкетном зале.

Мэр оживленно беседовал с Ниной Петровной, а жена мэра, сверкая зубами, общалась с Хрущевым. Разговор шел о детях и внуках, о делах, далеких от политики. Застолье двигалось к своему завершению, приближалось время речей. Я нащупал в кармане заранее заготовленный перевод речи Хрущева и подумал: «Просто зачитает или начнет говорить от себя?» И приготовился к последнему. А жена мэра в этот момент говорила Хрущеву:

— Вы, наверное, волнуетесь? Я вас понимаю. Я сама училась на курсах ораторского искусства — выступать всегда волнительно.

Никита Сергеевич только усмехался, когда я ему переводил эти слова.

Как обычно, вначале выступил Лодж, за ним мэр. Прозвучали вежливые приветственные фразы. Но вдруг тон мэра стал меняться. Он вспомнил, как Хрущев однажды сказал, обращаясь к капиталистическому Западу: «мы вас похороним». Видимо, мэр, как и его жена, тоже когда-то учился ораторскому искусству. Наполнив свой голос металлом, он изрек:

— Господин Хрущев, вы нас не похороните! И если что, мы будем сражаться до конца.

Это прозвучало очень резко.

Хрущев напрягся. У меня тут же улетучилась последняя надежда на то, что он ограничится чтением своей речи. Так и случилось. Хрущев прочитал заготовленный текст и сказал, что на этом он собирался завершить выступление, но речь предыдущего

оратора принуждает его высказать еще кое-что. Спокойный до этого зал разразился аплодисментами. Собравшиеся поняли, что не зря платили большие деньги за свои места: ожидаемое шоу все-таки состоится.

И тут Хрущев мертвой хваткой «вцепился» в Поулсона. Он удивлялся, что мэры не читают прессу. Ведь он, Хрущев, не раз объяснял — ни о каких похоронах речь не идет. Все дело — в соревновании двух систем. Просто социализм придет на смену капитализму с той же неотвратимостью, с какой последний пришел на смену феодализму.

— А вот у нас, в Советском Союзе, — язвительно заметил он, — главы городских администраций читают газеты. А если не читают, то их потом не избирают.

Зал то и дело взрывался аплодисментами. Надо заметить, что в зале находилось немало политических противников Поулсона, и они, не во всем, конечно, соглашаясь с Хрущевым, от души радовались, что он побеждает в этой полемике с мэром.

Хрущев долго говорил о соревновании двух систем. Затем сделал мэру выволочку за грубые выражения, подчеркнув, что он, Хрущев, не просто его гость, а приехал по приглашению президента Соединенных Штатов, чтобы протянуть руку дружбы Америке и ее народу.

— А если не принимаете, — сказал он, — то и не надо.

И тут из зала кто-то крикнул по-русски:

— Принимаем!

Хрущев в запале даже не заметил, что слово прозвучало по-русски. Он продолжал:

— А раз принимаете, то и ведите себя соответственно. А нет, так мы и повернуть можем обратно: прилетели сюда на своем самолете за тринадцать часов, а обратно долетим часов за десять. Правильно я говорю? — обратился он к сопровождавшему его в этой поездке сыну прославленного авиаконструктора Алексею Туполеву.

Тот ответил:

— Долетим, Никита Сергеевич.

— Так что мы можем в любой момент улететь, — продолжил Хрущев.

Присутствующие пришли в полный восторг. Именно за этим они сюда и рвались. Поулсон молчал. И тут Никита Сергеевич не отказал себе в удовольствии сдобрить свое выступление поговоркой:

— Раз пригласили, то и слушайте, а я скажу вам поговорку по-украински. У меня переводчик — беглый украинец, так что он вам ее переведет. — Хрущев почему-то всегда считал, что я —

сбежавший в Москву украинец. — Бачили очі, що купували, тепер їжте, хоч повилазьте.

Можно представить чувства и ощущения переводчика, работающего в таких условиях. В переполненном зале, в прямом эфире, когда на тебя направлены объективы телекамер, ты должен мгновенно, без пауз, не раздумывая, дать точный перевод.

Надо отдать должное Хрущеву: он уже привык в подобных случаях произносить не слишком длинные фразы, не забывал в пылу спора останавливаться и уступать микрофон переводчику. После напряженной паузы, которая показалась мне вечностью и во время которой я поймал на себе полный ужаса взгляд моей коллеги — Тани Сиротиной, переводчицы Нины Петровны Хрущевой, — я все-таки ухитрился достаточно красочно передать смысл украинской поговорки.

Зал ликовал. Поулсон с довольно мрачным видом все это слушал. Впрочем, распрощался он с Никитой Сергеевичем вполне радушно.

Но что все же имел в виду Хрущев, когда говорил в своих речах — «мы вас похороним»?

В первый раз я услышал это выражение на одном из приемов в иностранном посольстве в Москве. У нас, в отличие от мирового протокола, было тогда принято произносить во время коктейля тосты. И надо сказать, что послы иностранных государств с большой охотой их произносили. Они знали, что тост обязательно вызовет ответ Хрущева. А это уже немало: такой ответ можно будет потом оформить в виде доклада своему правительству. Короче, именно на том приеме после долгого разговора о соревновании между двумя системами Хрущев сказал: «Придет время, и мы вас похороним». Помню, что на следующий день эта фраза произвела сенсацию. О ней говорили по радио, писали в газетах многих стран мира. Толковали как некий призыв к насилию: к битве, в результате которой Советский Союз одержит победу.

На самом же деле эта ситуация походила на случай с «кузькиной матерью». Хрущев неоднократно объяснял потом, что, говоря о «похоронах», он не имел в виду насилия, войны, а говорил лишь об исторической неизбежности победы социализма над капитализмом. Ему казалось, что всем это и так очевидно. Капитализм в ходе неумолимого развития социализма, несомненно, отомрет, а социализм, соответственно, выживет. И кто-то же должен «хоронить труп» умершего своей естественной смертью капитализма? Социализм и выполнит эту функцию. Вот что Хрущев действительно имел в виду и искренне удивлялся, почему на Западе его не понимают.

Удивительное дело, но фразе Хрущева о «похоронах», видимо, до сих пор суждено оставаться непонятой. И сегодня, когда вспоминают Хрущева, эта фраза всплывает в искаженном, прежде всего западными средствами массовой информации, смысле. Даже у нас зачастую ее переводят уже обратно — с английского «we will bury you». А слово bury означает и «похоронить», и «закопать». Получается — «мы вас закопаем»! А он вообще этого не говорил. Фраза «мы вас похороним», наверное, неудачна сама по себе. Но обратный перевод еще больше ее испортил. Вместо чинного могильщика в цилиндре явился грубый мужик с лопатой.

Однако вернемся к вечеру банкета.

«Эпопея» с мэром Лос-Анджелеса после завершения банкета в тот вечер не закончилась. Когда мы подъехали к гостинице, Хрущев попросил сопровождающих, в первую очередь Громыко, подняться к нему. Мы собрались в его номере, и он стал громко возмущаться тем, что «какой-то там мэр» смеет позволять себе выпады против него.

— Что они, каждый раз, в каждом городе собираются устраивать такие демонстрации? Никуда не пускают, — это он опять про Диснейленд, — возят в закрытой машине! Что же я, сюда завтракать и обедать приехал?!

Он очень долго возмущался.

Сам Хрущев в своих мемуарах вспоминает, что жена Громыко в какой-то момент даже обратила его, Никиты Сергеевича, внимание на то, что уже довольно поздно и надо бы говорить потише. Она не поняла, что он специально громко говорил, так как знал, что апартаменты, конечно же, прослушиваются. В конце концов он дал поручение Громыко и мне пойти в номер к Генри Лоджу и, несмотря на поздний час, сделать заявление: если так будет продолжаться и в других городах, то он действительно прервет визит и вернется домой. Мы должны были объяснить нашему сопровождающему, что Хрущев не позволит так неучтиво обращаться с собой.

Было уже за полночь. Громыко, естественно, беспрекословно «принял к исполнению» слова Хрущева, и мы, дозвонившись до представителя Госдепартамента и сказав ему о нашем намерении посетить Лоджа, направились к последнему. Он встретил нас на пороге своего номера уже без галстука, с расстегнутым воротом рубашки, видимо готовился ко сну. Помню, мне бросилось в глаза, что у него очень ветхая рубашка, а ее ворот взлохмачен от частой стирки.

Громыко официально изложил ему заявление Хрущева. Генри Лодж его внимательно выслушал. Было заметно, что он очень

серьезно воспринял слова Громыко, хотя и заметил, что правительство США не вольно ничего приказывать мэрам городов, а тем более навязывать им политические взгляды. И мы должны понять, что некоторые из мэров вообще являются политическими противниками вашингтонской администрации. Но все это так, к слову, что же касается заявления Хрущева, то он доведет его до сведения президента. На этом мы и покинули его номер.

## Настоящая Америка

Нам предстояла поездка в другой крупнейший город Западного побережья США — Сан-Франциско. Я бывал там раньше и успел убедиться, что это один из самых красивых городов Соединенных Штатов. Расположен он на холмах у океана и славится своим прекрасным климатом: летом там не жарко, потому что местное холодное течение океана создает эффект естественного кондиционера. По этой же причине там нет и сильного смога, постоянно висящего над Лос-Анджелесом.

Ехать предстояло поездом. Хрущев находился в вагоне, в котором для широкого обзора были установлены большие окна и стеклянная крыша.

Он мирно беседовал с Лоджем. Ни тот ни другой не касались вчерашнего инцидента.

Поезд шел по берегу океана. Даже на тех станциях, где не предусматривалась остановка, стояли толпы народа. Люди держали плакаты. Я не увидел ни одного враждебного. Тексты были довольно трогательные, многие на русском языке, с ошибками: «Добро Пожалувать»…

В городке Сен-Луис-Обиспо поезд остановился, и Хрущев пожелал покинуть вагон. Народу там было видимо-невидимо. И опять дружеские слова на плакатах, приветливые улыбки. Хрущев устремился к толпе. Наконец-то он попал в свою стихию. После поездок в закрытой машине он получил возможность пообщаться с людьми. Здоровался с ними, брал на руки детей, словом, вел себя очень по-американски, точь-в-точь как здешний политик в ходе предвыборной кампании. Это, кстати, подметили и журналисты, написав также о том, что в мэры Сен-Луис-Обиспо Хрущева точно бы избрали. Утверждение шутливое, но оно говорит о популярности Никиты Сергеевича и об отношении к нему американцев.

Помню один плакат: «Господин Хрущев, мы не Лос-Анджелес, мы вас любим. Оставайтесь у нас!» И я подумал тогда, что все же не уходят в песок слова советского руководителя. Произнесенные с телевизионных экранов, они проникали в сердца американцев, даже если Хрущев «сражался», отстаивая свою точку зрения, как это было в Лос-Анджелесе.

Не только Никита Сергеевич, но и Нина Петровна произвела очень хорошее впечатление. Жена Хрущева была интеллигентной женщиной. Она никогда не претендовала на особое к себе внимание. От нее исходил мягкий, добрый свет ее души. Лучшую, на мой взгляд, характеристику ей дали в американской прессе

после визита Хрущева, любовно назвав «всеобщей бабушкой», что полностью соответствовало ее облику и характеру. С Ниной Петровной было приятно общаться. В поездках чувствовалось, что она к ним готовилась, читала соответствующую литературу.

В Сан-Франциско нас встречал мэр Джордж Кристофер, грек по происхождению. Он очень тепло поприветствовал Хрущева и вручил ему символический ключ от города. Я сразу заметил, что отношение здесь к высокому гостю совсем не такое, как в Лос-Анджелесе. Более уважительное и сердечное. Не знаю, может, сыграл свою роль ночной разговор Громыко с Лоджем. Но с другой стороны, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско издавна существует соперничество за звание первого города Калифорнии. Вероятно, дело было и в этом. Здесь хотели перещеголять Лос-Анджелес в гостеприимстве. Так или иначе, но именно в Сан-Франциско Хрущев получил возможность погулять по городу и поговорить с горожанами. В этих разговорах звучало не раз: «Мы не Лос-Анджелес, мы — настоящая Америка». Замечу, что Лос-Анджелес ассоциируется у американцев с Голливудом, «“фабрикой грез” и красивых иллюзий» и, по их мнению, понятию «настоящая Америка» он не соответствует.

Однако и в Сан-Франциско не совсем гладко все прошло. Не на улицах, а на встрече с лидерами крупнейших американских профсоюзов. Встреча носила неформальный характер и проходила за званым ужином. Присутствовали многие известные профсоюзные боссы, в частности семь вице-председателей АФТ — КПП (Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов). После застолья завязалась беседа. Вопросы так и сыпались. Очень острые, задиристые, ни один из них не был рассчитан на то, чтобы поддержать нормальное кровяное давление у советского лидера. Думаю, это была самая конфронтационная из всех встреч, состоявшихся в дни визита Хрущева в Америку. Поднимались вопросы свобод и прав человека в СССР, вспоминали Венгрию и трагедию, которая там произошла, упоминали ГДР и навязанный ей коммунистический режим, а также бедственное положение трудящихся в Советском Союзе и так далее. Конечно, для Хрущева все это не было неожиданностью. Он понимал, что ему не переубедить своих собеседников. Но тем не менее ринулся в бой.

Встреча длилась долго. Закончилась ночью. И все время Хрущев был на подъеме. Он стучал кулаком по столу, повышал голос, срываясь иногда на крик. Его пытались перебивать, но это никому не удавалось. В какой-то момент, когда речь зашла об обмене культурными ценностями, Хрущев вернулся к теме Голливуда. При этом он поднялся со своего места и стал

говорить, что советские люди никогда не захотят смотреть то, что ему показывали в Голливуде.

— Хорошие, честные девушки вынуждены исполнять похабные танцы, задирать юбки, показывать свои зады на потребу развращенным вкусам богатых потребителей такого товара! — При этом Хрущев отодвинул стул и, повернувшись спиной к присутствующим, нагнулся и задрал полы своего пиджака. Так он изобразил «честную девушку, танцующую канкан». Кто помнит фигуру Хрущева, может себе представить эту впечатляющую картину.

— Нет! — доказывал он. — Не пойдут советские люди на такие фильмы!

Увы, и это пророчество Никиты Сергеевича не сбылось…

Боссы застыли в остолбенении, а Хрущев ликовал. Он считал, что с этими профсоюзными заправилами, классическими предателями дела рабочего класса, иначе и говорить не стоит.

В тот период Никита Сергеевич находился в отличной физической форме. Он легко приспособился к большой разнице во времени между нашими странами и по утрам вставал очень рано, свежим и бодрым. С удовольствием ознакомившись с городом, восхитившись Сан-Францисской бухтой, Хрущев посетил штаб-квартиру профсоюза портовых рабочих Тихоокеанского побережья. По своей сути этот профсоюз, тогда возглавляемый Гарри Бриджесом, был близок компартии США. Хрущева портовики встретили тепло. Тут уж никакой конфронтации не возникло. Кто-то из рабочих протянул ему свою кепку, которую Хрущев сразу же натянул себе на голову, отдав взамен свою шляпу. А подойдя к микрофону, он обратился к рабочим — «Товарищи!». В его глазах эти люди и были «настоящими американцами».

# Лапоточки на память

Город Сан-Хосе. Здесь у нас состоялась встреча на заводе фирмы «Ай-би-эм», где производились счетно-вычислительные машины, говоря сегодняшним языком — компьютеры. Принимал Хрущева президент компании Томас Уотсон — моложавый, подтянутый руководитель ведущей фирмы в одной из самых современных областей науки и бизнеса.

Никита Сергеевич внимательно осматривал предприятие: ему показывали новые модели компьютеров, которые отличались от современных, как небо от земли, огромными размерами. Это были просто шкафы, в которых крутились большие бобины, мигали разноцветные лампочки. На широких бумажных лентах, выползавших из принтеров, мы прочли приветственные слова в адрес Хрущева, а на одной даже лицезрели его портрет. Компания собрала со всех своих заводов работников, знающих русский язык, и они исполняли роль гидов.

Затем наступило время ланча. Обедали в заводском кафетерии самообслуживания. Уотсону, Хрущеву и всем нам выдали подносы и провели к прилавку, на котором стояли различные закуски, холодные и горячие блюда. Похоже, Хрущев никогда раньше не бывал в такого рода кафетериях. Он с энтузиазмом выбирал себе еду, раскладывал ее на подносе. Проходя мимо кассы, сказал:

— А у меня денег нет.

Уотсон улыбнулся:

— Ничего. На первый раз мы за вас заплатим.

Томас Уотсон не скрывал своей радости от общения с высоким гостем. Это и неудивительно — у него были давние связи с Советским Союзом. Во время войны он служил пилотом бомбардировщика, и ему однажды пришлось через Аляску и Сибирь долететь до Москвы. Он как бы проложил маршрут, по которому потом летели самолеты, передаваемые Советскому Союзу по ленд-лизу. В другой раз он почти месяц прожил в Москве, так что о России знал не понаслышке. Хрущев тоже проникся симпатией к Уотсону, на его шутки в тон отвечал:

— Компьютерные технологии считаются секретными, но мне все это можно показывать, потому что я в этом ничего не понимаю.

И здесь Никита Сергеевич не обошелся без поговорки, которая опять оказалась трудной для перевода. Он сказал, что не пытается обратить капиталистов в свою веру, что «всяк кулик свое болото хвалит» и что «время нас рассудит», мол, давайте

соревноваться, а пока не будем обижаться.

Я, конечно, знал, что существует такая птица — кулик, но никогда ее в жизни не видел. И как она называется по-английски, не имел представления. Но выходить из положения надо было. И я перевел: «Всякая утка свое озеро хвалит». Тут надо сказать, что одна из телекомпаний наняла на период пребывания Хрущева в США русского переводчика. Это был некто Орлов, происходивший из семьи знаменитого графского рода Орловых. Он переводил речи Хрущева синхронно, я же — последовательно. Таким образом, зрители слышали сразу два перевода. Орлов, надо отдать ему должное, знал, как по-английски будет «кулик», и правильно перевел. А утром я прочитал в какой-то газете еще один вариант перевода: «Каждая змея свою трясину хвалит». На следующий день другая газета поместила маленькую заметку «Холодная война между переводчиками», заканчивавшуюся словами: «Итак, утка, кулик или змея? Озеро, болото или трясина?»

Вечером в Сан-Франциско состоялся банкет. И здесь я убедился, что не зря Громыко ходил поздней ночью в номер к Лоджу, — речи были взвешенными, уважительными и даже, я бы сказал, дружескими. Хрущев с удовольствием делился своими впечатлениями от Америки, а потом вдруг упомянул о Лос-Анджелесе. Очень мягко стал говорить о том, что отнюдь не всегда удается произнести удачную речь. Видимо, именно это и произошло с мэром Поулсоном. Но он, Хрущев, на него не в обиде. Этими словами он добил Поулсона. Это был, как сказали бы американцы, «поцелуй смерти». Есть тут связь или нет… но следующие выборы Поулсон проиграл.

Что касается Томаса Уотсона, то в 80-х годах он был назначен послом США в СССР и пользовался уважением нашего руководства. Когда окончился срок его пребывания на этой должности, Уотсону было оказано неслыханное по тем временам доверие — ему разрешили покинуть Советский Союз перелетом по сибирскому маршруту, по тому самому, по которому он совершил полет в дни войны. За ним был прислан американский самолет, Томас сел за штурвал и улетел. Хочется думать, что он увозил с собой добрые воспоминания о нашем народе.

Когда много лет спустя я встретился с ним в Нью-Йорке, Томас вспомнил о том, что я на прощальном приеме в его посольстве в Москве подарил ему на память маленькие сувенирные лапоточки. Их он повесил над штурвалом, улетая домой, и с тех пор хранит этот сувенир у себя как символ удачи.

# В кукурузном раю

Город Де-Мойн — столица штата Айова. Центр кукурузного пояса Америки. С самого начала поездки Хрущев всем сердцем стремился туда.

Хотя довольно однообразно начинать каждый рассказ о приезде Хрущева на новое место с описания того, кто и как его встречал, все же не могу не отметить, что здесь, в Де-Мойне, наблюдалось ни с чем до этого не сравнимое людское ликование.

Приболевший ранее Олег Трояновский наконец выздоровел, у меня появилось свободное время, я смог теперь больше увидеть и услышать. С интересом наблюдал, как на предприятии по разделке и упаковке мясных продуктов Никита Сергеевич с детской непосредственностью постигал производственный процесс. В длинное здание этого предприятия одного за другим загоняли бычков, а с другой его стороны выезжали грузовики с готовой продукцией — стейками, сосисками, колбасами.

Недалеко от Де-Мойна находилась ферма известного в Советском Союзе человека — Росуэлла Гарста. Он на крупных площадях выращивал кукурузу и добился в этом деле больших успехов. Двумя или тремя годами ранее произошел обмен делегациями специалистов сельского хозяйства: советская — побывала в Айове, американцы же во главе с Гарстом поколесили по колхозным полям нашей страны. Гарст оказался большим энтузиастом продолжения такого сотрудничества. Он не раз встречался с Хрущевым, можно сказать, они стали почти друзьями. По крайней мере, хорошо понимали друг друга. Они и по темпераменту были похожи: оба импульсивные, откровенные, не стеснявшиеся в выражениях. И конечно, будучи в Айове, Никита Сергеевич собирался встретиться с Гарстом.

В то утро мне что-то не спалось. Рано поднявшись, я спустился в холл гостиницы. Купил несколько открыток с видами Де-Мойна и решил послать их в Москву. Только успел бросить их в почтовый ящик, смотрю — по лестнице спускаются Хрущев и Гарст. Оказалось, что Гарст не стал дожидаться, когда Хрущев прибудет на ферму, а сел в машину и сам приехал в гостиницу. Я подошел к ним и начал переводить. Гарст говорит: «А зачем мы будем ждать ваших сопровождающих? Они же ничего в сельском хозяйстве не понимают». Хрущев согласился, они сели в машину, ну и мне, разумеется, пришлось ехать с ними. Если бы я совершенно случайно не оказался в холле, уж и не знаю, как бы они разговаривали друг с другом.

Выехали из города — кругом поля. Посевы кукурузы. То тут,

то там стада коров. Словом, сельскохозяйственный пейзаж. Хрущев почувствовал себя в своей стихии. Въехали во владения Гарста. Хозяин предложил остановиться и начать осмотр. И тут я заметил, что на огромной скорости, поднимая клубы пыли, к нам приближается кортеж. Это были сопровождающие. Подъехав, они с облегчением отметили, что все в порядке, Никита Сергеевич жив-здоров и даже весел. Я уступил свое место Трояновскому и отошел в сторонку. И тут же увидел злое выражение на лице шефа протокола посла Бьюкенена. Он подошел ко мне и спросил:

— Как они уехали?

Я рассказал, добавив, что совершенно случайно оказался в холле на их пути.

— Это Гарст его утащил, — сказал Бьюкенен и пробормотал какое-то ругательство.

Кукурузное поле Гарста заполнилось журналистами. Они топтали посевы, мешали вести беседу хозяину со своим дорогим гостем. В конце концов Гарст не выдержал и стал ругаться:

— Вы же заслонили собой все поле! Кукурузу не видно!

Гарст ругался, Хрущев смеялся, журналисты напирали… В это время мы подошли к кукурузоуборочному комбайну, бункер которого был наполнен кукурузными початками. Гарст стал хватать эти початки и со всей силы кидать их в журналистов. Потом поскользнулся и свалился в канаву, вызвав у всех приступ хохота. В общем, получилась просто сцена из комедийного фильма.

Оба — что Хрущев, что Гарст — радовались как дети. Гарст показывал Хрущеву початки, тот внимательно их рассматривал и в свою очередь давал советы по выращиванию кукурузы. Шел оживленный разговор двух знатоков сельского хозяйства. Отличие заключалось только в том, что Гарст сажал кукурузу там, где она хорошо росла, а Хрущев хотел дотянуть ее посевы чуть ли не до полярного круга.

Все закончилось угощением под специальным навесом. На столах — кукуруза во всех видах: вареная, пареная, каша и лепешки из кукурузной муки. Когда Хрущев, с явной неохотой, уже покидал Гарста, то взял с него слово, что тот обязательно еще раз приедет в СССР. Гарст пообещал и со своей стороны пригласил к себе на ферму большую группу советских специалистов. Так оно потом и было.

# Язык классиков не требует перевода

В городе Эймс Хрущеву предстояло ознакомиться с местным университетом, причем с не совсем обычным факультетом — домашней экономики, где обучались будущие домохозяйки. Я уже не помню, почему не пошел туда, остался в машине. Сижу, покуриваю. Вдруг вижу — мимо длинного ряда автомашин идут двое парней, по виду — явно студенты этого университета. Идут и заглядывают в окна автомобилей. Наконец остановились у машины, в которой сидел я. Узнав меня по многочисленным телерепортажам, говорят:

— Хорошо, что мы вас нашли. Мы с факультета литературы. Откровенно говоря, нас совсем не интересует Хрущев. Мы пришли для того, чтобы увидеть великого русского писателя Шолохова. Вы не скажете, где он?

Я ответил, что не знаю, но, судя по тому, что его не было на ферме у Гарста, возможно, он остался в Де-Мойне. Ребята расстроились и, не скрывая своего разочарования, удалились.

Кстати говоря, не встреть я тогда этих двух парней, скорее всего, сегодня я вообще не вспомнил бы, что в числе лиц, сопровождавших советского лидера, находился великий писатель Шолохов. Участие его в той поездке было довольно странным.

Возвращаясь мысленно к тому визиту, я должен сказать, что каждый день и каждый час на всех нас, участников поездки, обрушивался огромный поток информации, каждый день и каждый час были насыщены событиями, встречами с интереснейшими людьми, представляющими с самых разных сторон великую страну — Соединенные Штаты Америки.

Одним словом, впечатления накатывались на каждого, как снежный ком. И помнится, я и тогда задавался вопросом: как же может проходить мимо всего этого, выражаясь языком той поры, «инженер человеческих душ», может быть даже «главный инженер», по тогдашнему писательскому ранжиру? Уж он-то должен был, как губка, впитывать в себя объем поступающей информации, чтобы потом, силой своего литературного таланта, все это отобразить. Однако Шолохова почти нигде и никто не видел, ни на банкетах, ни на других встречах. Разве что в поезде и на ланче у Спироса Скураса, где он тоже ни с кем не общался. Особенно меня удивило, что он не поехал к Гарсту. Ему, сельскому жителю, да чтобы не поинтересоваться американской фермой? И в университет не поехал, где, как я узнал, у него были поклонники.

Потом мне рассказали, что в Сан-Франциско нашего великого

писателя посетил американский великий писатель Уильям Фолкнер. Им в номер принесли ящик виски. После чего сутки, а может и больше, никто не видел ни Фолкнера, ни Шолохова. Кстати, в своих мемуарах Хрущев упоминает о любви Шолохова к возлияниям. Перед поездкой в США между ними произошел разговор, во время которого Шолохов дал Хрущеву соответствующие заверения. Но, видимо, все-таки не удержался.

Единственное, о чем я всегда задумывался чисто профессионально: а как же эти два гения, не знавшие языков друг друга, общались между собой? В промежутках между употреблением «огненной воды»…

## Результаты малые — надежды большие

Далее был Питтсбург, осмотр металлургического завода, где Хрущев с удовольствием общался с рабочими. Один из них достал из кармана сигару и протянул ее Хрущеву, тот принял подарок, а рабочему вручил часы, сняв их со своей руки. Среди рабочих оказался выходец из Белоруссии. Хрущев тут же подозвал Громыко и, когда тот подошел, представил министру его земляка.

Затем — Вашингтон, переговоры в Кемп-Дэвиде с Эйзенхауэром. Вновь — приемы, встречи и, наконец, заключительная пресс-конференция.

Готовя к изданию эту книгу, я еще раз обратился к текстам речей Хрущева, его ответам на многочисленные вопросы. Бросилось в глаза, что всякий раз он выступал за расширение торговли, но, правда, только теми товарами, которые могут заинтересовать Советский Союз, мол, если речь пойдет о сосисках или ботинках, то это для нас не предмет торговли. Этого Советскому Союзу не требуется (вспомнив прилавки наших магазинов в те и последующие годы, можно понять, почему они были такими пустыми). Словом, та многодневная поездка в Америку могла многому его обучить, но, к сожалению, он ограничился мелочами. Например, на заводе компании «Ай-би-эм» ему, как я уже говорил, понравился кафетерий самообслуживания — и в наших городах стало появляться нечто подобное.

Лейтмотивом выступлений Хрущева в той поездке было то, что Советский Союз догоняет и скоро перегонит Америку. Эту мысль он озвучил и на заключительной пресс-конференции. В то же время он всячески подчеркивал стремление нашей страны к прочному миру с Соединенными Штатами Америки. Подчеркивал необходимость договариваться по спорным вопросам. В этом ключе он вел переговоры с Эйзенхауэром, своим тогда еще «френдом». Расставаясь, они были уверены в том, что не пройдет и года, как Дуайт Эйзенхауэр посетит СССР с ответным визитом.

Вспоминая поездки в зарубежные страны, в которых мне довелось быть рядом с Хрущевым, я сейчас убежден, что именно тот визит в Америку был звездным часом Никиты Сергеевича. Тогда проявились его лучшие качества: руководителя, оратора, мастера-полемиста, человека, умеющего постоять за себя и свою идеологию. Симпатии американцев росли к нему с каждым днем, газеты писали, что если бы он выставил собственную кандидатуру на выборах любого уровня в США, то, скорее всего, победил бы. Насчет выборов, возможно, и перебор, но все же такая оценка

говорит о многом.

Так завершился этот визит. Триумфальный визит «коммуниста номер один» в «логово» империализма.

## Взрыв в небе — срыв в Париже

Ничто не предвещало тогда, что ответному визиту американского президента в СССР не суждено состояться. Поездка Эйзенхауэра оказалась в одночасье отмененной в связи с полетом над нашей территорией американского самолета-шпиона «U-2» 1 мая 1960 года. Отношения с США в очередной раз испортились. По той же причине провалилось и Парижское совещание в верхах, на котором должны были обсуждаться основные международные проблемы, а именно: разоружение, отношения между Востоком и Западом, мирный договор с Германией и вопросы, связанные с прекращением испытаний ядерного оружия. Хрущев все-таки поехал в Париж, и одно предварительное заседание там состоялось 16 мая. Кроме Хрущева на нем присутствовали Эйзенхауэр, де Голль и Макмиллан.

Первым взял слово Хрущев и сразу же в решительных выражениях потребовал от Эйзенхауэра недвусмысленного и безоговорочного осуждения практики разведывательных полетов над советской территорией, а также извинения за такие полеты. Говорил резко, а в конце заявил, что без всех этих действий с американской стороны он продолжать свое участие в совещании не намерен.

Все сидели за большим круглым столом. Рядом со мной находился госсекретарь США Кристиан Гертер. Эйзенхауэр во время выступления Хрущева наклонился к Гертеру, и я услышал, как он сказал: «Я не вижу причины, почему бы и нам не выступить с заявлением такого рода». На что Гертер ответил: «Нет, нам не следует этого делать».

Американцы заявили, что программа разведывательных полетов выполнена и они их продолжать не будут. Но осуждения практики таких полетов и прямых извинений не последовало. По сути дела, на этом совещание закончилось. С тем мы и уехали из Парижа. Я, конечно, рассказал Никите Сергеевичу о том, услышанном мной, коротком диалоге между Эйзенхауэром и его госсекретарем.

Никита Сергеевич слегка кивнул и нахмурился.

Начался новый виток холодного отчуждения.

# Очередной «главный вопрос»

Тем временем приближался сентябрь — начало работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Как всегда, у нас в МИДе искали тему для постановки на сессии нашего «главного вопроса», по которому СССР выступит с очередной «исторической» инициативой. Было решено выдвинуть комплекс предложений, направленных на окончательную ликвидацию колониализма во всех его формах и проявлениях. В те годы в мире происходили существенные изменения: колонии обретали независимость и становились полноправными членами ООН, развивалось Движение неприсоединения. В том же пакете предложений появилась и довольно странная инициатива, которая, по мнению ее авторов, должна была изменить саму структуру ООН. Не знаю, от кого конкретно она исходила, скажу лишь, что Хрущеву эта идея очень понравилась. Суть инициативы заключалась в том, что коль скоро весь мир делится на три группы стран — капиталистические, социалистические и неприсоединившиеся, то и Секретариат ООН должен возглавлять не один Генеральный секретарь, а три. На всех языках это предложение получило название «предложение о “тройке”».

Для любого мало-мальски разбирающегося в той политической ситуации человека было ясно, что это предложение мертворожденное. Но Хрущев никого не слушал. Он лично решил возглавить советскую делегацию. Думаю, ему хотелось силой своей аргументации убедить членов ООН принять два наших предложения, каждое из которых, конечно же, было направлено против империализма во главе с США. Хрущеву не терпелось на территории противника заняться активным его разоблачением.

Решение было принято, механизм подготовки запущен.

# Рейс Мира

В какой-то момент стало известно, что Хрущев решил отправиться в Нью-Йорк морем, на теплоходе. В своих мемуарах он объясняет данное решение тем, что якобы с самолетом произошли какие-то неполадки. Думаю, это не так. Никиту Сергеевича наверняка уговорили. Видимо, сказали, что десять дней на комфортабельном теплоходе дадут ему возможность и отдохнуть, и как следует подготовиться к выступлению в ООН.

Узнав о том, что в Нью-Йорк поедет Хрущев, лидеры соцстран один за другим объявили, что они тоже возглавят свои делегации. Эта волна коснулась и других стран. Например, делегацию Индии решил возглавить Джавахарлал Неру, англичане заявили, что на сессию поедет Гарольд Макмиллан. Словом, многие президенты и премьер-министры как бы подхватили инициативу Хрущева и включили в свои планы поездку в Нью-Йорк.

На теплоходе вместе с Хрущевым намеревались плыть руководители почти всех соцстран. В начале сентября они стали прибывать в Калининград, откуда и стартовал «Рейс Мира», названный так благодаря стараниям нашей пресс-группы.

Вместе с Хрущевым отправились в путь Янош Кадар, Тодор Живков, Антонин Новотный, Владислав Гомулка. Румыны сообщили, что будут добираться самостоятельно. В этом же рейсе участвовали руководители Украины и Белоруссии — Николай Подгорный и Кирилл Мазуров.

Теплоход назывался «Балтика». Судно достаточно старой постройки — впервые спущено на воду в 1940 году в Амстердаме. Во время войны его захватили немцы, а потом оно в качестве трофея досталось нам. Поначалу его назвали «Вячеслав Молотов». Но после «падения» Молотова теплоход приобрел более нейтральное название — «Балтика». На нем совершались регулярные рейсы между Ленинградом и Лондоном, но он был вполне пригоден и для плавания через океан.

Вместе с каждым руководителем отправился полный комплект охраны, переводчики, помощники и секретари. «Балтика» превратилась в своеобразный плавучий офис. На борт постоянно поступали шифрованные телеграммы, с теплохода также шли различные шифровки.

Посылались материалы и в прессу. Журналисты мучились над заголовками, ведь каждый день их сообщения должны были публиковаться на первых страницах газет. Вначале свои заметки они называли «Рейс Мира начался», затем — «Рейс Мира продолжается». На этом их фантазия иссякла. Пресс-группа

готова была конкурс объявить на лучший заголовок.

Обстановка на теплоходе царила демократичная. Определялась она прежде всего характером Хрущева, да и просто замкнутым пространством. Кругом, как говорится, вода, вода… Днем сидели на палубах в раскладных шезлонгах. Работали два ресторана, жизнь — как в санатории: с такого-то часа до такого — обед, с такого-то до такого — ужин и так далее. Если опоздаешь — останешься голодным. Никто, конечно, не оставался, но работники ресторана на всякий случай предупреждали.

Дня через два мы вышли из Балтийского моря, прошли мимо Великобритании, Франции и оказались в открытом океане. Вскоре началась сильная качка. Мы увидели, что морской болезни подвластны все — и главы государств, правда кроме Хрущева, и младшие сотрудники. Количество едоков в ресторанах постепенно таяло. И за главным столом, где восседали руководители, становилось все более пустынно. А в какие-то моменты Никита Сергеевич вообще оказывался в одиночестве.

Нельзя сказать, что мы, переводчики, бездельничали в этом комфортном плавании. Журналисты писали статьи, а мы корпели над речью Хрущева. Текст нам поступал кусками, по мере готовности. Он был велик — рассчитан на два с половиной часа чтения.

После того как началась качка, ряды наши поредели — почти все машинистки, которые умели работать под диктовку, выбыли из строя. Врачи, конечно, раздавали таблетки, но они мало помогали.

К чести Никиты Сергеевича надо отметить, что он не только ни одного обеда не пропустил, но и ни одного фильма из тех, что показывали по вечерам. Каждый день он гулял по палубе, играл в разные палубные игры, больше всего нравилась ему та, в которой особой клюшкой надо было толкать специальные шайбы на разграфленной площадке. Он втянулся в эту игру и втянул в нее Яноша Кадара. И даже Громыко, помню, не удержался и тоже несколько раз брал в руки клюшку.

По нескольку раз в день мимо нас проплывали корабли, идущие с Кубы. Эти рейсы намеренно были спланированы так, чтобы наш теплоход всегда находился в поле зрения и в случае чего было кому прийти на помощь.

К концу путешествия мы закончили перевод речи Хрущева. К выступлению прилагалась еще и Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

# Холодная встреча

Как я уже говорил, события, связанные со шпионским полетом «U-2», вконец испортили отношения между Советским Союзом и США. Хрущев лично, своими речами, заявлениями, прочими высказываниями, да и вся наша пропагандистская машина работали на то, чтобы развернуть на 180 градусов те положительные эмоции в отношении США, которые родились год назад, во время триумфальной поездки Хрущева по Америке. Американцы в своей пропаганде, разумеется, отвечали нам взаимностью, так что мы знали, отправляясь в Нью-Йорк, — атмосфера будет совсем не такой, какой она была годом раньше. Одним словом, готовились мы отнюдь не к теплому приему.

И вот — на десятый день — на горизонте показался силуэт Нью-Йорка с его небоскребами. На подходе к Нью-Йоркской гавани навстречу нам вышел довольно внушительных размеров катер. Он был заполнен демонстрантами, которые в руках держали плакаты с враждебными лозунгами в наш адрес. Кроме того, они выкрикивали их во весь голос через мегафон. Потом «Балтику» окружили полицейские катера, и в их кольце мы стали подходить к пирсу.

Вид пирса всех удивил: он был старый, полуразрушенный, какой-то облезлый. Наш посол заранее предупредил Хрущева, что аренда хорошего пирса будет стоить очень дорого, и Никита Сергеевич распорядился не тратить денег, а подыскать что-нибудь подешевле. Дальше — больше: профсоюз портовых рабочих демонстративно отказался обслуживать корабль «врага». Пришлось на воду спустить шлюпку, на которой матросы доставили причальный конец на берег и пришвартовали судно.

Нас встретили скромно — наш посол, сотрудник постпредства при ООН и еще несколько человек. Американских официальных лиц не было. Вообще, интерес американцев к нашей делегации, пожалуй, проявлялся только со стороны многочисленных охранников.

Хрущев поселился в здании советского постпредства при ООН. На следующий день местные газеты вышли с большими, как принято говорить — аршинными, заголовками. Сообщалось, что один из матросов «Балтики» сбежал с корабля и попросил у американских властей политического убежища. Перебежчиком оказался житель Прибалтики, достаточно долго проработавший на гражданских судах. Конечно, этот факт обеспокоил нас всех. Хрущеву, разумеется, доложили о ЧП, и он, видимо, продумал, как и что отвечать на вопросы корреспондентов.

Когда у подъезда здания постпредства его окружили журналисты, первый вопрос был об этом матросе. Я видел горящие, возбужденные глаза корреспондентов и совершенно бесстрастное лицо Хрущева. Он спокойно сказал:

— Ну, вы знаете, собственно говоря, ничего особенного не произошло. Если он хочет жить здесь, а не у себя дома, то это его личное дело. А если бы он заранее сообщил мне, что таково его желание, то я готов был бы ему помочь устроиться, хотя бы на первое время. Одним словом, дай Бог ему здоровья, и если ему нужна будет какая-то помощь, пусть ко мне обратится.

И пошел к своей машине. Больше вопросов об этом перебежчике Хрущеву не задавали. Срезал, так сказать…

Все мы понимали, что ответ Хрущева не соответствует действительности. Хорошо знали о том, что ожидало тогда тех, кто пытался бежать на Запад, но ответ, согласитесь, прозвучал достойно, и, как бы то ни было, он сработал. Никита Сергеевич на этот раз проявил находчивость и, я бы даже сказал, взвешенную дипломатичность. И оттого сенсация стала однодневной. При этом я не думаю, что ему кто-то заранее посоветовал, как надо вести себя в подобной ситуации.

## «Мы так строить не будем»

Прибыв в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи, Хрущев счел, что, как и на наших партийных съездах, он должен появляться на всех заседаниях сессии — утренних и дневных. Конечно, в этом не было ни малейшей необходимости. Обычно прибывшие в Нью-Йорк главы государств и правительств появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну.

Так что мы в эти дни по два раза мотались из резиденции в здание ООН и обратно.

И вот в одну из таких поездок произошел любопытный разговор.

В машине на заднем сиденье — Хрущев и Громыко. Я — на откидном. Когда наш лимузин проезжал по одной из «стрит», Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба. Стройку окружал забор, и улица не была перекрыта. По определенному графику к стройке подъезжали машины с раствором и стройматериалами и, выгрузившись, уезжали. Все привезенное сразу же пускалось в дело. На этой стройке даже не было предусмотрено место для складирования стройматериалов. Короче говоря, для советского человека — весьма непривычная картина.

Наша машина притормозила у светофора. Громыко еще раз привлек внимание Никиты Сергеевича к стройке:

— Смотрите, как интересно строят. И быстро, и грязи нет, и улицу не перекрывают.

Никита Сергеевич вгляделся и отрезал:

— Ну и дураки! Неэффективно это, медленно, для строителей неудобно. Только время теряют. Мы так строить не будем. Стройка так стройка! Надо все огородить, перекрыть, стройматериалы завезти, чтобы все под рукой было. Тогда и будет быстро и хорошо.

Меня его высказывание неприятно поразило. Во время своих поездок в США, да и в другие страны, мне доводилось не раз видеть, как там строят. Приедешь в один год — еще только идут взрывные работы под фундамент. А на следующий — уже высится готовый или почти готовый дом. И подумал я там, у светофора, что у нас не скоро со строительством дело наладится, если у руководителя государства подобные суждения.

Прошло уже много лет, но я до сих пор помню, как Громыко пытался обратить внимание Хрущева на то, что ему самому, то есть Андрею Андреевичу, казалось олицетворением передовых

методов. После взрывного хрущевского ответа он как-то сразу притих и больше не сказал ни единого слова. Что же касается меня, то я тоже как-то внутренне сжался. Ни тогда не мог понять, ни сейчас не понимаю, почему же не заметил, не увидел эффективности этого метода строительства Хрущев, еще год назад колесивший две недели по Америке, от Восточного побережья до Западного, живший в самых разных гостиницах, которые все как одна были современными и строились именно по данному принципу! Ну не мог он на это не обратить внимание! Ведь по природе своей он был чрезвычайно любознательным человеком. Если узревал, например, какую-нибудь кнопку, назначение которой не понимал, то обязательно допытывался — что за штучка, что за механизм, для чего она и так далее. Вот я и повторяю: видел же он все это, пользовался многими достижениями цивилизации. И все же каким-то образом не воспринимал. Но ведь и не скажешь ему об этом… И вообще, я даже в страшном сне не мог представить себе, чтобы попытаться поддержать мнение моего министра или не дай бог высказать свое. Конечный результат был виден, как говорится, на лице. Виден и — ощущаем! И так — каждый день, каждый час…

Чем же было вызвано у Хрущева такое вот резкое неприятие? Будто какие-то шоры на глазах. Складывалось ощущение, что он даже в глубинах собственного сознания не мог допустить и мысли о своей неправоте. Потому что это вообще обрушило бы все его представления. Да впрочем, он редко с кем-нибудь соглашался. Во всяком случае, не припомню, чтобы Никита Сергеевич допускал сослагательное наклонение. И если уж что-то утверждал, то оспорить его было невозможно. Нельзя. Бесполезное занятие. А когда у него не хватало аргументов, он использовал свою власть. Нет аргументов — кулаком по столу! Об одном из подобных случаев я уже рассказывал выше.

На Западе, особенно в США, Хрущеву во время самых разных встреч постоянно задавали вопросы на тему необходимости свободного обмена информацией, идеями, в том числе периодикой, журналами, книгами и тому подобным. И всякий раз Хрущев, всецело выступая за обмен опытом в промышленности, в сельском хозяйстве, едва речь заходила о более широком обмене идеями, тут же выдвигал тезис: «Смотря какие идеи!» В том смысле, что подкидывать, подбрасывать нам какие-то «чуждые» идеи нельзя. Каждый раз повторял, что наш, советский, народ должен сам выбирать, какие именно книги он захочет читать, а какие — не захочет. Но при этом судьей-то верховным всегда оставался он сам, Хрущев, или узкий круг его политических единомышленников. Должен сказать, что уже и в те годы я

внутренне восставал против такого подхода. Думаю, что Хрущев не понимал, что он подобными своими высказываниями обеднял, принижал советских людей. Видимо, вбил в собственное сознание, что именно он и есть весь советский народ. И значит, он сам полностью выражает волю народа. Но вот искренно ли Никита Сергеевич в это верил, не знаю. Во всяком случае, если судить по тому, сколь жестко и убежденно всякий раз он говорил об этом, вполне можно думать, что Хрущев действительно искренно был уверен в своей правоте.

Однако к тому моменту уже прошли все его «зубодробительные» встречи с представителями интеллигенции — художниками, писателями, поэтами, и он мог сам увидеть и услышать, что далеко не все единодушны во взглядах и хотят через одни очки смотреть на изобразительное искусство, на литературу, на культуру вообще. Впрочем, может быть, он и в самом деле считал, что с ним не согласны только единицы, о которых и говорить не стоит, в чем его, конечно же, усердно убеждали, ибо в стране существовал единый могущественный идеологический аппарат и в центре, и на местах.

И поэтому Хрущев совершенно убежденно, изо дня в день, во время своих зарубежных поездок твердил одно: наш народ этого не приемлет, нашему народу это не нужно! Ему пытались вежливо и робко отвечать: но может быть, все-таки стоит дать оценить народу? И если сам народ отвергнет, то это, несомненно, его право! На что он тотчас реагировал: а зачем предлагать, если я вам сказал? Я знаю, чего хочет, а главное — чего не хочет наш народ!..

Это было постоянным лейтмотивом его выступлений, и подобные заявления, повторюсь, звучали с предельной убежденностью. Но я-то, в конце концов, если говорить, например, о литературе, читал многое из того, что якобы «наш народ не приемлет», и не могу сказать, что лично я этого не принимал.

И вот во время той поездки на автомашине по Нью-Йорку я на минуточку представил себе, что под влиянием описанного выше эпизода Хрущев начнет американцев учить, как, по его убеждению, надо строить. А я при этом, как обычно, буду стоять у его плеча и абсолютно доподлинно, я бы сказал верноподданно и буквально, переводить все то, что скажет премьер, в душе, разумеется, понимая, что озвучиваю полный бред. И это будет ясно любому здравомыслящему человеку! Но ведь — буду же переводить! Потому что такова профессия. Такова работа. Такова обязанность…

# ООН за работой

Прежде чем рассказать об истории участия Хрущева в работе 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, истории, обросшей легендами, стоило бы, наверное, немного отвлечься на описание процедуры проведения ежегодных сессий ООН.

Начинается каждая сессия с так называемой общей дискуссии, длящейся две — три недели. Именно в этот период в Нью-Йорк и съезжаются высокопоставленные представители государств — членов Организации Объединенных Наций. По большей части это министры иностранных дел. Но на каждую сессию приезжают от тех или иных стран и президенты или премьер-министры, если хотят подчеркнуть значимость своих предложений, проблем, которые их особо волнуют. В тот год, в основном под влиянием решения Хрущева лично участвовать в работе сессии, съехалось особенно много глав государств и правительств, о чем я уже говорил.

Общая дискуссия проходит без фиксированной повестки дня. По сути дела, каждый участник волен в своем заявлении затрагивать, ставить, выдвигать любые вопросы или предложения. По итогам общей дискуссии никакой резолюции или иного решения не принимается. А вот после нее начинается, я бы сказал, действительно конкретная работа Ассамблеи. Еще до начала сессии готовится повестка дня, насчитывающая более сотни вопросов. На первых, чисто организационных заседаниях сессии они распределяются между шестью главными комитетами Генеральной Ассамблеи, каждый из которых занимается определенной тематикой: разоружение и международная безопасность, экономика и финансы, социальная, гуманитарная и культурная сферы, деколонизация, административно-бюджетная область и юридические проблемы. Некоторые наиболее важные, актуальные вопросы рассматриваются непосредственно на пленарных заседаниях самой Генеральной Ассамблеи, где по ним и принимаются соответствующие резолюции.

У нас всегда считалось, что все наши «главные вопросы» должны обсуждаться исключительно на пленарных заседаниях, а передача их в тот или иной комитет расценивалась как попытка похоронить вопрос, предать его забвению, хотя на самом деле резолюции Генассамблеи носят лишь рекомендательный, а не обязательный характер.

Отмечу еще один момент, касающийся периода проведения общей дискуссии. Список выступающих, конечно, готовится заранее. Кому-то выпадает выступить в первый день, а кому-то и в

последний, то есть уже через две, а то и три недели после начала сессии. Ведь государств — членов ООН много. При этом Секретариат ООН более-менее справедливо устанавливает очередность и время выступления ораторов в тот или иной день.

Но существуют и негласные обычаи. Так, американский представитель — а, как правило, это президент США, благо ему в Нью-Йорк из Вашингтона и ехать-то недалеко, — выступает в первый день утром. По тому же неписаному правилу наш представитель выступает во второй день. В те годы такая последовательность была отнюдь не случайна: советской делегации необходимо было ознакомиться с речью американцев, с тем чтобы на следующий день, в зависимости от состояния советско-американских отношений, либо вставить в заранее заготовленную нашу речь соответствующие возражения или шпильки в адрес «американских империалистов», либо, скажем в период разрядки напряженности, поддержать или похвалить американцев за определенные инициативы. В свою очередь, например, английский представитель обычно выступал после нашего, с тем чтобы попытаться нейтрализовать те или иные антизападные пассажи в наших речах. Вот такая велась игра с самого начала работы сессии.

Попутно скажу, что мне, как Директору Управления по делам Генеральной Ассамблеи (последние пять лет своей профессиональной карьеры я прослужил в Секретариате ООН), и моим сотрудникам как раз и приходилось заниматься всеми организационными и текущими вопросами, связанными с работой именно Генеральной Ассамблеи, в том числе составлением графика выступающих в общей дискуссии, распределением отдельных вопросов повестки дня по комитетам. Одним словом, всем, что связано с организацией нормальной деятельности Генеральной Ассамблеи.

Однако вернемся в сентябрь 1960 года, в Нью-Йорк, куда и прибыл Никита Сергеевич Хрущев для участия в очередной сессии.

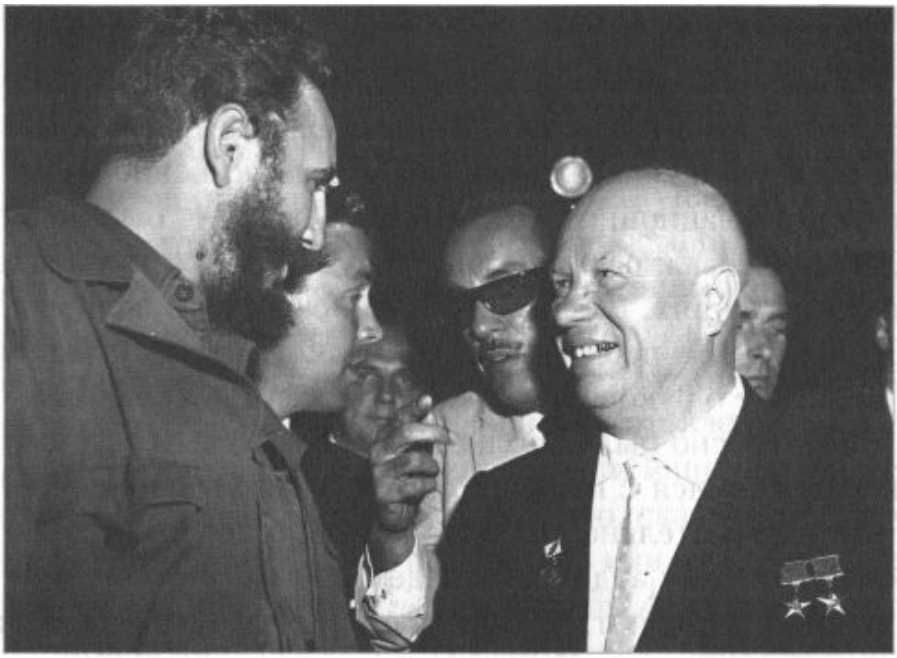
# Первое знакомство с парламентаризмом

Громыко пытался убедить Хрущева в том, что тому, как главе правительства, не обязательно ездить на каждое заседание Генеральной Ассамблеи, особенно на первое, организационное. Но Никита Сергеевич был непреклонен. Сказал: раз приехал, то буду присутствовать на всех заседаниях. Вслед за ним, конечно же, такое решение приняли и первые лица социалистических стран, не говоря уже о руководителях Белоруссии и Украины.

Интересно было наблюдать за Хрущевым. Он впервые столкнулся с практикой буржуазного парламентаризма. Внимательно ко всему присматривался, старался понять, почему аудитория ведет себя по-разному: одни горячо аплодируют, другие сидят молча, третьи вообще слоняются по залу. Поражая всех, он являлся к самому началу утренних и дневных заседаний. Опытный в этих делах Громыко напрасно уговаривал его не торопиться, мол, заседания Генассамблеи никогда не начинаются вовремя. Но Хрущев говорил:

— Ничего не знаю. По регламенту заседание начинается в одиннадцать. Именно тогда мы там и будем.

Делать нечего. Ехали. Хрущев входил в пустой зал. Подходил к тем креслам, которые были отведены для нашей делегации. Потом в недоумении бродил по вестибюлю или выходил в ооновский парк. Возмущался здешними порядками. В Верховном Совете подобного представить было нельзя. Посмел бы там кто-нибудь опоздать к началу заседания или во время его проведения разгуливать по залу!



***Ф. Кастро и Н. С. Хрущев на Генеральной Ассамблее ООН***

***Нью-Йорк, 1960 год***

Наверное, все эти дни в нем копилось недовольство и плюс к этому его обуревало желание поскорей выйти на трибуну и раскрыть всем глаза на то, что происходит в мире и здесь, в ООН. Наконец этот долгожданный момент настал. Хрущев, не отступая от текста, выступил с более чем двухчасовой речью, со своим программным заявлением. Досталось на орехи всем империалистам, особенно американским, которым он припомнил все их прегрешения, включая и «U-2». Прозвучали и предложения о ликвидации колониализма, об учреждении «тройки» вместо поста одного Генерального секретаря ООН.

Зал был переполнен. Многие пассажи в выступлении Никиты Сергеевича встречались громом аплодисментов, исходящих прежде всего от наших союзников. Иногда Хрущев, взяв стоящий перед ним стакан боржоми, отпивал из него, хвалил, как всегда, этот напиток и советовал попробовать его всем присутствующим.

Сразу замечу, что в конечном счете Декларация о

предоставлении независимости колониальным странам и народам была принята на основе нашего проекта. И добавлю, что с тех пор, можно сказать с легкой руки Хрущева, вопрос, озаглавленный «О выполнении Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», в качестве отдельного пункта включался в повестки дня всех последующих сессий Генеральной Ассамблеи ООН вплоть до наших дней. Получилось, что в том году мы со своим «главным вопросом» угадали.

Практически все ораторы, выступавшие после Хрущева в ходе общей дискуссии, так или иначе затрагивали выдвинутые советским лидером инициативы. При этом некоторые из них обращали внимание зала на то, что кроме колониализма, о котором говорил Хрущев, есть и другой вид угнетения — тот, который навязал Советский Союз странам Восточной Европы. Это вызывало бурную реакцию Хрущева. А тут еще кто-то начал вещать с трибуны о «кровавых действиях Советского Союза» в Венгрии в 1956 году, и этого уже Хрущев перенести не мог. Он стал с места громко возражать против заявлений того или иного оратора. Однако микрофоны перед делегатами тогда еще не устанавливали, и поэтому ему приходилось кричать изо всех сил, но все равно без толку: ведь сидящие в будках синхронные переводчики его не слышали.

В своих мемуарах Никита Сергеевич пишет, что многие в зале выражали несогласие с выступающими: топали ногами, громко протестовали и так далее. Но этого не было. В ООН подобное просто не принято. Там действуют строгие правила процедуры. Разрешается в ходе дискуссии брать слово для ответа на то или иное выступление или же по порядку ведения, если оратор говорит не на тему или как-то иначе нарушает регламент. В этом случае председательствующий прерывает оратора и дает слово для чисто процедурного возражения. Но Никиту Сергеевича все эти права и правила мало интересовали.

И вот на трибуне — представитель Филиппин, флегматичный, тщедушного вида мужчина. Он говорил о событиях в Венгрии, об аннексии Прибалтийских республик. К тому моменту Хрущев уже уяснил себе, что его выкрики с места никто не слышит, но все же продолжал буйствовать. Кстати, премьер-министр Англии Макмиллан прервал свое выступление, когда Хрущев начал снова что-то выкрикивать, выдержал паузу и с легкой улыбкой в усы произнес: «Хоть бы мне кто-нибудь его перевел, что ли…» Реакция — типично британская. Филиппинец же старался не обращать внимания на выкрики. Тогда Хрущев начал барабанить кулаками по столу. Пробовал и топать ногами,

но получалось малоэффективно, поскольку пол был устлан сплошным ковровым покрытием.

Рядом сидел Громыко. Мало того что он не пытался успокоить своего соседа, так еще и сам разошелся. Кто бы мог представить Андрея Андреевича, бьющего кулаками по столу в зале Генеральной Ассамблеи! Однако я это видел.

Громыко все же сумел в какой-то момент объяснить Хрущеву, что тот имеет право перебить оратора и взять слово по порядку ведения.

— Ах, все-таки имею право перебить? Очень хорошо! — обрадовался Никита Сергеевич и поднял вверх табличку с названием своей страны.

Председатель прервал филиппинца. Тот покорно сошел с трибуны, а его место быстро занял Хрущев. Причем, подходя к трибуне, он сделал жест рукой, как будто смахивает с нее оратора словно муху.

Хрущев, разумеется, начал говорить не по порядку ведения заседания, а свое. Председатель сессии — Фредерик Боланд, ирландец — перебил его, мол, извините, но это — не по порядку ведения. Однако Хрущев все же успел-таки высказаться об «американских марионетках» на Филиппинах. А про самого оратора сказал:

— Не знаю, может быть, он сам по себе и неплохой человек, но ясно, что он выполняет волю своих заокеанских хозяев.

На следующий день филиппинец, получив официальный протокол прошедшего заседания, содержащий и высказывания Хрущева, попросил на очередном заседании воспользоваться своим правом на ответ. Это получилось довольно смешно. Филиппинец вышел на трибуну и начал цитировать Хрущева: «Вот он вчера сказал, что он, то есть я, может, и неплохой человек, но…» и так далее.

Зал разразился смехом. Хрущев же хохотал чуть ли не до слез. Получилось, что обиженный оратор просто повторил его слова.

Выступления продолжались. Время от времени в них звучали заявления, которые Хрущев воспринимал как выпады против коммунизма, Советского Союза и социалистической системы в целом. Протестуя, он продолжал стучать кулаками по столу. А потом, в какой-то момент, я вдруг вижу — он снял с ноги ботинок и стучит уже им. Отмечу, что это был не совсем ботинок, хотя так его потом называли во всех газетах мира, а, скорее, башмак, что-то вроде сандалии, с несколькими ремешками на носке. Тупоносую коричневого цвета обувь Хрущев тогда любил носить в теплую погоду.

Когда он начал колотить башмаком по столу, мне стало дурно. Думаю, не только мне. Позже Никита Сергеевич пытался объяснить этот случай, взглянуть на него, так сказать, объективно. В своих воспоминаниях он пишет, например, что Неру не очень одобрил его действия, и поясняет, почему вынужден был прибегнуть к башмаку. В зале, прямо перед ним, сидела делегация франкистской Испании. А перед его отъездом из Москвы пребывающая в эмиграции в СССР Долорес Ибаррури, деятель испанского и международного рабочего движения, обратилась к нему с просьбой: если будет возможность, пристыдить и разоблачить франкистов. И вот после выступления министра иностранных дел Испании он, Хрущев, выполняя просьбу Долорес Ибаррури, стал выкрикивать слова против Франко и для большей убедительности стучать ботинком по столу. Тем самым он выполнил просьбу Долорес.

Цель как бы оправдывала средства.

Но я помню и другое объяснение, данное им в тот же день, как говорится, по горячим следам. После заседания Хрущев пригласил некоторых руководителей соцстран в свою машину, поскольку устраивал в нашей миссии завтрак в их честь, и по дороге завел разговор о злосчастном башмаке. Сказал, что вывел его из себя испанский оратор, пришлось так бить кулаками по столу, что часы остановились. «Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и начал им стучать». И ни слова о просьбе Долорес. Конечно, обидно сломать часы… Хорошо еще, что башмак уцелел.

Выступление испанского министра глубоко задело Хрущева. Он тут же потребовал слова в осуществление права на ответ. Когда его предоставили, стал с трибуны на чем свет стоит крыть и режим в Испании, и самого Франко. А Франко, какой бы он ни был, являлся главой государства — члена ООН. Хрущев кричал, что «придет время, и народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!». По всем парламентским законам это было явным оскорблением. Председатель сессии прервал Хрущева и заметил, что «выступающий оскорбляет главу государства, а это у нас не положено». Он тщетно пытался лишить Хрущева слова. Но ведь Никита Сергеевич стоял на трибуне у микрофона, наушников, через которые поступает синхронный перевод, у него не было, и английскую речь Боланда он не понимал. Да если бы и понимал, полагаю, не захотел бы остановиться. Догадываясь, что председатель пытается его урезонить, он обернулся к нему и стал обличать уже Боланда:

— Ах, вот как?! И вы, председатель, тоже поддерживаете

этого мерзкого холуя империализма и фашизма?! Так вот я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Ирландцы — народ эмоциональный и горячий. Боланд, услышав выпады теперь уже в свой адрес, стал пунцовым и закричал:

— Вы нарушили уже все правила! Я лишаю вас слова и закрываю заседание!

И тут Боланд вспомнил, что у него в руках председательский молоток, которым в таких случаях можно стукнуть по деревянной подставке, что он и сделал, но уж очень сильно. Молоток треснул, и головка его, кувыркаясь, полетела в зал. Все замерли. Хрущев продолжал еще что-то выкрикивать, но его уже никто не слышал, так как микрофон отключили. Боланд встал и покинул зал. И только тогда Хрущев, явно нехотя, возвратился на свое место.

Потом мне рассказали, что кто-то все-таки подобрал головку молотка в зале, и она до сих пор хранится в здании на Ист-Ривер. У председателя же впоследствии появился новый молоток. Его подарили норвежцы. Он много мощнее сломанного, выполнен из дерева какой-то ценной породы и покрыт орнаментами времен викингов. Сломать его уже не так просто. Да и таких возмутителей спокойствия, каким был Хрущев, больше нет в мировой политике.

Что касается нашего предложения о введении «тройки» вместо поста одного Генерального секретаря ООН, то оно вызвало решительный протест всех делегаций, кроме, конечно, наших союзников, и с треском провалилось. Тогдашний Генсек ООН швед Даг Хаммаршельд, отвечая на критику Хрущева, упрекнувшего его с трибуны в том, что он целиком и полностью на стороне капиталистического мира, сказал, что не может принять такие обвинения, что является беспристрастным слугой международного сообщества, каковым только и может быть Генеральный секретарь ООН, и что, на его взгляд, концепция руководства ООН «тройкой» не имеет будущего. И стал настаивать на том, чтобы «предложение о “тройке”» ни в коем случае не было принято. В ответном выступлении Хрущев воскликнул:

— Ну как же так, как вы можете выступать против?! Я вас принимал у себя в стране! Я вас на лодке катал!..

Обида и недоумение слышались в этих словах.

# Двое в одной лодке

Думаю, что большая часть делегатов не поняла, о какой такой лодке шла речь. Видимо, сейчас стоит рассказать о том, что имел в виду Никита Сергеевич.

Несколькими месяцами ранее Хаммаршельд побывал в СССР. Мне было поручено сопровождать Генсека ООН. Показывал ему Москву, принимал участие в его переговорах с Громыко, потом ездил с ним в Дубну, в Институт ядерных исследований. Помню, там мне довелось увидеть Льва Ландау. После того как мы посетили лабораторию известного физика, директор института Дмитрий Блохинцев напомнил академику Ландау, чтобы он не забыл прийти на завтрак, который дается в честь Генерального секретаря ООН. Великий ученый спросил:

— А обязательно ли мне там быть? Не хотелось бы тратить время, работа ждет.

Блохинцев ответил:

— Нет уж, нужно быть обязательно.

Хрущев принимал Хаммаршельда у себя на даче в Пицунде. Анатолий Федорович Добрынин, в тот период заместитель Генерального секретаря ООН, в своих мемуарах вспоминает, что он уговаривал Хаммаршельда не садиться на своего любимого конька во время бесед с Хрущевым — не говорить об идее превращения ООН в некое подобие «мирового правительства». Хаммаршельд действительно носился тогда с этой идеей. Когда он приехал в Пицунду, то в первой же беседе с Хрущевым все же поднял данную тему. Она показалась Хрущеву скучной и нереальной. Поэтому в какой-то момент он предложил Хаммаршельду выйти и погулять по пляжу.

Они подошли к небольшому лодочному причалу. Там слегка покачивалась на воде маленькая, двухместная, лодка. Хрущев жестами предложил Хаммаршельду покататься на ней. Тот согласился. Они сели в лодку. Хрущев взялся за весла, Хаммаршельд устроился на корме. Я было тоже попытался сесть — на нос, где еще оставалось место, но охранник схватил меня за руку:

— Нет, Виктор, нельзя. Перевернешь лодку.

Я растерялся:

— Как же они без переводчика? Никита Сергеевич, меня не пускают!

Хрущев рассудил так:

— Ну ничего, мы немножко вдвоем молча покатаемся.

И они отплыли. Возле них появилась лодка с двумя

охранниками. Я наблюдал с причала, как Никита Сергеевич работает веслами. Минут тридцать продолжалась эта морская прогулка. Как и о чем уж они там говорили без переводчика, не знаю, но, когда вернулись, Никита Сергеевич со смехом сказал мне:

— Вот уж где я наговорился всласть!

Вечером того же дня Хаммаршельд был приглашен на ужин. Он, видимо, уже понял, что обсуждать с Хрущевым концепцию превращения ООН в «мировое правительство» не только не целесообразно, но и, как сейчас говорят, контрпродуктивно. И завел вдруг разговор о книге Бориса Пастернака «Доктор Живаго», вокруг которой тогда у нас разгорелся большой скандал. Хаммаршельд знал это и предельно вежливо защищал право писателя на свободу творчества. Он, разумеется, книгу читал и пытался доказать, что в «Докторе Живаго» не содержится ничего крамольного.

Хрущев занервничал и стал возражать ему, повторяя вздорные трафаретные обвинения в адрес Пастернака, публиковавшиеся в наших газетах. При этом чувствовалось, что сам он книгу не читал. К счастью, в беседу вступил В. Лебедев, помощник Хрущева, который на другом уже уровне повел разговор, хотя все с тех же, наших, позиций. Хаммаршельд почувствовал, что перед ним собеседник, хотя бы читавший книгу, и с интересом втянулся в литературный диспут. Хрущеву стало скучно. Разговор как бы уже его не касался. Он к этому не привык. Никита Сергеевич оборвал Лебедева:

— Хватит. Не для этого разговора сюда приехал Генеральный секретарь.

Вот о какой встрече вспомнил Хрущев, упрекая Хаммаршельда с трибуны ООН. Кто знает, может быть, именно та встреча и породила у Никиты Сергеевича идею о трех генеральных секретарях. Чтобы хоть один из них придерживался наших взглядов.

Кстати, тогда, в зале заседаний ООН, Хаммаршельд на нашего лидера не обиделся. Когда Хрущев вернулся с трибуны на свое место, он подошел к нему. Хрущев как ни в чем не бывало сказал:

— Ну, господин Хаммаршельд, не обижайтесь. Знаете, чего не наговоришь в пылу полемики! Приезжайте к нам еще, я вас снова на лодке покатаю.

Хаммаршельд ответил, что как раз потому и подошел, что хотел еще раз поблагодарить за ту прогулку…

Но Хрущеву больше не довелось покатать Хаммаршельда на лодке. Через год Генеральный секретарь ООН погиб в

авиационной катастрофе, которая произошла над территорией раздираемого внутренним военным конфликтом Конго, куда он направлялся с миссией мира.

# Путь к Вене

После сорванной встречи в Париже и отмены официального визита Эйзенхауэра в Советский Союз отношения между нашей страной и США оказались практически замороженными. Контакты на высоком уровне прекратились.

1960-й был годом високосным. А как известно, каждый ноябрь високосного года в США проходят очередные президентские выборы. Уже во время пребывания Хрущева в Нью-Йорке предвыборная кампания набирала темп. На телевизионных экранах шли дебаты между основными кандидатами — тогдашним вице-президентом Ричардом Никсоном и молодым, почти никому не известным в Советском Союзе, сенатором Джоном Кеннеди.

***На открытии выставки «Достижения СССР в области науки, техники и культуры».***

***На переднем плане: Р. Никсон, его дочь Патриция, жена Пат, В. М. Суходрев, Ф. Р. Козлов***

***Нью-Йорк, 1959 год***

Одну из таких телепередач я смотрел в гостинице, с

удовольствием затягиваясь сигаретой. Надо сказать, что до этой поездки я примерно на полтора года бросил курить. Причем довольно легко: заболел сильно гриппом, недомогал долго и курить просто не хотелось. А в Нью-Йорке опять закурил. Приехал без сигарет, а уехал с несколькими блоками «Мальборо». Да еще Фидель Кастро после встречи с Хрущевым в Нью-Йорке подарил нашей делегации несколько коробок сигар. И все мои коллеги дымили этими сигарами.

Теледебаты увлекли меня. Никсона я к тому моменту уже знал лично — общался с ним в 1959 году на открытии нашей выставки в Нью-Йорке. Кеннеди же я практически не знал, смутно помнил по его короткому общению с Хрущевым, опять же в 1959-м, когда советская делегация приезжала на встречу с членами сенатского Комитета по международным делам. Сенатор и наш лидер обменялись тогда буквально несколькими словами. А вот во время теледебатов я хорошо рассмотрел Кеннеди, и он мне очень понравился. Молодой, симпатичный, говорил не только грамотно, но и убедительно.

Никсона наши не любили из-за его активного антикоммунизма. Собственно, на этом он и сделал себе карьеру. Кеннеди пользовался большим расположением советского руководства. Хотя для наших он был непростительно молод, около сорока пяти лет от роду. Для почти семидесятилетнего Хрущева — просто пацан.

Выборы состоялись, и победил на них, правда с незначительным перевесом, Джон Кеннеди. И после выборов, и после инаугурации ему от имени Хрущева были посланы поздравления.

Кеннеди решил, что надо, не особенно затягивая, встретиться с лидером коммунистической державы. Познакомиться с ним, поговорить. Хрущев в данном случае придерживался своей обычной линии: встречаться обязательно лицом к лицу. В предстоящих беседах с новым президентом США он предполагал убедить его в своем миролюбии, конструктивном подходе ко многим вопросам и, может быть, даже уговорить принять наши некоторые внешнеполитические предложения. После подготовительных переговоров было условлено, что встреча состоится 3–4 июня 1961 года в Вене, то есть на нейтральной территории.

Из мемуаров ближайших сподвижников Кеннеди известно, что президент США перед встречей с Хрущевым прочитал огромное количество речей и выступлений нашего лидера, отчеты о его встречах с Эйзенхауэром и вообще изучил все, что касалось Хрущева, его образа жизни, методов ведения переговоров и так

далее. В свою очередь, много справочной литературы штудировалось и в Москве — Хрущев тоже готовился к встрече основательно. Вместе с тем, несмотря на такую тщательную подготовку, встреча двух лидеров мыслилась как встреча-знакомство. Не предполагалось ни подписания соглашений, ни публикации объемистых заключительных коммюнике.

Хрущев отправился в Вену поездом. Наверное, он решил за два дня пути, вдали от повседневной кремлевской суеты еще раз обдумать важную встречу. Я же вместе с большой группой советников и экспертов прибыл в Вену несколькими днями ранее.

Помню, мне и моему коллеге-переводчику выделили машину. Водителем оказался молодой австрийский студент. Он таким образом подрабатывал во время каникул. За те два дня, что мы ждали Хрущева, он показал нам свой прекрасный город. Он же и привез нас на вокзал к поезду, в котором прибыл Хрущев.

Никиту Сергеевича встречали представители австрийского правительства, сотрудники нашего посольства и других советских учреждений в Вене. В то время пост постоянного представителя СССР при Международном агентстве по атомной энергии в Вене занимал Вячеслав Михайлович Молотов, сподвижник Ленина и Сталина, изгнанный Хрущевым из ЦК и отправленный с глаз долой сначала послом в Монголию, а потом в Вену.

Я с интересом наблюдал, как он прошел по перрону и занял свое место в шеренге людей, которые должны были приветствовать Хрущева. С ним была его жена.

И вот прибыл поезд. Привычный ритуал встречи: хозяева страны приветствуют высокого гостя. Хрущев проходит мимо встречающих, поравнялся с Молотовым. Лицо Никиты Сергеевича расплылось в широкой улыбке, он тепло пожал руку Молотову и сказал:

— А-а, Вячеслав Михайлович, здравствуйте, я вас очень рад видеть.

Полагаю, это была их первая встреча после 1957 года, когда «антипартийную группу» изгнали из ЦК. Внешне встреча эта выглядела вполне дружеской.

Кортеж машин покинул вокзальную площадь. Водитель-студент ждал меня, я шел не спеша через большой, с высоким потолком вокзал к выходу. Впереди медленно, старческой походкой семенил Молотов со своей женой, седой благообразной худенькой старушкой.

# Встреча с Кеннеди

Первая встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась в американском посольстве. С самого начала была достигнута договоренность, если не ошибаюсь, по инициативе Хрущева, чтобы переговоры велись с глазу на глаз, только в присутствии переводчиков. Так оно и было.

У Кеннеди после полученного им во время войны ранения болела спина. Поэтому у него в кабинете в Белом доме в течение всего срока пребывания его там стояло знаменитое кресло-качалка с прямой жесткой спинкой. Здесь ему тоже поставили кресло с похожей спинкой. Хрущев сидел примерно в таком же кресле, а между ними стоял низкий столик.

Не буду пересказывать весь ход переговоров. Их основные темы — положение в Лаосе, где тогда шла гражданская война, и проблема ядерных испытаний. Обе стороны признавали, что и войну, и испытания надо прекратить. Но при обсуждении встал вопрос об инспекции и проверке. При слове «инспекция» наших всегда просто оторопь брала. Допустить кого-то в засекреченные районы, а тем более на военные базы? Да еще иностранцев, врагов, шпионов?!

Однако беседа началась издалека: с разговора о семьях, детях. В ходе него Хрущев задал вопрос:

— Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев сказал:

— Да, моему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Потом многие утверждали, что таким образом Хрущев уже в первой беседе хотел этими словами поставить на место «мальчишку». Он, дескать, задал Кеннеди такой вопрос и затем сравнил его со своим сыном Леонидом, летчиком, погибшим во время войны, для того, чтобы подчеркнуть молодость президента.

Могу сказать, как единственный свидетель, который не только слышал вопрос Хрущева, но и видел выражение его лица в тот момент: это не так. Я убежден, что Хрущев вложил в свои слова совершенно иной смысл. Я видел неизбывную грусть в его глазах, слышал тон его голоса и поэтому могу утверждать, что никакой попытки унизить Кеннеди у Хрущева не было. Он как бы на секунду отвлекся от официального момента, вспомнил сына, потому и вырвались у него такие «непротокольные» слова. И на лице Кеннеди было полное понимание.

Потом они стали вспоминать о своей мимолетной встрече в 1959 году. Кеннеди сказал:

— С тех пор я, кажется, постарел.

Хрущев улыбнулся и ответил:

— Так всегда бывает, молодой человек хочет казаться постарше, вроде как и помудрее, ну а человеку пожилому всегда хочется выглядеть помоложе. У меня то же самое было, когда я был юношей.

В таком ключе шла у них беседа.

Все перипетии тех переговоров изложены довольно подробно в мемуарной и политической литературе. Я же излагаю собственные впечатления. Хрущев напирал на необходимость встреч на высшем уровне, выдвигал свой любимый тезис: «Если *мы* с вами не договоримся, то как можно ожидать, что договорятся наши подчиненные». Как я уже отмечал, это был конек Хрущева. Он вообще был импульсивным человеком, говорил ярко, искренно, иногда пускался в длинные рассуждения. Кеннеди выглядел на фоне Хрущева более четким, корректным.

*Н. С. Хрущев, В. М. Суходрев, Дж. Кеннеди*

*Вена, 1961 год*

Спустя некоторое время шеф американского протокола напомнил, что наступает обеденный перерыв. Это был не просто обеденный перерыв, а один из запланированных официальных завтраков. В первый день — от имени президента США, в приемном зале американского посольства.

Объявили перерыв. Все перешли в соседний зал, где был накрыт стол. Там уже находились остальные участники переговоров с обеих сторон. Вначале, как это принято в американских домах, всех угостили коктейлями. Потом гости сели за стол. После завтрака — небольшой перерыв, и снова приступили к официальному разговору. Он продолжался еще часа два-три.

Хрущев все то время, что я его знал, не курил, а Кеннеди, как известно, любил выкурить сигару после обеда. Прошло часа два после перерыва, смотрю, Кеннеди начал ерзать в своем специальном кресле. Я знал, что у него периодически болит спина. Надо сказать, что в один из перерывов мы с Александром Акаловским, американским переводчиком Кеннеди, как люди курящие, договорились — если уж будет невмоготу, то закурим и в присутствии лидеров. Хрущев никогда не возражал, если рядом с ним курили. Пепельница на столе была, и в начале беседы мы с Акаловским выложили на стол свои пачки сигарет, но к самим сигаретам не притрагивались. Вдруг Кеннеди, обратившись к Акаловскому, попросил у него сигарету. Затем спросил Хрущева, не возражает ли тот, если он закурит. Никита Сергеевич, естественно, не был против. Тут мы с Александром тоже взяли по сигарете и закурили. Потом Кеннеди еще несколько раз стрелял сигареты у Акаловского.

Таким был первый день переговоров. Диалог лидеров был ровным, уважительным. Говорили о праве народов на самоопределение, о колониальной политике. К чести Хрущева скажу, что он держался дружелюбно. Подробно, как всегда, разъяснял Кеннеди свою точку зрения: так же как феодализм неизбежно заменил собой рабовладельческий строй, благодаря незыблемым законам общественного развития, а капитализм пришел на смену феодализму, так и социализм придет на смену капитализму. Кеннеди возражал, говорил о свободе выбора.

— А что если, к примеру, в Польше, — спросил он, — в результате свободных выборов к власти придет какая-то другая партия, а не ПОРП?

Хрущев в ответ доказывал, что такого никогда быть не может. Теодор Соренсен, ближайший помощник Кеннеди, в своих мемуарах пишет, как велико было искушение президента

возразить Хрущеву, приведя в качестве примера события в Венгрии, но он все-таки решил этого не делать.

Вечером, гуляя по саду вокруг резиденции советского посла в сопровождении своих помощников, Хрущев начал пересказывать содержание беседы с Кеннеди, делиться впечатлениями. В какой-то момент он обратился ко мне:

— Я понимаю, если ты сейчас будешь делать запись; то завтра на переговорах просто заснешь. Так что сделаешь ее по возвращении в Москву.

Наконец Хрущев закончил свой рассказ, и я с недоумением услышал его итоговое мнение о Кеннеди. Он сказал:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

Я с этим согласиться, конечно, не мог. К тому времени я успел поучаствовать во многих переговорах и повидал немало государственных деятелей. Кеннеди произвел на меня очень хорошее впечатление, хотя я обратил внимание на то, что при встрече с Хрущевым он был несколько напряжен. Может быть, он чувствовал, что находится в обществе человека значительно более опытного. Но я ни разу не заметил, чтобы Кеннеди не мог сразу найти достойный ответ на то или иное высказывание Хрущева. В общем, мне показалось, что американский народ вовсе не вызывает жалости в связи со сделанным им выбором.

Отличительной чертой Джона Кеннеди я бы назвал его несравненное обаяние. В нем всегда чувствовалось отменное воспитание. В США не любят слова «аристократ». Там есть старые, славные семьи, которые, переехав в Новый Свет, и сделали из Америки то, чем она стала. Кеннеди — отпрыск одной из таких семей. Даже его одежда отличалась особым стилем — он носил однобортные пиджаки на двух пуговицах и, не следуя тенденциям классической моды, застегивал их на обе. Из-за ранения, часто его беспокоившего, он немного сутулился, и пиджак на нем слегка обвисал, но это придавало ему какую-то особую элегантность. Раскованная манера держаться также шла Кеннеди.

Недели через две Громыко выступил в МИДе на так называемом партактиве. Андрей Андреевич рассказывал о встрече Хрущева и Кеннеди в Вене. Говорил довольно долго. Приведу лишь одну его фразу:

— Словом, если попытаться образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Думаю, мне не надо уточнять, кто подразумевался под гигантом, а кто под пигмеем. Мне, честно говоря, было очень стыдно за такие слова своего шефа. Но, к сожалению, он так

сказал… Громыко выражал мнение самого Хрущева. Потом эта оценка изменилась. Но тогда, увы…

На следующий день лидеры встретились уже в здании советского посольства. Опять беседы, потом ланч. Хрущев тогда привез в Вену все, чем только может гордиться русская кухня.

Во время переговоров самым трудным оказалось обсуждение германской проблемы. Хрущев жестко говорил о том, что до конца года он подпишет мирный договор с ГДР. Это означало, что ГДР станет полноправной хозяйкой Восточного Берлина и, соответственно, границ вокруг Западного Берлина, который, согласно решениям Ялтинской и Потсдамской конференций, имел особый статус. Кеннеди ни на йоту не отступал от мнения, что такой ход со стороны Советского Союза противоречит всем послевоенным договоренностям и может привести только к серьезнейшему обострению отношений. Но никакие аргументы на Хрущева не действовали. Когда обоим стало окончательно ясно, что каждый остается при своем мнении, было решено завершить встречу. Не прощались, потому что вечером предстоял большой государственный обед от имени президента Австрии. Хрущев еще раз повторил, что намерен до конца года заключить мирный договор с ГДР. Кеннеди, уже стоявший в дверях, грустно улыбнувшись, пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, видимо, будет холодная зима…

На этом переговоры закончились.

Вечером два лидера встретились на обеде и концерте. Оба были воплощением доброжелательности по отношению друг к другу. Хрущев оживленно рассказывал Жаклин Кеннеди, которая сидела рядом с ним, о наших собачках, Белке и Стрелке, побывавших в космосе. Сообщил ей, что у одной из них появилось потомство. И пообещал Жаклин подарить щенка.

Забегая вперед, скажу, что, когда я вернулся в Москву, мне напомнили об этом обещании. Я сидел в кабинете, диктовал запись переговоров, вдруг меня вызвали к телефону. Звонил председатель КГБ. Естественно, волнуясь, я взял трубку. Это был Семичастный. Он строго спросил:

— Что, действительно Хрущев что-то обещал насчет собак?

Я подтвердил, что это так — Хрущев обещал подарить Жаклин Кеннеди щенка.

— Спасибо, — сухо сказал чекист и положил трубку.

В итоге Жаклин получила щенка по имени Пушинка.

Попрощались Хрущев с Кеннеди очень любезно. И мы улетели в Москву.

Вернувшись, я сразу засел за диктовку своих записей. Это

заняло у меня целые сутки. Громыко поручил заведующему отделом США Добрынину, будущему послу СССР в США, сразу же, по мере готовности, просматривать машинописные листы и править возможные шероховатости. Потом текст поступал Громыко, а далее — прямиком Хрущеву. Надиктовал я тогда сто двадцать машинописных страниц.

На следующий год, встретив своего американского коллегу Александра Акаловского, я спросил у него: а он сколько тогда надиктовал страниц? Тот ответил, что не меньше ста двадцати пяти. Я заинтересовался, почему у него получилось больше, чем у меня. Он объяснил:

— Помнишь, ты отлучился в туалет, когда они по саду гуляли? Так вот, они в это время кое о чем поговорили — о цветах, о газоне… Я поначалу и записывать не стал. А потом позвонил помощник Кеннеди и спросил, о чем они беседовали. Я сказал: да ни о чем. А он заявил, что они «ни о чем» беседовать не могут. Пришлось мне сделать дословную запись. Поэтому у меня получилось на пять страниц больше.

# Прощание с Кеннеди

Венская встреча не привела к каким-либо конкретным договоренностям. В чем-то позиции сторон даже разошлись еще существеннее. Но знакомство лидеров двух сверхдержав состоялось, и оно, наверное, получило бы какое-то дальнейшее развитие, если бы не цепь событий, вызванных опрометчивыми действиями Хрущева по размещению наших ракет на Кубе, спровоцировавшими, в свою очередь, Карибский кризис, который разразился в октябре 1962-го. К счастью, он был преодолен, и на протяжении уже следующего года шел активный обмен мнениями по самым разным международным проблемам. Были предприняты и конкретные шаги, в частности установлена прямая линия связи между Кремлем и Белым домом, а в августе 1963-го подписан договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах.

По дипломатическим каналам говорилось, хотя и не в установленном плане, о возможностях новой встречи Хрущева и Кеннеди.

Но… Наступило 22 ноября 1963 года, день, когда трагически погиб Президент Соединенных Штатов Америки.

Новость, конечно же, застала всех врасплох и сильно опечалила. Стали поступать сообщения о намерении глав многих государств и правительств поехать в Вашингтон на похороны. Не знаю, как конкретно решался этот вопрос у нас. Не исключаю, что Никита Сергеевич сам хотел отдать последний долг Джону Кеннеди. Но думаю, что определенное влияние на принятие окончательного решения послать на похороны А. И. Микояна, известного своей близостью к Хрущеву, оказала версия «советского следа» в деле об убийстве президента.

Дело в том, что в убийстве подозревался Ли Харви Освальд, который до случившегося в течение какого-то времени жил в Советском Союзе: он попросил политического убежища и, находясь в Минске, куда его определили на жительство, женился на нашей гражданке. А затем, вроде бы разочаровавшись в советской системе, вернулся в Соединенные Штаты. Словом, на этот «советский след» и намекали тогда американские газеты.

Я получил указание сопровождать Микояна.

В полночь по московскому времени мы подлетали к аэропорту Гандер, где должны были сесть для дозаправки. Помощники Микояна, два Василия Васильевича, зная, что наступает день рождения шефа, решили отметить его. Стюардессы организовали закуску, открыли бутылку красного вина, достали заранее приготовленный букет цветов. Когда все

было готово, мы попросили одну из них зайти в салон к Микояну и сказать, что его помощники просят выйти к ним.

Бортпроводница запротестовала:

— Как я могу беспокоить Микояна?

— Иди, в случае чего мы тебя прикроем, — заверили помощники.

Она пошла, Микоян работал с какими-то бумагами. Как потом рассказывала стюардесса, он удивленно поднял на нее глаза и сказал:

— Они там что, с ума сошли?

Но все-таки поднялся и вышел. Увидел поднос с бутылкой вина, букет и сразу все понял. Перенесший незадолго до этого операцию, он попросил разбавить ему вино водой.

— Ну а вы, — сказал Анастас Иванович нам, — пейте лучше коньяк.

Что мы и сделали. Так мы отпраздновали его день рождения в небе, на пути в Вашингтон.

Самолеты с руководителями почти всех стран мира садились один за другим. Приземлившись, мы сразу же отправились в советское посольство. Послом тогда уже около года был Анатолий Федорович Добрынин. А советником-посланником у него — Георгий Маркович Корниенко, выдающийся советский дипломат, впоследствии первый заместитель министра иностранных дел.

Микоян расположился в здании посольства, а мы все — в гостинице рядом. Добрынин получил от Госдепартамента инструкции с изложением процедуры похорон: вначале все должны собраться в Белом доме, оттуда ехать в конгресс, где стоит гроб с телом Кеннеди, затем процессия пешком провожает гроб до собора, в котором состоится панихида, а потом уже все — на Арлингтонское кладбище.

Инструкция содержала также пункт, касающийся формы одежды. В Англии и США на похоронах принято присутствовать в визитке — черном сюртуке с закругленными, расходящимися спереди полами. По всей своей предыдущей практике я знал, что наши руководители ни смокингов, ни фраков не имеют. Каково же было мое удивление, когда Микоян вдруг заявил, что привез с собой «какой-то пиджак с длинными полами». Потом выяснилось, откуда он у него появился. Оказывается, Анастас Иванович ездил на церемонию инаугурации президента Пакистана, а там для разных церемоний были предписаны и фрак, и визитка. Микоян решил не нарушать этикета, и ему тогда сшили и то и другое.

Принесли вешалки с костюмами. Выяснилось, что кто-то из обслуживающего персонала, перепутав, на вешалку с фраком повесил полосатые брюки, а на вешалку с сюртуком-визиткой —

черные брюки с шелковыми лампасами. Возник небольшой спор. Я сразу обратил внимание присутствующих на то, что костюмы неправильно скомплектованы. Со мной не согласились. Корниенко принес толстенный энциклопедический словарь. Открыли, нашли описание и даже маленькую картинку, которые подтверждали мои слова. Микоян глянул на меня с одобрением.

Стали обсуждать, как решить вопрос о версии «советского следа» в деле об убийстве Кеннеди, о которой уже вовсю трубили газеты. Копии каких-то документов из наших архивов о Ли Харви Освальде уже были направлены в США. Микоян привез оригиналы этих документов. Их немедленно переслали в Госдепартамент. Материалы доказывали, что никакого «советского следа» нет.

А у меня, помню, возникла личная проблема. Большая часть похорон проходила на открытом воздухе. Соответственно, надо было быть в верхней одежде. А мое пальто по цвету не совсем подходило к такому случаю. Мелочь? Но в подобных обстоятельствах это далеко не так. Выручил меня приятель из нашего посольства, Виктор Исаков, одолживший мне свое темно-синее пальто. В нем я и пошел.

Надо сказать, что американская охрана в те дни особо опекала Микояна. Боялись провокаций. Не обязательно террористов, а просто психов, которые, не дожидаясь окончания расследования, могли поверить в причастность Советского Союза к убийству Кеннеди. Поэтому, когда мы отправились на похороны, вокруг Микояна образовалось довольно плотное кольцо охранников. Не столько наших, сколько американских.

Во время церемонии отпевания в соборе Микоян находился без охраны среди самых почетных гостей в главном нефе. Послы, в том числе и Добрынин, были в боковом приделе. Я проводил Микояна до его места, а сам отошел и, стоя у одной из колонн в соборе, наблюдал всю церемонию.

Массивный, из полированного дерева, гроб с телом Кеннеди стоял на специальном возвышении. Его так ни разу и не открыли. Священники читали молитвы, пел хор, играл орган. В первом ряду сидели близкие Кеннеди, среди них — Жаклин. Мне тогда показалось, что, несмотря на огромное количество народа, эти несколько человек абсолютно одиноки перед свалившимся на них горем.

После отпевания все поехали на Арлингтонское кладбище. Помню, американская охрана в целях безопасности заставила Микояна сесть в автомобиле на заднее сиденье, посредине. Если бы кто-то вздумал совершить террористический акт, то больше всего пострадали бы сидящие слева и справа от Микояна, а это был я и, по-моему, Добрынин.

Церемония похорон подробно описана в различных источниках.

После кладбища все гости направились в Белый дом. Было еще светло — часа четыре пополудни. Все собрались в банкетном зале. Это, по сути дела, была последняя официальная акция вдовы Джона Кеннеди. На столах — бутерброды, пирожные. Подавали только чай и кофе. Такова западная традиция — на поминках спиртного обычно не пьют.

Один из сотрудников Белого дома, с которым я был знаком и который, кстати, как бы «опекал» Микояна, подошел ко мне и сказал:

— Виктор, на столах нет спиртного, но вот там, в углу, дверь, за ней — бар. Если ты или кто-то из ваших захочет, там можно взять спиртное. Это вполне нормально и прилично.

Я зашел в бар и, взяв себе стакан виски с содовой, вновь присоединился к Анастасу Ивановичу. Он посмотрел на мой стакан и говорит:

— Ты где это достал?

Я отвечаю:

— Анастас Иванович, знакомства надо иметь везде.

— Хорошо устроился.

— Могу и вам достать.

Микоян, конечно, отказался.

Через какое-то время тот же сотрудник Белого дома подошел ко мне и сказал:

— Было бы неплохо, если бы господин Микоян уходил в числе последних или даже самым последним.

Я передал эти слова Анастасу Ивановичу.

Жаклин, приехав с кладбища, поднялась к себе. Она, надо сказать, вела себя очень мужественно. Ее лицо закрывала черная вуаль, но, как потом отмечали все, да и я это видел, глаза ее были напряженны и сухи. А когда гости постепенно стали расходиться, она спустилась в холл и прощалась с каждым, обмениваясь несколькими словами.

Череда гостей была очень длинной. Мы продолжали стоять у стола. Тут к нам подошел человек небольшого роста и сказал по-русски:

— Здравствуйте, господин Микоян!

Микоян с вопросительной интонацией поприветствовал его. Человек продолжал:

— Позвольте представиться, я — Леви Эшкол, премьер-министр Израиля.

Микоян протянул ему руку и заметил:

— Вы отлично говорите по-русски.

Тот улыбнулся:

— Как же мне не говорить по-русски, если я — Лева Школьник из города Николаева? У меня и теперь там брат живет.

Несколько минут Микоян говорил с бывшим Левой Школьником, а потом мы направились к выходу, туда, где стояла Жаклин Кеннеди. Череда гостей уже иссякла, когда мы поравнялись с Жаклин. Микоян стал произносить слова соболезнования от лица советского руководства, Хрущева и от себя лично. Жаклин взяла руку Микояна в свои ладони, и вот тут я в первый раз за весь день увидел, как на ее глазах появились слезы.

— Господин Микоян, передайте господину Хрущеву, что мой муж очень хотел вместе с ним строить прочный мир на земле. Теперь это придется делать одному господину Хрущеву.

Я, как сейчас, помню эти ее слова.

Когда мы шли к выходу, из боковой двери вышел Пьер Сэлинджер, пресс-секретарь Джона Кеннеди. Он явно поджидал нас. Я с ним виделся в Москве — он приезжал по приглашению Алексея Аджубея и встречался с Хрущевым. Сэлинджер жестом позвал меня к себе. Я сказал об этом Микояну, и он кивнул: «Иди, иди». Сэлинджер отвел меня в сторону:

— Я хочу от имени сотрудников Белого дома поблагодарить господина Хрущева за соболезнования и за то, что он прислал в качестве своего представителя столь высокого советского руководителя в лице господина Микояна.

Едва мы вернулись в наше посольство, Микоян меня заторопил: надо записать все, что происходило на похоронах, и обязательно слова Жаклин Кеннеди, а также то, что сказал Пьер Сэлинджер.

Добрынин вызвал стенографистку. Анастас Иванович стал ей диктовать. Конечно, девушка волновалась, а тут еще сильный акцент Микояна. Я почувствовал, что она просто не понимает его. Подошел поближе и стал тихо, но четко повторять то, что диктовал Микоян. Он заметил это и буркнул:

— Ты что там делаешь? Правишь, что ли, меня?

Он раздражался, когда чувствовал, что его не понимают из-за акцента. Я это знал, но и выхода тоже не было. Слова Сэлинджера я уже продиктовал сам. Весь текст тотчас же отправили в Москву, Хрущеву.

Как это обычно бывает — «Король умер, да здравствует король!» Вечером того же дня в банкетном зале Госдепартамента устроили прием от имени уже вступившего в должность президента Линдона Джонсона. Были все те, кто присутствовал на похоронах. Беседовали друг с другом, ходили по залу. К Микояну

подошел Шарль де Голль. Французский — мой второй язык, и, хотя у де Голля был свой переводчик, переводил я. Таких мимолетных встреч с сильными мира сего в тот вечер было немало.

Назавтра мы улетели домой. В Вашингтоне царили смятение и тревога, продолжалось расследование. В тот же день Джек Руби, владелец ночного клуба в Далласе, застрелил Ли Освальда. Клубок затягивался все туже. Американцы сами через посольство посоветовали Микояну не задерживаться с вылетом.

Мы все тогда очень устали. И проспали весь полет до Москвы.

## Ближний круг: от визита к визиту

Рассказывая об эпохе Хрущева, нельзя не вспомнить и о некоторых его ближайших соратниках и верных сподвижниках, с которыми мне также приходилось общаться, потому что не один же только Хрущев разъезжал по белу свету. Для поддержания и развития отношений с зарубежными странами он время от времени направлял туда и своих товарищей по руководящему партийному ядру. (Об одном из них — Анастасе Ивановиче Микояне — я уже упоминал, но к разговору о нем мы еще вернемся.) Я не говорю в данном случае о регулярных консультациях, взаимных поездках на уровне более низком — уровне мидовских чиновников, руководителей министерств, комитетов, ведающих конкретными вопросами промышленности, экономики, военного сотрудничества и так далее. Такие связи осуществлялись постоянно.

Можно сказать, что в целом визиты ближайших соратников Хрущева, будучи высокими по протокольному уровню, являли собой продолжение политики Хрущева и становились неотъемлемой частью именно его руководящей воли. И участники таких поездок, в сущности, не скрывали этого, начиная и заканчивая свои вояжи с именем Хрущева на устах: от него передавались приветы, от него привозились устные, а то и более официальные, письменные, послания главам государств и правительств.

В некоторых таких поездках я участвовал. Отдельные из них, в силу своей событийности, заслуживают того, чтобы о них вспомнить и кое-что рассказать.

Памятна для меня многодневная поездка в Юго-Восточную Азию, конкретно — в Индию и Непал. В ней участвовала целая «троица» сподвижников Хрущева. Пожалуй, это — единственная поездка, в которой, по советским меркам, не было единоличного руководителя делегации — все трое были равны. Но обо всем по порядку.

В 50-е годы наши отношения с Индией, великим государством в Юго-Восточной Азии, достигли весьма высокого уровня. Старшее поколение помнит о приезде в нашу страну Джавахарлала Неру, которого, кстати говоря, сопровождала молодая, красивая женщина — его дочь Индира Ганди, будущий премьер-министр и тоже выдающийся деятель мирового масштаба. В 1955 году Индию посетили Хрущев с Булганиным.

С тех пор между нашими странами установились по-настоящему деловые отношения, серьезное, глубокое

сотрудничество в экономической области. Кроме того, эти отношения затронули и военную сферу: в какой-то период индийская армия оказалась в очень большой степени оснащена советским оружием. В СССР учились индийские офицеры — летчики, артиллеристы. Одним словом, это было время расцвета лозунга «Хинди, руси — бхай-бхай!», что в переводе означает «Индийцы и русские — братья!».

***На приеме в Посольстве Индии в СССР.***

***На переднем плане: Н. С. Хрущев, В. М. Суходрев, посол Индии, Н. А. Булганин***

***Москва, 1957 год***

Кстати, у нас не было тогда города, где бы не крутили индийские фильмы. Достаточно вспомнить Раджа Капура с его «Бродягой».

И вот случилось так, что количественный перевес в обмене визитами на высшем уровне оказался явно не на нашей стороне, в том смысле, что индийские премьер-министр или президент приезжали к нам чаще, чем советские лидеры этого же уровня ездили к ним.

И тогда индийцы стали все более настойчиво просить, чтобы для демонстрации всему миру наших действительно равноправных отношений глава советского государства все-таки посетил Индию. А этим главой у нас тогда являлся Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов — легендарный полководец времен Гражданской войны, «первый маршал», как его называли накануне Великой Отечественной. Ну а к периоду, о котором идет речь, это был глубокий старец, немощный умом и телом, с розовым, как у младенца, цветом лица.

Когда советское руководство дало принципиальное согласие на такой визит, возникла проблема. Кто-то сообразил, возможно и сам Хрущев, что Ворошилова нельзя отпускать куда бы то ни было одного, так сказать в самостоятельное плавание.

В Москве с ним проблем не было: он появлялся на приемах, раздавал государственные награды, принимал верительные грамоты у послов, беседуя с ними минут десять, длинных речей не произносил, словом, беспокойства не вызывал, а славу сохранял. Да и был он под постоянным контролем своих партийных товарищей. Но во время зарубежной поездки…

И вот на заседании Президиума ЦК нашли выход: надо дать Ворошилову таких сопровождающих, которые были бы ему ровней по положению в советской партийной иерархии. Ими оказались Фрол Романович Козлов, как я уже отмечал, второй человек в партии после Хрущева, и широко известная Екатерина Алексеевна Фурцева, тоже член Президиума. Таким образом, по своему партийному статусу — а у нас именно это являлось главным — все трое были равны. По мнению Хрущева, это окружение служило гарантией того, что Ворошилов будет в Индии под присмотром и не выкинет ничего лишнего. Придумка хорошая, но надо было еще уговорить индийцев, у которых издавна четко соблюдается самый строгий государственный протокол. Индийцы спросили:

— Кто руководитель вашей делегации?

Им бодро ответили:

— А нет руководителя, есть просто делегация самого высокого уровня.

Индийцы возразили:

— Но ведь все-таки Ворошилов — Председатель Президиума Верховного Совета, глава государства, он принимает верительные грамоты у послов, выполняет иные функции, которые в других странах в руках только президента. Кто же будет принимать рапорты почетного караула? Кто будет отвечать на речь индийского премьер-министра во время банкета? Кто будет

отвечать на речи губернаторов тех провинций, которые планируется посетить?

Наши в конце концов сказали, что все это будет исполнять Ворошилов, хоть он формально и не глава делегации. На том и сошлись.

Каких-то важных переговоров не намечалось. Все знали, что сразу после отбытия этой делегации в Индии будет проездом сам Хрущев. Поэтому визит «троицы» планировался как чисто дружеский.

«Большую троицу», как мы их стали между собой называть, сопровождали родственники: Ворошилова — невестка, Фурцеву — дочь.

## «Большая троица» в Индии

Не сомневаюсь, что Хрущев и другие члены Президиума четко разъяснили Ворошилову, что он — лишь один из трех членов делегации. Но как только начальник индийского почетного караула обратился к нему и повел его вдоль строя, Клим о партийной дисциплине забыл. Он ехал в первой машине, в сопровождении главы индийского государства, а в президентском дворце, где нас разместили, ему предоставили лучшие апартаменты. Его невестке соответственно тоже. Екатерину Фурцеву с дочкой и Козлова поселили в комнатах похуже.

Сразу после нашего приезда я почувствовал какое-то обострение отношений внутри «троицы».

***К. Е. Ворошилов (с гирляндой цветов) в Индии***

***1960 год***

А Ворошилов между тем с каждым днем все больше входил в

роль лидера. Почести, оказываемые индийцами, ему очень нравились — гирлянды из живых цветов, россыпи лепестков роз под ногами… Он радовался как ребенок.

В какой-то момент Фурцева и Козлов устроили даже нечто вроде мини-заседания Президиума ЦК, чтобы поставить Ворошилова на место. Он, конечно, со всем соглашался, но несколькими часами позже, когда проходил очередной митинг или беседа с руководителями Индии, снова увлекался, выходил из-под контроля и выдвигался на передний план. Индийцы же, согласно своему протоколу, активно способствовали этому. К тому же индийские газеты пестрели статьями о легендарном полководце, сражавшемся за свободу простого народа на лихом коне с шашкой наголо. А что можно было рассказать простому жителю Индии о Козлове и Фурцевой?

Премьер-министром Индии тогда был Джавахарлал Неру. Надо сказать, он был одним из самых умных и элегантных мужчин в своей стране, да и, по-моему, в мире. Неру был красив, всегда одет в светлый индийский френч, со свежей розой в петлице.

Думаю, премьер-министр понимал, что делегация «троицы» хоть и довольно высока по уровню, тем не менее решать серьезные проблемы не уполномочена. Поэтому беседу вел очень мягко, без нажима. В процессе разговора какие-то вопросы Неру, конечно, поднимал, но не просил их немедленного разрешения. Он знал, что все им сказанное будет тщательно записано и доложено Хрущеву. Вопросы, в том числе экономические, формулировались им таким образом, чтобы не заставлять гостей давать на них определенные, исчерпывающие ответы.

Когда в ходе беседы Неру сказал о том, что в принципе необходимо договориться о поставках определенных средств (речь шла об оружии), Ворошилов вдруг всполошился. Не знаю, какая муха его укусила, а может, Климента Ефремовича взволновало слово «средства», только он внезапно затараторил:

— Ни о каких средствах мы тут говорить не можем! Это только с Никитой Сергеевичем! А мы не можем! Нам нельзя!

Это и без того индийцам было понятно. Но старика занесло, и выглядело это жалко. Я заметил, что на меня с тревогой смотрят Фурцева и Козлов, и еле заметно кивнул им, мол, не беспокойтесь. Переводя, обошел острые углы и интерпретировал тираду Ворошилова в более нейтральном варианте. Однако вокруг сидели индийские дипломаты, владевшие русским языком. Их, разумеется, мне обмануть не удалось.

***Советская делегация в Индии.***

***В центре: Дж. Неру, Ф. Р. Козлов, К. Е. Ворошилов***

***Дели, 1960 год***

***Торжественный кортеж***

***1960 год***

На одном из завтраков, даваемом губернатором штата, у которого мы оказались в гостях во время многочисленных поездок по стране, я сидел рядом с Ворошиловым. Завтрак был устроен в саду губернаторской резиденции, под шатрами. В какой-то момент Климент Ефремович обратился ко мне:

— Послушайте, почему это у них в Индии губернаторы? Что за губернаторы такие? Вот у нас в России, я понимаю, были губернии, ими управляли губернаторы. А у них ведь не губернии, а штаты. Почему же губернаторы?

Поскольку Ворошилов плохо слышал, я склонился к самому его уху и объяснил, что слово «губернатор» имеет латинские корни, так называется правитель какой-либо области. В США, например, тоже губернаторы. Он посмотрел на меня с некоторым удивлением и сказал:

— Да? А я думал, это только у нас они были…

Не могу забыть один нелепый случай. В Калькутте нас повели в прекрасный местный музей. Залы пустовали, присутствовали

только служители, так как музей по случаю посещения его высокой делегацией для широкой публики был закрыт.

Мы шли довольно большой группой, включая экскурсоводов. Впереди, конечно, Ворошилов. Вдруг где-то в углу он углядел человека с длинными нечесаными волосами и патлатой бородой. По виду — настоящий отшельник (в Индии таких людей можно встретить довольно часто). Его волос в буквальном смысле никогда не касалась гребенка. Как потом выяснилось, это был уборщик музея, он принадлежал к секте, члены которой с детства не стригут и не расчесывают свои волосы.

Увидев этого человека, Ворошилов резво устремился к нему. Вся группа — за ним. Подойдя ближе, Ворошилов стал причитать:

— Это что же за человек такой несчастный! Что же у него на голове делается? Что у него с бородой творится? Его надо помыть, постричь и причесать!

Кто-то из индийцев негромко разъяснил мне, а я — Ворошилову, почему у мужчины нечесаная шевелюра. Легендарный полководец только отмахнулся и продолжал распаляться:

— Ничего подобного! Что вы мне тут сказки рассказываете! Просто он бедняк! У него и расчески-то своей наверняка нет!

Говорил он это не на шутку гневно, причем, как все глуховатые люди, очень громко, поэтому сглаживать его речь при переводе было непросто. Я, конечно, старался как мог. Вдруг Ворошилов полез в карман и вынул свою расческу. Держа ее в руке, он стал приближаться к уборщику с явным намерением его причесать. У несчастного глаза округлились, в них светился неподдельный ужас. Он буквально вжался в угол, стал зыркать туда-сюда в поисках выхода. Но выхода не было — делегация окружила его со всех сторон. Я думаю, бедняга не понимал, кто мы такие, зачем сюда пришли. Ворошилов подходил все ближе. Тогда я резко и довольно громко воскликнул:

— Климент Ефремович! Нельзя ему!

И только это остановило Ворошилова. Он повернулся ко мне и переспросил:

— Нельзя?

Я повторил.

— Ну, ладно, — сказал Ворошилов, убрал расческу в карман и пошел дальше.

Потом был мавзолей Тадж-Махал. Прошли мы к самой усыпальнице, осмотрели центральную часть, саркофаг. Нам рассказали удивительно красивую легенду о безутешном султане, который воздвиг этот мавзолей, когда умерла его жена. Надо

сказать, Тадж-Махал достоин звания одного из чудес света. Построенный на обрыве, отражающийся в зеркале большого длинного бассейна с чистой прозрачной водой, с пятью куполами и четырьмя острыми башнями-минаретами по углам, он действительно оставляет незабываемое впечатление. Мы осмотрели его внутреннее убранство и вышли наружу. Ворошилов сразу же направился к одной из четырех башен (отмечу, что в каждой из них была дверь, а внутри — винтовая лестница, по которой можно подняться на вершину). На ее двери висел огромный амбарный замок.

Ворошилов спросил, что внутри башни. Ему ответили: ничего особенного, лестница — и все. Тогда Ворошилов заявил:

— А я все равно хочу посмотреть!

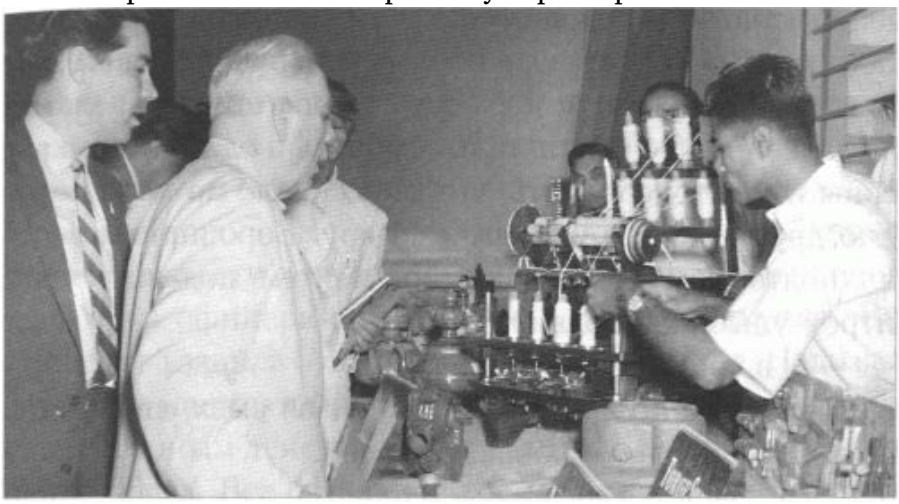
Может быть, он и в самом деле хотел подняться на башню, хотя я не представлял себе, как Климент Ефремович собирался это сделать, ведь даже ходил он с трудом, пошатываясь.

Начали искать привратника, у которого мог быть ключ. Не нашли. Ворошилов продолжал твердить, что хочет осмотреть башню. Как же так? Приехал гость, желает осмотреть достопримечательности, а ему их не показывают!

— Вот, помню, был я в двадцатых годах в Турции, так Софийский собор в Стамбуле осмотрел полностью. Ходил всюду, и меня всюду пускали. А вы…

Раскраснелся, разнервничался. Потом махнул рукой и пошел вдоль бассейна. Мы — все за ним. Индийцы, чтобы успокоить высокого гостя, снова стали рассказывать сказочную историю о любви султана, о том, как он, когда жена умерла, все свое состояние потратил на возведение данного чуда.

Но Ворошилова эта история не умиротворила.



***Знакомство с индийским кустарным производством.***

***Слева направо: В. М. Суходрев и К. Е. Ворошилов***

***1960 год***

— При чем тут какие-то цари, короли, султаны и прочее? У нас тоже были цари, мы от них избавились, разогнали эту шайку! Вот народ — это главное! Вот кто все это создал! И о народе надо говорить. Народ хвалить надо, а не каких-то султанов, которых гнать нужно в шею!

Я увидел полные ужаса глаза Фурцевой и Козлова и опять как мог сгладил в переводе гневную тираду.

В одном из городов нас повезли осматривать выставку товаров, произведенных местными ремесленниками. В Индии тогда проводили кампанию в поддержку кустарных производств. Разумеется, такая продукция для народа доступна, что для Индии очень важно. Словом, ходим по выставке, смотрим. Много хороших товаров увидели: велосипеды — основное транспортное средство в Индии, нехитрый сельхозинвентарь, посуду и другие изделия. В конце экскурсии Ворошилова спросили, как ему это все понравилось. Он ответил, что, мол, в общем хорошо, но не совсем продумана организация. Ведь совершенно ясно, как нужно устраивать подобные выставки. Надо, мол, чтобы все велосипеды были в одном месте, все лопаты — в другом, отдельно — грабли, ножи, тарелки и так далее. Чтобы покупатель осмотрел в одном месте все серпы и мог их сравнить, чтобы все было по порядку — одно, другое, третье, четвертое… Вдруг Ворошилов замолчал, подтолкнул меня под ребро локтем, подмигнул и с хитрой улыбкой добавил:

— А в конце бардачок!

Здесь я запнулся и, еле сдерживая смех, вновь стал сглаживать перлы его образной речи.

# Непальские этюды

К визиту в Индию был приурочен и кратковременный заезд нашей делегации в Непал в ответ на официальное посещение Советского Союза королем Непала. Благо, было близко, и мы быстро оказались в Катманду. Перед нами предстал совершенно сказочный древний город, с красивейшими храмами, дворцами, пагодами. Более-менее современным мне показался разве что центр. На рынках, сидя на корточках, мастера тут же, на глазах у прохожих, изготавливали медные тазы и всевозможную посуду, пользуясь при этом лишь молоточком особой формы. Поражало обилие самых разнообразных статуэток Будды, вырезанных из дерева, кости и сделанных из той же меди.

В день нашего приезда король Непала дал завтрак в честь советских гостей. Его дворец был несколько скромнее, нежели Раштрапати Бхаван, в котором мы жили в Дели, но тоже необычайно красивый. Принимали король, королева и премьер-министр. Переводчики во время завтрака сидели позади первых лиц.

Король оказался молчаливым человеком. Если и говорил, то очень тихо и лаконично. Словом, вел себя весьма сдержанно и величаво. Закончив трапезу, он, не оборачиваясь, поднял левую руку и слегка раздвинул указательный и средний пальцы. Жест был обращен к стоящему за его спиной офицеру. Тот мгновенно вынул из своего кармана золотой портсигар, достал сигарету и вложил ее в пальцы короля. По-прежнему не оборачиваясь, король поднес сигарету к губам. Тут же из-за его спины появилась рука офицера с зажигалкой. Король закурил. Вся процедура заняла буквально несколько секунд. Надо сказать, что манипуляции с сигаретой и зажигалкой были единственным действием, производимым офицером в течение обеда. Все остальное время он неподвижно стоял навытяжку за спиной монарха.

Вечером нас пригласили на официальный большой королевский банкет в честь высоких гостей. Происходило это в самом крупном отеле Катманду. Туда съехалась вся местная знать с семьями и придворными. Переводчиков, кроме меня, было еще два — Юрий Виноградов и Владимир Бурдин, полковник КГБ. Володя прекрасно владел английским. Его «засветили» еще тогда, когда он ездил в Америку с Микояном. С той поры он уже не мог активно работать в разведке и во время поездок советских высокопоставленных делегаций в англоговорящие страны занимался вопросами координации между нашей и местными службами безопасности, по совместительству иногда выполняя

функции переводчика. Ворошилов предпочитал, чтобы именно Бурдин находился рядом с ним, по той простой причине, что командарм привычнее чувствовал себя рядом с полковником.

Столы поставили огромным каре. Ворошилова усадили рядом с королем. Фурцева и Козлов оказались на довольно большом расстоянии от них — на противоположной стороне. Между ними занял место премьер-министр Непала. Переводчики вновь сидели позади шефов: Володя Бурдин — за королем и Ворошиловым, а я с Юрием Виноградовым — за спинами Фурцевой и Козлова. Настроение у нас, разумеется, было не из лучших, понимали, что опять останемся голодными — ни на завтраке, ни после него, когда начались разного рода встречи, мы, переводчики, так и не смогли перекусить.

Еще до рассадки за столы к «большой троице» подошел мужчина явно европейского вида и, к нашему удивлению, поприветствовал нас на чистом русском языке. Это был хозяин отеля, как выяснилось, в прошлом — белый офицер, воевавший в армии Колчака. Потом он эмигрировал в Китай, а позже — в Непал. Наши руководители были изумлены, но от разговора уклонились. Ворошилов же вообще сразу отвернулся от «беляка». А я не упустил случая пообщаться.

Банкет тем временем продолжался. Огромные рыбины, окорока, всевозможные закуски, какое-то особым способом приготовленное мясо — все это поглощалось с большим аппетитом. Ну а нам, переводчикам, оставалось только глотать слюнки. И тут нас спас хозяин отеля. Он подошел ко мне и шепнул на ухо:

— Если сможете улизнуть от своих хозяев, то у меня в одной из комнат накрыт для вас стол, где выставлено все то же самое, что и здесь.

Я передал Фурцевой его слова. Екатерина Алексеевна кивнула, она вообще была доброй и отзывчивой женщиной. Сказала Козлову:

— Фрол, давай-ка мы с тобой немного помолчим, пока ребята по очереди сходят поесть. Обойдемся одним переводчиком на двоих.

Тот согласился: пусть перекусят. Первым пошел я, так как мне предстояло переводить официальную речь Ворошилова в конце обеда, и, соответственно, я раньше всех должен был быть наготове.

***Е. А. Фурцева (третья слева) в Индии***

***1960 год***

Наконец-то я очутился за столом. Отведал рыбы, по-моему, приготовленной по-русски, и всего остального. Хозяин налил мне водки, от которой я тоже не отказался. Мы с ним выпили. Пока я ел, он рассказал мне историю своей жизни. Как воевал против советской власти, как потом скитался по миру. Он искренно радовался, что увидел соотечественников. Неважно, что это были члены Президиума ЦК и, если говорить о Ворошилове, бывший красный командир. Время все стерло, оставив лишь одно понятие — «Родина». Жена хозяина поразила меня красотой, кажется она была голландка. Они вместе приветили нас — накормили, напоили — от души.

Вернувшись на свое место, я стал переводить Фурцевой и Козлову и между делом рассказал им о хлебосольном соотечественнике. Но к моему удивлению, Екатерина Алексеевна лишь поморщилась и сказала:

— Ты знаешь, Витя, мне вся эта их еда не нравится. Когда вернемся в резиденцию, вот там мы сядем и по-настоящему закусим. А это я не ем.

После окончания банкета мы отправились в гостевой дворец. В те годы в Непале почему-то было плохо с электричеством. По

вечерам сильно падало напряжение. Когда мы вернулись, в темных коридорах дворца едва виднелись тонкие красноватые нити в лампочках. Натыкаясь на стены и подсвечивая себе зажигалками, мы кое-как добрались до наших комнат. Однако плохое освещение не остановило Фурцеву в ее намерении устроить ужин в своем кругу. Охрана быстро накрыла стол. Появилась традиционная русская закуска — осетровая икра, копченая рыба, колбаса, овощи и несколько бутылок «Столичной».

— Вот это я понимаю, — радостно сказала Фурцева.

За столом сидели все наши, кроме Ворошилова. По выражению Фурцевой, «старика отправили спать». Началась обычная пирушка с непринужденными разговорами, несмотря на то что присутствовали два члена Президиума — Козлов и Фурцева. При таком общении они были простыми людьми — шутили, рассказывали анекдоты. Через некоторое время Фурцева сильно захмелела. Начальник охраны Владимир Чекалов прямо ей об этом сказал, и она не обиделась, поднялась и ушла к себе спать. А мы еще немного посидели без начальства и тоже разошлись по своим комнатам.

# Храм Любви

Накануне я узнал, что в Непале в каждом городе есть площадь храмов. На ней обычно расположены несколько храмов и пагод, посвященных различным буддийским культам. Один из храмов, обязательно, — храм Любви. Такой храм в Катманду особенно славился резными изображениями весьма откровенных эротических сюжетов. Решили посмотреть. Ведь другого такого случая могло и не представиться: на следующий день мы должны были проститься с Непалом.

## *1960 год*

И вот мы, трое переводчиков, пригласив с собой известного фотокорреспондента Якова Халипа, решили посетить этот храм Любви. С вечера договорились с непальцами насчет машины. У них водители в гараже дежурили круглые сутки. После вчерашнего немного побаливала голова, но предчувствие необычного зрелища бодрило. Мы разбудили шофера, который спал в огромном американском лимузине. Но затем возникла проблема: непалец никак не мог завести машину. Время шло, в девять мы уже должны были быть на завтраке вместе с делегацией. Выручил бывший разведчик Володя Бурдин. Он работал в Америке и эти автомобили изучил хорошо — нажал на какую-то кнопку, и машина, к великому удивлению непальского водителя, завелась.

Вот и храм Любви. Все, что о нем рассказывали, оказалось правдой. Яша вовсю щелкал фотоаппаратом. Побывали и в других храмах. А к завтраку прибыли без опоздания.

За столом Фурцева вдруг вспомнила, что у Ворошилова сегодня день рождения.

— Клим, у тебя же сегодня день рождения! — воскликнула она.

Мы стали его поздравлять. Ворошилов расплылся в улыбке.

— Неужели даже бутылку не поставишь в честь такого случая? — спросила Фурцева.

Адъютант Ворошилова, разумеется, тут же принес водку. Во время этого неожиданно свалившегося на нас праздника я рассказал Козлову о нашем посещении храма Любви. Он сильно расстроился:

— А что ж ты меня не взял с собой?

Я начал выкручиваться:

— Мы, Фрол Романович, побоялись, что за вами охрана потянется…

Козлов насупился еще больше и сказал:

— Зря! Я бы как-нибудь улизнул. Да что теперь…

Уже в машине, когда мы ехали в соседний город на митинг советско-непальской дружбы, он обратился к Фурцевой:

***Е. А. Фурцева на встрече с одной из индийских женских общественных организаций***

***1960 год***

— Катя, а ты знаешь, где ребята сегодня утром были?

И, подмигнув мне, многозначительно добавил:

— Но тебе, Кать, туда нельзя…

Фурцева стала расспрашивать меня. Я довольно обтекаемо рассказал ей о том, где мы побывали, всячески напирая на то, что это религиозный храм, посвященный культу физический любви, и так далее. Реакция оказалась неожиданной. Фурцева тоже высказала сожаление, что мы ее не взяли с собой. А Козлов, продолжая хитро улыбаться, повторял: «Нет, Кать, тебе туда нельзя…»

Наконец мы прибыли в город, где должен был состояться

митинг дружбы. Все собрались на главной площади. Здесь стояли несколько храмов. У подножия одного из них, в тени пагоды, возвышалась трибуна. Нашу «троицу» усадили в кресла. Надели на них гирлянды из живых цветов, и митинг начался. Поскольку непальские провинциалы не знали английского, переводил речи специально приехавший с нами знаток непальского языка. Он переводил, а мы с Виноградовым и Бурдиным стояли за креслами и ждали окончания мероприятия. Я огляделся по сторонам и вдруг обнаружил, что наша трибуна находится у подножия местного храма Любви. Здесь все выглядело несколько скромнее, чем в Катманду, но тем не менее… Я тут же подошел к Козлову и шепнул ему на ухо:

— Фрол Романович, я вам рассказывал сегодня о храме, где мы были утром, так вот, мы сейчас находимся у подножия точно такого же храма Любви. Если вы незаметно оглянетесь, то сможете кое-что увидеть…

Я отошел к своему месту, и мы стали наблюдать за Козловым. Это, как говорится, было бесплатное кино. Через минуту из-за высокой спинки кресла, в котором восседал Козлов, показались поля его соломенной шляпы, потом появились светящиеся любопытством глаза, а затем и все лицо. Когда Козлов вгляделся в потемневшие от времени деревянные барельефы, у него буквально отвисла челюсть, глаза округлились, и он резко отвернулся. Но через минуту повторилось то же самое. Так он оглядывался в течение всего митинга.

В тот, последний, вечер в Непале посольство СССР устроило ответный прием, на который, к моему большому удовольствию, был приглашен и «наш белогвардеец» — хозяин отеля. Он появился с красавицей-женой, и все были восхищены этой великолепной парой.

Потом я всякий раз интересовался у своих коллег, возвращающихся из Непала, судьбой четы и радовался, когда слышал, что они живы-здоровы и процветают. Мне рассказывали, что хозяин отеля по-прежнему радушно встречает наших людей и что если предупредить его заранее, то при встрече на столы подаются русские блюда.

Визит в Непал остался незабываемым событием в моей жизни. Говорят, сейчас эта страна стала более современной, более цивилизованной. Нельзя не приветствовать такие изменения в быте непальцев. Но в моей памяти Непал навсегда останется древней страной, где на главной площади каждого, даже самого маленького, городка возвышается храм Любви.

# Снова в Дели

Покинув Непал, мы вернулись в Индию. Визит «троицы» продолжался. Ворошилов по-прежнему радовался почестям, оказываемым ему индийцами, а Фурцева и Козлов негодовали по этому же поводу.

В последний день визита в нашем посольстве состоялся большой прием. И здесь меня ждал сюрприз: посол сообщил, что из Москвы пришла телеграмма с указанием о том, что я и Бурдин должны задержаться в Дели и дождаться приезда Хрущева, визит которого в Индию должен был начаться через неделю. А затем намечались его визиты в Бирму и Индонезию. Я, как всегда, должен был переводить, а Бурдин налаживать контакты со службами безопасности.

Нам вообще-то повезло — выпала передышка. За неделю мы решили спокойно осмотреть достопримечательности города.

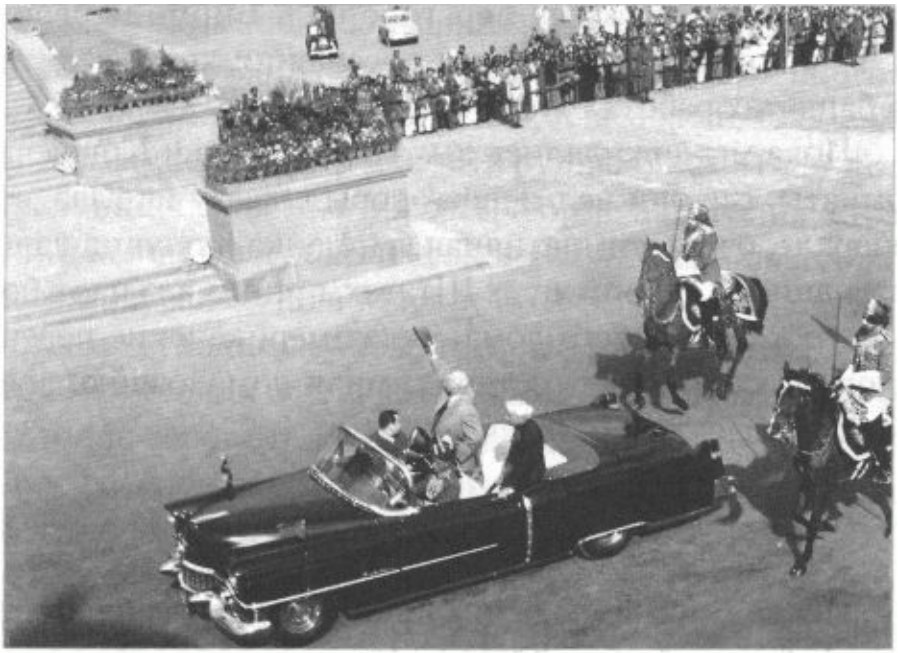
Индийцы сказали, что с этого момента они начинают рассматривать нас как передовую группу по подготовке визита Хрущева, и предложили нам выбрать место проживания: остаться в президентском дворце Раштрапати Бхаван или переехать в Хайдерабад-хаус, гостевой особняк на улице Радж Патх («Путь короля»), принадлежавший в свое время магарадже Хайдерабаду, бежавшему после раздела Индии в Пакистан. Именно в этом особняке останавливались приезжающие в Индию высокие гости из СССР, например маршал Жуков, когда был министром обороны.

Оставаться в президентском дворце нам не очень хотелось. Там все было обставлено торжественно и официально, везде сновали слуги, а у каждой двери, словно изваяния, стояли двухметровые гвардейцы-сикхи, одетые в ярко-красные камзолы с золотым шитьем. Их раздвоенные бороды были заправлены под тюрбаны. В руках они держали пики. Мы чувствовали себя как на съемках фильма «Индийская гробница». Красота красотой, но нам хотелось по возможности избежать всех этих церемоний, и мы с Бурдиным переехали в Хайдерабад-хаус.

Эти дни в Дели надолго запомнились. По первой просьбе мне давали машину, и я ехал куда хотел. Ходил по музеям, храмам, старинным дворцам. Но самое большое впечатление на меня произвел древний, разрушенный «Город обезьян». Когда-то на этом месте был настоящий город, но люди ушли, здания постепенно разрушились, и в них поселились обезьяны.

Нас замечательно кормили. Повар даже в один из дней сделал нам сюрприз: приготовил борщ, пельмени и котлеты по-

киевски. Все это устроил комендант Хайдерабад-хауса — полуиндиец-полупортугалец, веселый, открытый человек. Он предложил также пригласить на ужин кого-нибудь из наших коллег. Этому совету мы с удовольствием последовали и провели прекрасный вечер в обществе двух девушек из советского посольства.



***Визит Н. С. Хрущева в Индию***

***1960 год***

Потом приехал Хрущев, и началась работа. Переговоры, встречи, беседы. Надо сказать, несмотря на то что между Индией и СССР существовали дружественные отношения, переговоры все же иногда усложнялись: индийцы, обращаясь к нам с просьбами о помощи, обычно просили больше, зная, что их просьбы не будут удовлетворены на все сто процентов. Это, повторюсь, затрудняло переговоры, но в конце концов все утрясалось.

Затем мы отправились в Бирму, где пробыли дня три. Во главе переходного правительства этого государства тогда стоял генерал Не Вин, которому в 1958 году передал власть премьер-министр У Ну. Будучи в 1955 году с визитом в СССР, У Ну получил у нас прозвище Белая Головка — он везде появлялся в

национальной бирманской одежде и своеобразной белой шапочке со свисающим с одной стороны округлым хвостиком. Очень она походила на водочную «бескозырку». Забегая вперед, скажу, что в апреле 1960-го, уже после отъезда Хрущева из Бирмы, У Ну выиграл парламентские выборы, вновь став премьер-министром страны, правда всего на два года.

Особенно важные переговоры в Бирме переводил О. Трояновский, а во время посещения храмов, музеев, на банкетах работал я.

Пока мы дожидались выхода Не Вина и Хрущева из комнаты, где они вели переговоры с глазу на глаз, жена генерала, очень симпатичная бирманка, получившая образование в Соединенных Штатах, принимала нас в большой гостиной своего дома, пела американские песенки. Словом, как добрая гостеприимная домохозяйка всячески старалась нас развлечь.

# Печальная история

После Бирмы мы отправились в Индонезию. Президент Сукарно был хорошо у нас известен: в Москве он бывал не раз. И вот настала очередь Хрущева побывать в гостях у Сукарно. По нынешним временам тот визит был очень долгим: мы пробыли в Индонезии почти две недели. После посещения ряда городов поехали на остров Бали, где Хрущеву вместе с его многочисленной семьей был предложен отдых.

Поскольку переговоры велись на индонезийском языке, работы у меня оказалось мало. В основном я переводил на пресс-конференции Никиты Сергеевича.

В самом начале визита в Индонезию произошло одно неприятное событие. Все шло вполне дружелюбно и гладко. Сукарно каждый вечер обязательно завершал концертом, на котором выступали лучшие певцы, музыканты и танцоры. Исполнялось много красивых, колоритных, но, как нам казалось, чересчур затянутых номеров. Сукарно же их обожал.

И вот после ужина все собрались в зале. Было жарковато, но терпимо. Я обратил внимание, что наш посол в Индонезии просто изнемогает: обливается потом, с лица не сходит болезненное выражение. Да и сидел он почему-то вдали от Громыко, своего непосредственного начальника. Только утром я узнал, в чем дело. Оказывается, накануне личные врачи Хрущева, осмотрев посла, выяснили, что он — в тяжелой форме алкоголик, страдающий белой горячкой. Посол периодически находился в состоянии запоя, но в Москву об этом не сообщали, даже соответствующие службы, которые должны были это сделать. Проявляли, так сказать, жалость, и эта жалость чуть не стоила человеку жизни. Надо сказать, посол был высокопрофессиональным, опытным дипломатом. И печально, что он так закончил карьеру.

На следующее утро одним из наших спецсамолетов, а их с Хрущевым прибыло несколько, посла отправили в Москву. Разумеется, в Индонезию он больше не вернулся, а на его место назначили министра культуры Н. А. Михайлова, который, кстати, сопровождал Хрущева в той поездке.

Я думаю, что посол стал алкоголиком не вследствие моральных изъянов или плохой наследственности. Дело в том, что в таких странах, как Индонезия, европейцам приходится постоянно употреблять спиртное, если они не хотят подхватить желудочную болезнь. Естественно, не любой организм и не всякая психика выдерживают подобную нагрузку.

# Сюрпризы Сукарно

Сукарно повсюду сопровождал Хрущева. И во всех городах, которые мы посещали, президент по вечерам устраивал концерты национальной музыки. После этих концертов начинались танцы. Сукарно выступал заводилой, заставлял присутствующих местных женщин приглашать на танец советских мужчин, с большим удовольствием танцевал сам. Все это продолжалось допоздна. Первым такого марафона не выдержал Хрущев. Он попросил Сукарно на него не обижаться, если он станет уходить пораньше. Но при этом Хрущев пообещал, что его окружение будет оставаться до конца и принимать активное участие в танцах. Громыко продержался еще два дня и тоже стал уходить раньше. Ну а всем остальным приходилось допоздна танцевать под предводительством неугомонного Сукарно.

Поездка в Индонезию отличалась еще и тем, что Хрущев вел там переговоры спокойно, умиротворенно, не сравнить с Америкой, где он то и дело рвался в бой. В общем, полемизировать ему не приходилось.

Советский Союз оказывал помощь Индонезии в строительстве разных социальных объектов, в частности грандиозного столичного стадиона. Сукарно мечтал провести на нем Всеазиатские игры. Во время визита Хрущева состоялась церемония забивки первой сваи в основание будущего стадиона. На краю котлована собралось много народу. А внизу, под ногами, зияла яма с водой на дне. В нужный момент Хрущев и Сукарно дернули за веревочку, и заработала сваезабивающая установка. Большой тяжелый молот бухнул по свае, та врезалась в грязь на дне котлована, подняв фонтан брызг. Многих гостей основательно обдало грязью, но до Хрущева и Сукарно брызги не долетели. Лицо Сукарно выражало полный восторг. Мне даже показалось, что он специально устроил такой «сюрприз».

Кроме того, запомнилась церемония закладки на острове Амбон нового здания для местного университета, которое СССР подрядился возвести. Хрущев на Амбон не полетел, направив туда часть делегации, в том числе и меня. Возглавил нашу группу министр культуры Михайлов.

Амбон расположен в восточной части Индонезийского архипелага. Географически он ближе к тихоокеанским островам, а по культуре — к Таити и Гавайям. Например, здесь тоже играют на гитарах, музыка и танцы напоминают гавайские.

Сразу после приземления нас окружила толпа красиво одетых парней и девушек, которые начали петь и танцевать, увлекая

нашу группу за собой. Нам на шеи повесили гирлянды цветов, взяли под руки и повели к машинам. Привезли в порт, посадили на большой катер, и мы по воде через полчаса прибыли на другой конец острова — Амбон имеет форму подковы.

Прибыли мы утром и целый день провели за развлечениями, танцевали. Так же прошла первая половина следующего дня. Затем состоялась церемония закладки корпуса университета. Потом вновь начались танцы. Юные красавицы не давали нам ни минуты отдыха. Одни убегали, но их тут же подменяли другие. Оказывается, чтобы все студентки успели пообщаться с нами, им установили специальный график. Забавно было наблюдать, как во время танца девушка вдруг смотрела на часы и убегала, а ее место сразу же занимала другая. Я лично с красотками натанцевался на всю жизнь. Наутро, едва открыв глаза, мы увидели, что девушки уже прогуливаются под нашими окнами, и все началось сначала. Только вечером мы улетели оттуда и присоединились на острове Бали к советской делегации, возглавляемой Хрущевым.

Бали, конечно, сказочный остров. Он славится своей природой и умопомрачительными красавицами, которые до сравнительно недавнего времени ходили с обнаженной грудью. Другой предмет гордости балинезийцев — замечательные резные статуэтки, изображающие удивительно изящных женщин с поднятыми вверх сложенными ладонями. Резчики там изготовляют и другие фигурки, но славу они заслужили именно этими. Помню, как-то раз вместе с Романом Карменом, входящим в состав делегации и снимавшим документальный фильм о визите Хрущева в Индонезию, мы отправились на улицу, где продавались создаваемые тут же, на глазах у покупателей, знаменитые статуэтки. Мы долго ходили, выбирая, а потом вдруг наши взгляды остановились на одной из них. Она была около полутора метров в высоту, из светлого дерева. Почти одновременно мы протянули к ней руки, но я опередил Романа Лазаревича. После этого Кармен, всякий раз встречаясь со мной, неизменно вспоминал, как я у него из-под носа увел «балинезийку».

# Лекарство не для всех

На обратном пути мы совершили промежуточную посадку в Бомбее. Там я неожиданно неважно себя почувствовал. До этого я всегда удивлял всех наших своим «луженым» желудком, с завидной легкостью усваивавшим национальные индийские и другие экзотические блюда, обильно приправленные перцем и разными специями. Острыми были все блюда без исключения, начиная с омлета и заканчивая сладостями, от которых тут же начинался пожар во рту. Удивлять-то удивлял, но, как говорится, до поры до времени.

Это случилось на заключительном банкете, когда я переводил Хрущеву. В какой-то момент я вдруг почувствовал, что надо немедленно все бросать и бежать в свою комнату. Написал записку Олегу Трояновскому и передал ее с официантом. Хорошо, что Трояновский оказался на месте и быстро прислал другого переводчика. Я умчался в номер. Через некоторое время ко мне пришли профессор А. Марков, на тот период начальник Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, и личный врач Хрущева. Осмотрели, дали таблетки, и вскоре все прошло.

За все годы моей многолетней работы, многочисленные поездки такое случилось со мной в первый и в последний раз. А избегал я отравлений очень простым и надежным способом, подсказанным мне врачами из Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, сопровождавшими советских лидеров. Они объяснили, что в азиатских странах можно пить только бутилированную минеральную воду, потому что там на кухнях не только самых элитных гостиниц, но даже и президентских резиденций недостаточно, мягко говоря, соблюдаются нормы гигиены (лед, например, обычно делается из сырой воды). Кроме того, хочешь не хочешь, но перед завтраком, обедом, ужином и обязательно перед сном нужно выпивать хоть немного водки или виски. У меня не было оснований не доверять врачам такого класса, и я следовал их совету. Благодаря чему уберегся от болезней, подстерегающих европейцев в этих странах. Случай, произошедший со мной в Бомбее, — исключение.

# Азиатские сувениры

Из Бомбея Хрущев отправлялся в Афганистан, куда был запланирован очередной его визит. Помощники Никиты Сергеевича спросили меня, хочу ли я с ним туда поехать, отметив, что необходимости в переводе с английского там не будет. К тому времени я вообще порядком ослаб и подустал, особенно после краткого, но острого отравления. С момента отлета из Москвы прошло уже больше месяца. Короче, я попросился домой.

К моему багажу кроме статуэтки балинезийки прибавился еще один весьма хрупкий груз. Дело в том, что сын Хрущева, Сергей, по профессии инженер-ракетчик, очень увлекался энтомологией — собирал коллекции бабочек и других насекомых. В Индонезию он привез с собой много разных приспособлений для их отлова и сохранения: специальные фонари для привлечения ночных бабочек, сачки и прочее. Во время поездки Сергею каким-то образом удалось добыть, а может ему подарили, несколько весьма редких и своеобразных существ — палочников, походящих на ярко-зеленые веточки, сантиметров десять длиной, тонких, на длинных суставчатых лапках. Узнав, что я лечу в Москву, он решил отправить их со мной.

Все девять часов лету от Бомбея я оберегал палочников от всяких внешних влияний, особенно от холода, сразу бы их убившего. Они находились в специальной прозрачной коробке и занимались своим привычным делом: сидели неподвижно, иногда принимая такие позы, что их с трудом можно было отличить от сучка дерева.

Лишь только мы приземлились в Москве, в салон вошел офицер охраны в чине капитана с теплым шерстяным пледом в руках и назвал мою фамилию. Я с радостью передал ему коробку с палочниками. Капитан с таким видом, словно выполняет важное государственное задание, укутал коробку пледом и ушел. Больше я ни его, ни этих палочников никогда не видел.

# Друг и соратник

У вождей, как правило, редко бывают преданные до конца жизни друзья. Хрущеву в этом смысле повезло. Таким другом и соратником был для него Анастас Иванович Микоян. Я не раз присутствовал при их беседах — доверительных, серьезных, иногда сдобренных шуткой. Это всегда был разговор на равных. Хрущев с Микояном был предельно откровенен, принимал его возражения. В споре Анастас Иванович никогда резко не возражал оппоненту, но и позиций своих не сдавал. Несомненно, природная восточная хитрость помогала ему в многотрудной политической карьере. На приемах интересно было порой наблюдать, как после рюмки-другой коньяка Хрущев с Микояном начинали демонстративно пикироваться: Никита Сергеевич — с присущим ему грубоватым чувством юмора, Микоян — остроумно и лаконично. Так подтрунивать друг над другом, как они, могли лишь два близких человека.

***В. М. Суходрев, А. И. Микоян и общественный деятель США С. Итон***

***Москва, 1960-е годы***

***Президент Пакистана А. Хан, В. М. Суходрев, А. И. Микоян на встрече в Кремле***

***Москва, 1960-е годы***

Известно, что Анастас Иванович Микоян говорил с сильным армянским акцентом. Но мне запомнились еще два его «акцента». Я имею в виду манеру Микояна решать политические вопросы и его поведение в чисто житейских ситуациях. Но об этом ниже.

С Микояном мне приходилось встречаться довольно часто. В основном на переговорах в Москве, на приемах иностранных послов, официальных обедах и так далее.

# Дипломатический ход Хрущева

В начале 1959 года с официальным визитом в СССР прибыл премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан. Этому визиту придавалось особое значение.

Переговоры вел сам Хрущев. Но принимал в них участие и Микоян, тогда один из первых заместителей Председателя Совета Министров.

Первое, что бросилось в глаза, когда Макмиллан спускался по трапу, — его довольно странный головной убор. Высокая белая меховая шапка сильно смахивала на махновскую папаху времен Гражданской войны. Только надета она была как бы углом вперед. Эта папаха привлекла внимание журналистов. На следующий день многие западные газеты упомянули о ней в своих статьях, освещающих приезд Макмиллана в Москву.

Тогда существовал такой порядок: на аэродроме высокого гостя встречает первое лицо государства. В данном случае это был Хрущев.

Встретились радушно, но потом, уже в Кремле, по какому-то вопросу не поладили. Кажется, по германской проблеме.

По программе после двух дней пребывания в столице Макмиллан должен был ехать в Киев, потом в Ленинград, а затем вернуться в Москву и продолжить переговоры. Я сопровождал Макмиллана. Чувствовалось, что он расстроен. Ему не хотелось расставаться с Хрущевым в состоянии конфронтации. Советско-британские отношения и без того не блистали взаимопониманием.

Из Киева полетели в Ленинград. И каково же было удивление Макмиллана, когда он увидел, что у трапа самолета его встречает Микоян. Надо сказать, такой высокий уровень встречи в Ленинграде программой не предусматривался. Макмиллан сразу понял, что это хороший признак, и повеселел.

Сели в машину. Микоян был приветлив, шутил. Потом мне стало известно — это Хрущев постарался. Чтобы завершить визит Макмиллана на благоприятной ноте, он сделал верный дипломатический ход — отправил в Ленинград Микояна.

Микоян, как никто другой, подходил для подобного мероприятия. И не только потому, что являлся близким соратником Хрущева, — Анастас Иванович обладал незаурядными дипломатическими способностями и талантом общения.

Поездка в Ленинград пришлась на день выборов в Верховный Совет.

Микоян решил пойти и проголосовать. Открепительного талона у него, конечно, не было, но это его не смутило. Желание руководителя такого ранга — почти закон.

***Визит Г. Макмиллана в СССР: министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд, Г. Макмиллан, В. М. Суходрев, Н. С. Хрущев***

***Москва, 1959 год***

***Н. С. Хрущев и Г. Макмиллан приветствуют москвичей***

***Москва, 1959 год***

Ленинградские хозяева связались с сотрудниками одного из центральных избирательных участков и сказали, что к ним едет голосовать Микоян.

Анастас Иванович предложил Макмиллану поехать вместе с ним, посмотреть, как работает советская демократия. Тот охотно согласился.

Избирательный пункт находился где-то на Невском проспекте. Все вокруг оцепили. Прохожих удалили. Макмиллан и Микоян вышли из машины и направились к дверям, украшенным лозунгами и флагами. И тут я чувствую, что кто-то тронул меня за плечо. Это был охранник. Он протянул мне паспорт Микояна. Ведь надо было его фамилию внести в список голосующих.

Микоян подошел к столу. Я отдал ему паспорт. Он раскрыл его и передал женщине, которая регистрировала тех, кто голосовал по открепительным талонам. Женщина в растерянности пробормотала:

— Анастас Иванович, зачем же паспорт? Я вас и так знаю…

Микоян возразил:

— Нет, нет, возьмите, вы должны все записать как положено.

Женщина, волнуясь, внесла его фамилию в список, выдала бюллетени. Макмиллан заинтересовался этими листками и спросил у меня:

— А там что, всего по одному кандидату?

— Да, конечно, — отвечаю я с «удивленным» видом: а как же, мол, может быть иначе?

Так премьер-министр Великобритании приобщился к истинной советской демократии.

Вечером он сказал Микояну, что в эти дни много думал о встречах с Хрущевым и надеется на то, что они оба, Макмиллан и Никита Сергеевич, придут к какому-то компромиссу, который хотя бы позволит продолжить переговоры и завершить их на позитивной ноте. Анастас Иванович в деталях обсудил с ним этот вопрос. И сразу же после данного разговора послал по закрытым каналам короткое сообщение в Москву, а мне дал указание как можно быстрее сделать подробную запись их беседы.

Едва мы прибыли в Москву, Микоян сразу же направился в Кремль, захватив меня с собой. Вызвал секретаря-машинистку, и я тут же стал диктовать содержание беседы, состоявшейся в Ленинграде. Анастас Иванович ждал, пока я сделаю запись, позвонил по «вертушке» и предупредил Хрущева, что идет к нему. А мне сказал:

— Ты тоже пойдешь со мной, потому что присутствовал при беседе.

Вошли. В кабинете — Хрущев, его помощник Лебедев и, кажется, начальник секретариата Шуйский. Хрущев взглянул на нас и засмеялся:

— Анастас, а что, Суходрев пришел тебя переводить?

Шутка была не без подковырки, учитывая микояновский акцент.

Хрущев прочитал мою запись. Микоян сделал к ней кое-какие пояснения. Хрущев спросил у меня:

— Все было так, как Анастас говорит?

Я, конечно же, подтвердил.

# Сын не в отца

Вместе с Макмилланом приехала в нашу страну группа английских журналистов, в которой был и сын Уинстона Черчилля — Рэндольф. Он слыл очень смелым, даже дерзким, журналистом, не щадившим ни своих консерваторов, ни тем более лейбористов. В чем-то он, конечно, походил на отца — крупный, тяжелый, с бульдожьей хваткой. Мне говорили, что он также отличается большой любовью к коньяку, хотя выпитое влияет на него гораздо сильнее, чем на папашу. Этому я был свидетель. На приеме в английском посольстве в зал, где находились главные гости, журналистов не пустили. А Рэндольф Черчилль, явно выпив коньяка, пытался пройти туда, вознамерившись, видимо, поговорить с Хрущевым. Его вежливо отстраняли. В какой-то момент его выкрики перекрыли даже оживленный гул голосов, несмолкаемый обычно на больших приемах:

— Это безобразие! Меня в моем собственном посольстве смеют куда-то не пускать!

Посол Великобритании побледнел, услышав это. Назревал скандал.

Потом я увидел Рэндольфа Черчилля, когда мы оказались в Киеве. Помню, часов в восемь утра я спустился в гостиничный ресторан позавтракать. Там уже сидел Черчилль. Он что-то ел, а перед ним стоял большой фужер для воды, наполненный коньяком. Из многих источников известно, что Черчилль-старший тоже начинал свой день с коньяка, а также с длинной крепкой сигары. Сын, видимо, хотел походить на папу. Но получалось это у него без особого успеха. Когда мы прилетели в Ленинград, я не увидел в толпе журналистов Рэндольфа Черчилля и спросил у кого-то из англичан, где он. Мне ответили:

— Ему стало не по себе, и он из Киева через Москву улетел домой, в Лондон.

Лично мне было понятно, что означали слова «стало не по себе»…

# Недоброжелатели

Когда Хрущева убрали с политической арены, Микоян стал Председателем Президиума Верховного Совета, но ненадолго. У лидеров, пришедших на смену Хрущеву, Микоян вызывал сложные чувства. Брежнева, например, он раздражал постоянно. По-моему, это была неприязнь посредственности к яркой, одаренной личности. Впрочем, может быть, не один Брежнев так относился к Микояну.

Помню, как на упоминание мной имени Микояна отреагировал когда-то Фрол Козлов. В 1959 году мне довелось сопровождать его в Америку, на открытие в Нью-Йорке выставки «Достижения СССР в области науки, техники и культуры». В одном из городов США, который мы посетили, Козлов решил расслабиться. В гостиничном номере вместе с помощниками и охраной нас собралось человек восемь. На столе появился коньяк. Бутылку быстро опорожнили. Тогда Козлов поднес пустую посудину к носу и, поморщившись, сказал:

— Керосином пахнет. Заменить!

Я засмеялся, вспомнив, как точно то же самое проделывает и говорит Микоян в аналогичных случаях:

— Фрол Романович, это ведь любимая присказка Анастаса Ивановича.

Козлов мгновенно помрачнел, сурово глянул на меня и резко выпалил:

— При чем здесь Микояшка? У него и шутки армянские!

Но главным недоброжелателем Анастаса Ивановича был, конечно, Брежнев. О его отношении к другу Хрущева красноречиво говорит такой случай.

В 1975 году в Москву с официальным визитом приехал премьер Великобритании Гарольд Вильсон. Еще в 40-х годах, будучи министром торговли, Вильсон встречался с Микояном. Считалось, что именно они способствовали развитию торгово-экономических отношений между Англией и СССР. Вильсон всегда с симпатией относился к Микояну. И вот, когда уже Микоян не занимал никаких государственных постов, Вильсон вновь приехал в Москву. В честь высокого гостя был дан завтрак в Кремле. На нем присутствовали Брежнев и другие руководители страны. В своей речи Вильсон, вспоминая встречи с Микояном, очень хорошо о нем отозвался.

Надо сказать, что Брежнев до этого довольно долго не появлялся на публике. Западная пресса писала, что Генсек тяжело болен. Так, собственно, и было. Наши, решив

продемонстрировать, что советский лидер здоров и полон созидательной энергии, надумали этот завтрак с Вильсоном показать по телевидению.

В Грановитой палате, где в прошлые века собирались великие князья, государи, где стены расписаны библейскими сюжетами, надо было так разместить вождей коммунизма и их гостей, чтобы они, и только они были видны на экранах телевизоров, а сюжеты на стенах и особенно столы, богато сервированные, не бросались в глаза.

Телевизионщикам пришлось потрудиться, чтобы одно заслонить, а другое оттенить. Иначе, считалось, советские люди всего этого не поймут.

Когда отзвучали приветственные речи, у Генсека спросили, оставлять ли похвальный отзыв Вильсона о Микояне в печати и телерепортаже. Брежнев, помню, задумался и, вдруг оживившись, сказал: «Микояшку убрать!» Так и поступили. На следующий день кто-то, по-моему из английского посольства, обратил внимание Вильсона на это изъятие. Он сильно расстроился. Может быть, потому, что вспомнил о своей последней встрече с Микояном.

# Made in England

В 1970 году возглавляемая Вильсоном Лейбористская партия потерпела поражение на выборах и перешла в оппозицию. Хотя сам Вильсон в парламент попал. В этом, можно сказать, скромном качестве члена британского парламента он вскоре приехал в Советский Союз. Принимали его в Москве по линии Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, не без участия, как тогда было положено, Международного отдела ЦК КПСС. Вильсону организовали ряд встреч с «представителями общественности», в Министерстве внешней торговли, в Парламентской группе Верховного Совета, и он даже провел пресс-конференцию в Доме журналистов.

Вильсон высказал пожелание встретиться со своим старым приятелем А. И. Микояном, который с 1965 года находился на пенсии. Но по негласным правилам тех лет руководящие лица высокого ранга, вышедшие в отставку, не могли сами принимать решение о встречах с иностранными деятелями. Так что, естественно, о просьбе Вильсона доложили в ЦК, где и принималось решение, наверняка на высоком уровне. Оно оказалось в данном случае положительным, и через секретариат А. А. Громыко я получил указание отправиться вместе с Вильсоном к Микояну.

Должен сказать, что с Вильсоном я ранее не встречался.

Вильсон остановился в гостинице «Националь», куда я и прибыл к назначенному часу. Около гостиницы, как мне и было сказано, нас ожидала «Чайка». В вестибюле «Националя» я встретил сына Микояна, Серго, с которым давно был знаком. Вскоре появился и Вильсон. Кстати, ребята из «девятки» меня предупредили — за нами могут увязаться английские корреспонденты, каким-то образом пронюхавшие, что Вильсон собирается встретиться с Микояном. Анастас Иванович уже давно на людях не появлялся, и, конечно, журналистам было интересно разузнать, как живет на пенсии бывший член высшего советского руководства.

Мы поприветствовали Вильсона, вышли из гостиницы и поехали. Вильсон и Серго Микоян разместились на заднем сиденье, а я впереди, рядом с водителем. Охраны не было. Но я сразу обратил внимание, что за нами увязалась машина, вероятно с корреспондентами, однако промолчал. Едем, разговариваем. И вдруг я заметил, что Вильсон чем-то обеспокоен — все время как-то тревожно посматривает на меня. В какой-то момент он вынул курительную трубку и попросил у меня огня. Я достал из кармана

английскую зажигалку «Ронсон», а про себя подумал: «Тоже мне курильщик — ездит без спичек». (Профессиональные курильщики трубки знают, что ее полагается зажигать только спичками.) Протянул Вильсону зажигалку. Тот прикурил. Я видел, что он по-прежнему нервничает. Потом он стал задавать мне какие-то незначительные вопросы, вроде бы только затем, чтобы о чем-нибудь говорить.

Анастас Иванович жил на своей даче по Рублево-Успенскому шоссе. Там и сегодня можно увидеть толстую стену из красного кирпича, которая уступами спускается вниз по холму, — ограду дачи Микояна.

У ворот нас встретила охрана. Дежурный офицер подошел к машине. Я опустил стекло, показал свое мидовское удостоверение и сказал ему, что автомобиль с журналистами, следующий за нами, надо отсечь. И тут я почувствовал, что Вильсон наконец успокоился.

Пока мы от ворот ехали к дому, он сказал мне:

— Вы знаете, только сейчас я понял, что напрасно волновался. Мне сказали, что журналисты решили любым способом попасть на мою встречу с Микояном, а по вашему английскому языку я решил, что вы — английский журналист. Каким-то обманом проникли в машину и едете со мной. А когда вы мне еще и английскую зажигалку протянули, я уже и сомневаться перестал. И только после вашего разговора с охранником мои сомнения развеялись.

Я рассмеялся. Он тоже развеселился и спросил, откуда я так хорошо знаю английский. Я объяснил, коротко рассказав о детстве.

Такова была моя первая встреча с Гарольдом Вильсоном. Потом, когда мы опять встречались, Вильсон всякий раз вспоминал об этом эпизоде. Кстати, он описал его в своих мемуарах, которые опубликовал после того, как окончательно ушел в отставку.

Микоян был рад повидаться со старым приятелем. Тепло поприветствовал он и меня. Он, конечно, сильно сдал — похудел, вернее, как-то усох. Мне показалось, что он, будучи не совсем рослым (известно, что в сталинском окружении все были невысокие), стал еще меньше ростом.

Вильсон с Микояном душевно поговорили, вспомнили прошлое, выпили чайку и даже немного вина. На том встреча и закончилась.

Микоян до конца был рядом с Хрущевым. В роковую для Хрущева осень 1964-го он отдыхал рядом с ним в Пицунде, на соседней правительственной даче. По политической логике тех

лет Анастас Иванович как друг и соратник вождя должен был разделить участь Хрущева. Но этого не произошло. До 1965 года Микоян оставался Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Брежнев почему-то не торопил события. Можно сказать, что с Микояном поступили гуманно, даже оставили ему на какое-то время кабинет в Кремле. Лишь в 1974 году Анастаса Ивановича Микояна не выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета.

Жизнь и политическая карьера этого удивительного человека закончилась, что называется, без драм и потрясений, во всяком случае внешних.

# Последние встречи

После освобождения Хрущева пленумом ЦК КПСС от всех государственных и партийных должностей он исчез из моего поля зрения. Я знал, что его заставили выехать из дома на Ленинских горах, где он жил, и перебраться на государственную дачу в районе села Петрово-Дальнее. Там располагался целый поселок дач, принадлежавших Совмину.

Новый, 1965 год сын Хрущева, Сергей, предложил мне встретить вместе. Собралась вся большая семья Хрущевых — Сергей с женой, Юля и Рада с мужьями, их дети, несколько близких друзей. Подъехали и Никита Сергеевич с Ниной Петровной. Когда часы пробили двенадцать, Никита Сергеевич произнес небольшую речь. Наверное, одну из своих последних. Он не давал никакой оценки тому, что произошло с ним, не говорил о политике. Он как бы вслух размышлял о принципах, которыми руководствовался в течение жизни. О том, что всегда стремился выступать не по писаному, вспомнил, что еще Петр Первый требовал от бояр, чтобы они излагали свои мысли не по бумажке, «дабы дурь каждого видна была». Он был открыт, напорист и искренен. В общем, я увидел того самого Хрущева, которого знал много лет.

Весной того же года, в его день рождения, я все-таки решился позвонить ему на дачу. Время было вечернее. Он, наверное, сидел за праздничным столом. К телефону подошла его младшая дочь Лена. Я передал через нее привет и поздравления с днем рождения Никите Сергеевичу. Потом Алексей Аджубей, муж Рады, писал в своей книге, что мой звонок был одним из немногих в тот день.

Вторая моя встреча с Хрущевым после его отставки произошла случайно. Мы с приятелем в обеденный перерыв прогуливались по Арбату. Вдруг я увидел — из переулка выезжает большой черный «ЗиМ». На перекрестке машина остановилась, и на заднем сиденье я разглядел Никиту Сергеевича и Нину Петровну. Хрущев тоже меня увидел. Улыбнулся, потянулся к ручке двери, открыл. Я поздоровался. Он сказал, что им дали городскую квартиру в Староконюшенном переулке, а вообще он продолжает жить на даче. И добавил:

— Приезжайте к нам. Приезжайте.

И когда Юля Хрущева через какое-то время позвонила мне и напомнила о приглашении отца, я поехал.

На большом общем участке дач Совмина была одна, окруженная забором. Там и доживал свой век Никита Сергеевич

Хрущев.

Он очень тепло меня встретил. Сразу предложил пройтись. Мы довольно долго с ним гуляли, он показывал мне огород, где сам выращивал помидоры, картофель, другие овощи. Во время нашей прогулки за ним следовала его овчарка, Никита Сергеевич был явно к ней привязан. Говорил он о своих дачных проблемах, совсем не спрашивал о моей работе, внешнеполитических делах. Думаю, что все это его интересовало, но он не считал возможным меня об этом расспрашивать.

День закончился ужином, за которым он вел себя как хороший добрый хозяин, глава большой семьи.

Вот, собственно, и все. Больше я Хрущева не видел.

Спустя какое-то время меня в МИДе все-таки призвали к ответу. Не знаю почему, но вызвали к Леониду Митрофановичу Замятину, возглавлявшему тогда отдел печати. Мы с ним были в хороших отношениях, возможно, поэтому все и ограничилось дружеским разговором. Замятин сказал, что ему известно о моей поездке к Хрущеву и что мне этого делать не следовало. К счастью, других последствий не было. Но предостеречь меня от возможных дальнейших встреч с Хрущевым все-таки сочли необходимым.

На этом и закончилась одна эпоха моей жизни. И началась другая.

# Алексей Косыгин

# Человек неординарных решений

Значительная часть моей профессиональной жизни связана с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Из всех, с кем приходилось мне работать в качестве переводчика, он вызывал у меня наибольшее уважение и теплоту. В интеллектуальном плане он, безусловно, превосходил всех наших руководителей. Изъяснялся на правильном русском языке, что также выгодно отличало его от большинства советских лидеров. Пожалуй, Косыгин был действительно образованным человеком. Ленинградец, с высшим экономическим образованием, он еще с довоенных лет работал наркомом, в период с 1940 года по 1960-й в разное время занимал пост заместителя главы правительства, а с 1964-го и почти до конца жизни был Председателем Совета Министров СССР.

После того как был смещен Хрущев, Косыгин, понимая, что наша социалистическая экономика больна, сделал попытку провести реформы, впоследствии названные косыгинскими. Но она не удалась. Попытку «прихлопнули» стараниями членов Политбюро, и прежде всего Суслова, видевшего в любом отходе от твердокаменных установок партии нарушение принципов марксизма-ленинизма. Ну а Суслова поддерживали, конечно, и Подгорный, и Кириленко, и сам Брежнев.

Несмотря на вечно грустное и мрачное выражение лица, Косыгин был человеком очень живым и бодрым, умел улыбаться и шутить. Любил выпить молдавского коньяка. Как его Микоян ни уговаривал перейти на армянский, он оставался верен своему вкусу. Помню, как-то в Индии, собираясь на официальный банкет у Индиры Ганди, Алексей Николаевич начал ворчать, что вот, дескать, опять эта острая индийская еда, к которой мы не привыкли, и как бы чего потом с нашими желудками не произошло… Я сказал, что в общем-то люблю острую пищу, но тем не менее всегда провожу профилактику.

— Это как? — поинтересовался Косыгин.

Я неопределенно ответил:

— Ну-у, не знаю… Там ведь выпить-то не дадут…

Косыгин на секунду задумался и все понял:

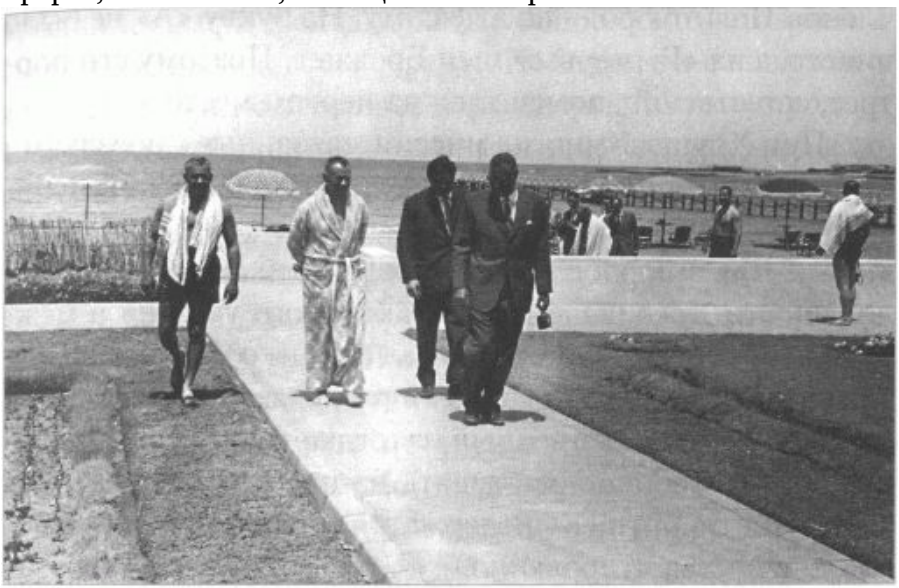
— Это вы правильно сказали. Позовите-ка сюда Карасева.

Когда появился Евгений Карасев, старший адъютант, Косыгин попросил его принести бутылку коньяка. Мы выпили, и я позволил себе заметить, что теперь нас ни одна зараза не возьмет.

Косыгин вообще легко откликался на неординарные предложения. Помню, когда во время одной из поездок в Египет,

в Александрию, президент Насер неожиданно предложил ему искупаться в море, Алексей Николаевич недолго думая согласился, чем немало переполошил свою охрану. Вряд ли кто-нибудь из тогдашних наших руководителей принял бы такое предложение.

После изгнания Хрущева Политбюро приняло весьма важное решение, согласно которому «отныне и навеки» в партии и государстве должно действовать так называемое коллективное руководство. Впрочем, точно такие же постановления принимались и после смерти Сталина. Но все же тогда, в конце 1964 года, это решение соблюдалось жестко. Например, перед праздниками и крупными торжествами на главных улицах и площадях страны вывешивались портреты не одного руководителя, а всех членов Политбюро — по алфавиту. На букву «А» не было никого, а на «Б» первым шел Брежнев. Поэтому его портрет, естественно, помещался на первом месте.



***А. Н. Косыгин после морского купания. На переднем плане Г. Насер***

***Александрия, 1967 год***

***А. Н. Косыгин, Г. Насер, А. А. Громыко в Египте***

***Александрия, 1967 год***

При Хрущеве многие миссии, связанные с поездками за рубеж, выполнял Микоян. А в постхрущевский период эти функции перешли к Косыгину. У меня было ощущение, что в первое время своего пребывания в новой должности Брежнев опасался активного участия в международных делах. Он чувствовал себя не совсем уверенно. Косыгин же быстро усваивал суть дела, не боялся вести переговоры и, единственный из тогдашних членов Политбюро, мог свободно выступать на пресс-конференциях. В отличие от Хрущева он держался спокойно, говорил логично и аргументированно.

## «Индо-пакистанский инцидент»

Косыгин был способным дипломатом. С его именем связан и наш успех на Ташкентской встрече глав двух враждующих государств — Индии и Пакистана. Эти страны в 1965 году оказались на грани полномасштабной войны. Не вмешайся Советский Союз, она наверняка началась бы.

Надо сказать, что СССР, ориентируясь на союз с Индией, стремился сохранить хорошие отношения и с Пакистаном, дабы ограничить американо-пакистанское сближение. Дело в том, что Пакистан являлся членом СЕНТО — военно-политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке, которую мы считали еще одним «агрессивным блоком, сколоченным США против Советского Союза». Правда, после очередного переворота в Ираке, нанесшего чувствительный удар по блоку СЕНТО, Пакистан стал переходить на более нейтральные или, по крайней мере, сбалансированные позиции. Особенно это проявилось при фельдмаршале Айюб Хане, ставшем в 1960 году президентом страны. Побывал он с визитом и в СССР, вел плодотворные переговоры. В итоге, продолжая развивать экономические связи с Индией, мы налаживали их и с Пакистаном. Вплоть до поставок вооружений. Таким образом, пакистанцы и индийцы во время своих постоянных вооруженных стычек использовали оружие одно и того же производства — советского. Многие офицеры Индии и Пакистана проходили обучение в военных учебных заведениях СССР.

Когда советско-пакистанские отношения улучшились, наше правительство предложило оказать «добрые услуги» двум враждующим государствам в целях урегулирования конфликта между ними путем переговоров. Именно Алексей Николаевич Косыгин стал инициатором миротворческой встречи в столице Узбекистана.

И вот в самом начале января 1966 года мы оказались в теплом солнечном Ташкенте. Косыгина сопровождали министр иностранных дел А. Громыко и министр обороны Р. Малиновский. Такой состав нашей делегации определялся тем, что на встречу в Ташкент приехали соответствующие министры Индии и Пакистана. Кстати, министром иностранных дел Пакистана тогда был Зульфикар Али Бхутто, впоследствии ставший президентом этого государства.

Главная трудность переговоров состояла в том, что лидеры Индии и Пакистана друг с другом не желали разговаривать. Лал Бахадур Шастри, премьер-министр Индии, напрочь отказывался

встречаться с Айюб Ханом. При таких обстоятельствах о совещании не могло быть и речи. Вот и приходилось Косыгину в течение почти двух недель совершать челночные поездки между резиденциями Шастри и Айюб Хана, стараясь склонить их к примирению или хотя бы к тому, чтобы они сели за общий стол переговоров. Не буду вдаваться в подробности самих переговоров, но в том, что они вообще начались и успешно завершились, несомненно, заслуга Косыгина. Он буквально метался между двумя руководителями, всячески уговаривал, убеждал и в конце концов убедил.

***А. Н. Косыгин приветствует Л. Шастри***

***Ташкент, январь 1966 года***

***А. Н. Косыгин и А. Хан — дружественное рукопожатие***

***Ташкент, январь 1966 года***

Пока не были улажены основные политические разногласия, остальным министрам делать было нечего, особенно министрам обороны. Малиновский, помню, скучал. На завтраке, который устроил Шастри в честь советской делегации, нашего военачальника очень расстроил тот факт, что, согласно индийской традиции, не подали спиртного. Видимо, это отразилось на его лице, и большой знаток советских руководителей Трилоки Кауль, посол Индии, подмигнув Малиновскому, сделал знак одному из официантов. Тот подошел к маршалу, забрал его фужер, наполненный минеральной водой, и поставил другой, тоже с бесцветной жидкостью. Малиновский, отведав напитка, явно повеселел.

Громыко в ходе подготовки совещания не скучал — несколько раз встречался со своими коллегами — министрами иностранных дел. Но основные проблемы улаживал кочующий туда-сюда Косыгин.

Наконец главное дело, ради которого все собрались, увенчалось успехом: был составлен и подписан совместный

документ — Ташкентская декларация. Случилось и то, что еще две недели назад казалось совершенно немыслимым: Айюб Хан и Лал Бахадур Шастри поужинали наедине… Это была подлинная победа советской дипломатии. И главную роль в ней сыграл Алексей Николаевич Косыгин.

Вечером последнего дня состоялся большой прием, где присутствовали и пакистанцы с индийцами, уже начавшие друг с другом общаться. Было шумно, весело и в то же время торжественно. Состоялся концерт с участием узбекских артистов. На всех сильное впечатление произвел танец живота в исполнении одной из танцовщиц. Фельдмаршалу Айюб Хану она заметно понравилась. А Шастри, приверженец самых строгих индуистских правил, особого восторга не проявил.

После концерта Шастри первым выразил желание уехать в свою резиденцию. Косыгин вышел с ним на улицу, они тепло попрощались. Вскоре засобирался и Айюб Хан. Косыгин вышел проводить и его. Пакистанский президент неожиданно предложил Алексею Николаевичу:

— Господин премьер, моя резиденция находится буквально в двух шагах отсюда. Не зайдете ли вы ко мне выпить виски на сон грядущий? У меня с собой есть…

Замечу, что у фельдмаршала, несмотря на то что он являлся руководителем мусульманской страны, не было никаких предрассудков по поводу спиртного. Косыгин секунду-другую подумал, повернулся ко мне и спросил:

— Ну как, пойдем?

Я ответил:

— Алексей Николаевич, если вы пойдете, то я уж конечно пойду.

И мы отправились к Айюб Хану. Зашли. Подали нам виски с содовой. Минут двадцать хозяин и гость поговорили о прошедшей встрече. Айюб Хан очень тепло поблагодарил Косыгина за отлично выполненную посредническую миссию.

Затем Косыгин отправился в свою резиденцию, а я на другой машине поехал в центр Ташкента, в гостиницу, где размещалась советская делегация.

Когда я там появился, внизу, в ресторане, шел прощальный ужин. В зале стояли три длинных стола: за средним сидели наши, а справа и слева — соответственно пакистанцы и индийцы. Я присоединился к нашим. Все члены делегаций были рады успешному завершению конференции. Сначала один из пакистанцев, а потом и индиец принесли из своих номеров по нескольку бутылок виски, джина, других напитков, — словом, веселье не затихало.

В полночь я решил отправиться к себе в номер. Предстоял трудный день. Сначала — отлет Шастри и Айюб Хана. Косыгин должен был поочередно провожать их в аэропорту. Потом — наш отлет. А я еще хотел успеть заскочить на ташкентский базар: обидно же побывать в Ташкенте и не привезти с собой в морозную Москву виноград, хурму, гранаты…

# «Жил и умер…»

Моим планам не суждено было сбыться.

Едва я начал засыпать, как раздался телефонный звонок.

Чертыхаясь, я подошел к тумбочке, на которой стоял аппарат. Звонил секретарь нашей делегации Игорь Земсков.

— Виктор, вставай скорее! Шастри умирает! — послышался в трубке его встревоженный голос.

«Ну вот, напились и развлекаются», — спросонья подумал я и рявкнул в трубку:

— Прекрати дурака валять, Игорь. Дай человеку выспаться!

Только я добрался до постели, как телефон зазвонил снова.

— Слушай, — взмолился я, — если у вас кончилась выпивка, у меня тут стоит бутылка коньяка. Возьмите и оставьте меня в покое!

— Витя, подожди. Не бросай трубку. Шастри действительно умирает.

Только тут я понял, что он не шутит.

Я быстро оделся и спустился в холл. Меня встретил Земсков, который сказал: из резиденции индийского премьера сообщили, что у Шастри сильный сердечный приступ, туда уже выехали врачи из ташкентской спецбольницы.

Среди членов нашей делегации был один из заместителей Громыко — Николай Фирюбин, в МИДе курировавший азиатский регион. Мы вместе с ним кинулись к дежурной машине и по пустынному городу (было около часа ночи) помчались в резиденцию Шастри. Я сказал шоферу, чтобы гнал как можно быстрее. Никогда не забуду тех безлюдных ташкентских улиц за окном «Волги» и того тревожного чувства, которое охватило меня тогда.

Уже на подъезде к резиденции, она называлась «Дормень», мы нагнали машину Косыгина и въехали во двор буквально у нее на хвосте. В дом я вошел сразу за Алексеем Николаевичем. Нас немедленно повели в спальню Шастри. Первое, что мы услышали, были звуки сильного, учащенного дыхания. Так дышат пожилые люди, когда им приходится подниматься пешком на высокий этаж. Посреди комнаты, прямо на полу, лежал Шастри. Над ним, стоя на коленях, колдовали врачи.

— Так он жив?! — воскликнул Косыгин.

Подняла голову одна из врачей, пожилая женщина, как потом выяснилось, — ведущий кардиолог ташкентской правительственной больницы. На лице у нее было такое безнадежное отчаяние, что мы поняли: Шастри спасти не удастся.

Собственно говоря, он уже умер, дыхание было мнимым — легкие раздувал аппарат искусственного дыхания.

Через несколько минут врачи сказали, что дальнейшие меры бесполезны, и отключили аппарат. В комнате воцарилась тишина. Тело Шастри положили на кровать.

Его личный слуга рассказал потом, что премьер-министр чувствовал себя нормально, собирался лечь спать, попросил чаю. Потом вдруг встал, сказал на хинди: «Мама, мама» — и упал.

В особняк уже приехали министр иностранных дел, министр обороны, посол Индии. Все были в полной растерянности. Только что успешно закончилось такое важное совещание, так все шло хорошо…

Не могу не отметить одну немаловажную деталь, может быть ускорившую кончину Шастри. На следующий день, по приезде домой, он должен был отчитаться в парламенте и доказать правильность своих действий — обосновать те необходимые уступки, на которые он пошел во время переговоров. Но оппозиция в Индии всегда была достаточно сильной. Шастри знал и, наверно, переживал, что далеко не все согласятся с достигнутыми компромиссами. Замечу, что Айюб Хану было легче в этом отношении: в Пакистане еще действовал военный режим и президенту ни перед кем отчитываться не надо было.

Так получилось, что мы с Косыгиным какое-то время оставались вдвоем в спальне Шастри: одни члены индийской делегации связывались с Дели, другие проводили экстренное совещание.

После некоторого замешательства министр иностранных дел Индии сказал, что надо накрыть тело Шастри индийским национальным флагом. Начали искать флаг. В конце концов он обнаружился у начальника нашей охраны. Я взял его и вернулся в спальню. Мы с Алексеем Николаевичем встали по обе стороны кровати, на которой лежало тело Шастри, развернули флаг и аккуратно накрыли им покойного.

По индийским обычаям тело умершего следует кремировать на следующий день после смерти. Поэтому гроб с телом премьер-министра надлежало срочно отправить в Дели. Так же срочно надо было подготовить официальное сообщение о смерти Шастри.

Той же ночью Ташкентскому авиационному заводу приказали изготовить гроб из алюминия с выпуклым окошком из плексигласа. Потом возникла проблема с лафетом. Маршал Малиновский дал личное указание распилить артиллерийскую гаубицу, чтобы взять лафет. К утру все было готово.

Большой траурный кортеж через весь город двинулся в

сторону аэропорта. Специальным рейсом вместе со своим покойным премьером улетели и члены индийской делегации.

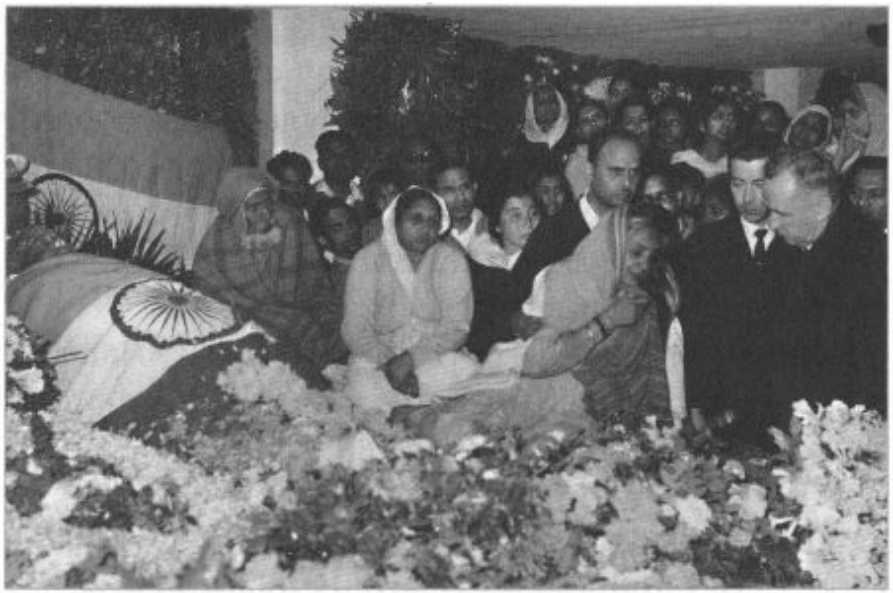
Из Москвы пришло решение, что на похороны должен лететь Косыгин. Значит, летел и я.

Три дня, проведенные в Дели, дались нам нелегко. С аэродрома мы направились в особняк Шастри. Его тело, все в цветах, уже лежало на погребальных носилках. Индуистские священнослужители распевали над ним молитвы. На полу, у ног покойного, на корточках сидела его вдова. Увидев Косыгина, она сделала несколько выразительных, чисто индийских жестов: двумя руками указала на тело мужа, затем слегка помахала и взмахнула ими вверх над головой. «Жил и умер…» — примерно так можно было истолковать ее жесты.

В тот же день в Дели съехались многочисленные официальные представители мирового сообщества. От США прибыл вице-президент Губерт Хэмфри. И, как это обычно бывало в таких случаях, после кремации состоялась череда деловых встреч Косыгина со многими из приехавших. Это была непрерывная, интенсивная работа. Конечно же, Косыгин встретился и с Индирой Ганди, которая после экстренного совещания индийского правительства была назначена новым премьер-министром.

***А. Н. Косыгин и А. Хан во главе траурной процессии***

***Ташкент, январь 1966 года***



***А. Н. Косыгин, В. М. Суходрев, вдова Л. Шастри у погребального ложа***

***Дели, январь 1966 года***

Кремация, в соответствии с индийской традицией, проходила на обширной пустой площади за городом. Там на специально сооруженный постамент положили носилки с телом. Постамент обложили дровами. Все это сопровождалось непрерывными молитвами священнослужителей. Неподалеку, под навесами, поставили стулья для прибывших почетных гостей. А со всех сторон, насколько хватало глаз, постамент окружало море скорбящих людей.

Старший сын Шастри поднес горящий факел к дровам. Вспыхнул огромный костер, в самой сердцевине которого находилось маленькое тело Шастри…

Для того чтобы останки полностью превратились в пепел,

требуется много времени. Иногда кремация продолжается целые сутки. Принято, чтобы почетные гости находились на месте кремации не менее часа. Никаких речей не произносится…

Когда все начали расходиться, чуть не произошел инцидент, который мог бы иметь определенные последствия для наших отношений с Китаем. Среди почетных гостей находился далай-лама, в свое время бежавший из Тибета, опасаясь преследования со стороны тогдашних китайских властей. Когда мы поднялись со своих мест, чтобы покинуть траурную церемонию, я вдруг заметил, что далай-лама направляется в нашу сторону. Я шепнул Косыгину, что вряд ли их встреча будет целесообразной, китайцы наверняка отрицательно отреагируют на нее.

— Да, это нам ни к чему, — быстро согласился Косыгин, и мы ухитрились разминуться с далай-ламой. Короче говоря, вовремя скрылись.

Политик должен быть готов и к таким «маневрам», в самых неожиданных местах, в самых непредвиденных обстоятельствах.

# Оборванная песня

У Косыгина с Индирой Ганди с момента их встречи в траурные дни, связанные со смертью Шастри, сложились очень теплые личные отношения.

***А. Н. Косыгин, В. М. Суходрев, И. Ганди***

***Дели, 1968 год***

В мире и сегодня мало женщин-политиков, которые обладали бы таким неотразимым обаянием, как Индира Ганди. Мне не раз приходилось бывать на встречах и переговорах с ее участием, я до

сих пор помню воздействие этой замечательной женщины на окружающих.

Она вела переговоры всегда очень спокойно. Говорила исключительно тихим голосом. Но, надо сказать, всегда проявляла твердость характера при отстаивании своих взглядов или при обсуждении той или иной просьбы, которых в те времена со стороны Индии было предостаточно — об экономической и военной помощи и о многом другом. Разумеется, помощь мы оказывали на самых льготных условиях, подчас выходящих за рамки возможностей нашего государства. Мне кажется, если бы на месте Индиры Ганди был кто-нибудь другой, Индия вряд ли получала бы от СССР такую масштабную поддержку. Я часто ловил себя на мысли, что Брежнев и Косыгин просто поддаются ее обаянию. Индийцы, думаю, это тоже понимали и в переговорах с нами старались выдвинуть ее на первый план.

Я всегда с большим уважением относился к Индире Ганди. С интересом следил за ее речью, движениями, мимикой, жестами. За тем, как мастерски она ведет переговоры — умело, грамотно, на прекрасном английском языке. Она знала английский намного лучше, чем хинди.

В годы ее правления в Индии шли большие споры о том, чтобы отказаться от официального использования английского языка и перейти на хинди. Дабы не вводить в смущение националистически настроенные партии, Индира Ганди на официальных банкетах и митингах зачитывала свои речи на хинди. Но при этом, знающие люди рассказывали мне, чтобы не ошибиться в произношении, она заранее готовила текст и расставляла в словах правильные ударения.

Несомненно, она была незаурядной женщиной. И конечно же имела врагов.

На протяжении следующих восемнадцати лет мне не раз приходилось принимать участие в переговорах с Индирой Ганди и в Москве, и в Дели. Невозможно вспомнить детали каждой такой встречи, да и незачем. Но почему-то память цепко хранит именно трагические мгновения…

На похоронах Индиры Ганди я оказался вместе с посланными в Индию от советского руководства Председателем Совета Министров Николаем Александровичем Тихоновым и первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР Василием Васильевичем Кузнецовым, который когда-то, после окончания мной института, взял меня на работу в МИД.

По сравнению с похоронами Шастри в эти траурные дни проявления народного горя, скорби и, я бы сказал, всеобщей растерянности было куда как больше: Шастри умер своей

смертью, Индиру же зверски убил один из ее собственных охранников.

Весть об убийстве Ганди застала Тихонова и Кузнецова на пути с Кубы, где они находились с официальным визитом. Эти два человека, проделав длительный перелет из Гаваны до Москвы, чуть ли не в тот же день вылетели в Дели.

По личному указанию А. Громыко я отправился вместе с ними.

Когда мы приземлились в Дели, уже стемнело. Прямо с аэродрома поехали в резиденцию Индиры Ганди. Стояла несусветная жара. На улицах — большая неразбериха. Официальные кортежи с гостями сновали туда-сюда, подъезжали, отъезжали, создавая заторы на узких и плохо освещенных делийских улицах. Мы часто останавливались по дороге. Несколько раз Тихонов оборачивался и спрашивал почему-то у меня:

— Товарищ Суходрев, почему мы стоим?

Но откуда мне было знать, я ведь прилетел вместе с ними.

Вокруг царила такая страшная безысходность, что ее почувствовали даже мои старцы… Вопросов ко мне больше не было, они молчали.

Приехав в резиденцию, мы прошли через анфиладу комнат в небольшой зал, где находилось тело Индиры Ганди. Оно лежало на невысоком постаменте, у изголовья стоял переносной кондиционер. Он явно не справлялся со своей функцией, потому что, подойдя поближе, я заметил, что красивое лицо Индиры уже тронуто тленом. В Индии обычно не бальзамируют и не гримируют покойных. Я почувствовал, как у меня сжалось сердце при виде темных пятен на этом недавно прекрасном лице. Помню, после того как мы вернулись в Москву, моя жена сказала, что даже по телевизору было видно, что я испытывал сильное потрясение.

Мы обошли постамент и оказались рядом со столом, на котором лежала Книга скорби. Кто-то из индийцев перевернул страницу, подал Тихонову ручку. Тот сел и задумался. Обычно в таких случаях посольство старается заранее подготовить траурный текст. На сей раз это сделать не успели. Тихонов поднял голову и спросил у меня:

— Товарищ Суходрев, что писать?

Подсказать было некому. Даже начальник секретариата Тихонова, Борис Бацанов, куда-то исчез. Не увидел я и посла. Тогда я нагнулся к Тихонову и стал негромко диктовать:

«Вместе со всем индийским народом… скорбим в связи с безвременной кончиной… великой дочери Индии…»

Тихонов медленно выводил текст трясущейся старческой рукой.

На следующий день была кремация. Жара стояла такая, что казалось, все вокруг плавится. Мне стало жаль двух своих старцев, которые стойко это переносили.

Сын Индиры, Раджив, поджег огромный костер. Началась долгая процедура сожжения тела.

После гибели Индиры премьер-министром назначили ее сына Раджива. Наша делегация во главе с Тихоновым посетила его. Выразив официальные соболезнования, мы провели непродолжительную деловую беседу. На выходе Раджив подал и мне руку, прощаясь. И я сказал:

— Простите меня, я, конечно, нахожусь здесь всего лишь в качестве переводчика, но я очень хорошо и давно знал вашу мать, уважаемую шримати Индиру Ганди, поэтому примите и от меня самые сердечные личные соболезнования. Для меня, поверьте, это тоже большое горе.

Раджив опустил глаза и прошептал:

— Спасибо. Спасибо…

Читатель, наверное, помнит, что через несколько лет Раджива постигла печальная участь его славной матери.

# «Красный телефон»

В последующие за смещением Хрущева годы, вплоть до окончательного утверждения Брежнева в качестве единоличного правителя, несмотря на всяческое подчеркивание нашими руководителями принципа «триединства» руководства СССР (Брежнев — Косыгин — Подгорный), за границей полагали, что дело надо иметь только с Косыгиным. Зарубежные лидеры рассуждали примерно так: коллективное руководство — это сугубо внутренняя политика, а переговоры надо вести с тем, кто больше других разбирается в международной политике и способен грамотно выразить мнение государства. Таким человеком в их глазах и был Алексей Николаевич. Поэтому послы для обсуждения особо важных вопросов просились на прием именно к Косыгину, личные послания от первых лиц зарубежных государств адресовались опять-таки ему.

…В июне 1967 года на Ближнем Востоке разразилась Шестидневная война. В нее были втянуты три государства: Израиль — с одной стороны, Сирия и Египет — с другой. Как только началась эта война, выяснилось, что военное превосходство на стороне Израиля. Дело шло к полному уничтожению чуть ли не всей военной техники Сирии и Египта, которая в свое время была поставлена им СССР. Перспектив успешного исхода для арабов не было. И тогда советское руководство стало искать выход. Вспомнили о наличии так называемой горячей линии связи между Москвой и Вашингтоном.

Договоренность о создании такой линии была достигнута после Карибского кризиса. Мир в тот момент буквально висел на волоске. Угроза ядерной войны между двумя супердержавами была реальной. Каждая лишняя минута, затраченная на налаживание связи между руководителями, могла оказаться роковой для человечества. Обычные дипломатические каналы уже не годились. Послание, написанное в Москве, нужно было зашифровать (шифровали в ту пору от руки), отправить в наше посольство в США, там его следовало расшифровать и передать в Белый дом. Конечно, время уходило еще и на перевод. Вручение же послания без промедления американскому послу в Москве тоже не убыстряло доставки. Словом, в дни Карибского кризиса выяснилось, что связь осуществляется крайне медленно. Так, одно из посланий Хрущева было передано по каналам ТАСС и по радио раньше, чем оно дошло до Белого дома в своем «официальном» виде. И вот тогда решили создать горячую линию связи, или, как ее еще называли, «красный телефон». То есть

механизм прямой связи.

О заключении соответствующего соглашения были публикации в прессе, и поэтому люди знали, что в Кремле есть помещение, где находится надлежащая аппаратура. Но что это такое на самом деле, никто не имел ни малейшего представления. Ходили слухи, что это просто-напросто телефонный аппарат красного цвета. Поднимаешь трубку — а в ней слышишь голос президента Соединенных Штатов…

Следует заметить, что в Вашингтоне аппаратура горячей линии была установлена в Белом доме, где, как известно, президент не только работает, но и живет. Кремль же — исключительно рабочее место наших руководителей.

5 июня 1967 года меня вызвали в Кремль. Выяснилось, что на заседании Политбюро Косыгину поручили срочно связаться с американским президентом. Возле здания Совета Министров меня встретил охранник, мы спустились с ним в подвал и пошли по длинным коридорам. За одним из поворотов была неприметная дверь, за ней следовали три небольшие комнаты. В первой за столами сидели четыре молодые девушки — переводчицы и машинистки. Вторую занимал генерал КГБ, ведавший всей этой «конторой». И наконец, в третьей стояла аппаратура. Конечно, никаких телефонных аппаратов для связи с Вашингтоном там не было. В комнате находился самый обычный телетайп — с клавиатурой, как у пишущей машинки, с широкой бумажной лентой, на которой печатался текст. Послание набиралось машинисткой, определенным образом кодировалось и обычным телеграфным способом шло через всю Европу и Атлантический океан в Вашингтон. Перехватить его в пути, естественно, могли, но вот расшифровать никому бы не удалось. Шифры менялись каждый месяц. Специальные ленты должны были синхронно вставляться в аппараты в США и у нас. Раз в неделю операторы обменивались контрольными сообщениями для проверки работоспособности линии. Наши обычно посылали абзац из «Записок охотника» Тургенева. А в англоговорящих странах на такой случай давно используется фраза, содержащая все до единой буквы латинского алфавита. По-русски она звучит примерно так: «Проворная рыжая лиса перепрыгивает через ленивую собаку». Каждая сторона отправляла свое послание на родном языке. Ответственность за перевод несла принимающая сторона. У нас переводили молоденькие выпускницы Института иностранных языков, сидевшие в первой комнате.

Все это мне подробно растолковал генерал, пока мы ждали Косыгина.

Вскоре появился Косыгин. И не один, а вместе с Андроповым

и Громыко. Все трое никогда здесь раньше не бывали. И первым делом спросили:

— А где же телефон?

При появлении Косыгина, Андропова и Громыко весь персонал, включая генерала, испытал шок.

— Мы хотим поговорить с президентом США, — сказал Косыгин.

Генерал стал объяснять, как действует линия, мол, нужно отдать машинистке текст и после набора он сразу же будет передан в Вашингтон.

Судя по всему, заседание Политбюро, на котором решили срочно связаться с президентом Джонсоном, еще не закончилось.

— Нет у меня никакого текста, — ответил Косыгин.

— Ну тогда диктуйте машинистке, а она будет печатать… — предложил генерал.

Машинистка села за телетайп. Руки у нее от волнения тряслись. Впервые за многие и многие дежурства ей пришлось приступить к своей ответственной работе. Да еще в присутствии людей, чьи лица она раньше видела только на огромных портретах во время праздничных демонстраций.

Сначала передали какую-то условную фразу, после принятия которой другая сторона должна была понять, что линия сейчас заработает. Вскоре пришло подтверждение.

Косыгин продиктовал:

— У аппарата ли президент Джонсон?

Я взглянул на часы. Президент не мог быть у аппарата, потому что в Америке раннее утро.

— Вряд ли, Алексей Николаевич. Время-то… Спит он еще, — негромко сказал я.

Тем не менее через несколько минут из Америки ответили, что, когда будет получено послание, президенту его немедленно отнесут.

Косыгин начал диктовать текст. В послании выражалась тревога в связи с обострением военных действий на Ближнем Востоке, предлагалось объединить усилия, дабы положить конец конфликту, содержалась просьба о воздействии президента на Израиль, а также говорилось о том, что медлить нельзя.

Послание ушло. Все застыли в ожидании. Минут через двадцать передали текст Госсекретаря США Дина Раска, в котором тот сообщил, что президент Джонсон очень скоро подойдет к аппарату.

Когда из телетайпа поползла лента с текстом послания президента, Андропов сказал:

— Ну, товарищ Суходрев, теперь пришла ваша очередь.

Я с листа перевел послание, а потом начал диктовать одной из машинисток. Она, помню, сильно нервничала и делала много опечаток. Рядом стояли Косыгин, Андропов и Громыко, ждали текст, чтобы отнести его в Политбюро, которое, судя по всему, ожидало это послание. Я всячески успокаивал машинистку, говорил, что не надо никаких подтирок и перепечаток. Худо-бедно она все напечатала, я вытащил лист из каретки. Его у меня тотчас выхватил Косыгин, сложил вдвое и сунул себе в папку. Все трое сразу ушли.

После их ухода переполох усилился. Девочки бурно переживали случившееся. Генерал запричитал: у него, оказывается, строгая инструкция, в которой до мельчайших подробностей расписано, как регистрировать все исходящие и входящие документы горячей линии — журнал входящих документов, журнал исходящих документов. А «входящий документ» уже унес Косыгин. Я его успокаивал: Председатель Совета Министров взял послание при свидетелях. Генерал махнул рукой и стал говорить, что послание Джонсона нужно было занести в журнал, перевести, отредактировать, размножить в трех экземплярах, вызвать офицера фельдсвязи, законвертовать, запечатать сургучом и послать по специальной разметке — в ЦК, Политбюро и Совет Министров. Ничего этого сделано не было. Генерал пребывал в отчаянии. Я подумал: «Не дай бог действительно возникнет критическая ситуация между Вашингтоном и Москвой! Прежде чем хоть одна бумага дойдет до адресата, ракеты успеют уничтожить страны и континенты. Наш генерал не успеет выполнить и половины всех формальностей…»

Мне уже вроде делать было нечего, и я как мог успокаивал команду горячей линии. Через некоторое время народ пришел в себя. Девушки начали восхищаться моим переводом с листа. Я понял, что они никогда бы так не перевели. Листали бы словари, справочники и тому подобное. Их, оказывается, направили на эту службу сразу после института. Дали звание младших лейтенантов КГБ, и все — заполнили штатные единицы. Опыта у них, конечно, не было. Единственная практика — отсылать в Америку раз в неделю «Тургенева» и получать обратно «лису с собакой». Работали они сутки через трое и зарабатывали, надо сказать, соответственно…

Генерал качал головой:

— Эх, вот нам бы сюда людей с вашей квалификацией…

Я ответил:

— За квалификацию надо платить. Думаю, что и дальше не обойдетесь без профессионалов из МИДа. И не ждите, что вам дадут время для всего этого бюрократического оформления.

Вот так произошло первое в нашей истории использование горячей линии связи, о которой когда-то много говорили и писали.

С 5 по 10 июня горячая линия включалась почти каждый день, но о согласованных действиях договориться так и не удалось. Отношения с Америкой обострились.

В десятых числах июня по нашему требованию была созвана 5-я чрезвычайная специальная сессия Генассамблеи ООН для срочного рассмотрения ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке. В качестве главы советской делегации туда поехал Алексей Николаевич Косыгин. Он снова оказался на острие событий.

Это была его первая поездка в Соединенные Штаты.

Об официальном визите в США пока речи быть не могло. Но Косыгин ехал как бы и не в США. Он отправлялся в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций, которая находится в Нью-Йорке.

Известие о том, что Косыгин едет на сессию, вызвало соответствующую реакцию в мире — руководители некоторых стран решили тоже отправиться в Нью-Йорк.

Наша поездка готовилась в пожарном порядке.

# Лучше сто раз увидеть…

Прежде чем вести дальнейший рассказ о нашей поездке, хочу отметить еще одну особенность характера Косыгина — умение спокойно, без всякой суеты выходить из затруднительных ситуаций.

У нас, переводчиков, существует негласное правило, согласно которому в случае явной оговорки того, с кем работаешь, следует при переводе исправить ее, не акцентируя внимание подопечного на допущенную оговорку. Я, во всяком случае, всегда так поступал. Помню, вскоре после печально известных событий в Чехословакии 1968 года сопровождал я Косыгина во время его официального визита в Швецию. Практически всегда свои поездки за рубеж он завершал пресс-конференцией. Так было и на этот раз. Сделав официальное заявление, наш премьер стал отвечать на вопросы. Среди журналистов находились представители средств массовой информации многих стран мира, именно потому перевод велся на английском языке как наиболее доступном для всех. Затрагивали острые темы, немало вопросов было и о Чехословакии. А потом Алексея Николаевича спросили, как он оценивает уровень жизни в Швеции. К моему великому удивлению, всегда четкий, аккуратно выбиравший слова Косыгин вдруг ответил, что весьма высоко оценивает уровень жизни… в Чехословакии. Я, разумеется, не моргнув глазом перевел — «в Швеции». Из зала послышалась реплика: «Спросили о Швеции, а он сказал о Чехословакии!» И тут же последовал еще один вопрос о Швеции. Косыгин, к моему ужасу, вновь назвал Чехословакию. Я опять перевел с поправкой на Швецию. Послышались смешки: кое-кто в зале знал русский язык. Только после того как к Косыгину быстро подошел один из членов нашей делегации и обратил его внимание на допущенную оговорку, Алексей Николаевич спокойно подвел итог своего ответа: «А кстати, в Чехословакии, как и в Швеции, тоже высокий уровень жизни».

В другой раз, во время визита Косыгина в Лондон, ему был задан каверзный вопрос о сидевшем в нашей тюрьме англичанине, которого осудили за то, что он привез в СССР антисоветские печатные материалы. Я знал, что речь идет о молодом аспиранте Джеральде Бруке. Его приговорили к пяти годам заключения. Так вот, Косыгина спросили, не считает ли он это наказание слишком суровым и возможно ли помилование Брука. Алексей Николаевич стал отвечать на вопрос, явно не зная сути дела. Он сказал, что ни о каком помиловании не может быть и речи, поскольку Брук получил свой срок за шпионаж. Мне

моментально пришлось сделать поправку: в переводе прозвучало, что Брук был осужден за совершенный им серьезный проступок. Косыгин потом поблагодарил меня за уместную поправку.

***В. М. Суходрев, А. Н. Косыгин в Великобритании***

***Лондон, 1967 год***

***А. Н. Косыгин дает интервью английскому телевидению***

***Лондон, 1967 год***

Но вернусь к поездке в Нью-Йорк. Туда мы прилетели около трех часов ночи по местному времени. Нас встречал постоянный представитель СССР при ООН, американцы выделили охрану, и мы направились в советское представительство. Машины катили по пустынным улицам, уже начало рассветать. Косыгин вдруг спросил:

— А далеко нам еще ехать?

Я ответил, что минут пять. Алексей Николаевич неожиданно предложил пройти остаток пути пешком. Кортеж остановился. И мы пошли почти по безлюдной манхэттенской улице. Редким ночным прохожим довелось наблюдать необычную, даже для Нью-Йорка, картину: по сравнительно пустынной Третьей авеню шествовала толпа людей в официальных костюмах, при галстуках, впереди и с боков — здоровенные парни — охранники. Так мы шли минут пятнадцать — двадцать. Алексей Николаевич с интересом осматривал многоэтажные дома, витрины магазинов, закрытые на ночь металлическими раздвижными решетками.

Должен сказать, Косыгин считал, что вообще не побывал в том или ином городе, если не прошел пешком по его улицам. Где угодно и непременно пешком. Он не стремился, как, например, Хрущев или Горбачев, обязательно пообщаться с толпой, нет, он просто хотел ступить ногой на землю той страны, где находился. А уж если было возможно, то и прогуляться — походить, посмотреть, потрогать.

Помню, во время одного из визитов в Индию мы проезжали вдоль Ганга. Как раз был какой-то праздник, индийцы совершали омовение в водах священной реки. Сопровождающий Косыгина индийский министр рассказывал о традициях этого праздника. Косыгин заинтересованно слушал, задавал вопросы. А потом попросил остановить машину. Открыл дверцу, вышел и направился прямо к воде. Не зная, кто именно приехал, но видя, что это несомненно важная персона, народ бросился ему навстречу. Чуть не произошло столпотворение. Охрана просто схватила Косыгина и буквально силком запихнула в машину, и мы быстро ретировались.

***На 5-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В центре: А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Генсек ООН У Тан***

***Нью-Йорк, июнь 1967 года***

***В зале заседаний на 5-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН***

***Нью-Йорк, июнь 1967 года***

Он везде и всюду, в любой стране, живо и непосредственно интересовался всем новым, незнакомым. Скажем, во время официального визита в Канаду, в частности в Ванкувер, где нас поселили в одном из лучших отелей, Косыгин вдруг спросил у меня:

— А можно здесь постричься?

Я сказал:

— Конечно. Позвольте только уточнить, как и где это можно сделать.

Гостиничная администрация сообщила, что у них, безусловно, есть парикмахерская, но лучше вызвать мастера в номер.

— Нет, нет, нет, — возразил Косыгин, — я так не хочу. Я сам спущусь туда.

Следует сказать, что ему и не очень-то нужно было стричься. Просто он захотел пойти посмотреть местные парикмахерские, увидеть, как они работают. Через десять минут, когда охрана проверила помещение, Косыгина пригласили вниз.

— Ну, — говорил Косыгин по дороге обратно, — ничего особенного. Парикмахерская как парикмахерская.

— Алексей Николаевич, но постригли-то хорошо, — сказал я.

— Да вроде нормально, — улыбнулся он.

Мне очень нравилась эта его любознательность, хотя, честно скажу, ее проявления порой доставляли много хлопот. И не мне одному. А вот, например, у Брежнева данная черта отсутствовала начисто.

# Гласборо и больной зуб

Итак, мы прибыли в Нью-Йорк. Надо сказать, в планы Косыгина не входила встреча с президентом США Линдоном Джонсоном. Мы приехали в ООН. Американцы же через наше посольство и другие каналы зондировали возможность организации такой встречи. Мы в ответ каждый раз говорили, что в Вашингтон Косыгин не собирается. Подтекст был такой: Косыгин на поклон к Джонсону не поедет. Но и Джонсон не собирался приезжать по той же причине в Нью-Йорк.

Казалось, ситуация тупиковая. Что делать? Встреча могла бы принести пользу. И выход нашелся. Кто-то в Госдепартаменте США посмотрел на крупномасштабную географическую карту Восточного побережья и обнаружил, что ровно на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком находится мало кому известный городок Гласборо. Назван он так по единственной своей достопримечательности — стекольному заводу (glass — «стекло», borough — «городок»). Еще был там в то время небольшой провинциальный колледж. И в общем-то, больше ничего заслуживающего особого внимания.

Родилась идея — встретиться «на полпути». После срочной консультации с Москвой Косыгин дал согласие. Тут же был назначен день. Договорились, что встреча пройдет в резиденции ректора колледжа. Как только была достигнута договоренность, в городок Гласборо хлынул поток американских чиновников: из управления охраны, из других служб. За какие-то сутки дом ректора изменился до неузнаваемости. Поменяли мебель, занавески, обои, все драпировки. Завезли новую посуду, столовое серебро, кухонное оборудование. Кое-что покрасили быстросохнущей краской. Замечу в скобках, что американцы такие же мастера потемкинских деревень, как и мы.

***Встреча в Гласборо.***

***А. Н. Косыгин, В. М. Суходрев, Л. Джонсон***

***Гласборо, июнь 1967 года***

В назначенный день мы отправились из Нью-Йорка в Гласборо. Дорога заняла около двух часов на машине. Линдон Джонсон прилетел туда на своем вертолете.

Встреча оказалась в какой-то мере исторической. Хотя, надо сказать, что каждый советско-американский контакт на высоком уровне, осуществленный в те годы, вполне можно назвать историческим.

Жестких временных рамок переговоров никто не устанавливал. Конечно, большое внимание уделили Ближнему Востоку. Потом решили обсудить и другие вопросы, а их было много, где так или иначе пересекались наши интересы. Беседы проходили в основном с глазу на глаз, в присутствии лишь переводчиков.

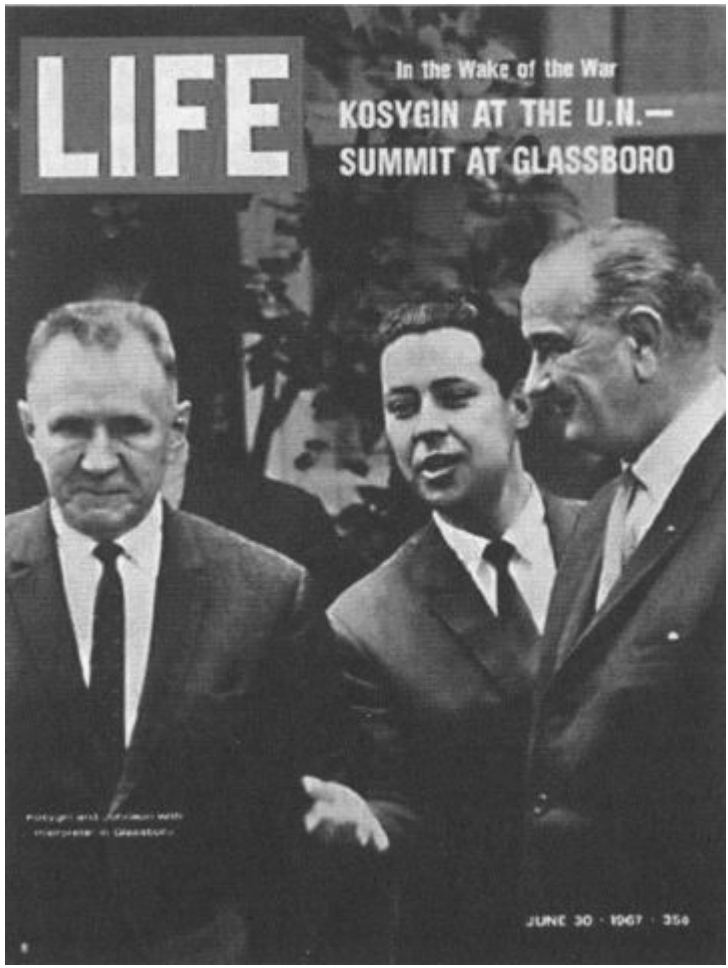
В течение первого дня завершить обсуждение всех вопросов не удалось. И президент Джонсон предложил продолжить встречу

на следующий день. А ради экономии времени на дорогу он довольно любезно выразил готовность предоставить нашей команде президентские вертолеты. Предложение было с благодарностью принято, и на следующее утро мы вновь оказались в Гласборо.

В середине дня Джонсон предложил позавтракать. В числе сидящих за столом был и американский министр обороны Роберт Макнамара. Он сидел рядом с Косыгиным. Макнамара поднял тему о нецелесообразности создания обеими сторонами систем противоракетной обороны. По сути, он излагал теорию «щита и меча», согласно которой, «чем прочнее щит, тем острее меч». И конца такому взаимному наращиванию наступательных и оборонительных систем не будет. Косыгин же, как и все советское руководство в ту пору, считал, что речь должна идти об ограничении в первую очередь наступательных средств, то есть средств, убивающих людей.

Содержание разговора Косыгин потом, конечно, передал Москве. В какой-то степени, наверное, эта беседа в Гласборо дала толчок к подписанию значительно позднее, в 1972 году, Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Договор, действующий до сих пор, признан одним из важнейших в области ограничения вооружений, хотя и касается лишь обороны.

Джонсон с Косыгиным тогда вели долгие беседы, а я… умирал от зубной боли. Накануне в Нью-Йорке мне вырвали заболевший зуб, и, видно, не очень удачно — образовался флюс. С распухшей щекой я поехал в Гласборо. Таким я запечатлен и на фотографии, размещенной на обложке журнала «Лайф», вышедшего в том же месяце. Я принимал обезболивающие таблетки, но они мало помогали. В самый разгар беседы между Джонсоном и Косыгиным у меня прекратилось действие очередной пилюли, к тому же последней. И боль вспыхнула с новой силой. Президент Джонсон, обратив внимание на мученическое выражение моего лица, спросил:




***Обложка журнала «Лайф» за июнь 1967 года***

— Что с вами?

— Извините, господин президент, но мне только вчера вырвали зуб.

Джонсон с участием сказал:

— О-о, мы вас понимаем. У нас недавно было то же самое. И нам тоже было очень больно.

Именно так он и сказал, по-королевски, — «мы». Так шутят на его родине, в Техасе. Но в устах Джонсона эта шутка прозвучала серьезно.

Он тут же нажал кнопку звонка. Вошел помощник. Джонсон попросил позвать врача.

Плавное течение беседы нарушилось. Косыгин спросил, в чем дело. Я ему ответил. Он также выразил свое сочувствие. Вскоре врач принес таблетки. Боль довольно быстро прошла. Но до конца беседы оба, и Косыгин и Джонсон, нет-нет да и бросали на меня сочувственные взгляды.

Это человеческое участие глубоко тронуло меня, оно и было, пожалуй, одним из самых ярких личных впечатлений от той поездки в Гласборо.

Ни к каким конкретным результатам данная встреча не привела, но проходила она предельно цивилизованно. Косыгин показал себя умным собеседником, а Джонсон вполне гостеприимным и радушным хозяином.

# Веселые эскапады Трюдо

Период существенного потепления и развития отношений Советского Союза с Канадой связан с именами Косыгина и Пьера Трюдо.

Впервые я встретился с Трюдо в Канаде, когда ездил туда вместе с нашей парламентской делегацией, возглавляемой членом Политбюро Д. С. Полянским. Трюдо тогда был довольно молод, занимал невысокую должность, кажется помощника министра юстиции. Помню, он всех нас поразил тем, что появился на официальном приеме в цветастой рубашке, без галстука и в сандалиях на босу ногу. Что-то в нем было от хиппи, во всяком случае, бросались в глаза его неординарное поведение и внешность.

Впоследствии Трюдо довольно быстро завоевал передовые позиции в правящей Либеральной партии и в 1968 году стал премьер-министром.

Долгое время он оставался холостяком, поэтому периодически ему приписывали любовные связи то со знаменитыми актрисами, то с известными аристократками… Но на его политическую карьеру это не влияло.

Отношения с Канадой у нас развивались спокойно, какой-то особой дружбы или вражды не было. В СССР господствовало мнение, по крайней мере в верхах, что Канада — это придаток Соединенных Штатов, определенной самостоятельной политики у нее нет. В некоторой степени оно так и было. Трюдо же стал проводить более независимую от США политику, подчеркивая отличия Канады от своего могучего южного соседа. При этом он напоминал, что у Канады есть еще один сосед — через Северный полюс. И действительно, если посмотреть сверху на глобус, то можно увидеть, что Канада и Россия не так уж далеки друг от друга. Примечательно и то, что сельскохозяйственные угодья Канады, одной из самых крупных в мире стран — экспортеров пшеницы, находятся на тех же широтах, что и у нас.

Постепенно советские руководители осознали, что у этой страны можно чему-то поучиться. А значит, стоит налаживать с ней политические и экономические связи. Короче говоря, Трюдо пригласили в Советский Союз, он принял приглашение.

Незадолго до этого произошло событие, которого давно ждали все канадцы: Пьер Трюдо наконец женился. Было его симпатичной избраннице не больше девятнадцати лет, и она произвела неотразимое впечатление на наших фарисеев, когда появилась на трапе самолета в мини-юбке.

По протоколу, как известно, высоких гостей всегда сопровождает почетный эскорт мотоциклистов. И на этот раз они являли собой впечатляющее зрелище — яркая форма, белые шлемы. Я обратил внимание, что Трюдо не отрываясь смотрит на мотоцикл, едущий, словно приклеенный, рядом с лимузином. Потом он неожиданно спросил у сидящего с ним в машине Косыгина:

— А этот мотоцикл советского производства?

Алексей Николаевич посмотрел на мотоцикл, на нем почему-то не было никаких заводских фирменных знаков.

— Честно говоря, не знаю, но полагаю, что да, — ответил Косыгин.

Трюдо снова погрузился в изучение мотоцикла. Так и ехал до резиденции… Мотоцикл поразил его воображение.

На второй или третий день в Кремле состоялась встреча Трюдо с Председателем Президиума Верховного Совета Н. В. Подгорным. Длилась она недолго. Минут через двадцать Трюдо и сопровождавшие его лица вышли на Ивановскую площадь Кремля и направились к машине, рядом с которой стоял один из мотоциклов почетного эскорта. Завидев его, Трюдо вдруг ускорил шаг. Подошел. Посмотрел. Потрогал. Потом перекинул ногу через седло, снял мотоцикл с опоры, со знанием дела произвел манипуляции с рычагами управления и рванул вперед. К ужасу охраны и, надо сказать, всех остальных. Не успели мы прийти в себя, как Трюдо, сделав полный круг по площади, мастерски затормозил буквально на том же самом месте, откуда уехал.

— Хорошая машина, — заявил он, приблизившись к нам.

Натянуто улыбаясь, наши покивали и быстро усадили гостя в лимузин. Такого в Кремле не видывали: почетный гость, глава иностранного правительства — и вдруг такой фортель.

В канадском посольстве давали завтрак в узком кругу в честь Косыгина. Перед его началом Трюдо подвел Косыгина к окну. Во дворе посольства стоял красивый снегоход.

— Господин премьер. Я хочу преподнести вам этот типично канадский подарок, — сказал Трюдо, кивнув за окно.

Сегодня такие снегоходы в нашей стране уже не редкость. Но в те времена это было невидалью. Косыгин с большим интересом стал рассматривать диковинный подарок. Тепло поблагодарил Трюдо. Позже я узнал, что снегоход передали по просьбе Алексея Николаевича на один из наших заводов, чтобы и у нас наладить производство столь необходимых в северных районах машин.

Неординарность Трюдо проявлялась и в стиле одежды. В его гардеробе были ультрамодные для того времени вещи:

широченные галстуки, пиджаки с огромными лацканами, туфли на платформе. Каждый день он появлялся в новой рубашке — одна ярче другой. А уж о ширине его расклешенных брюк и говорить не приходится.

Трюдо водили в Большой театр, в Третьяковскую галерею. Он охотно всюду бывал и однажды вдруг спросил, а можно ли где-нибудь неофициально, просто с женой, без всяких сопровождающих послушать цыган, о которых ему так много рассказывали.

Но как это — без сопровождающих?! Наш протокольный отдел тут же встал на уши. Мероприятие предстояло совершенно особенное. Доложили Косыгину, он дал добро.

В ресторане «Архангельское» устроили концерт артистов Московского музыкального цыганского театра «Ромэн». Прислали кремлевских официантов. Завезли продукты. Для обычных посетителей ресторан был закрыт.

Косыгин приехал в ресторан с дочерью Людмилой. За Косыгиным потянулась охрана, адъютанты, сотрудники МИДа, сопровождающие. Собралось человек под пятьдесят. Трюдо, увидев эту толпу, помрачнел. Понял, что за публика.

Столики составили, как обычно на официальных банкетах, буквой «П». Сервировка — такая же, как в Кремле. Все заняли свои места. Трюдо с нетерпением ждал, когда же выйдут цыгане. Но мы были бы не мы, если б дали гостю спокойно насладиться цыганскими песнями и плясками. В зал вошел директор театра «Ромэн» и начал читать нудную лекцию о возникновении единственного в мире цыганского театра… Все это сопровождалось переводом. Трюдо томился. Но вот наконец вышли долгожданные цыгане.

Потом я узнал, что артистам было строжайше запрещено подходить к столу Трюдо ближе чем на три метра, а также петь заздравную песню, предлагая «Пьеру дорогому» выпить до дна…

# Дискотека для премьера

После окончания московской части визита Трюдо отправился в Киев. Он не мог не посетить украинскую столицу. В Канаде, как известно, проживает много выходцев с Украины. А в ряде районов Канады голоса украинцев вообще имеют решающее значение на выборах.

На Украине Трюдо принимали радушно. Однако и там он внес некоторую сумятицу в привычный ход официального визита. После всех мероприятий — официальных бесед, возложения венков, посещения музеев и лавры — Трюдо вдруг изъявил желание посетить в Киеве дискотеку или ночной клуб, где бы он мог со своей женой потанцевать. Причем он хотел пойти только с женой, чтобы никого из официальных сопровождающих, а по возможности и охраны, не было. Просьбу эту он передал через меня. К тому моменту у нас сложились с ним неплохие личные отношения. Они, кстати, потом продолжались много лет и после того, как он ушел из большой политики.

Начальник нашей охраны попросил 15–20 минут на подготовку. Тут же были мобилизованы украинские коллеги. Через некоторое время начальник охраны, подозвав меня, сказал, что все готово — Трюдо с женой могут отправляться на дискотеку. Он попросил также передать премьер-министру, что насчет охраны тот может не беспокоиться, он ее не увидит. Я обрадовал Трюдо: все улажено, а дискотека находится очень близко от резиденции — на Крещатике.

— Вот и отлично, — ответил Трюдо, — тогда мы пойдем туда пешком.

На этот раз все было так, как хотел гость. Его никто не сопровождал, кроме, разумеется, охраны. Но и она старалась быть незаметной. Я тоже пошел — на всякий случай.

Те, кто бывал в Киеве в мае, наверное, помнят, что в это время там очень хорошо. В тот вечер по ярко освещенному Крещатику гуляли толпы молодых людей, смеялись, разговаривали. Многие сидели на скамейках под каштанами. На Трюдо никто не обращал внимания. Никому и в голову не могло прийти, что этот модно одетый пижон с бакенбардами, идущий в обнимку с худенькой длинноволосой девчонкой, — премьер-министр Канады.

В клубе-дискотеке Трюдо провели к столику, накрытому на двоих. И началась шикарная имитация жизни якобы ночного клуба: свет убавили, музыка играла вовсю, «посетители» танцевали. Трюдо с женой немного выпили шампанского и тоже

пустились в пляс. Так прошло часа полтора. Надо сказать, что канадская пара танцевала весьма бойко и зажигательно.

# За штурвалом

Дальше — Ташкент. Тогда только-только появились самолеты «Ил-62». Мы ими очень гордились. Кто-то из канадцев сказал мне, что Трюдо имеет лицензию на пилотирование спортивных самолетов. И я решил устроить ему в полете небольшую экскурсию по лайнеру. Пилотов я неплохо знал. Они были из специального правительственного авиаотряда, за время частых перелетов я успел с ними перезнакомиться, как, впрочем, и с бортпроводницами. Пройдя в кабину, я спросил у командира, как он отнесется к тому, что Трюдо посмотрит на приборы, аппаратуру и так далее, между прочим упомянув, что у того есть летная лицензия. Командир согласился.

В кабине Трюдо долго рассматривал панель управления, циферблаты, мигающие лампочки и тумблеры. Когда он вдоволь насмотрелся, командир предложил ему сесть на место второго пилота. Трюдо конечно же с радостью занял кресло. Командир стал объяснять ему, где какие приборы, кнопки, рычаги. Прочитав небольшую лекцию об управлении самолетом, он сказал:

— Через пять минут я выключу автопилот. Нам надо будет вручную совершить маневр — поворот на новый курс. Господин премьер, не хотите ли вы выполнить этот маневр?

Спрашивать об этом Трюдо было излишне. Он внимательно выслушал, что ему надо сделать. Автопилот выключили. Командир подал Трюдо знак. Тот положил руки на штурвал…

Я охотно верю, что Трюдо когда-то летал на легких самолетах и даже делал это неплохо. Но «Ил-62» — огромная махина. И в управлении им есть свои особенности. Короче говоря, на радостях, что ему дали «порулить», Трюдо слишком круто повернул штурвал. И я вдруг с ужасом заметил, что мы теряем высоту. Трюдо положил самолет на крыло, и он заскользил вниз. Разумеется, командир вовремя взял управление на себя и выровнял лайнер. Однако наши безмятежно отдыхающие пассажиры все-таки почувствовали что-то странное: на столиках расплескались напитки.

В Узбекистане предусматривалось посещение жемчужины этой республики — Самарканда, города с тысячелетними памятниками старины. Поездка туда была намечена на выходной день — то ли субботу, то ли воскресенье. В Ташкенте в мае уже было жарко, а нас предупредили, что в Самарканде еще жарче. И Трюдо надел легкие светлые брюки, сандалии на босу ногу, цветастую легкую рубашку с короткими рукавами, а на шею повязал шелковый легкий платочек. Под стать ему была одета и

жена — в летний сарафанчик.

Прилетаем в Самарканд, самолет останавливается у аэровокзала, у трапа появляется шеренга людей — все как один в черных костюмах, белых рубашках с мрачно-темными галстуками, а на голове у каждого — шляпа. Это были отцы города.

Распахнулся люк самолета, и Трюдо одним из первых буквально сбежал по трапу. А люди в черном продолжали смотреть в раскрытый люк в ожидании, когда же появится премьер-министр Канады. Опомнились они лишь после того, как сотрудник нашего протокольного отдела стал каждому из них представлять высокого гостя.

# Северные соседи

После Узбекистана наш путь лежал в Норильск. Посещение севера страны, так же как и Украины, входило в планы канадцев. Это естественно. Так называемый «вопрос северОв» (как говорят профессионалы) касался обоих государств. Именно наша страна и Канада располагают обширными северными территориями со всеми их проблемами. Было о чем переговорить, чему друг у друга поучиться.

О Норильске тогда у нас писали много, о том, что это уникальный город, где в зоне вечной мерзлоты созданы все условия для нормальной жизни людей, и так далее. Писать-то писали, но иностранцев туда не пускали. Потому что там находится крупнейшее предприятие по добыче и обработке стратегических металлов — огромный Норильский комбинат. И все сведения об этом производстве составляли, да и сейчас составляют, государственную тайну.

***Чета Трюдо на Русском Севере***

***Норильск, май 1971 года***

Но канадцы настаивали. Им предлагали Мурманск,

Архангельск. Они в свою очередь говорили, что те стоят не на вечной мерзлоте, поэтому там не так интересно. В конце концов наши согласились. Провели соответствующую подготовку, тщательно разработали маршрут на самом комбинате, чтобы отсечь «лишние» цеха.

И после Ташкента, после двадцатипятиградусной жары мы через пять часов полета оказались в Норильске, где термометр показывал минус пятнадцать и сыпал легкий снежок. Из аэропорта мы переехали на машинах на небольшую железнодорожную станцию и сели в поезд. Как нам сказали, дорога, по которой мы поедем, — самая северная железная дорога в мире. Трюдо также сообщили, что он первый иностранный гость Норильска. Жена Трюдо, Маргарет, после этих слов обняла его за шею и воскликнула:

— Боже мой, Пьер, я впервые так далеко, на Севере, вокруг такая красота, я с тобой, какое счастье!

Просто девчонка. Каковой, собственно, она и была.

Поезд шел очень медленно. Насыпь покоилась на вечной мерзлоте, кое-где оседала, так что на скорости поезд качало бы и подбрасывало.

Хотя первым лицом Норильска был председатель горисполкома, фактическим хозяином города являлся генеральный директор комбината. От комбината здесь зависело все — и тепло, и строительство, и снабжение. Да и сам город Норильск возник вокруг комбината. Оба руководителя встречали Трюдо, и кто есть кто было понятно с первого взгляда.

Канадцы смотрели во все глаза. У них не было ничего подобного. На севере Канады добыча полезных ископаемых осуществлялась вахтовым методом, и городов там таких не строили.

Улицы заполнились народом. Помнится, тогда только-только была введена новая форма милиции — мышино-серого цвета. К приезду Трюдо милиционерам ее выдали. Думаю, если бы не канадские гости, до норильчан это нововведение дошло бы не скоро.

***Трюдо в Ледовом дворце спорта***

***Норильск, май 1971 года***

Стоял полярный день. Круглые сутки светло. Трюдо с женой поселили в маленьком особнячке, который к их приезду полностью перестроили и обновили. Мебель — только что с фабрики, на стенах — шкуры полярных оленей и белых медведей. И в самом городе навели такой лоск, что жители наверняка еще долго поминали добрым словом канадского премьер-министра.

Канадцы интересовались буквально всем: как строятся многоэтажные дома на сваях, как добывается руда, посетили профилакторий для рабочих, в холле которого с потолка спускались самые экзотические живые растения. Гости были просто потрясены. Восторгались они и Ледовым дворцом спорта, где увидели мальчиков, в полном хоккейном облачении игравших в игру, которая зародилась в Канаде.

В Мурманске гости побывали на вернувшемся из длительного рейса плавучем рыбозаводе. После ознакомительного осмотра капитан пригласил всех на обед. Ломящиеся от изобилия столы затмили собой даже кремлевские. Такого рыбного разнообразия я

еще ни разу до этого не видел, да, пожалуй, и после.

# Белый танец

Визит Трюдо в нашу страну завершился поездкой в Ленинград. Программа была в общем стандартной. Обязательное посещение Пискаревского мемориального кладбища, Смольного, Эрмитажа, официальный банкет в Ленгорисполкоме. Но в последний вечер перед отлетом гостей домой, в Канаду, наши удивили даже Трюдо. Не дожидаясь его очередной эскапады, внезапно объявили, что состоится дружеский ужин в ресторане на Невском проспекте (не помню сейчас его названия, может быть «Кавказ»?) без официальных тостов и церемоний. Там можно будет и потанцевать.

Трюдо удивился, но, конечно, не отказался. Все мы, кто сопровождал премьер-министра с канадской и советской стороны, подъехали к ресторану, поднялись на второй этаж и вошли в большой зал. У боковой стены был накрыт длинный стол, за которым легко уместилась вся компания, сопровождающая Трюдо, включая ленинградских хозяев.

Подавали еду несколько нетипичную для кремлевской кухни, но очень вкусную. Играл хороший оркестр. Зал был заполнен посетителями. Трюдо и Маргарет чувствовали себя вольготно, раскованно. В какой-то момент из-за соседнего столика поднялась молодая женщина и подошла к Трюдо. Слегка наклонившись, пригласила его на белый танец, как это принято у нас, но не на Западе. Я увидел удивление в глазах Трюдо и, надо сказать, сам удивился, стал оглядываться, пока не заметил за одним из столиков в зале нашего начальника охраны. Поймал его взгляд, а затем и улыбку вместе с успокаивающим жестом ладони: мол, не беспокойся, все в порядке.

Я понял и через стол шепнул Трюдо, что у нас такие традиции, иногда и дама приглашает кавалера, даже незнакомого. Тому ничего не оставалось, как встать и пойти на площадку для танцев.

А спустя буквально минуту и около Маргарет оказался симпатичный молодой человек, который, также с поклоном, пригласил ее на танец. Насколько я помню, она все-таки отказалась, а молодой человек вежливо откланялся и отошел к своему столику.

***П. Трюдо в Ленинграде***

***Ленинград, май 1967 года***

Вернувшийся Трюдо заметил, что он, пожалуй, впервые сталкивается с подобной традицией, и наши немедленно кинулись наперебой ему объяснять, что такое «белый танец». Трюдо улыбался, соглашаясь, что иногда это даже может быть интересно. Но затем, наверное, для того чтобы ситуация не повторилась и, возможно, чтобы «обезопасить» себя в этом плане, Трюдо стал ангажировать жену. Я заметил, что вокруг канадской пары постоянно танцевали одни и те же пары — никому не мешая, но и не подпуская особенно близко к чете других танцоров. А за столиком, где сидел начальник охраны вместе со своими ленинградскими коллегами, царило полное спокойствие.

Не могу не упомянуть еще об одном. Поездка была достаточно длительной, и, как это обычно бывает у нас, переводчиков, в отдельные свободные минуты мы обменивались впечатлениями. С Маргарет Трюдо работала моя коллега, о которой я уже упоминал, Таня Сиротина. Маргарет мне понравилась, но работать с ней не довелось: у нас была своя, мужская, программа, а у них соответственно женская. Вот я и поинтересовался у Тани: какой Маргарет человек, как ведет себя?

Она сказала, что в принципе жена Трюдо — очаровательная молодая женщина. Единственно, с ней трудно в плане еды — она отказывается то от одного, то от другого, короче говоря, капризничает. А когда ей предлагают заказать что-нибудь на свой выбор (кремлевская обслуга, везде нас сопровождавшая, была на все готова, могла удовлетворить любые вкусы), Маргарет не дает определенного ответа.

Я весело прокомментировал это так: «Таня, а может быть, она просто беременна?» Сиротина даже цыкнула на меня: «Вечно ты со своими шутками!..» Но… менее чем через девять месяцев Маргарет родила Пьеру Трюдо первенца. Вот вам и шутки!

Трюдо уехал, но его еще долго вспоминали. Визит канадского премьер-министра был отмечен не только его путешествием по городам нашей страны. Были подписаны важные соглашения, принято Совместное коммюнике. Кто-то из членов Политбюро, вспомнив ультрамодную для тех времен одежду, и особенно яркие галстуки, Трюдо, предложил организовать и у нас производство подобных тканей, но его тут же осадили: «Нет, нам этого не надо. Пускай Трюдо сам такие галстуки носит…»

## «Трудно быть премьером»

Через некоторое время Косыгин нанес ответный визит в Канаду. После первой встречи в Москве у него с Трюдо возникли взаимные симпатии. Я видел, что они с удовольствием общаются друг с другом.

В Оттаве прошли переговоры с Трюдо. Принимал Косыгина генерал-губернатор Канады, де-факто — глава государства, де-юре — представитель официального главы этой страны — королевы Великобритании.

Как и положено, состоялся многолюдный правительственный банкет. Но кроме того, как бы вне программы, Трюдо устроил дружеский завтрак в официальной резиденции премьер-министра Канады. На закуску подали устриц. У меня потекли слюнки. А по виду Косыгина я тут же понял, что он не готов к встрече с таким экзотическим продуктом.

Официант поставил огромное блюдо на середину стола и удалился. Трюдо, как гостеприимный хозяин, пододвинул блюдо с устрицами, лежащими на крошеном льду, Косыгину. Алексей Николаевич с некоторой опаской положил несколько ракушек себе на тарелку, а когда это же сделал Трюдо, а за ним и я, он стал украдкой наблюдать, как мы с ними поступим дальше. Трюдо, видимо, тоже заметил некоторое замешательство Косыгина. Как истинный гурман, он выжал на устрицу лимон, добавил немного хрена и каплю острого соуса, а затем занес специальную маленькую вилочку над «обработанной» таким образом устрицей. Косыгин все понял и проделал то же самое. Устрицы имели успех. А две последние, оставшиеся на блюде, мы, можно сказать, по-братски разделили с Трюдо.

В программу визита высоких иностранных гостей в Канаду обязательным пунктом включается посещение парламента. Не сделали исключения и для Косыгина. Сначала он накоротке встретился со спикером, одетым в традиционную черную мантию, затем проследовал в парламентский кабинет премьер-министра. Там Трюдо нас оставил, чтобы пройти в зал заседаний и занять свое место на правительственной скамье. Косыгин же поднялся на галерею почетных гостей.

По предложению спикера весь состав парламента встал и аплодисментами приветствовал главу советского правительства. А затем начался традиционный час ответов канадского правительства на вопросы, которые в большинстве своем были весьма острыми и каверзными. Трюдо и его министры выкручивались как могли. Косыгин с интересом слушал мой

перевод. Помню, повернулся ко мне и сказал: «Да, нелегко у них быть главой правительства».

Когда заседание закончилось, мы спустились в вестибюль, где к нам присоединился Трюдо, чтобы проводить Косыгина до машины.

Здание парламента от улицы отделял газон, аккуратно подстриженный на английский манер. Автомобили стояли у подъезда. Косыгин распрощался с Трюдо и хотел уже сесть в машину, как вдруг обернулся ко мне и спросил:

— Мы ведь сейчас в гостиницу? А далеко до нее?

Я говорю:

— Она рядом, пешком максимум десять-пятнадцать минут.

— Ну так давайте пройдемся, — предложил он.

В общем, Алексей Николаевич и здесь остался верен себе — не упустил шанса прогуляться пешком по улицам незнакомого города.

Я повернулся к Трюдо:

— Господин Косыгин хотел бы пройти до гостиницы пешком.

Тот ответил:

— Замечательно. И я с вами пойду.

И мы пошли по дорожке вокруг газона к выходу на улицу. По периметру газона, на некотором расстоянии друг от друга, в ярко-красных френчах, темно-синих галифе и широкополых шляпах стояли полицейские Королевской конной полиции Канады. А на газоне собрались два-три десятка зевак, пришедших поглазеть на советского премьера. В общей сложности группа, во главе которой шествовали Косыгин, Трюдо и я вместе с охраной, насчитывала человек пятьдесят. Косыгин и Трюдо беседовали на ходу, я переводил.

Вдруг каким-то боковым зрением я заметил, как что-то черное мелькнуло справа, с той стороны, где шел Косыгин. Тут же я ощутил довольно сильный удар в правое плечо. И увидел, что к Алексею Николаевичу сзади тянутся две руки. Они обхватили его и вцепились в лацканы пиджака. Человек в черной кожаной куртке явно пытался опрокинуть Косыгина на землю. Я услышал крик: «Свободу Венгрии!»

Инцидент длился, вероятно, не более нескольких секунд. Сразу же среагировали старший охранник Косыгина, а также сопровождавшие нас канадцы — схватили человека и повалили его на землю. Охрана моментально сомкнулась вокруг Трюдо и Косыгина, и я, естественно, оказался в самой гуще.

Все были в шоке. Особенно разволновался Трюдо. Но Алексей Николаевич оставался невозмутимым. Он первым делом осмотрел свой пиджак и с досадой произнес:

— Надо же, пуговицу оторвал…

Трюдо начал извиняться, выражать сожаление, а Косыгин в свою очередь стал успокаивать Трюдо, дескать, бывает, что же делать, ничего страшного не случилось.

Охранники заявили, что ни о каком продолжении прогулки и речи быть не может. Пьер Трюдо пригласил Косыгина в находившееся рядом, буквально в нескольких метрах, здание парламентского комплекса. Он сказал:

— Давайте зайдем сюда, тут у меня еще один кабинет. Заодно, может быть, чаю попьем, и я попрошу, чтобы вам пуговицу пришили.

Алексей Николаевич согласился. Попили чаю, и костюм Косыгина привели в порядок.

К этому времени канадская охрана успела разобраться в произошедшем и доложила, что у человека, совершившего нападение, никакого оружия не было. Им оказался выходец из Венгрии, уехавший из своей страны после событий 1956 года и баллотирующийся на предстоящих выборах в местные органы власти. Целью его, по-видимому, было желание привлечь внимание к себе избирателей.

После этого случая охрана, конечно, постаралась ограничить «свободолюбие» Косыгина.

Несмотря на крайне неприятный инцидент, визит продолжался. В соответствии с программой мы оказались на Западном побережье, в Ванкувере. Там предусматривалось посещение хоккейного матча с участием местной команды «Ванкувер Канаке». И вот тут перед нашей охраной встал вопрос, пускать ли Косыгина на столь многолюдное мероприятие, тем более что специальной правительственной ложи в ванкуверском Дворце спорта не было. Риск, безусловно, существовал. Особенно возражал заместитель начальника «девятки», сопровождавший Косыгина. Хозяева расстроились: как же можно, побывав в Канаде, не увидеть настоящий хоккей! Они убеждали, что никакой опасности нет, поскольку о посещении Косыгиным матча заранее не объявлялось и трибуны будут заполнены истинными любителями спорта, которым и в голову не придет устраивать какие-то политические провокации.

Можно по-разному относиться к этим аргументам, но Косыгин поверил в искренность хозяев и, отмахнувшись от настойчивых возражений нашей охраны, отправился на хоккей.

В конечном счете канадцы оказались правы. У входа на трибуну Косыгина приветствовали капитаны обеих команд, вручили ему свои вымпелы, шайбу и клюшку. А перед началом игры, когда диктор объявил, что на матче присутствует высокий

гость из Советского Союза, весь зал дружно поднялся с мест и бурными аплодисментами приветствовал главу советского правительства.

Во время этого визита нашу делегацию везде сопровождала группа канадских переводчиков. Все — русские по происхождению. Одна из переводчиц рассказала мне, что родилась в 1945 году в лагере для перемещенных лиц. Отец ее был из советских военнопленных, а мать — из угнанных, они встретились уже в самом конце войны. И как многие в те годы, решили не возвращаться на родину. После долгих мытарств обосновались в Канаде.

Известно, что в те времена официальное отношение к таким людям у нас в стране было резко отрицательным. Они считались врагами, перебежчиками и так далее. Но мне лично те, с кем я общался в Канаде, были приятны, и я видел, что они горды своей работой со столь высокой делегацией из России.

В Оттаве перед отъездом из Канады для всех участников визита был организован неофициальный ланч, на котором присутствовали и переводчики. Канадцы говорили нам разные добрые слова, мы отвечали тем же. Я, зная, что в своем заключительном тосте наш Председатель собирается упомянуть с благодарностью всех канадских официальных лиц, сопровождавших его, сказал:

— Алексей Николаевич, тут с нами ездила группа канадских переводчиков из бывших наших. Они работали от души. Может быть, их тоже стоит упомянуть в вашем заключительном тосте?

Он с готовностью согласился:

— Да-да, конечно.

Однако, поскольку прощальный тост оказался длинным, Косыгин о своем обещании запамятовал. Я ему напомнил. Он ответил:

— Ну и что? Я про них отдельно скажу.

После чего он встал и, обращаясь уже к ним, сказал:

— Я знаю, что многие из вас — выходцы или потомки выходцев из России. И хочу выразить вам искреннюю благодарность, пожелать вам и вашим родственникам всего наилучшего, а также выразить уверенность в том, что, откуда бы вы ни прибыли, сейчас все вы — хорошие канадцы.

Я окинул взглядом лица этих людей. У них на глазах стояли слезы. Они прекрасно знали, как к ним относятся многие из тех, кто приезжал из Советского Союза, и были искренне растроганы словами, публично высказанными в их адрес одним из высших руководителей нашей страны.

# Мужской разговор

О визите в Москву в 1975 году английского премьер-министра Гарольда Вильсона я уже упоминал. К тому моменту Брежнев основательно утвердился в роли первого лица нашего государства. В этом качестве он выступал, естественно, и на переговорах с Вильсоном. Однако во время этого визита и на долю постепенно уходящего в тень Косыгина выпало вести переговоры — по вопросам экономического взаимодействия, а также, согласно протоколу, встречать и провожать премьера во Внуковском аэропорту.

Косыгин в день отлета Вильсона заехал за ним в особняк на Ленинских горах. Они посидели, выпили чаю на дорогу. Потом по сигналу протокольной службы вышли, сели в машину, и кортеж отправился в аэропорт Внуково-2.

***А. Н. Косыгин и Г. Вильсон (на переднем плане, второй справа) на открытии Британской промышленной выставки***

***Москва, 1960-е годы***

Как раз незадолго до этого визита к руководству находящейся

в оппозиции Консервативной партии Великобритании пришла Маргарет Тэтчер. Она стала лидером консерваторов в тяжелое для партии время, наступившее в связи с провалом на выборах. О Тэтчер в мире тогда знали не так уж много. Особенно в Советском Союзе.

Итак, кортеж с двумя премьерами выехал на Ленинский проспект. Затем — на шоссе, ведущее во Внуково. Вильсон и Косыгин, сидящие в лимузине, вели разговор о том о сем. Косыгин вдруг спросил:

— Скажите, а вот у ваших противников к руководству пришла женщина, Тэтчер. Вы не могли бы высказать свое личное мнение о том, что это за человек?

Гарольд Вильсон ответил, что готов высказать сугубо личное мнение о Маргарет Тэтчер. Он стал говорить о том, что, безусловно, она сильный политик, умело провела борьбу за лидерство в своей партии и что, конечно, в случае победы консерваторов на очередных выборах Тэтчер автоматически станет премьер-министром Великобритании. Она из простой семьи, но образование получила отменное. Обладает хорошими ораторскими способностями. Волевая женщина. Носит со вкусом подобранные костюмы. У нее всегда безупречный макияж, ухоженные руки. Очень аккуратная, прическа — волосок к волоску…

Вильсон довольно долго рассказывал, делая паузы лишь для перевода. Косыгин его не перебивал.

Впереди уже показались строения Внуково-2. Вдруг Вильсон совсем другим тоном сказал:

— Короче говоря, у нее все — комильфо. Я бы сказал, даже слишком. — Потом подумал и добавил: — Одним словом, господин Председатель, я бы не стал…

Косыгин от души расхохотался. Два премьера поняли друг друга.

Наверное, людям, которые когда-либо видели Косыгина, трудно будет согласиться со словом «расхохотался». Но он действительно взорвался смехом. И сказал, уже выходя из машины:

— Вы предельно ясно ответили на мой вопрос, господин Вильсон.

Английский премьер почти неуловимо усмехнулся и достал из кармана курительную трубку. Я ее узнал…

# Любимая трубка Гарольда Вильсона

Я, как и Вильсон, курю трубку. И сейчас у меня неплохая их коллекция. В том числе есть несколько изделий выдающегося ленинградского мастера А. Б. Федорова. Это был единственный трубочник в Советском Союзе, который имел право ставить на своих изделиях личное клеймо — латинскую букву «F». Также он имел право лично продавать свои трубки. Я много слышал об этом легендарном, в кругах любителей трубок, человеке. А однажды, в день рождения, получил в подарок от собственной семьи сразу три федоровские трубки, кому-то ранее принадлежавшие и уже обкуренные.

Один из моих ленинградских друзей хорошо знал трубочника Федорова, и, когда мы с женой приехали как-то в Питер, он повел нас к нему. Федоров встретил нашу компанию очень радушно в маленькой, расположенной прямо в его квартире, мастерской, набитой разными станочками, заготовками, инструментами. Он рассказывал о своей работе, демонстрировал альбомы с фотографиями трубок собственного производства — после того как очередная трубка обретала хозяина, мастеру оставалось только ее фотографическое изображение. Однажды он сделал «трубку Мегрэ» и отослал Жоржу Сименону, как известно, курившему трубку до последних дней своей жизни. Федоров показал нам письмо знаменитого писателя, в котором тот искренно благодарил за подарок и сообщал, что именно такую трубку и курил бы его знаменитый детектив…

Мы рассматривали альбомы, слушали рассказы. Конечно, я похвастался, что имею в коллекции три его трубки. Хитро прищурившись, мастер сказал:

— Думаю, что вы пришли ко мне не фотографии смотреть. Наверняка хотите трубочку получить.

Я ответил, что был бы просто счастлив, если бы он трубку сделал специально для меня. Федоров достал брусочек бриара (бриар — корень древовидного вереска, который растет только в Средиземноморье), повертел его в руках. Попросил показать мой прикус. Потом посмотрел на меня анфас и в профиль, окинул взглядом фигуру, всмотрелся в глаза. И наконец заявил:

— Думаю, что вам нужно сделать классическую английскую трубку. Прямую, со средних размеров чашей и удлиненным мундштуком. Вам такая подойдет.

Он тут же на бруске набросал эскиз будущей трубки. Потом повернулся к моей жене и спросил:

— Вы курите?

Она утвердительно кивнула.

— Прекрасно. Как раз у меня тут останется кусочек бриара, и я сделаю вам мундштук.

Я уже знал тогда, что через месяц в Москву прибудет Гарольд Вильсон и что в программу его визита включено посещение Ленинграда. Мы договорились с Федоровым: через месяц с небольшим я зайду к нему за трубкой. На том и расстались.

Через месяц прилетел Вильсон. Находясь с ним в Ленинграде, я выбрал удобный момент и поехал к Федорову. Он сразу протянул мне трубку. Прелестную, просто идеальную трубку с буквой «F» на шейке. А моей жене мастер подготовил мундштук. В музее можно такой мундштук показывать. Спрашиваю:

— Сколько я вам должен?

Федоров отвечает:

— Я ни за одну свою трубку больше пятнадцати рублей никогда не брал. И с вас не возьму. А мундштук — бесплатно. Это — подарок.

Вечером того же дня я перед сном набил новую трубку душистым табаком «Амфора» и раскурил ее. И тут меня почему-то осенила идея подарить эту роскошную трубку Вильсону: пусть в его знаменитой коллекции среди английских трубок «Данхилл» появится и настоящий «Федоров». Надо сказать, что однажды Вильсон, как известный курильщик трубок, был признан «трубочником года» одним из специальных английских журналов.

И вот, когда мы летели из Ленинграда, я зашел к нему в салон:

— Вы знаете, господин премьер, хочу сделать вам небольшой подарок. — Я рассказал ему про Федорова, про его трубки, о том, что он сделал одну специально для меня и что накануне я выкурил ее в первый раз. Вынул из кармана федоровскую трубку и протянул ее Вильсону. — Я бы хотел, чтобы она принадлежала вам.

Только курильщик может понять, какое чувство охватывает при виде новой, замечательной, а главное, уже твоей трубки. Вильсон обрадовался как ребенок. Я было встал, чтобы уйти, но он остановил меня:

— Подождите. — Он взял свой чемоданчик, открыл его. — Так произошло, что и я привез с собой новую трубку. И вчера тоже в первый раз ее выкурил.

Он достал новенькую трубку «Данхилл» с традиционной белой точкой на мундштуке.

Трубка Вильсона хранится в моей коллекции до сих пор. Она на удивление похожа на ту, что специально для меня сделал мастер Федоров.

Через несколько лет Вильсон ушел из большой политики и снова приехал в Москву, но уже как частное лицо. По старой памяти его приняли, поселили в особняке на Ленинских горах. Мы встретились, и я спросил:

— Ну как вам моя трубка?

— Вы имеете в виду трубку Федорова? Она стала одной из моих любимых.

# Великий египтянин

Завершая главу об Алексее Николаевиче Косыгине, хотя его имя еще будет в различных контекстах упоминаться в дальнейшем повествовании, хочу рассказать об одном зарубежном государственном деятеле, знакомство с которым у меня началось при Хрущеве, а закончилось при Косыгине.

Речь идет о легендарном руководителе Египта, об одном из основателей Движения неприсоединения — Гамале Абдель Насере. Впервые он посетил нашу страну в 1958 году, вскоре после объединения под его руководством Египта и Сирии в одно государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Эта федерация просуществовала недолго, распалась через три года. Она и не могла быть прочной — из-за несовпадения интересов, культурных отличий и так далее. Даже арабский язык в этих странах разнится, в чем я убедился, познакомившись с работой наших переводчиков-арабистов, — те, кто проходил практику в советских посольствах в Сирии или Ираке, не находил полного языкового понимания в Египте. Немало было и других проблем. Следует отметить, что Египет сохранил название ОАР и после выхода Сирии из федерации. Отменено оно было лишь в 1971 году, вслед за кончиной Насера.

Итак, в 1958 году Насер прибыл в Москву в качестве президента ОАР. Его сопровождала очень большая делегация: два вице-президента, представлявшие собственно Сирию, шесть министров и многочисленная свита. Как и все тогдашние визиты, этот длился долго — с конца апреля до середины мая. Планировались масштабные по географии поездки по стране, которым тогда придавалось особое значение в плане пропаганды достижений социалистического строя.

Основными переводчиками на этих переговорах, конечно, были наши арабисты. Но когда речь заходила о поставке вооружений и затрагивались специфические вопросы, требующие использования определенной терминологии, отсутствующей в арабском языке, то переходили на английский. И тогда приглашали меня. В большинстве своем вопросы поставки вооружений обсуждались в очень узком кругу, чаще всего между Хрущевым и Насером. В качестве переводчика участвовал я в поездках высокого гостя и на подмосковную военно-воздушную базу в Кубинку, и в Военную академию имени Фрунзе, ездил и по стране. Насер по-английски говорил неплохо, хотя и с сильным акцентом. Правда, его английский ни в какое сравнение не шел, например, с блистательной английской речью Джавахарлала

Неру.

В Кубинку Насера сопровождал маршал К. К. Рокоссовский, которым я восхищался, еще будучи мальчишкой. Когда мы ехали в машине, я во все глаза смотрел на кумира своего детства и с восторгом слушал его военные рассказы. Впрочем, и Насер в долгу не остался — тоже рассказал несколько историй, связанных с его собственной армейской карьерой. Он был в свое время полковником, получил военное образование в Англии. По сути дела, он и к власти пришел путем заговора группы военных — тайной организации «Свободные офицеры».

Помню, как по просьбе Насера ему устроили медосмотр в поликлинике Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, находящейся на улице Грановского (ныне — Романов переулок), недалеко от Кремля. Опять же послали с ним меня, так как арабисты опасались, что они не справятся с медицинской терминологией. Я присутствовал при этом осмотре. Насеру сделали электрокардиограмму, прослушали его и так далее. Конечно, после этого он не мог относиться ко мне, как к лицу чисто служебному. И при всех последующих встречах, даже через годы, узнавал меня и тепло приветствовал. Наши врачи тогда его сочли практически здоровым, разве что в носу обнаружили полипы. Он был крепким мужчиной.

Насер всегда проявлял уважительное отношение не только к равным по положению, но и к младшим чинам. Был внешне исключительно любезен с людьми. Приведу один эпизод, который до сих пор вызывает у меня улыбку.

Хрущев всячески привечал Насера и старался установить с ним личные дружеские отношения. Был май, Никита Сергеевич пригласил Насера к себе на дачу, расположенную на Рублево-Успенском шоссе, познакомил со своей семьей. Они вместе отобедали, а потом Хрущев предложил поехать на спортивный праздник в Лужники. Насер, конечно, согласился, но сказал, что ему, как лидеру мусульманского государства, сначала следует посетить мечеть, поскольку была пятница (день всеобщей молитвы мусульман). При этом он заметил, что мог бы туда и не ездить, так как предпочитает больше времени проводить с Хрущевым, однако ради общественного мнения, не только в Египте, а и во всем исламском мире, он просто обязан там появиться. И добавил, что по обычаю, перед молитвой мусульманину полагается совершить омовение рук и ног, но чтобы ему, Насеру, не делать это в московской мечети, хорошо бы омыться на даче, после чего он отправится в мечеть, пробудет там минимально необходимое время, а потом вместе с Хрущевым поедет на стадион.

Хрущев согласился и дал указание горничной приготовить в ванной все необходимое для омовения. Насер, к своему большому удивлению, обнаружил, что ванна наполнена почти до краев. Горничная не была знакома с мусульманскими обычаями, не знала, что для ритуального омовения нужно совсем немного воды, и налила по-русски, от души. Горничная, конечно, расстроилась. Президент очень деликатно, по-доброму попросил ее успокоить.

Насера ожидал торжественный прием в единственной тогда московской мечети. Он принял участие в молебне и осмотрел мечеть. Несмотря на смешной казус с омовением на даче Хрущева, обычаи были соблюдены, и мусульманский мир увидел, что один из его лидеров свято соблюдает традиции и ритуалы ислама.

# Запорожские приключения

После проведения основных мероприятий в Москве многолюдная делегация во главе с Насером и большое число сопровождающих с нашей стороны отправились на Украину. Программа предусматривала посещение Киева и Запорожья. Насеру, конечно, хотели показать гиганта советской металлургической промышленности — знаменитый металлургический комбинат «Запорожсталь». Насколько я помню, тогда шли разговоры о строительстве в Египте подобного предприятия. И позднее при помощи Советского Союза в египетском городе Хелуан металлургический комбинат был построен.

В те годы запорожский аэродром мог принимать только небольшие самолеты, из пассажирских — не крупнее «Ил-14». В Киев же мы прилетели на двух «Ил-18». Из Киева в Запорожье нас отправляли малочисленными партиями с интервалом в 15–20 минут. Я летел в предпоследнем самолете вместе с египетскими министрами, при которых постоянно находился замминистра иностранных дел Валерьян Зорин. Такой же порядок должен был сохраниться и на обратном пути.

Все шло отлично. Сразу после нашего прилета областным руководством был дан официальный завтрак в обкомовском гостевом особняке, в ту пору, как известно, существовавшем в каждой области. Все устроили по кремлевским канонам, но подавали, конечно, украинские блюда, а из напитков преобладала горилка. Хозяева отличались хлебосольством, стол ломился. Во главе его восседал председатель облисполкома, а первый секретарь обкома сидел где-то дальше, хотя все, естественно, знали, что областным «главнокомандующим» является партийный голова. Поменяли их местами за столом явно ради Насера, который у себя в стране коммунистов не жаловал. Египтяне горилку не пили. Наши из уважения к гостям тоже на спиртное не налегали. После завтрака состоялась экскурсия по комбинату «Запорожсталь».

***Г. Насер (на переднем плане, третий слева) на металлургическом комбинате «Запорожсталь»***

***Запорожье, 1958 год***

Ближе к вечеру стали группами провожать гостей в аэропорт, так как в то время в Запорожье не было возможности разместить на ночлег столь представительную многочисленную делегацию.

Отлет из Запорожья проходил уже не так гладко, как из Киева. Наши протокольщики носились словно ошпаренные, выхватывая членов делегации из толпы, рассаживая их по машинам и отправляя в аэропорт. Все очень устали от экскурсии по огромному предприятию.

Наконец пришла очередь «моих» министров, с которыми я прилетел в Запорожье. В. Зорину показалось, что одного из них нет. Он попросил меня проверить, все ли на месте. Пока я считал египетских министров, наши протокольщики дали сигнал и кортеж, без меня, уехал в аэропорт. Последним отправлялся кортеж самого Насера. Я подошел к старшему протокольщику, объяснил ситуацию. Он обратился к нашей охране, та в свою очередь — к украинской. В результате мне выделили милицейский мотоцикл с коляской, домчавший меня в аэропорт на максимально возможной скорости. Но мы увидели лишь хвост удаляющегося самолета.

Оставалась всего одна группа, с которой можно было улететь, ее возглавлял Насер. Однако и здесь мне не повезло:

единственное запасное место в самолете занял легендарный герой войны — партизан Ковпак, бывший в ту пору заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Украины.

Когда все улетели, выяснилось, что в таком же «бесхозном» положении находятся сотрудник МИДа Украины и работник Международного отдела ЦК КПУ. Мы не очень беспокоились, поскольку знали, что есть резервный самолет. Нас к нему и направили. Но, когда мы уже сели в кресла, вышел командир и сказал: так как вся делегация благополучно прилетела в Киев, он получил указание лететь в Москву, к месту дислокации. Несолоно хлебавши мы вернулись в здание аэропорта, где узнали о том, что даже рейсовый самолет на Киев вылетит только на следующий день. Так мы застряли в Запорожье.

Мои собратья по несчастью прямо из аэропорта стали названивать по всем телефонам руководства области. Но ни один из них не отвечал.

И тут опытный человек, работник ЦК КП Украины, сказал:

— Я знаю, где они все.

Мы сели в машину, и он скомандовал шоферу:

— В гостевой дом!

Профессиональное чутье не обмануло его. Все начальники были там. Проводив Насера, они вернулись в особняк «снимать остатки».

Едва мы появились, нас тут же усадили за стол. Запорожское руководство гуляло от души. Это была настоящая, безудержная славянская пьянка. Горилка, водка и прочие спиртные напитки лились рекой. Первый секретарь обкома доверительно наклонился ко мне и в порыве откровенности, указывая на председателя облисполкома, произнес:

— Вот видишь, как приходится действовать? Видишь, он сегодня там сидит и вроде как бал правит. А ведь это мое место! Но понимаешь — иностранного гостя принимали, и пришлось его усадить вроде как за хозяина. Дипломатия! — И он многозначительно поднял вверх указательный палец.

Не помню уже, как я сам пережил этот вечер, поскольку меня — московского гостя — постоянно заставляли глушить горилку фужерами. Кончилось тем, что местных начальников под руки вывели к машинам, а нашу троицу разместили на ночлег в том же особняке.

К тому времени уже позвонили из Киева и приказали отправить нас туда первым утренним рейсом. Правда, для этого пришлось высадить из самолета троих ни в чем не виноватых пассажиров.

# И скорбь, и бронетранспортеры…

С Гамалем Абдель Насером у меня связано еще одно, на этот раз печальное, воспоминание.

Умер он внезапно, и это было шоком для многих во всем мире. Насер пользовался высоким авторитетом не только в арабских странах. В Каир на его похороны съехалось большое число высших руководителей.

Москва решила направить на похороны человека, который в то время выполнял наиболее ответственные миссии за рубежом, — Алексея Николаевича Косыгина.

Собирались буквально в одночасье. Я позвонил домой, жена упаковала чемодан, уложила мой единственный черный «похоронный» костюм, я заехал за ним, и в тот же день мы уже были в Египте.

Косыгин разместился в резиденции советского посла, которая находилась на набережной Нила. А мы, все, кто его сопровождал, как, впрочем, и многие другие участники траурных мероприятий, поселились в гостинице «Хилтон», расположенной на противоположном берегу этой довольно широкой реки с желтоватой мутной водой. По приезде Косыгин сразу же отправился в президентский дворец, где возложил венок к гробу Насера.

Предполагалось, что гроб с телом будет доставлен на вертолете в одно из правительственных зданий на берегу Нила, а оттуда на орудийном лафете проследует через весь город к месту захоронения. За гробом в пешем строю пойдут приехавшие высокопоставленные государственные деятели.

На следующее утро нам нужно было, выйдя из гостиницы, перейти по мосту через Нил и прибыть к месту прощания. Однако не тут-то было. Набережную перед гостиницей буквально блокировали толпы народа. Сопровождавшие нас египтяне сказали, что в связи с огромным скоплением людей выйти из гостиницы никто, к сожалению, не может. Но церемония не могла начаться, пока все не соберутся в здании, куда должны были доставить гроб.

Мы выглянули из окна. Картина, должен сказать, предстала впечатляющая. Огромная толпа, заполнившая набережную и мост, находилась в состоянии массовой истерии: крики, плач, пронзительное, скорбное, чисто арабское улюлюканье. Полиция ничего не могла поделать. Продолжалось это довольно долго.

Наконец на набережной появились бронетранспортеры, которые на самой медленной скорости ползли на людей,

постепенно, шаг за шагом, оттесняя их все дальше и дальше. Водители старались ехать очень аккуратно, толпа сдавливалась, из нее периодически выносили людей, близких к потере сознания, бившихся в конвульсиях, и укладывали на газон.

Не меньше чем через час мы все же смогли выйти из гостиницы, прошли мост и оказались в резиденции нашего посла. Оттуда поехали к месту прощания с Насером.

Когда приехали, в здании уже было многолюдно. Косыгин стал здороваться с пришедшими туда до него. Со многими из присутствующих он был знаком: в разное время почти все они бывали с визитами в СССР. Косыгин подходил к высокопоставленному участнику траурной церемонии, и наш шеф протокола Борис Колоколов называл фамилию, страну и титул особы. Алексей Николаевич здоровался, говорил несколько слов и следовал дальше. Но и тут не обошлось без казуса.

Подошли мы к очередному представителю. Мне показалось его лицо знакомым — вроде бы это был премьер-министр Турции. Но Колоколов говорит:

— Ховейда, премьер-министр Ирана.

У Косыгина, судя по всему, появились какие-то сомнения, он глянул на Колоколова, но промолчал. Идем дальше. Человек через пять Косыгин протягивает руку следующему представителю, шеф протокола говорит:

— Ховейда, премьер-министр Ирана.

Косыгин поворачивается к Колоколову и спрашивает:

— Как, и этот тоже?

Да, это был действительно Ховейда. А тот, первый, — все-таки премьер-министр Турции.

Вскоре собрались все. Пришли и соратники Насера, бывшие «свободные офицеры», среди них был Анвар Садат. Имя преемника Насера еще не называли. В египетском руководстве шел дележ власти, в результате которого Садат впоследствии вышел победителем.

Наконец в небе появился военный вертолет с подвешенным на тросах гробом. Он приземлился во дворе, гроб внесли, поставили на специальное возвышение посреди зала и накрыли флагом Египта. И тут руководители страны, соратники покойного, все как один зарыдали и припали к гробу. Они, стараясь перекричать друг друга, изо всех сил причитали, всхлипывали, всячески выказывали признаки бесконечного горя. При этом каждый из них искоса поглядывал на соседа, чтоб тот его не перещеголял в проявлении скорби.

Мы находились довольно близко и имели полную возможность наблюдать за этим ритуалом. Может, кто-то и был

искренен, но вот настоящих слез я почему-то не видел…

Вокруг стояли гвардейцы в парадной форме, державшие на красных подушечках награды Насера, в том числе звезду Героя Советского Союза и орден Ленина, которыми его некогда наградил Хрущев вопреки желанию Президиума ЦК. Тогда, под бесконечные рыдания, я вспомнил и другого, отмеченного Хрущевым, египетского Героя Советского Союза и обладателя ордена Ленина — фельдмаршала Амера, министра обороны и главнокомандующего вооруженными силами ОАР. В свое время он был вторым после Насера человеком в государственной иерархии. Амер принимал активное участие в войне против Израиля и, хотя особых побед не одержал, заслужил большую популярность на родине. Я бы даже сравнил его славу в Египте со славой маршала Жукова у нас. Во всяком случае, народ, когда Амер появлялся в публичных местах, встречал его восторженной овацией. Однако войну Египет проиграл, в стране разгорелся политический конфликт, в результате которого Амер был обвинен в попытке государственного переворота и посажен под домашний арест. Вскоре после этого фельдмаршал, согласно официальной версии, покончил жизнь самоубийством…

Когда скорбящие наконец стали успокаиваться, египетские протокольщики объявили, что пора выносить гроб и выстраивать траурную процессию. Государственные деятели разных стран вышли во двор и при помощи протокольщиков стали занимать свои места, образовав компактную группу. Появились и руководители Египта. Гроб уже установили на лафет, когда Косыгину вдруг сообщили о том, что у Анвара Садата случился сердечный приступ и поэтому он не пойдет за гробом. Через минуту сказали, что еще один ближайший сподвижник Насера по той же причине не примет участие в похоронной процессии. Объяснялось недомогание тем, что они буквально убиты горем.

Траурная процессия двинулась было в путь. Лафет с гробом уже выехал со двора, когда случилось невообразимое. Никто из иностранных деятелей не успел выйти и за ворота, как началась просто-напросто дикая давка: со всех сторон за лафетом ринулись египтяне. Президенты, короли и премьер-министры оказались отсеченными.

За годы работы переводчиком я приобрел привычку всегда, при любых обстоятельствах, держаться у левого плеча своего, так сказать, «подопечного», чтобы не быть оттесненным от него. До дня похорон Насера я еще никогда в жизни не попадал в такую давку там, где, по идее, ее просто не могло быть. Естественно, трое наших охранников сразу же окружили Косыгина. С четвертой стороны «прилепился» я. Невольно мы были вынуждены напирать

на впереди идущих. Вдруг я увидел, что рядом оказалась Сиримаво Бандаранаике, премьер-министр Цейлона, которую, видимо, потеряла охрана. Косыгин ее хорошо знал, так как Бандаранаике несколько раз приезжала в Москву. Заметив нашего премьера, она схватила его за руку и крепко прижалась к плечу. Вид у нее был чрезвычайно испуганный. В следующее мгновение под давлением напирающей сзади толпы я стал теснить какого-то человека очень маленького роста, находящегося впереди. Когда он поднял глаза, я узнал Хусейна. Король Иордании смотрел на меня с испугом. Я со всей возможной в данных обстоятельствах учтивостью произнес: «Извините, Ваше Величество, я с советским премьером, так что не беспокойтесь». Наконец наша охрана пришла в себя и энергично заработала локтями. Ребята буквально вытолкнули Косыгина вместе со вцепившейся в него Бандаранаике из толпы. Охранники остальных государственных деятелей стали делать то же самое, выуживая своих хозяев из давки и отводя их в сторону.

Словом, никакой пешей процессии не получилось. Гроб каким-то образом доставили на кладбище, чудом протащив сквозь сплошную человеческую массу, заполнившую улицы Каира.

На следующий день в газетах опубликовали фотографии — бронетранспортеры, оттесняющие толпу, чтобы дать дорогу лафету, солдаты, пытающиеся дубинками отогнать обезумевших египтян…

А потом поползли слухи, что на самом деле тела Насера в гробу не было. Полагая, что толпа способна на все, его-де заранее доставили на кладбище и тихо предали земле. Не знаю, правда ли это, но крышку гроба ни разу не поднимали. И тот факт, что ни Садат, ни другой ближайший сподвижник Насера не пошли провожать покойного в последний путь, достаточно красноречив. Впрочем, было ли тело Насера в том гробу или нет, наверное, уже не узнает никто.

После похорон началась обычная дипломатическая жизнь. Прибывшие государственные деятели, пользуясь тем, что находятся в одном городе, стали наносить друг другу визиты, обсуждать насущные проблемы. И естественно, почти все хотели встретиться с Косыгиным. Пожалуй, график его встреч был насыщеннее, чем у кого бы то ни было. Работы хватило всем — и переводчикам, и машинисткам, и служащим посольства, и, конечно, больше всех самому Косыгину.

В двенадцатом часу ночи, когда уже казалось, что вереница государственных деятелей истощилась и никаких встреч больше не будет, объявили, что прибыл еще один гость — Мухаммед

Сиад Барре, президент Сомали. Усталый Косыгин сказал мне, что, насколько он помнит, эта встреча была запланирована на более ранний час. Разумеется, президента приняли, после чего Алексей Николаевич посмотрел на меня и с улыбкой спросил:

— Скажите, а у нас есть уверенность, что часа в два ночи к нам не придет Ховейда?

Это был юмор в стиле Косыгина и, пожалуй, в стиле самой жизни, где трагическое нередко соседствует с нелепым и смешным.

# Конец его пути

В послехрущевские годы Косыгин, как я уже говорил, часто ездил за рубеж с ответственными миссиями, на мой взгляд, по той причине, что Брежнев долго не решался активно участвовать в международной жизни. Вероятно, поначалу он испытывал робость перед иностранной аудиторией. Но постепенно Брежнев стал выдвигаться на первый план, а Косыгина начали «задвигать». Не знаю, кто за этим стоял, скорее всего партаппаратчики. Если полистать газетные подшивки тех лет, можно увидеть, что, когда на первой полосе публиковалось официальное сообщение о том или ином деянии Косыгина, то на этой же странице непременно сообщалось и о том, чем занимался Брежнев. В те дни, когда Косыгин находился с рабочим визитом в одной из зарубежных стран, в прессе обязательно появлялась информация о какой-либо рабочей поездке Брежнева и Подгорного или о том, что они принимали иностранных гостей. А с начала 70-х годов уже Брежнев стал играть первую скрипку в международных делах.

Много добрых воспоминаний осталось в моей душе об Алексее Николаевиче Косыгине, человеке очень деятельном, интересном, я бы сказал, выдающемся, особенно по тем временам. Под стать ему была и его жена, которую, если позволял протокол, он обычно брал с собой в зарубежные поездки. Это была симпатичная, улыбчивая и приятная женщина, не вмешивающаяся в дела мужа. К сожалению, она рано умерла, и все вспоминали, с какой теплотой и нежностью Алексей Николаевич к ней относился. Словом, Косыгины являли собой достойную супружескую пару. Они были приветливы с людьми, умели шутить, подтрунивать друг над другом, не боясь, что это как-то унизит их в глазах окружающих.

Таким в моей памяти остался Косыгин. Но наверное, нет людей, портрет которых можно было бы рисовать одной краской. И Косыгин нес на себе груз своего времени, своего окружения, в конце концов, своего характера, воспитанного в сталинскую эпоху. И вероятно, поэтому не стоит удивляться тому, что, судя по некоторым протоколам заседаний Политбюро 60–70-х годов, когда обсуждались вопросы, связанные с диссидентами, отказниками и конкретно с Сахаровым, Косыгин был одним из тех, кто резко высказывался за принятие самых жестких мер в отношении их.

Не хотелось бы, конечно, этими словами заканчивать свой рассказ о нем, но что поделаешь — из песни слова не выкинешь…

# Леонид Брежнев

# Первая встреча

Многие еще помнят Леонида Ильича Брежнева. Помнят в основном по последним годам его жизни и деятельности, а это значит — старым, грузным, дряхлым человеком, который с трудом произносил скучные речи, не отрывая глаз от текста. Наверное, не всем сегодня понятно, почему немощный старец так долго являлся руководителем нашей страны, почему не уступал место более молодому.

Брежнев-партиец прошел очень большой путь. И если начиная еще с 30-х, сталинских, годов он сумел пробиться на самый верх партийно-политической пирамиды, то уж, наверное, не был бездарью и наверняка обладал сильной волей, как, впрочем, и организаторским талантом. В конце 40-х годов он возглавлял Запорожский и Днепропетровский обкомы партии, в 1950-м стал первым секретарем ЦК КП Молдавии, в последний год жизни Сталина был секретарем ЦК КПСС. Самый же высокий взлет Брежнева закончился лишь с его кончиной, в 1982 году.

А начался он в середине 50-х, когда, будучи вторым, а затем и первым секретарем ЦК КП Казахстана, Леонид Ильич поднимал любимое детище Хрущева — целину. В те годы он и сам стал любимцем тогдашнего вождя.

В 1956 году Брежнева возвращают из Казахстана в Москву и избирают кандидатом в члены Президиума Политбюро, секретарем ЦК КПСС. Именно тогда я его и увидел впервые.

Где-то в декабре вместе с группой моих коллег-переводчиков я отправился в гостиницу «Советская» на дипломатический прием, который устраивало одно из аккредитованных в Москве посольств по случаю своего национального праздника. Через протокольный отдел министерства мы обычно заранее узнавали, кто из советских руководителей появится на приеме, — этим, собственно, определялся численный состав нашей группы. Нам сказали, что на приеме среди прочих руководителей будет присутствовать и «новичок» — Леонид Ильич Брежнев. О нем мне было известно тогда лишь в общих чертах — в основном по газетным сообщениям о достижениях на целине.

Вскоре к подъезду подкатили черные правительственные машины. Не помню, кто там еще был, а вот Брежнева я запомнил. Выше среднего роста, крепкий, молодцеватый, с зачесанной назад шевелюрой, он излучал здоровье и силу. Вышел из машины и чуть ли не бегом поднялся по лестнице. К нему подошел заведующий протокольным отделом Ф. Ф. Молочков и, указав на нашу группу, объяснил, что мы — переводчики, которые на приеме будут

помогать общаться с иностранцами. Брежнев окинул нас взглядом, поздоровался с каждым за руку, затем, улыбнувшись, галантно согнул руку в локте и предложил ее Татьяне Сиротиной — единственной в нашей группе женщине-переводчице.

— Отлично! Мне как раз нужна переводчица, — произнес он своим красивым баском.

Татьяна у нас была женщина боевая — она тут же взяла его под руку, и Брежнев, той же энергичной походкой, направился с ней в главный зал. Нам все это очень понравилось.

# Путь наверх

Так случилось, что после этой первой встречи я в своем профессиональном качестве практически не встречался с Брежневым добрых полтора десятка лет. Видел его, конечно, на приемах, особенно после 1960 года, когда Леонид Ильич стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В этой должности он, разумеется, принимал у послов верительные грамоты, награждал космонавтов в Большом Кремлевском дворце. Но лично ко мне все это не имело отношения, поскольку моими «клиентами» были Хрущев, Микоян, Косыгин и, конечно же, Громыко, мой министр.

Даже после октября 1964 года, когда Брежнев был избран первым секретарем ЦК КПСС, какой-то ощутимой, заметной роли в международных делах страны он по-прежнему не играл. Нам тогда казалось, что в новом коллективном руководстве, значение которого постоянно подчеркивалось, Леонид Ильич занимается в основном партийными делами. А если кому и было персонально поручено выступать на международной арене как представителю Советского государства, то это — Косыгину. Так думали и за рубежом, причем не один год.

На единоличную первую роль в видимом спектре политической жизни страны Брежнев выдвигался постепенно. В 60-е годы участились контакты и встречи с партийными руководителями социалистических стран. Регулярными стали и совещания на высшем уровне Политического консультативного комитета государств — членов Варшавского договора. Были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Монголией, Болгарией, Венгрией, Чехословакией, Румынией. Этот процесс, конечно, возглавлял партийный аппарат, во главе которого стоял именно Брежнев. Каждое подобное событие квалифицировалось в советской печати как историческое. И таким образом подхваченное нашей пропагандой имя Брежнева начинало приобретать международное звучание.

Думаю, что определенным рубежом во внешнеполитической деятельности Брежнева стало появление в его секретариате в 1961 году многоопытного профессионального дипломата А. М. Александрова-Агентова, который до этого работал у А. А. Громыко, в частности был его спичрайтером, выражаясь современным языком. Полагаю, что Андрей Михайлович, будучи человеком крайне амбициозным и честолюбивым, последовательно и целеустремленно «прививал вкус» своему

патрону к международным делам. Главным помощником Генерального секретаря по вопросам внешней политики он оставался до последних дней жизни Брежнева и ушел со своего поста лишь по воле Горбачева.

Итак, возвышался Брежнев медленно. Даже, я бы сказал, исподволь. Помню, в конце 60-х обратил внимание на то, что его стали выделять среди других членов Политбюро. Как-то, просматривая «Правду», я прочитал подвальную статью, посвященную боевым действиям на Малой Земле во время Отечественной войны. Особенно выделялись заслуги политработника Л. И. Брежнева. В условиях, когда наша пропаганда продолжала подчеркивать роль коллективного руководства, меня такое возвеличивание «полковника Брежнева» несколько удивило. И я подумал: неужели опять?..

По какому-то служебному делу я в тот день позвонил своему давнему приятелю Е. М. Самотейкину, перешедшему из нашего министерства на работу в ЦК референтом Брежнева. В ходе разговора я упомянул о статье в «Правде». Евгений сказал, что статью еще не читал, но Брежневу такое выделение его персоны вряд ли понравится. Но я теперь думаю, что именно с этого рядового факта и началось превращение Брежнева в единоличного, «выдающегося руководителя партии и государства».

Однако решающим рубежом в его восхождении стал, пожалуй, 1971 год. А точнее — XXIV съезд КПСС, состоявшийся в марте — апреле того года. Съезд, на котором с отчетным докладом выступил Леонид Ильич, уделил большое внимание внешней политике и принял широковещательную Программу мира. И сразу советская пропаганда связала ее с именем Брежнева. В этот же период наши послы за границей, общаясь с иностранными руководителями, начали, по подсказке из Москвы, говорить им, что теперь, мол, все послания и другие обращения следует адресовать не Косыгину, а Брежневу. Что и стали делать зарубежные лидеры. Например, письмо американского президента от 5 августа 1971 года было адресовано уже лично Л. И. Брежневу. В том же году Леонид Ильич совершил свой первый официальный визит на Запад — во Францию.

Так, за каких-то шесть лет, Брежнев достиг вершины власти. Усилиями аппарата был «вылеплен» образ очередного «великого вождя» великой державы. В этом качестве он и предстал перед всем миром. Но на характер и привычки Леонида Ильича бремя власти повлияло не сразу. И в роли первого лица государства он долго оставался, по мнению многих, «нормальным мужиком».

# Секретный визит Киссинджера

Брежнев, оставаясь более десяти лет главным партийцем, «по должности» вел официальные переговоры только с руководителями братских социалистических стран, такими же, как он, партийными лидерами. Высоких гостей из других государств он принимал лишь «для беседы» исключительно на тему общей оценки ситуации в мире и межгосударственных отношениях. В специально издаваемых для зарубежных гостей программках, помимо расписанного по минутам плана их пребывания в нашей стране, от прилета до отлета, включавшего, например, такие пункты, как «отдых» или «частный завтрак в резиденции», содержалась загадочная запись: «резервное время». Это время и было отведено для встречи с Брежневым. Туманная формулировка вовсе не означала, что он может по какой-то причине не принять гостя. Обижать никого не хотели, и Брежнев всегда принимал высоких гостей именно в «резервное время». А запись сделали, скорее всего, из-за давней приверженности нашего руководства ко всякой таинственности.

Тайной была окутана и поездка в Москву помощника президента США по национальной безопасности Генри Киссинджера в апреле 1972 года. Но в данном случае инициатором выступил президент США Р. Никсон. Он не доверял своему Госдепартаменту, считая, что в его стенах, как воду в сите, никаких тайн не удержишь.

Уже была достигнута договоренность о визите Никсона в Советский Союз. В плане более конкретной подготовки к нему Киссинджеру предстояло обсудить с советским руководством ситуацию во Вьетнаме, где продолжались ожесточенные военные действия с участием американских войск, а также решить ряд других проблем, в том числе связанных с устранением еще остающихся разногласий относительно договора о противоракетной обороне и соглашения об ограничении стратегических вооружений.

У Брежнева к тому времени не было опыта такого рода серьезных переговоров. Поэтому Леонид Ильич при встрече с Киссинджером чувствовал себя поначалу не в своей тарелке, но потом обрел уверенность. В правительственном особняке на Ленинских горах, где происходила эта встреча, присутствовал и министр иностранных дел Громыко.

Брежнев тогда был в хорошей физической форме, к тому же наша позиция по всем вопросам, вынесенным на эти переговоры, была разработана и утверждена на Политбюро, так что он быстро

освоился и со знанием дела вел беседу. Переговоры длились более чем по четыре часа в день. Леонид Ильич дословно не придерживался текста, лежащего перед ним, свободно парировал аргументы Киссинджера. Мне было легко переводить, несмотря на сложность вопросов, потому что я имел возможность заранее подготовиться, вникнуть в суть дела. Диалог был напряженным и продолжался все три дня пребывания Киссинджера в Москве.

Об этой встрече до последнего дня почти никто не знал. Даже посол США в Москве Джекоб Бим.

Перед отъездом Киссинджер все же сказал Громыко, что хотел бы встретиться с американским послом, но наедине и ни в коем случае не в помещении посольства США, где его, конечно, увидят многочисленные сотрудники. Договорились, что посла доставят в тот же особняк, в котором Киссинджер вел переговоры.

Завязалась почти детективная история. Г. М. Корниенко, заведующий отделом США МИДа, позвонил американскому послу и сказал, что хотел бы с ним срочно увидеться с глазу на глаз, добавив, что лично встретит его возле центрального входа мидовской высотки на Смоленской площади. Джекоб Бим хорошо знал Корниенко и вопросов по телефону задавать ему не стал. Через несколько минут он подъехал на своем посольском лимузине к условленному месту. Корниенко пригласил посла пересесть в мидовскую «Волгу», и они отправились на Ленинские горы. Посол был крайне озадачен всем этим. Когда они с Корниенко приехали в особняк, Брежнева там уже не было. В одной из комнат Громыко и Киссинджер завершали работу над текстом короткого сообщения для печати о посещении Москвы помощником президента США по национальной безопасности. Сообщение должно было быть обнародовано на следующий день после отъезда высокого гостя.

Джекоба Бима попросили подождать в соседней комнате. Когда в тексте сообщения была поставлена последняя точка, Громыко распорядился пригласить посла.

Джекоб Бим — высокий, слегка сутулый, с серебром в шевелюре, типичный дипломат классической школы — привык, казалось бы, к любым сюрпризам. Но здесь даже у него брови поползли вверх. Подойдя к улыбающемуся Киссинджеру, он все же нашел в себе силы пошутить:

— Зная о вашей любви к скрытности, я, наверное, должен был бы догадаться, что встречу именно вас.

Киссинджер действительно был известен склонностью к проведению подобных тайных встреч. Таким же образом встречался он с представителями Вьетнама, а в 1971 году осуществил секретную поездку в Пекин для подготовки

официального визита в Китай американского президента Р. Никсона.

Этот приезд Киссинджера в Москву тоже явился предтечей исторического события — первого официального визита президента США в Советский Союз, который состоялся в мае 1972 года.

# Никсон в Кремле

Первый официальный визит американского президента в СССР начался 22 мая 1972 года в четыре часа дня по московскому времени. Именно в этот момент в аэропорту Внуково-2 приземлился президентский «боинг». У трапа самолета Ричарда Никсона встречали Подгорный и Косыгин, некоторые наши министры, причастные к предстоящим переговорам на высшем уровне, сотрудники посольства США, а также малочисленная группа «представителей трудящихся». Так было определено сценарием встречи, утвержденным Политбюро с учетом сложных политических условий, в которых проходил этот визит. Ведь США в то время не только продолжали воевать во Вьетнаме, но и активизировали там свои военные действия. Американцы бомбили территорию Северного Вьетнама, вели наземные боевые операции. И это не могло не отразиться на атмосфере встречи.

Высокого гостя приветствовал в аэропорту почетный караул из представителей трех родов войск, на ветру развевались государственные флаги СССР и США. Словом, весь протокольный церемониал был соблюден. Строй почетного караула вместе с Никсоном обошел Подгорный, а по окончании церемонии Подгорный, Косыгин и Никсон сели в одну машину, и длинный кортеж направился в Кремль.

Ленинский проспект и другие улицы, ведущие в сторону Кремля, были украшены советскими и американскими флагами. Не было, правда, только «восторженных» толп москвичей, которых при встречах представителей дружественных государств обычно собирали по разнарядке. Более того, даже случайных прохожих к краям тротуаров не подпускали. Это все оговорили заранее.

Никсона поселили в Кремле, в апартаментах по соседству с Оружейной палатой. Там же, в отдельном крыле, разместили его ближайших помощников, включая Киссинджера. Над зданием впервые в его истории развевался государственный флаг Соединенных Штатов Америки. Подгорный и Косыгин откланялись, напомнив гостю, что вечером, после того как Никсон отдохнет от утомительного перелета, они с ним вновь встретятся — на официальном банкете в Кремле.

Едва президент ушел, как рядом со мной появился помощник Брежнева, Александров. Он попросил меня немедленно догнать Никсона и сообщить ему о том, что Брежнев готов встретиться с ним с глазу на глаз до начала банкета, при этом я должен подчеркнуть, что Генсек будет на встрече один, за исключением,

разумеется, переводчика, а Никсон, если пожелает, может взять с собой своего переводчика.

Я настиг Никсона буквально перед самой дверью его покоев и передал предложение Брежнева. Президент был несколько удивлен, поскольку о такой встрече услышал впервые, но вместе с тем явно обрадовался и без малейших колебаний согласился, добавив, что придет без переводчика, так как полностью доверяет мне.

Где-то в начале восьмого Никсон спустился на первый этаж, где я его уже ждал. Узнав от меня, что встреча пройдет в кремлевском кабинете Брежнева, президент поинтересовался, далеко ли нам ехать: его машина стояла наготове у входа. Я объяснил, что до кремлевского кабинета спокойным шагом можно дойти минут за десять. Никсон сказал, что он с удовольствием бы прошелся пешком по Кремлю. И мы направились в сторону здания Совета Министров на Ивановской площади. Шли вдвоем, а на некотором расстоянии впереди и позади следовали американские сотрудники охраны и наши ребята из «девятки».

Вечер был ясный. После грибного дождика, который встретил Никсона в аэропорту, погода наладилась. Майская яркая зелень радовала глаз.

Но вот мы и у цели. Лифт поднял нас на второй этаж, и мы оказались возле кабинета, который когда-то занимал Сталин, а позднее Хрущев. В приемной, ее называли предбанником, уже находился Александров. Он распахнул дверь. Никсон, а за ним и я вошли в кабинет. Навстречу, широко улыбаясь, шел Брежнев. Лидеры тепло поприветствовали друг друга. Брежнев предложил гостю сесть напротив него. Официант принес чай и печенье. Беседа началась.

***Р. Никсон, В. М. Суходрев, Л. И. Брежнев***

***Москва, 1972 год***

Леонид Ильич выразил удовлетворение в связи с первым в истории официальным визитом президента США в СССР, а затем напомнил Никсону, что они с ним уже однажды мимолетно встречались, а именно в 1959 году, летом, когда он, Брежнев, вместе с Хрущевым и другими советскими руководителями присутствовал на открытии Национальной выставки США в Сокольниках. Брежнев, слегка заискивая, как мне показалось, напомнил также Никсону о том, что на выставке была сделана фотография, которая потом обошла все газеты мира. На ней запечатлены Никсон и Хрущев во время своего знаменитого «кухонного спора». «Так вот, я тоже есть там, справа от вас, но вы, может быть, этого уже не помните?..» — спросил Брежнев. Никсон с улыбкой ответил, что конечно же помнит. Не сомневаюсь, что помощники показали ему перед отлетом эту фотографию тринадцатилетней давности. Думаю, тогда, на выставке, стоя рядом, ни Брежнев, ни Ричард Никсон и не помышляли, что когда-нибудь встретятся в Кремле в качестве руководителей двух государств.

Переходя к деловой части беседы, Брежнев объяснил президенту, сколь нелегко было советскому руководству принять решение о приглашении его, Никсона, в СССР в условиях эскалации США военных действий во Вьетнаме. Но ради высших интересов Советского государства, ради нормализации и улучшения советско-американских отношений советское руководство пошло на то, чтобы эта встреча состоялась. В ходе беседы Брежнев в общих чертах затрагивал и другие вопросы, которые, по его мнению, предстояло обсудить в течение визита. Говорил он довольно долго. Никсон время от времени отвечал ему, также не вдаваясь в подробности.

В целом же создавалось впечатление, что оба лидера хорошо понимают друг друга, так сказать работают на одной волне. В какой-то момент Брежнев начал говорить о своем желании установить особые личные отношения с президентом США, которые, завязавшись в эти дни, затем укреплялись бы в ходе последующих встреч, а в промежутках между ними поддерживались бы перепиской. Никсон ответил в том же ключе и напомнил об особых отношениях, сложившихся между Сталиным и Рузвельтом во время войны. Он отметил, что они благодаря своим личным взаимоотношениям могли находить решения спорных вопросов даже тогда, когда это не удавалось бюрократам. Здесь Брежнев и Никсон обменялись фразами, которые в том или ином варианте любят произносить высшие государственные руководители: нельзя мол, доверять важнейшие вопросы бюрократам, потому что те способны похоронить любое важное дело, утопить его в потоке бумаг. Многие высокопоставленные лица, с которыми мне довелось работать, при случае не упускали возможности сделать саркастические выпады в сторону чиновничества.

Беседа продолжалась. Брежнев сказал о том, что, когда он еще только начинал свою политическую деятельность, один очень известный представитель старой гвардии большевиков как-то в разговоре с ним подчеркнул важность установления именно доверительных личных отношений с людьми.

«Я навсегда запомнил этот мудрый совет», — заметил Брежнев.

Никсон в своих мемуарах вспоминает об этой беседе и конкретно о высказывании Генсека относительно совета, когда-то данного ему представителем старой гвардии большевиков. И задается вопросом: кто же это был? Уж не Сталин ли?

Признаться, эти слова Брежнева и меня заинтересовали. Ответ я вскоре получил из уст самого Леонида Ильича, но об этом чуть ниже.

Беседа лидеров затягивалась. По времени уже должен был начаться банкет. Но Брежнев не смотрел на часы и продолжал разговор. Потом сказал, что они, видимо, заработали свой ужин, и предложил президенту отправиться в Грановитую палату. Никсон ответил, что он только заедет за женой и тотчас присоединится к Брежневу на банкете.

# Кому — банкет, кому — «дежурные» сосиски

У меня сразу возникла проблема. Ведь первую беседу лидеров на высшем уровне надо было обязательно зафиксировать на бумаге, чтобы с ней могли ознакомиться члены советского руководства, прежде всего Косыгин и Подгорный.

Брежнев, проводив Никсона до двери кабинета, сказал мне, что надо как можно быстрее сделать запись их беседы. Я ответил, что готов, так как текст речи, которую на банкете от советской стороны должен, согласно протоколу, произносить Подгорный, подготовлен и переведен на английский и его сможет зачитать мой коллега, наверняка уже находящийся в Грановитой палате. Брежнев охотно с этим согласился. Александров вызвал машину, и я отправился в здание ЦК на Старой площади, где стенографистки уже ждали меня.

Я, конечно, слегка подосадовал на то, что мне не доведется отведать того, чем будут потчевать американского президента в Грановитой палате, однако дело есть дело, и оно, как известно, превыше всего. Пришлось довольствоваться «дежурными» цековскими сосисками.

Едва я приступил к диктовке, как в кабинете, где я устроился, зазвонила «вертушка». В трубке раздался голос посла Добрынина. Он сказал, что помощник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер пребывает в состоянии, близком к шоковому: произошла длительная беседа между двумя высшими руководителями, а он, Киссинджер, ничего о ее содержании не знает, а между тем Никсон в связи с беседой наверняка набросает ему массу поручений. Короче говоря, Киссинджер просит дать ему наш вариант записи беседы, разумеется, переведенный на английский язык. Я ответил Добрынину, что могу это сделать только с разрешения самого Брежнева. Через несколько минут раздался еще один звонок. На сей раз от Александрова, который находился на банкете. Он сказал мне, что посоветовался с Брежневым и тот согласен передать текст записи беседы Киссинджеру, но сначала его должен просмотреть он, Александров. На том и порешили.

Когда, по моим расчетам, банкет должен был закончиться, запись беседы была уже готова. Вскоре появился Александров и быстро ее прочитал. Замечаний у него не возникло, и я получил добро на то, чтобы отправиться в резиденцию и там продиктовать перевод.

Было уже за полночь, когда я добрался до Кремля и предстал перед Киссинджером. Он обрадовался моему появлению и тотчас отвел меня в одну из комнат, где за пишущей машинкой сидела его личная секретарша Джули Пино — красивая молодая блондинка. Я сел рядом с ней и стал диктовать перевод записи беседы. Минут через двадцать дверь открылась — на пороге появился Киссинджер. Он был уже без галстука. Поглядел на нас и сказал Джули, что запись беседы должна быть у него к восьми утра. А затем, обращаясь ко мне, в присущей ему шутливой манере спросил:

— А я вообще могу оставить двух таких молодых людей наедине ночью?

Я ответил в том же духе:

— Учитывая, что запись должна лежать на вашем столе в восемь утра, безусловно, можете — ни на что другое у нас просто не останется времени…

При этом я обратил его внимание на цифру, стоящую в правом верхнем углу последней страницы моего русского текста. Это была цифра 15.

Работу мы завершили часам к трем. Я, как всегда (и как было положено), подписал готовый документ: «Записал В. Суходрев». А утром — опять напряженная работа переводчика во время встреч, бесед, переговоров. И так все дни и ночи, пока длился визит Никсона.

На следующий день посол Добрынин поведал мне, что когда мою запись читал Никсон, то выражал полное одобрение и приговаривал: «Да, да… именно так я сказал Брежневу…»

И сегодня где-то в американских архивах хранится эта теперь уже историческая запись беседы руководителей США и СССР.

# Переговоры начались

Четырехдневные переговоры начались во вторник, в 11 часов утра, с пленарного заседания в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Делегации были представлены в полном составе. Напротив Никсона за длинным столом сидел Брежнев, а рядом с ним, с двух сторон, — Подгорный и Косыгин. Присутствовали также Громыко и государственный секретарь США Уильям Роджерс.

Брежнев, начав переговоры, вновь сказал о том, насколько трудно было советскому руководству согласиться на встречу, учитывая ситуацию во Вьетнаме. Эти слова к месту и не к месту звучали рефреном еще много раз.

Действительно, тему войны во Вьетнаме нельзя было обойти, но все же с нашей стороны превыше всего было желание наладить отношения с Америкой. Так что Вьетнам иногда упоминался просто для того, чтобы «отметиться» и потом отрапортовать вьетнамцам и другим нашим союзникам о твердой и непримиримой позиции советского руководства в этом вопросе.

Стороны определили примерную повестку дня. В частности, было условлено, что после обеденного перерыва темой обсуждения станет проблема ограничения стратегических вооружений. К тому времени уже существовала твердая договоренность о том, что два документа, касающиеся данной проблемы, будут подписаны в дни визита Никсона в Москву. Но эти документы до конца не подготовили — советская и американская делегации работали над текстами в Хельсинки, им предстояло разрешить еще несколько конкретных вопросов, по которым не было достигнуто согласия. Не буду вдаваться в сложные детали проблем ОСВ и ПРО, об этом много написано, да и вообще в некоторых из них способны разобраться только специалисты. Скажу лишь, что окончательное соглашение было достигнуто в самый последний момент, чуть ли не в день церемонии подписания двух документов. Наши и американцы продолжали дорабатывать тексты даже в самолете, летящем из Хельсинки в Москву.

***Встреча Л. И. Брежнева и Р. Никсона***

***Москва, Кремль, 1972 год***

***Р. Никсон, В. М. Суходрев, Н. В. Подгорный, Л. И. Брежнев после подписания Договора по ПРО***

***Москва, Кремль, 1972 год***

Сложнейшие переговоры по ограничению вооружений вел лично Брежнев, причем один, без Громыко, проявляя при этом повышенную работоспособность. Переговоры шли плодотворно, в хорошем темпе — с четырех до шести, а затем, после небольшого перерыва, с семи до десяти часов вечера. Отдельные детали уже ночью дорабатывали Киссинджер с Громыко. Столь же активно Брежнев работал на протяжении всего визита Никсона. Только один раунд проходил без его участия — это была дискуссия по торгово-экономическим вопросам, которую с нашей стороны вел Косыгин.

Помимо документов, касающихся ограничения стратегических вооружений, подписывались и другие соглашения — об охране окружающей среды, о здравоохранении, сотрудничестве в области космических программ, предотвращении инцидентов в открытом море и в воздухе. Все это, несомненно, содействовало улучшению взаимоотношений двух сверхдержав.

# Добрый ужин и ссору скрасит…

В среду по программе предстоял вечерний отдых за городом. Утром и после обеда в тот день состоялись два официальных раунда переговоров, а также был подписан очередной совместный документ. По присказке Брежнева, все участники «заработали свой ужин». И тут вдруг Леонид Ильич предложил высокому гостю отправиться за город раньше остальных, чтобы успеть прогуляться на свежем воздухе.

Среди сотрудников служб безопасности обеих сторон началась легкая паника, так как отъезд первоначально планировался на более позднее время. Надо было срочно подготовить машины, «расчистить» трассу и так далее. «Победителями» здесь оказались хозяева, то есть наша «девятка». В рекордно короткий срок к подъезду Большого Кремлевского дворца были поданы автомашины, переданы команды во все нужные точки маршрута, и лидеры тронулись в путь.

И Никсон, и Киссинджер в своих мемуарах потом писали об этой поездке, как о чем-то для них неожиданном. Действительно, так оно и было. Киссинджер вспоминает, что он буквально в последний момент вскочил в какую-то из советских машин, а другие сотрудники американской делегации, обязанные участвовать в загородных мероприятиях, вынуждены были приехать позже. У меня никаких проблем не возникло, поскольку я ни на минуту не отходил от Брежнева и уехал вместе с ним и Никсоном.

Эта встреча происходила в Новом Огареве, на правительственной даче. В то время там никто не жил, но, как и другие подобные точки, она находилась в постоянной «боевой» готовности — в любой момент обслуживающий персонал мог принять гостей.

Мы быстро домчались до места. Сразу же за нами прибыли Косыгин и Подгорный, а затем и другие участники встречи. Брежнев предложил прогуляться, и мы медленно пошли в сторону Москвы-реки. К Никсону пристроились Косыгин с Подгорным, им переводил мой коллега Андрей Вавилов. Брежнев же несколько поотстал, я шел рядом. Вдруг он обратился ко мне:

— Витя, ты много раз участвовал в таких встречах. Как, по-твоему, прошла моя первая беседа с Никсоном? Я думаю, он оценил мое откровение?..

Я едва сдержал улыбку: получилось прямо-таки по-библейски — откровение Леонида! Разумеется, он имел в виду откровенность. Ответил предельно серьезно и значительно:

— Я уверен, что ваша беседа прошла очень хорошо и явилась достойным началом визита американского президента в нашу страну.

Брежнев просиял так, будто ему орден вручили.

И тут он вдруг вспомнил о «представителе старой гвардии большевиков», о котором рассказывал Никсону, том самом, что дал совет устанавливать доверительные личные отношения с людьми:

— Знаешь, Витя, я не хотел Никсону говорить, но это был Вячеслав Михайлович Молотов…

Спускаемся к реке. Бросив взгляд на идущих впереди Никсона, Подгорного и Косыгина, Леонид Ильич продолжил:

— Знаешь, Витя, ну и коллеги у меня! Пригласили человека в гости, так хоть улыбайтесь, проявляйте гостеприимство, как всегда бывало на Руси. Так нет же, идут с каменными лицами. Ну да ладно, пойдем к ним.

Брежнев ускорил шаг. Поравнявшись с президентом, предложил ему совершить прогулку на катере.

Как всегда, в хозяйстве «девятки» все было готово: у причала я увидел несколько катеров, среди которых один выделялся ослепительной белизной, да и размерами он был побольше остальных. Брежнев жестом пригласил гостя к этому катеру. Я заметил, что Подгорный стал отставать. Мы вышли из тени деревьев и ощутили на себе теплые лучи заходящего майского солнца. Подгорный надел на голову темно-серую соломенную шляпу, и я, обгоняя его в этот момент, услышал, как он тихо, почти шепотом, пробормотал:

— Ну и пусть едут, а я не поеду…

Остановился и побрел обратно, в сторону дачи. Было видно, что все эти развлечения ему порядком надоели.

Брежнев и Никсон забрались в белый катер, я присоединился к ним, и мы помчались по реке. За нами, на других катерах, отправились Киссинджер, Косыгин, мой коллега Вавилов и остальные.

Прогулка длилась минут сорок.

Потом Брежнев показывал Никсону дачу, очень похожую на все правительственные дачи в Подмосковье: одинаковая казенная мебель, ковры, бильярд, кинозал, спальни, кабинет, столовая на втором этаже… Все это я много раз видел.

Перед ужином Никсону предложили провести еще один тур переговоров. Расположились за столом в большом кабинете. Брежнев объявил, что темой беседы будет Вьетнам. Он и начал этот разговор, как обычно, заглядывая в лежащую перед ним памятку, на сей раз с информацией о развитии событий во

Вьетнаме, об эскалации американской агрессии, «особенно в последнее время». За ним держал речь Косыгин и тоже высказался крайне жестко. Когда, казалось, все уже было сказано, все «происки американских империалистов» разоблачены и осуждены, слово взял Подгорный. Он не добавил ничего нового, его выступление более всего походило на зубодробительную передовицу «Правды».

Никаких конструктивных предложений о путях прекращения войны в этих выступлениях не было, но тональность их была предельно резкой, и прозвучала даже скрытая угроза: дальнейшим усилением своей агрессии американцы вынудят Северный Вьетнам призвать на помощь китайские войска. Никсон слушал, стиснув зубы, затем спокойно, но жестко отверг то, что расценил как необоснованные обвинения, а также сказал о тех конкретных усилиях, которые предпринимают США, и в частности Генри Киссинджер, в стремлении наладить конструктивные переговоры с Северным Вьетнамом. Он подчеркнул свое твердое намерение положить конец кровопролитию во Вьетнаме. Отсутствие прогресса в этом деле объяснял неуступчивостью вьетнамцев и призвал оказать воздействие на наших друзей и союзников.

Этот тяжелый разговор, едва не закончившийся ссорой, завершился без принятия каких-либо конкретных совместных решений по столь сложному вопросу.

Я почему-то почувствовал, что Брежневу все это порядком надоело, и, чтобы как-то завершить трехчасовой разговор, он сказал:

— Ну что же, время позднее, пора и на ужин.

А время действительно было позднее: часы показывали 11 вечера.

Всю напряженность и усталость как рукой сняло после слов Брежнева. Присутствующие заулыбались и дружно направились в столовую. Сели за стол, зазвучали тосты, шутки, смех, хорошо пошла русская закуска. Помню, Брежнев, повернувшись ко мне, сказал:

— Витя, выпей-ка рюмку побольше, и перевод лучше пойдет…

На этой веселой ноте и закончился тот вечер на правительственной даче. Кстати, катер на подводных крыльях, на котором катали Никсона с Брежневым, подарили американскому президенту после завершения визита.

# Арестованный город

Последующие дни также были насыщены переговорами, но их конфронтационный накал намного снизился. Особенно это стало ощутимо к вечеру пятницы, когда были подписаны Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны.

В субботу Никсон с женой отправились с однодневным визитом в Ленинград. Программа пребывания там была крайне напряженной. Посетили Пискаревское кладбище, где с большим волнением президент слушал рассказ гида о тяжелой участи ленинградцев во время блокады. Побывали в мемориальном музее. А далее последовали «галоп» по Эрмитажу и торжественный обед, данный ленинградским руководством.

***Р. Никсон делает запись в Книге Памяти Пискаревского мемориального кладбища***

***Ленинград, 1972 год***

Еще в самолете Никсон попросил меня написать для него английскими буквами какую-нибудь русскую фразу, которую он

мог бы произнести на банкете в конце своей речи. После недолгих раздумий я предложил ему воздать должное подвигу ленинградцев во время войны и сказать: «Слава героям Ленинграда!» Эту фразу он потом и произнес с английским акцентом, но все-таки по-русски. Всем присутствующим на банкете его слова пришлись по душе.

В течение дня мы исколесили весь город. Побывали даже в восстановленном Павловском дворце. Но вот какая нелепость — по маршруту нашего следования нигде не было никаких прохожих. Когда кортеж автомашин на довольно большой скорости мчался по городу, видно было, что все примыкающие к нашей трассе улицы перекрыты грузовиками. Это заметил не только я…

Однако заместитель начальника 9-го управления КГБ вовсе не испытывал неловкости по этому поводу, он с восхищением приговаривал: «Весь город арестовали!» Пустынные улицы он считал верхом порядка, чуть ли ни наградой за свое служебное рвение.

## Политика или стилистика

В воскресенье Никсон был уже в Москве. Предупредив заранее о своем намерении, он отправился в баптистскую церковь. Я с ним не поехал: мне сказали, что там будут прихожане, знающие английский. В мемуарах Никсон пишет, что он был немало удивлен, увидев на службе молодых мужчин, однако потом выяснилось: многие из прихожан побоялись в тот день прийти в церковь, которую и так-то не жаловала власть. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, в храм пришли «прихожане в штатском»… Наверное, так оно и было.

Вечером Никсону предстояло выступить в прямом эфире перед телезрителями. Дня за два до этого он попросил меня о том, чтобы русский перевод его выступления зачитывал за кадром я. Задача была не из легких: я полагал, что президент в своей речи будет оправдывать американскую политику на международной арене, в том числе и во Вьетнаме, и вообще станет говорить всякие хвалебные слова о собственной стране. А это никак не совпадало с нашей официальной линией. К тому же переводить мне придется четко и точно, с той же эмоциональной нагрузкой, с какой будет выступать сам президент. И наверняка кое-кому покажется, что я разделяю позицию Никсона. Такие уж были времена.

В общем, со своими сомнениями я обратился напрямую к Громыко. Тот дал ответ не сразу. Подумал и после паузы сказал, что, пожалуй, посоветуется с Генсеком. Через некоторое время Громыко ответил мне, что раз уж высокий гость просит, то его надо уважить. В его голосе мне послышалась интонация Леонида Ильича.

Рано утром от помощника президента по печати я получил текст телевизионного обращения Никсона к советскому народу и вместе с моими коллегами из МИДа перевел его. Однако я считал, что было бы не лишним к работе над окончательной редакцией перевода привлечь американских коллег — переводчиков Госдепартамента.

Во второй половине дня мы собрались в одной из комнат кремлевской резиденции президента и приступили к работе над окончательной редакцией русского текста. Вместе со мной с нашей стороны в этой работе участвовали — А. Вавилов и Т. Сиротина, а с американской — А. Акаловский и У. Краймер, с которыми я давно был знаком. Трудились мы продуктивно, стараясь, чтобы текст выигрышно звучал на русском языке, то есть хорошо воспринимался на слух.

Не обошлось и без курьеза. Дело в том, что в тот период американская пропагандистская служба рекомендовала радиостанции «Голос Америки», вещающей на русском языке, не употреблять в эфире словосочетание «советский народ». Лучше, дескать, говорить «люди, живущие в СССР». Намек был ясен — народы республик СССР не по собственной воле живут в составе Советского государства. Вот и Никсон в текст своего телеобращения вставил фразу: «люди, живущие в Советском Союзе». Не залезая в высокую политику, я начал убеждать американских коллег в том, что по-русски эта фраза звучит топорно, неуклюже, непривычно. Лучше уж тогда использовать сочетание «советские люди». Но американцы не соглашались. Разгорелся спор. В конце концов пришлось обратиться к одному из высоких чинов Госдепартамента, и тот разрешил вопрос в мою пользу.

Выступление в прямом эфире транслировалось из Зеленой гостиной Кремля. Я сидел в наушниках в соседнем помещении перед монитором и синхронно зачитывал перевод.

Никсон явно старался произвести хорошее впечатление на наших телезрителей. Особенно взволнованно говорил он о тяжелых испытаниях, выпавших на долю советских людей во время войны. А когда он, потрясенный впечатлением от посещения Пискаревского мемориального комплекса в Ленинграде, вспомнил знаменитый дневник школьницы Тани Савичевой и процитировал несколько фраз из него, я почувствовал, как у меня самого перехватило горло.

На следующий день перед подписанием очередного совместного документа ко мне неожиданно подошел А. Н. Шелепин — «железный Шурик», как его тогда за глаза называли, и сказал:

— Здорово ты вчера переводил Никсона! Очень точно попадал, да и речь хорошая.

Вот уж никак не ожидал такой похвалы от человека, который был известен своей жесткостью, а в качестве главного чекиста страны вызывал вполне понятный страх.

Визит близился к завершению. В понедельник, после прощальной беседы с Брежневым и приема в Большом Кремлевском дворце, президент отправился во Внуково, чтобы оттуда лететь в Киев.

Провожать поехали те же, кто и встречал Никсона — Косыгин с Подгорным.

# ЧП в аэропорту Внуково

Во Внукове — все как всегда в таких случаях: почетный караул, группа руководящих чиновников. Попрощавшись с провожающими, президент с женой поднялись на борт самолета «Ил-62». Таково правило — при перелетах внутри страны пребывания гость должен пользоваться самолетом хозяев. Правда, еще до визита Никсона американские административные службы пытались добиться того, чтобы президент от Москвы до Киева летел на собственном самолете, но наши не уступили. Как в свое время и американцы в дни визита Хрущева в США. Так что президентский самолет полетел в Киев без Никсона и должен был там его дожидаться.

Итак, все пассажиры на борту. Президент ушел в свой салон, а я расположился вместе с его помощниками в соседнем. Бортпроводницы в нашем самолете оказались моими хорошими знакомыми по прежним полетам, и я первым делом спросил у них о том, что они могут предложить гостям из напитков. Девушки радостно сообщили: они специально подготовились к полету американских гостей и помимо полного набора русских закусок и прочих яств у них есть виски и джин, не говоря уже о русской водке. Похвастались, что даже запаслись кубиками льда (в те годы на самолетах «Аэрофлота» этот продукт редко был в наличии).

Должен признаться, что во время визитов такого рода одним из самых светлых моментов для меня всегда был отъезд вместе с гостями. На этом кончались официальные переговоры с неизбежными напряжением и нервотрепкой. Впереди оставались, по сути дела, прогулки по интересным местам. С таким настроением я и присоединился к помощникам президента, с которыми уже успел наладить приятельские отношения. С ходу спросил, что бы они хотели выпить еще до взлета самолета. Кто-то из них не без ехидства сказал: «Хорошо бы виски с содовой, да со льдом. Но ведь у вас наверняка этого нет?» Я торжественно объявил, что у нас есть все… Тем временем дверь самолета закрылась, и мы услышали, как стал запускаться первый двигатель. Мы сняли пиджаки, расстегнули верхние пуговицы рубашек и приготовились к приятному недолгому полету. Заработал второй двигатель, потом третий, а вот четвертый… что-то долго не запускался, хотя остальные три продолжали жужжать.

Прошло минут десять-пятнадцать, и вдруг все смолкло. Мы переглянулись: случилось что-то необычайное. Через

иллюминаторы мы увидели, как к самолету направляется Косыгин, рядом с ним вышагивает министр гражданской авиации Б. П. Бугаев. Дверь открылась, и они вошли в самолет. Косыгин выглядел мрачнее обычного. Он спросил:

— Где Никсон?

Я проводил его в салон высокого гостя.

Никсон сидел в кресле и что-то читал. Он с некоторым удивлением посмотрел на Косыгина, тот стал объяснять, что возникли неполадки с одним из двигателей самолета. Рядом стоял министр гражданской авиации с побелевшим лицом. Косыгин, кивнув на министра, спросил:

— Господин президент, скажите, как нам поступить с министром? Может, немедленно уволить?..

Президент спокойно, даже чуть улыбнувшись, возразил:

— Ни в коем случае. Его надо похвалить за то, что его люди вовремя, на земле, заметили неисправность. Примерно такая же ситуация возникла в одну из моих поездок в Африку, и я тогда выразил благодарность экипажу.

Несколько успокоившийся министр сказал, что не запустился лишь один из четырех двигателей, самолет может долететь до Киева и на трех, но, разумеется, рисковать не следует, тем более что рядом, в каких-то пятидесяти метрах, стоит точно такой же самолет, резервный.

Все стали поспешно собираться. У бортпроводниц был растерянный вид. Перед выходом из самолета одна из них сказала мне:

— Самолет такой же, да только он не загружен провизией из спецбуфета.

Тогда я посоветовал им взять в руки все, что можно унести из приготовленных запасов.

— И лед не забудьте, — добавил я, чтобы подбодрить девушек.

Мы перешли в другой самолет. Наши замечательные бортпроводницы притащили виски, коньяк, водку, кубики льда и даже содовую. Только с закуской было похуже, но это уже не имело значения. Главное — взлетели благополучно.

С президентом летела небольшая группа журналистов, у американцев это принято. Как только мы набрали высоту, один из помощников Никсона попросил меня узнать у летчиков, какова техническая причина случившейся неполадки. При этом он отметил, что данный вопрос интересует журналистов и что летчики вольны дать любой ответ и чем формулировка будет сложнее, тем лучше, ибо журналисты тогда не смогут ее истолковать на свой лад.

С этой просьбой я и отправился к нашему экипажу. Командир ответил, что он, конечно же, может объяснить причину отказа двигателя, но коль речь идет о даче информации американцам, то на это должно быть разрешение его начальства. Он попытался связаться по радио со своим министром, но того на месте не оказалось. О том, где в это время находился министр гражданской авиации, можно было только догадываться…

Тогда я решил воспользоваться специальным телефонным аппаратом правительственной связи. Мне удалось дозвониться до помощника Брежнева. Александров ничего не знал о случившемся. Я изложил ему суть дела и, продиктовав предложенную командиром экипажа формулировку причины отказа двигателя, стал ждать ответного звонка.

Полет до Киева длился около часа, и самолет уже снижался, когда раздался звонок из Москвы. По мере снижения самолета телефонная связь ухудшалась. Сквозь гул двигателей я с большим трудом расслышал крик Александрова:

— Со-глас-ны!

Я быстро перевел формулировку на английский, и помощник Никсона по печати поспешил передать ее заждавшимся американским журналистам.

Вот и Киев. Мы пошли на посадку. А незадолго до этого Никсон пригласил меня в свой салон. Перед ним лежал текст речи, с которой он должен был выступать на предстоящем официальном банкете. Составители речи предложили ему упомянуть о Киеве как о «матери городов русских», и Никсон решил со мной посоветоваться: не вызовет ли данное упоминание смущение у киевлян? Я заверил президента в том, что такой реакции быть не должно, поскольку это выражение отражает историческую действительность.

Мы благополучно приземлились в Киеве и провели там остаток дня. На следующий день — осмотр города, возложение венка на Могилу Неизвестного Солдата и неизменный торжественный банкет.

Почему-то мне казалось, что украинская сторона произнесет свой тост на родном языке. Но не тут-то было. Когда я сказал об этом одному из местных руководителей, тот в отчаянии руками замахал:

— Что вы! Ни в коем случае! Нас же в национализме обвинят… Только на русском!

Диким все это кажется с позиций сегодняшнего дня.

На этом закончился визит президента США в Советский Союз.

# Завидовские страдания

Во время визита Никсона в СССР была достигнута договоренность об ответном визите советского лидера в США через год. И соответственно началась подготовка. Продолжались переговоры между делегациями двух стран по стратегическим вооружениям и ряду других проблем.

В 1972 году было подписано не менее десятка разных двухсторонних соглашений. Предполагалось, что в Вашингтоне в следующем году их список существенно пополнится.

Подготовка ответного визита в Соединенные Штаты вступала в свою завершающую фазу, когда 4 мая 1973 года в Москву для достижения окончательных договоренностей прибыл Генри Киссинджер.

На сей раз переговоры проходили в необычной обстановке. Брежнев решил, что удобнее всего ему встретиться с Киссинджером в Завидове — любимом месте отдыха Леонида Ильича. Там находилось огромное охотничье хозяйство, подлинный расцвет которого начался при Хрущеве, страстном охотнике. Туда на пять дней и были приглашены американцы.

При Брежневе сильно разрослась центральная усадьба Завидова. До этого все приезжающие сюда располагались в двухэтажном здании, внешне напоминающем казарму. В нем была довольно просторная столовая, на первом и втором этажах располагались однокомнатные и многокомнатные номера со всеми удобствами. В брежневские годы вплотную к зданию пристроили особняк для первого лица нашего государства. Разумеется, этот дом отличался особым комфортом — помимо жилых помещений имелись большой бассейн, гимнастический зал и баня.

Брежнев занял свой особняк, а в «казарме» разместили всех остальных советских участников переговоров: Громыко, Александрова, Добрынина, меня с моим постоянным помощником и коллегой Вавиловым, а также секретарей-машинисток и стенографисток. Напротив «казармы», в еще одном новом доме, тоже оборудованном по высшему классу, поселили Киссинджера и его команду. Поскольку на этот раз все жили практически рядом, строго зафиксированной программы работы не было. В общих чертах договорились, что встречаться будем дважды в день — до и после обеда. Поэтому на обеденный перерыв американцы уходили к себе, а мы оставались там, где и велись переговоры, то есть в «казарме». Обедали все вместе, от Генсека до секретарей-машинисток. Брежнев при этом вел себя как гостеприимный

хозяин: шутил, беседовал на разные темы, иногда по-деловому обсуждал ход переговоров. Посредине стола всегда стояли бутылки с минеральной и фруктовой водой, а также пиво. В первый же день Брежнев в начале обеда заметил:

— Если кто-то хочет выпить что-нибудь покрепче — пожалуйста. Я не буду.

***Л. И. Брежнев и Г. Киссинджер в Завидово***

***Май 1973 года***

***А. Ф. Добрынин, Л. И. Брежнев, В. М. Суходрев, Г. Киссинджер, А. А. Громыко в Завидово***

***Май 1973 года***

После такой преамбулы, понятно, никто за столом о спиртном не заикался.

Обслуживали нас официантки из спецподразделения, входившего в состав 9-го управления КГБ. Их старшая иногда «выручала» нас. Вместо кофе приносила по нашей просьбе коньяк. Все выглядело невинно: рядом с чашечкой на блюдце лежали ложка и два кусочка сахара.

Брежнев с первого же дня переговоров вел себя после дневных обедов довольно странно. Мог, например, условиться с Киссинджером о том, что переговоры будут продолжены, скажем, в половине четвертого, а потом к этому времени не появиться. Мне в таких случаях поручали сообщать американцам, что Брежнев задерживается. Задерживался Леонид Ильич иногда на час, а то и больше, а когда он наконец приходил, вид у него был явно заспанный. Сегодня, согласно многочисленным устным и письменным свидетельствам окружавших Генсека людей, в том числе и врачей, известно, что у него к тому моменту развилась неодолимая наркотическая зависимость от снотворных

лекарственных средств, и он подчас отключался в самые неподходящие для сна часы. Но тогда мы этого не знали. Киссинджера такое загадочное поведение Брежнева сильно раздражало. В своих мемуарах он даже высказал предположение, что Брежнев специально хотел вывести его из себя, чтобы заставить пойти на какие-то уступки в переговорах.

Не менее Киссинджера нервничали и Громыко с Добрыниным, да и все мы.

# На бешеных скоростях

В один из дней, после очередной послеобеденной задержки Генсека, Киссинджеру сообщили, что Брежнев готов к встрече. Американец поспешно прибыл в «казарму». Брежнев вышел к нему с помятым после сна лицом. Голосом человека с похмелья он предложил покататься на катере по водохранилищу. Киссинджер был ошарашен, но согласился.

Брежнев приказал своему адъютанту подать к подъезду машину. Тот спросил, какую именно: «мерседес» или «роллс-ройс»? Леонид Ильич потребовал «роллс-ройс». Из этого обмена репликами я понял, что часть солидной коллекции иномарок, накопленной Брежневым, находится здесь, в Завидове.

Через несколько минут сверкающий на солнце автомобиль стоял у подъезда. Брежнев сел за руль, Киссинджер — рядом, я — на заднее сиденье, и машина рванула вперед. На одном из поворотов переднее колесо «перешагнуло» через бордюр, нас тряхануло, но Брежнев скорости не сбросил. Еще минут десять такой гонки — и мы оказались на берегу обширного водохранилища.

Надо сказать, что Брежнев не очень рисковал, мчась на большой скорости по довольно узкой дороге: охотничье хозяйство было закрытой зоной и никакие случайные встречные автомашины появиться там не могли.

К причалу был пришвартован небольшой катер. За руль уверенно сел Брежнев. Рядом с собой усадил Киссинджера. Механик-водитель и я устроились на заднем сиденье.

С первых секунд плавания мне стало ясно, что этот катер — очередное чудо советской конструкторской мысли. На подводных крыльях, оснащенный мощнейшим двигателем. Брежнев вел его лихо: гнал на максимальной скорости, закладывал резкие виражи, от которых фонтаны брызг почему-то обдавали именно меня. Несколько раз, не снижая скорости, проносился сквозь заросли камыша. Словом, ощущения были не для слабонервных. Продолжалось это минут тридцать, после чего мы все-таки благополучно вернулись к причалу.

Теперь, обращаясь к прошлому и уже зная, чем был вызван тот заспанный, словно с похмелья, вид Брежнева, я понимаю, почему он так рискованно управлял сначала автомобилем, а потом катером. Ему необходима была встряска. Острые ощущения, похоже, приводили его в норму. Видимо, таким образом он избавлялся от воздействия лекарств. Во всяком случае, после возвращения с прогулки Брежнев, когда

возобновились переговоры, снова был собран и вполне владел собой.

# Идет охота…

На следующий день во время утренних переговоров Брежнев предложил Киссинджеру отправиться после обеда на охоту. Киссинджер удивленно поднял брови и ответил, что он не охотник — никогда в жизни ни одну земную тварь не убил. На это Брежнев заметил, что в таком случае можно просто поехать и понаблюдать за тем, как охотятся другие.

После обеда Киссинджер обнаружил у себя в комнате соответствующую экипировку: защитного цвета галифе, куртку полувоенного образца и сапоги. Мне кто-то из охраны одолжил спортивную куртку, а Брежнев появился в офицерских брюках, защитного цвета рубашке и ботинках на толстой подошве. У подъезда уже стояло несколько газиков.

Мы свернули на грунтовую дорогу и, проехав немного по ней, остановились. Дальше надо было идти пешком. Охрана осталась у машин, а мы тронулись в путь вчетвером: Брежнев, Киссинджер, старший егерь и я. У егеря за плечом висела винтовка с оптическим прицелом, а я нес увесистую сумку, которую вручил мне кто-то из охраны, сказав, что в ней есть все, что понадобится после охоты.

***Л. И. Брежнев, Г. Киссинджер, В. М. Суходрев в охотничьем хозяйстве Завидово***

***Май 1973 года***

Идти пришлось недолго. Вскоре показалась высокая деревянная вышка. По крутой лестнице мы забрались наверх. Там, в помещении с большим квадратным окном для стрельбы, стояли два стула, столик и скамейка.

Брежнев и Киссинджер присели на стулья у окна, а мы с егерем — на скамейку позади. Внизу я разглядел огороженную площадку для подкормки кабанов. Как я потом узнал, таких вышек здесь было довольно много. Вся охотничья «хитрость» заключалась в том, что корм, кукурузные зерна, насыпали под вышкой в определенное время, и звери привыкли выходить на жировку почти по расписанию.

Брежнев взглянул на часы и сказал:

— Прошу соблюдать тишину, минут через пять кабаны придут.

И действительно, ровно через пять минут я заметил вдали какое-то движение — будто тень мелькнула между деревьями. Это был кабан-вожак. Меня поразило, что огромное животное может так бесшумно двигаться в лесной чаще. За вожаком потянулось и все стадо. И вот уже несколько десятков кабанов жадно набросились на подкормку. Последними появились свиньи с малышами.

Интересно было наблюдать, как с десяток поросят замирали на месте, едва большая матка издавала хрюкающий рык. Мамаша осторожно приближалась к изгороди, осматривалась, затем снова подавала сигнал, и только тогда поросята срывались с места и устремлялись к своему «детскому столу» — для них в центре огородили специальную площадочку, куда малыши без труда попадали, пролезая под загородкой, а взрослые звери проникнуть не могли. Это егеря правильно сделали, потому что могучие самцы постоянно метались от одной кучки кукурузы к другой, словно в поисках чего-то лучшего, хотя корм везде был один и тот же. При этом мощные хряки агрессивно отталкивали своих менее крупных сородичей.

Брежнев приник к прицелу винтовки и стал выискивать жертву. Еще до начала охоты он объяснил нам, что в свиноматок стрелять нельзя, в малышей тем более. Нужно найти такого хряка, который еще не обзавелся семьей. Брежнев довольно быстро определил, кто есть кто в этом стаде диких кабанов, и стал целиться. Звери находились в постоянном движении. Брежнев выцелил одного из кабанов и, когда тот на миг застыл, выстрелил. Кабан упал как подкошенный. Остальные звери бросились врассыпную.

Брежнев был доволен и горд. Я же тогда подумал, что это

никакая не охота, а обыкновенное убийство. Ведь звери находились от стрелка на расстоянии десяти, максимум пятнадцати метров. У охотника — винтовка с оптическим прицелом, и единственное, что от него требовалось, — найти подходящую жертву и сразить ее наповал.

## *Обсуждение «трофея»*

## *Завидово, май 1973 года*

Когда мы спустились с вышки, подошли охранники и егеря. Начались обычные охотничьи разговоры о меткости выстрела и о том, сколько может весить этот «трофей». Брежнев же предложил Киссинджеру отправиться на другую вышку, куда минут через пятнадцать должны были прийти кабаны.

На второй вышке Брежнев вновь старательно целился. Но уже смеркалось. Видимо, это повлияло на меткость стрелка, и подранок вместе со стадом умчался прочь. Через несколько минут пришел егерь и сказал, что, судя по следам крови на земле, кабан тяжело ранен и далеко не убежит. Когда егерь ушел, получив разрешение присоединиться к погоне, Брежнев, глянув на сумку, которую я принес, предложил:

— А ну-ка посмотрим, что у нас там?

Я начал выкладывать на стол содержимое: батон белого хлеба, полбуханки черного, колбасу, сыр, огурцы, помидоры. Извлек также ножи, вилки, стаканы, скатерть и — какая без этого охота — бутылку «Столичной». Брежнев, увидев все это, весело произнес:

— Ну что, Генри, приступим? И не сиди без дела — бери нож и режь колбасу…

Я перевел. Киссинджер, не мешкая, приступил к работе. Затем Брежнев скомандовал мне:

— Открывай бутылку, разливай!

В этот момент на охотничьей вышке за столом сидели уже не государственные деятели с переводчиком, а просто-напросто мужики, так сказать охотники на привале…

# Переговоры на вышке

Стало совсем темно, я включил лампочку, которая тускло осветила наше застолье. Тут-то и выяснилось, что не ради одной охотничьей экзотики Леонид Ильич пригласил сюда Киссинджера. Начался серьезный разговор о Китае.

Дело в том, что проблема развивающихся отношений между США и Китаем была для советского руководства крайне важной и острой. Существовали большие опасения, что США могут, как тогда говорили, разыграть «китайскую карту», то есть шантажировать СССР перспективой установления особых связей с Китаем в ущерб нашим интересам. Отношения СССР и КНР в то время были осложнены до крайности.

Брежнев сразу взял быка за рога и без обиняков спросил Киссинджера:

— Как объяснить политику сближения с Китаем, которую проводит президент США? Как совместить ее с заявлениями Никсона о желании развивать и укреплять дружественные отношения с СССР?

При этом Брежнев вспомнил о заявлении, сделанном президентом в феврале 1972 года. Тогда, выступая с речью на банкете в Шанхае, Никсон, обращаясь к главе китайского правительства, сказал: «Наши два народа сегодня держат будущее всего мира в своих руках…»

Генри Киссинджер, внимательно выслушав Генсека, стал довольно пространно объяснять, что политика США относительно КНР никоим образом не направлена против интересов СССР, отношениям с которым США придают приоритетное значение. Что же касается упомянутого заявления президента Никсона, то, мол, сделано оно было на банкете, без подготовленного текста, экспромтом, да еще после хорошей дозы китайской рисовой водки маотай.

***Л. И. Брежнев и Г. Киссинджер на одной из охотничьих вышек***

***Завидово, май 1973 года***

Брежнев, казалось, был удовлетворен ответом Киссинджера, и дальнейшая беседа уже не носила политического характера. Брежнев вернулся к рассказам о своих охотничьих приключениях, шутил, Киссинджер поддерживал разговор в том же духе. Тем временем бутылка водки опустела, закуски тоже поубавилось, пора было спускаться с вышки. Вернувшиеся к этому моменту егеря сообщили, что подранка они догнали и добили. На радостях Брежнев распорядился устроить общий ужин для обеих делегаций — на сей раз с крепкими напитками.

В этот день охотились не только Брежнев и Киссинджер. Также выезжали пострелять Громыко с ближайшим помощником Киссинджера — Хельмутом Сонненфельдтом. Однако у них все прошло не столь удачно. Сонненфельдт вернулся с охоты с большим синяком под правым глазом. В отличие от своего шефа, он решил «поохотиться», но, стреляя, с непривычки не очень крепко прижал приклад винтовки к плечу и получил удар оптическим прицелом в глаз. По этому поводу, хоть и с

сочувствием, много шутили. Так что ужин прошел весело. О делах никто не вспоминал.

В какой-то момент подвыпивший Брежнев обратил внимание на наручные часы помощника Киссинджера и, прикрыв ладонью собственные часы, обратился к Сонненфельдту:

— А давай махнемся?

Сонненфельдт, несколько смущенный, стал отнекиваться, но Брежнев не унимался и в конце концов уговорил — обмен состоялся. Леонид Ильич получил золотые часы американца, а тот — обычные часы советского производства… но зато от самого Брежнева.

Когда после ужина американцы удалились, Брежнев с явным удовлетворением пересказал Громыко и Добрынину свой разговор с Киссинджером об отношениях США и Китая. При этом он, обратившись ко мне, попросил меня по возможности более подробно зафиксировать его разговор с Киссинджером на бумаге. Я объяснил, что, учитывая доверительный характер беседы и обстановку, в которой она велась, специально не доставал из кармана блокнот и не делал записи, но пообещал воспроизвести содержание беседы по памяти, что вскоре и выполнил.

## Так в чьих же руках будущее?

Встреча в Завидове закончилась 8 мая. Утром следующего дня американцы откланялись и отбыли в аэропорт. А наши перед отъездом в Москву вновь собрались за столом. Брежнев и Громыко живо обсуждали прошедшие переговоры. Вдруг Леонид Ильич спросил:

— А какое сегодня число? — И, не дожидаясь ответа, воскликнул: — Так ведь День Победы! Тут уж сам Бог велел по чарке выпить…

Все с радостью поддержали.

На этой торжественно-праздничной ноте и закончилось наше пребывание в Завидове.

Леонид Ильич сам сел за руль и укатил в Москву. Кстати, никто в тот день не уехал без охотничьих трофеев, каждый вез домой по куску отменной кабанины и по нескольку рыбин, выловленных в водохранилище.

Надо сказать, что в своих мемуарах Киссинджер, вспоминая об охоте в Завидове, водку заменил на пиво. Много лет спустя при встрече я сказал ему об этом, на что он, явно смутившись, ответил: «В противном случае меня бы в Америке не поняли». Зато я понял. Для рядового американца бутылка водки на троих — это просто невероятно!

Завершая рассказ об этом не совсем обычном визите, не могу еще раз не вспомнить слова Никсона, которые он сказал китайскому руководителю в Шанхае: «Наши два народа сегодня держат будущее всего мира в своих руках…» Дело в том, что почти через два года после этого, в декабре 1973-го, президент Америки утверждал уже нечто иное. В беседе с послом Добрыниным он заявил, что будущее мира — в руках народов США и СССР.

# На часах вашингтонское время

После майского визита Киссинджера подготовка к ответному визиту Брежнева пошла полным ходом. Программа была расписана по часам на все восемь дней пребывания в США. Надо отметить, что она разительно отличалась от программы, составленной в свое время для Хрущева. Тогда наш лидер посетил семь американских городов. Брежнев же не стремился куда-либо выезжать из Вашингтона. В дни визита в США он побывал лишь в загородной резиденции американских президентов, Кемп-Дэвиде, да в личном доме Никсона в городке Сан-Клементе, совершив полет в Калифорнию.

Брежнев при обсуждении программы визита с Киссинджером сказал: во всем, что касается его пребывания в Америке, он целиком полагается на Никсона. Потом добавил:

— Я также полагаюсь на его совет в том, что касается моих встреч с массами…

Данная фраза была характерна для нашего тогдашнего руководителя. И сразу скажу, что до «встреч с массами» во время этого визита дело не дошло.

16 июня 1973 года, в субботу, мы вылетели из Москвы двумя самолетами «Ил-62». Сделали посадку для дозаправки на канадском острове Ньюфаундленд, в аэропорту Гандер, где Брежнева встретили наш посол в Оттаве и представители канадского правительства. Высокий советский гость пребывал в отличном настроении. Увидев в зале для особо почетных гостей установленный нашими связистами телефон прямой связи, выразил желание немедленно им воспользоваться. Позвонив домой, Брежнев громко и радостно сообщил супруге, что купается в объятиях канадского гостеприимства. Затем он связался с Косыгиным и еще с кем-то из коллег в Москве и всякий раз повторял: «купаюсь в объятиях канадского гостеприимства».

Через час полет был продолжен, и еще часа через четыре мы приземлились на военно-воздушной базе Эндрюс под Вашингтоном. Согласно протоколу, Брежнева встречали государственный секретарь Роджерс, ответственные сотрудники Госдепартамента, а также советского посольства во главе с Добрыниным. Здесь же, на летном поле, находилось несколько военно-транспортных вертолетов, на которых Брежнев и сопровождающие его лица сразу же отправились в загородную резиденцию президента — Кемп-Дэвид. Там наша делегация должна была провести остаток субботнего дня и все воскресенье, приспосабливаясь к многочасовой разнице во времени.

Кемп-Дэвид — огромное поместье в штате Мэриленд, расположенное среди лесов и холмов. Вся его территория надежно защищена двумя линиями проволочного ограждения. Охраняется резиденция силами морской пехоты США. По замыслу — это что-то вроде нашего Завидова.

Тишина, покой, дома для гостей. У каждого дома свое название — дерева или кустарника. Например, президентский — «Осина». Брежнева поселили в доме, именуемом «Кизил». Громыко досталась «Береза», а Добрынину и Корниенко — «Дуб».

Внешне дома намного проще и скромнее советских правительственных дач-особняков. Все они в один этаж, обшиты деревом, выкрашены в темно-зеленый цвет, прекрасно сочетающийся с окружающей зеленью. К каждому из них — асфальтированная дорожка. В отдельном доме — столовая для гостей. Для совещаний и кинопросмотров — также отдельный дом. Если снаружи все эти здания выглядели довольно скромно, то внутренний интерьер впечатлял: удобная красивая мебель, светильники, по последнему слову американской техники оборудованы кухня и ванная комната. Холодильник на кухне был наполнен различными напитками и легкими закусками в виде орешков и чипсов. Отмечу, что все прохладительные напитки были производства компании «Пепси-кола». Тогдашний президент этой корпорации Дональд Кендалл был давним другом Никсона и к тому же являлся сторонником Республиканской партии, в отличие, скажем, от главы компании «Кока-кола», который благоволил Демократической партии. А Никсон, как известно, был республиканцем.

По территории резиденции на автомашинах разъезжать не принято. Рядом со всеми домиками были припаркованы маленькие двухместные электромобили, на которых обычно ездят по обширным гольфовым ПОЛЯМ. Каждый вечер дежурные моряки подзаряжали аккумуляторные батареи этих машинок. Кроме того, там же, у домиков, стояли велосипеды. Любой гость выбирал себе транспортное средство по вкусу и ехал, куда ему надо. Он мог оставить велосипед в том или ином месте и пойти пешком или пересесть в электромобиль.

В этой спокойной комфортной обстановке Леонид Ильич провел остаток уик-энда. К временной разнице он привыкал тяжело. В течение всего визита носил на руке часы, показывающие московское время, а в кармане у него лежали еще одни — переведенные на вашингтонское, но он постоянно забывал, какие из них какое время показывают.

# В Белом доме

Официальный визит начался лишь утром в понедельник. Церемония встречи транслировалась по нашему телевидению.

Вечером президент устроил торжественный обед в Белом доме. Как всегда, американцы пришли в смокингах и с галстуками-бабочками, а наши — в темных деловых костюмах с обычными галстуками. После банкета состоялся концерт. Выступал очень популярный в США ансамбль, который исполнял песенные номера из известных американских мюзиклов.

***Торжественная встреча советского руководителя на лужайке перед Белым домом. На трибуне Л. И. Брежнев и Р. Никсон***

***Вашингтон, июнь 1973 года***

***П. Никсон, Р. Никсон, В. М. Суходрев, Л. И. Брежнев в Белом доме***

***Вашингтон, июнь 1973 года***

***Без переводчика?***

***Л. И. Брежнев и Р. Никсон на балконе Белого дома***

***Вашингтон, июнь 1973 года***

После концерта Брежнев поднялся на сцену и поблагодарил каждого участника, уделив особое внимание хорошеньким участницам, а затем сказал всем несколько теплых слов. Когда я сделал движение взять у него микрофон для перевода, он разыграл смешную сценку: будто я хочу отобрать микрофон,

чтобы лишить его слова, а он не поддается. Американцам очень понравилось. Они вообще такое любят… Но пожалуй, это был единственный случай, когда американцы видели перед собой веселого, общительного Брежнева. В отличие от Хрущева, у него не было встреч с простыми людьми, с «массами», как он их называл. Не было и пресс-конференций: он их не любил, а вернее, побаивался. Мгновенная реакция, способность отвечать с ходу на любые, даже каверзные, вопросы журналистов — качества, столь присущие Хрущеву, — не были свойственны Брежневу.

# Кемп-Дэвид: приятное и полезное

После двух дней, проведенных за столом переговоров в Вашингтоне, Брежнев и Никсон вновь отправились в Кемп-Дэвид. Летели вертолетом. Было уже довольно поздно. Брежнев изрядно подустал. Никсон это почувствовал и обратился к сидящему в дальнем конце салона военному:

— Майор, долго ли нам еще лететь? Мой гость устал — ускорьте полет.

Офицер, выслушав президента, представился и уточнил свое звание — подполковник. Затем объяснил, что погода ухудшилась и вертолет совершает маневр, чтобы обойти неблагоприятный погодный фронт, потому полет несколько затягивается. Никсон в ответ что-то буркнул и вновь потребовал ускорить полет. Когда офицер удалился, Никсон, пытаясь разрядить обстановку, пошутил:

— Если этот подполковник не доставит нас через десять минут на место, то станет-таки майором…

По давней традиции каждому гостю, оставшемуся хотя бы на одну ночь в Кемп-Дэвиде, дарят легкую куртку-ветровку темно-синего, «военно-морского», цвета. На ее правой стороне надпись — «Camp David», под ней красуется изображение печати президента США. А на левой стороне куртки, подаренной Брежневу, было, кроме того, вышито — «Leonid Brezhnev». Генсеку эта куртка очень понравилась. Он сразу же ее надел и не расставался с ней все два дня, проведенные в резиденции. С особым удовольствием Леонид Ильич щеголял в ней перед большой группой теле- и фотожурналистов, которых на короткое время впустили на территорию резиденции. Он выпячивал грудь, показывал рукой на вышитую надпись и приговаривал:

— Вот — Леонид Брежнев!

***Л. И. Брежнев и Р. Никсон в загородной резиденции президента США***

***Кемп-Дэвид, июнь 1973 года***

Эти два дня мы провели, можно сказать, по-дачному, без всякой программы. Никсон и Брежнев подолгу беседовали вдвоем на самые разные темы. Ночью я записывал их беседы.

В своей «Осине» Никсон устроил неофициальный обед для узкого круга присутствующих в Кемп-Дэвиде деятелей. Гости собрались на открытой террасе перед входом в дом, всем предложили аперитив. Я попросил принести для Брежнева виски с содовой. Он взял бокал, пригубил и начал ворчать:

— Ну что это они… подают выпивку без закуски. Если пригласили пообедать, так надо к столу… там и выпьем.

Я стал объяснять ему, что таков, мол, обычай у американцев: надо обязательно что-то выпить до обеда.

— Ну, раз такой обычай, тогда ладно, — неохотно согласился Леонид Ильич.

Стоявший рядом Добрынин, услышав наш диалог, шепнул

мне:

— Правильно, Виктор. А то ведь ему больше никто этого не скажет.

И действительно, от Громыко, например, советов такого рода сроду не поступало.

Брежнев почти никогда не брал жену в поездки. Считал, что ни к чему «ездить в Тулу со своим самоваром». Причем ни от кого из сопровождающих не пытался этого скрывать.

***На открытой террасе резиденции.***

***Справа налево: Р. Никсон, Л. И. Брежнев, Г. Киссинджер, В. М. Суходрев***

***Кемп-Дэвид, июнь 1973 года***

На второй день после прибытия в резиденцию Брежнев отрядил адъютанта в аэропорт за одной из стюардесс своего самолета. Та прибыла и провела два дня в «Кизиле». Когда

Никсон в очередной раз зашел к Брежневу, тот представил ему молодую женщину. Уходя, Никсон промолвил с мягкой улыбкой: «Берегите его…»

# Прибавление в коллекции

В эти же дни Брежнев получил от Никсона в Кемп-Дэвиде вожделенный подарок. Леонид Ильич издавна любил автомобили. Поэтому в те годы, при подготовке его визитов за границу или визитов высоких зарубежных гостей в Москву, наша сторона постоянно намекала иностранной на то, что лучшим подарком Брежневу была бы хорошая машина известной фирмы. Так у Генсека образовалась неплохая коллекция, которая включала такие иномарки, как «роллс-ройс» из Англии, «мерседес» из Германии, «ситроен» из Франции… Разумеется, подобные намеки делались лишь представителям стран с развитым автомобилестроением, в том числе американцам.

Однако правительству США бюджетные средства на такие подарки не выделяются. Наши настаивали: ведь дорогой подарок — знак высокого уважения. Прижатые к стене американцы обратились за помощью к бизнесменам. И вот после очередного раунда переговоров два лидера вышли на улицу. Там, на асфальтированной площадке перед домом, стоял новенький темно-голубой «линкольн-континенталь». Никсон вынул из кармана пиджака ключи и протянул их Брежневу, тот все понял и расплылся в широкой улыбке.

Они подошли к машине. Брежнев уверенно сел за руль, Никсон — рядом. Только я успел заскочить на заднее сиденье, как Брежнев по-хозяйски завел машину и, к ужасу всей охраны, рванул с места. Минут десять он гонял «линкольн» по узким дорожкам, по которым с такой скоростью никто никогда не ездил. На одном из поворотов нас даже занесло, но, слава богу, все обошлось…

## *«Линкольн» в подарок*

### *Кемп-Дэвид, июнь 1973 года*

Когда, сделав круг, мы вернулись, Никсон с некоторой дрожью в голосе воскликнул:

— Да вы отличный водитель!

У этой истории было продолжение. Спустя несколько месяцев, уже в Москве, Брежнев позвонил мне домой:

— Витя, помнишь, нам машину американцы подарили? Так вот, я хочу разобраться в запчастях к ней. Мне тут каталог принесли. Ты не можешь ко мне подъехать и помочь в нем разобраться?

Я приехал в Кремль и вижу такую картину: сидит Брежнев и сосредоточенно листает толстенный том — каталог запчастей к лимузину. Сердце мое сжалось: откуда я мог знать, какая деталь понадобится в будущем для ремонта этого автомобиля. Я знал только то, что машина классная и ей до ремонта еще очень далеко. Решил убедить Брежнева, что лучше пока отложить каталог, а уж когда понадобится, тогда и воспользоваться им.

Он недоверчиво взглянул на меня:

— Нет, Витя, давай за работу, выписывай запчасти.

Делать нечего, я засучил рукава и взялся за эту идиотскую писанину. Сижу, выписываю как бог на душу положит. Тут звонит телефон, и я становлюсь невольным свидетелем разговора Брежнева с А. П. Кириленко. Чтобы не брать трубку в руки, Генсек нажимает кнопку громкой связи. Кириленко говорит, что хотел бы съездить в отпуск. Леонид Ильич спрашивает его:

— А зачем?

Тот отвечает, что, мол, надо здоровье поправить. Брежнев ему добродушно говорит:

— Ну ладно, поезжай. Да, кстати, тут Косыгин предлагает провести пленум по вопросам пьянства. Не знаю, не думаю, что это сейчас своевременно.

Кириленко, тогда второй человек в партии, немедленно соглашается:

— Да нет, не надо. У нас пили, пьют и будут пить.

Поговорив с Кириленко, Генсек покачал головой и как-то отрешенно произнес:

— Да-а, ну и коллеги у меня: кто в отпуск, кто еще куда-а… А ты сиди один, дядя Леня, и мудохайся…

# Дом Мира

После пребывания в Кемп-Дэвиде мы вернулись на два дня в Вашингтон. Состоялся ответный обед в нашем посольстве и подписание заранее согласованных двухсторонних документов. А 22 июня на президентском «боинге» Никсон с Брежневым отбыли в Калифорнию. Лететь предстояло несколько часов. Никсон предложил Брежневу воспользоваться президентской спальней на борту самолета, и тот, не скрывая радости, отправился спать. Никсон остался в салоне-гостиной.

Полет проходил над Гранд-Каньоном, одним из естественных чудес Нового Света. Когда мы подлетали к нему, Никсон сказал мне, что хотел бы показать Брежневу эту нерукотворную красоту природы. Я, разумеется, обратился к старшему адъютанту Брежнева, генералу Александру Рябенко, и тот нехотя пошел будить Генсека. Через некоторое время Брежнев присоединился к президенту в его салоне.

Пилоты специально снизили высоту полета и даже слегка накренили самолет на одно крыло, чтобы высокопоставленному гостю было удобнее смотреть в иллюминатор. Особых восторгов Брежнев не выказал и заметил лишь, что видел этот каньон в американских фильмах-вестернах, которые он очень любит, с их ковбоями, стрельбой и драками. Он даже вспомнил какой-то фильм, просмотренный им незадолго до визита, и, к моему удивлению, назвал имя Чака Коннорса, актера, исполнившего в нем роль главного героя. При этом Брежнев даже изобразил, как тот стреляет сразу из двух кольтов от бедра.

Мы приземлились на военной базе и уже оттуда вертолетом взяли курс на калифорнийскую резиденцию Никсона в Сан-Клементе. Дом Никсона назывался «Каса Пасифика», что с испанского можно перевести как «Дом Мира». Об этом не без гордости сообщил президент своему гостю.

Брежнев неплохо отдохнул в самолете и чувствовал себя довольно бодро. Погода стояла замечательная. Сразу же за территорией резиденции начинался спуск к океану, со стороны которого постоянно доносился мерный шум прибоя.

И этот президентский дом выглядел куда скромнее наших правительственных громад. Построен на испанский манер: четырехугольный, с внутренним двориком, усаженным цветами и низким кустарником.

Брежнева поселили в спальне одной из дочерей Никсона, спальню второй дочери заняли старшие адъютанты Генсека — Рябенко и Владимир Медведев. Мне выделили домик садовника.

Его дверь открывалась в единственную комнатку, где стояли кровать, туалетный столик с зеркалом и узкий шкаф для одежды. К своей радости, в комнате я обнаружил телефонный аппарат прямой связи с Москвой. По такому же Брежнев разговаривал с Москвой из Канады. Эти аппараты устанавливались на всем пути нашего следования. Из любого места Брежнев мог связаться со столицей. И не только он, но и сопровождающие его лица. На таком порядке мы настояли заранее, потому что годом раньше, во время визита Никсона в СССР, по просьбе американцев подобные телефоны были установлены у нас.

В честь своего гостя Никсон устроил большой прием на лужайке, посреди которой располагался красивый бассейн. Среди приглашенных был будущий президент США Рональд Рейган. Присутствовали также местные политические деятели и бизнесмены. Но сильнее всего притягивала к себе взгляды довольно многочисленная группа кинозвезд из Голливуда. Каждый участник приема проходил мимо президента и его высокого гостя, приветствуя их и обмениваясь с ними короткими репликами. Переводил Брежневу мой коллега Вавилов. А я тем временем отводил душу, общаясь с моим любимым певцом Фрэнком Синатрой, с которым познакомился еще в 1959-м, в Голливуде, в дни визита Хрущева в США.

***На приеме в калифорнийской резиденции***

*Сан-Клементе, июнь 1973 года*

*С любимым певцом Ф. Синатрой*

*Сан-Клементе, июнь 1973 года*

Об этом приеме на лужайке вспоминают в своих мемуарах и Никсон, и Киссинджер. Первый пишет, что список гостей напоминал справочник «Кто есть кто в Голливуде». Киссинджер, напротив, утверждает, что многие из голливудских звезд, которым были разосланы приглашения, не пришли на прием из-за разгоревшегося вокруг Никсона скандала, связанного с Уотергейтом. Со своей стороны скажу, что на этом приеме кинозвезд было все-таки немало, и я с удовольствием с ними беседовал.

## Ужин втроем

Вечером того же дня Никсон пригласил Брежнева на ужин. И здесь я должен поспорить как с Киссинджером, так и с нашим тогдашним послом Добрыниным, которые в своих мемуарах отмечают, что на этом ужине присутствовали министры иностранных дел и сами авторы. Истины ради я утверждаю, что память их подвела. На том ужине было всего лишь трое: Никсон, Брежнев и, в силу необходимости, я.

Ужин проходил в небольшой столовой президентского дома. Поскольку Брежнев приехал в Америку без жены, то и супруга Никсона, Патриция, хотя и прилетела в Калифорнию, на ужине не присутствовала.

Когда сели за стол, накрытый на троих, по тарелкам уже была разложена легкая закуска из даров моря — креветок, кусочков различных рыб, а также зелени. Открылась дверь, и вошел официант-филиппинец, услугами которого пользовался Никсон. Он принес запотевшую бутылку «Столичной» и налил каждому в рюмку водки. Никсон не преминул заметить, что он специально припас эту бутылку для своего гостя.

Брежнев поднял рюмку, произнес короткий тост и залпом, по-русски, выпил. Никсон поначалу сделал маленький глоток, по-американски, но, увидев, как поступил Брежнев, последовал его примеру.

После перемены блюд снова появился филиппинец, теперь уже с бутылкой сухого вина. Разлил, вышел. Брежнев взглянул на вино, затем повернулся ко мне и спросил: не могу ли я попросить Никсона вернуть официанта с той «Столичной»? Никсон в свою очередь обратился ко мне:

— Виктор, вон там, у двери, кнопка. Нажми ее, пожалуйста.

Я нажал, и официант мигом вернулся с вопросительной миной на лице. Никсон попросил снова подать водки. Филиппинец принес «нашу» початую бутылку, наполнил рюмки и собрался было опять унести ее. Тогда Брежнев сказал по-русски, мол, оставь ее на столе, а уж мы с ней сами разберемся. Я быстро перевел, чтобы официант не успел скрыться за дверью. Одним словом, эту бутылку «Столичной» к концу ужина мы «усидели».

Разговор шел свободный: о семьях, о детях и внуках, взаимно желали друг другу здоровья и долголетия, выражали надежду на развитие теплых, дружественных отношений между нашими странами.

Брежнев неожиданно стал жаловаться, как нелегко ему по некоторым вопросам, в частности разоружения и улучшения

отношений с США, находить общий язык со своими коллегами в руководстве, особенно с Подгорным и Косыгиным.

Нельзя сказать, чтобы к финалу ужина Брежнев был пьян, но алкоголь на него, несомненно, подействовал.

Но вот мы наконец поднялись из-за стола и вышли во внутренний дворик. Президент вызвался проводить гостя до спальни. Тут появилась Патриция Никсон и сказала, что она специально не вышла к ужину, понимая, что без нее у нас лучше пойдет чисто мужской разговор. Чета Никсон проводила Леонида Ильича до его комнаты, выразив надежду, что ему будет удобно, и пожелав спокойной ночи.

# Кольты для Генсека

На следующий день были запланированы две встречи с президентом, а также запись телевизионного обращения Брежнева к американскому народу.

В назначенное время я появился во внутреннем дворике Дома Мира. Пришли и Громыко с Добрыниным. Я рассказал им о беседе за ужином и высказал соображение о том, что запись этой беседы, особенно той ее части, где речь шла об отношении Брежнева к коллегам, наверное, делать не стоит. Громыко криво усмехнулся и ответил, что, видимо, я прав. Его поддержал и Добрынин.

Как только отдохнувший Брежнев вышел во двор, там же появился и Никсон. И тут, как по команде, в ворота вошел крепкий, жилистый мужчина в джинсах и ковбойке. В нем я сразу узнал Чака Коннорса, того самого, упомянутого Брежневым в полете над Гранд-Каньоном, актера, сыгравшего главную роль в понравившемся нашему лидеру вестерне. Леонид Ильич тотчас встрепенулся и буквально кинулся ему навстречу с улыбкой. Коннорс, конечно, тоже выразил радость и протянул Генсеку два кольта, сказав, что именно с этим оружием снимался в картине, которую, как ему передали, видел Брежнев. Правда, добавил он, эти кольты стреляют только холостыми патронами. Брежнев радовался как ребенок, хотя все же не преминул спросить:

— А где же кобуры?

Этот вопрос я при переводе постарался смягчить и окутать туманом…

# В разных режимах

У Брежнева с Никсоном состоялась деловая беседа в домашнем кабинете президента, а затем Генсек отправился в так называемый Западный Белый дом, состоящий из комплекса сборных домиков, возведенного на свободной площадке после того, как Никсон стал главой государства. Там размещались все необходимые службы президента в дни его пребывания в Калифорнии. Там же Брежнев записал свое телеобращение. В одном или двух местах, читая текст, он оговорился, и пришлось эти отрывки зачитывать перед камерой повторно.

На семь часов вечера запланировали еще одну встречу, она должна была завершить переговоры двух лидеров. Но тут Брежнева окончательно сломила разница во времени, и он поручил передать Никсону, что просит перенести встречу на более поздний час. Передать эту просьбу президенту должен был Киссинджер, а к нему, соответственно, направили Добрынина. Как мы потом узнали от нашего посла, Никсон остался весьма недоволен, но деваться ему было некуда.

Таким образом, у меня образовалось свободное время. И очень удачно — американская охрана первых лиц США из «Сикрет-сервис» пригласила своих советских коллег в один из ресторанов городка Сан-Клементе, чтобы поужинать, а заодно послушать известного американского киноактера-комика Реда Скелтона. Тот слыл великолепным пародистом и шутником.

Брежнев спал, и я предложил Саше Рябенко съездить хоть на часок в ресторан, где гуляла охрана. Он согласился. Медведев остался, а мы поехали. Побыли там около часа, но, к сожалению, так и не дождались появления знаменитого актера.

Вернулись в резиденцию. Брежнев вышел из спальни после десяти вечера, и мы отправились в кабинет президента. Теперь уже Никсон выглядел усталым. Обычно он довольно рано ложился спать, и Брежнев явно выбил его из режима.

Заключительная беседа оказалась сложной — обсуждали положение на Ближнем Востоке. Брежнев безуспешно пытался убедить Никсона выработать единую линию поведения в отношении вопросов урегулирования проблем между Израилем и его арабскими соседями. Никсон на это не шел. Брежнев настаивал. Наконец Генсек оставил свои попытки уговорить президента и выразил большое разочарование. Помню, он даже бросил реплику, что в таком случае «уедет из Америки с пустыми руками». Впрочем, довольно быстро успокоился.

Было уже часа два ночи. Никсон, казалось, был еле живой от

усталости. Но гость не собирался его покидать. Вдруг Брежнев, обращаясь в основном ко мне, сказал, что хотел бы вручить привезенные с собой подарки, в том числе и для жены Никсона.

— Нельзя ли прямо сейчас их вручить?

Я увидел в глазах Громыко ужас, но он промолчал. Тогда, наклонившись к уху Генсека, я стал его убеждать в том, что этого делать не следует, потому что жена президента давно спит. Брежнев взглянул на меня и спросил:

— А разбудить?

Но я довольно твердо повторил, что это невозможно.

Брежнев внял совету и унялся, хотя, по-моему, так до конца и не понял, почему это нельзя будить среди ночи женщину для такого прекрасного дела, как получение подарка.

На следующее утро Брежнев вручил-таки подарки Никсону и его жене. Он долго, как-то по-купечески, расхваливал купон (отрез ткани) изо льна с красивой ручной вышивкой. Купон предназначался Патриции. Из него можно было сшить замечательную кофточку. Преподнес он и другие дары.

# Гуд-бай, Америка!

Перед отлетом советской делегации из Сан-Клементе состоялось подписание совместного заявления руководителей двух государств по итогам визита. Над его окончательным текстом до последней минуты работали Громыко и Киссинджер. Никаких официальных речей не предполагалось. С лужайки у дома Никсона, где проходила церемония подписания документа, шла прямая телевизионная трансляция, в том числе и на Москву. Никсон сказал буквально несколько фраз. У Брежнева заготовленного текста не было, но вдруг, совершенно неожиданно, он стал произносить самую настоящую речь. Вместе с переводом его выступление заняло с полчаса. Он тепло отозвался о состоявшемся визите, говорил о хороших перспективах, открывающихся перед двумя великими странами. Заканчивая свое выступление, повернулся ко мне и спросил:

***Прощание с Сан-Клементе.***

***Справа налево: Р. Никсон, В. М. Суходрев, Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, А. Ф. Добрынин***

***Июнь 1973 года***

— А как будет по-английски «до свидания»?
Я тихо, но четко ответил:
— Гуд-бай!

***Встреча с американскими астронавтами: П. Вейтц, В. М. Суходрев, Л. И. Брежнев, Дж. Кервин, Ч. Конрад, Р. Никсон***

***Сан-Клементе, июнь 1973 года***

***Сувениры на память***

***Сан-Клементе, июнь 1973 года***

***Дружеские объятия: Л. И. Брежнев и Чак Коннорс***

***Сан-Клементе, июнь 1973 года***

И он сразу вслед за мной громко повторил:

— Гуд-бай!

Чуткие микрофоны уловили его вопрос и мой ответ. Многие мои друзья до сих пор вспоминают этот эпизод со смехом.

Затем Никсон пригласил Брежнева в электромобиль, подобный кемп-дэвидским, и мы отправились на вертолетную площадку.

Но на этом наши «приключения» не закончились. Рядом с президентским вертолетом, который должен был доставить нас на военный аэродром для перелета в Вашингтон, в белоснежной форме военно-морских сил США стояли трое американских астронавтов, буквально накануне вернувшихся из космоса. Речь Брежнева на лужайке затянулась, и астронавты, видимо, довольно долго ожидали нас. Они явно еще не отошли от внеземных перегрузок, их заметно покачивало, однако ребята бодрились, стараясь выглядеть бравыми. Их представили Брежневу. Он с каждым поздоровался за руку. Затем ему вручили на память сувениры. Вдруг Леонид Ильич заметил, что в нескольких метрах от него стоит Чак Коннорс, приехавший проводить своего высокопоставленного поклонника. И Брежнев, оставив астронавтов, с распростертыми объятиями подошел к нему, а тот, обхватив Генсека могучими ручищами, приподнял его над землей. Это, как мне потом рассказали в Москве, тоже попало в прямой эфир. Но при повторном показе данную сцену вырезали…

Брежнев пригласил Чака Коннорса в СССР, и спустя несколько месяцев тот действительно приехал. Брежнев, как мне помнится, его не принимал. Тем не менее актера у нас в стране встретили тепло, даже с помпой. Был он и гостем «Мосфильма» и прочих киношных организаций. Посол США устроил в его честь большой прием, на котором демонстрировался довольно примитивный вестерн с участием Коннорса.

Помню, жена одного из американских дипломатов на том приеме сказала мне, что она всецело за дружбу между двумя странами, но такой пышный прием оказывать посредственному актеру — это уж слишком…

# Визит под угрозой импичмента

Очередной официальный визит Никсона в СССР был запланирован на конец июня 1974 года. Президент тогда переживал тяжелые времена. Весь предыдущий год бурлили события, связанные с Уотергейтским делом, начавшимся еще в 1972-м. Это был громкий скандал, грозивший президенту импичментом. Суть его заключалась в том, что Комитет Республиканской партии по переизбранию президента пытался в период избирательной кампании 1972 года установить подслушивающую аппаратуру в штаб-квартире Демократической партии, в отеле «Уотергейт». Вскрылись и другие нарушения законности.

Собственно говоря, уже в течение всего 1973 года в Америке вовсю кипели страсти, велось разбирательство в разных инстанциях, включая слушания в одном из комитетов Конгресса, которые специально прервали лишь на время визита Брежнева.

Интересен тот факт, что в советском руководстве до последнего момента не могли поверить в возможность импичмента Никсона, иными словами, в то, что на основании конституционных норм можно отрешить от занимаемой должности законно избранного президента. Не верили, несмотря на то что сами члены тогдашнего нашего руководства без особого труда низвергли, казалось бы, прочно сидевшего в своем кресле Хрущева.

В Америке полыхал скандал, а мы деловито готовились к визиту президента США. Этому, как всегда, предшествовали подготовительные встречи Громыко с Киссинджером, ставшим в сентябре 1973 года государственным секретарем. Киссинджер приезжал в Москву, чтобы обговорить детали визита президента. Был подготовлен очередной пакет двухсторонних соглашений между СССР и США. Словом, несмотря на все, что происходило вокруг Никсона в Америке, Москва готовилась торжественно, по-дружески принять его.

Вновь, как и в предыдущий визит президента, ведение официальных переговоров специальным постановлением Политбюро ЦК КПСС поручалось группе лиц — Брежневу, Косыгину, Подгорному. В тот же список избранных попал и Громыко, который с 1973 года стал членом высшего партийного органа.

На сей раз в аэропорту Внуково-2 Никсона встречал сам Генсек. Бросалось в глаза, что президента кроме избранных лиц встречала и большая группа, так сказать, людей из народа —

рабочие, представители интеллигенции. И на улицах Москвы, в отличие от предыдущего визита, по пути следования кортежа из аэропорта стояли люди, они улыбались, размахивали флажками, приветствуя высокого гостя.

***Р. Никсон и Л. И. Брежнев за кулисами Государственного академического Большого театра***

***Москва, 1974 год***

Визит проходил слаженно. За два года, прошедших после первого приезда Никсона, Генсек еще больше укрепил свое положение в руководстве, даже внешнее его поведение говорило о том, что он — лидер.

Брежнев уверенно проводил встречи с президентом, подчас один на один, а по вопросам стратегических вооружений при поддержке Громыко. Но иногда он демонстрировал, даже как-то намеренно, что и лишнего шага не сделает без согласия товарищей. Это я наблюдал в правительственной ложе Большого театра на концерте в честь приезда Никсона. Выступал наш прославленный балет. Когда концерт закончился, Никсон предложил Брежневу пройти с ним на сцену и поблагодарить артистов за доставленное удовольствие. Брежнев с каким-то извиняющимся видом обратился к своим коллегам:

— Ну вот, понимаете, президент хочет, чтобы я с ним прошел на сцену к артистам.

Он как бы спрашивал их позволения на это. Косыгин сухо

улыбнулся и, как мне показалось, несколько снисходительно промолвил:

— Ну что ж, иди, Леонид, иди…

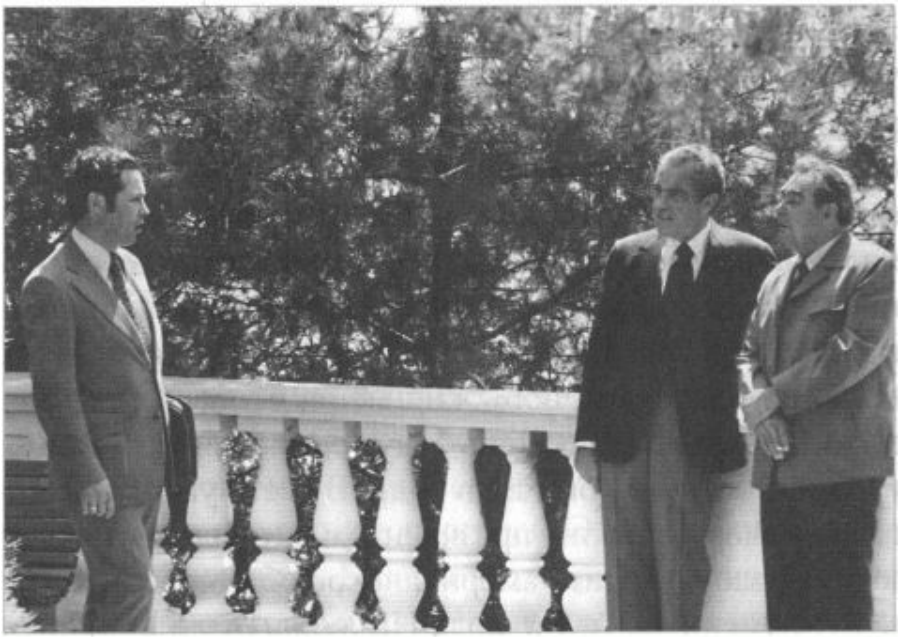
# Двое в Крыму

В программу визита была включена и поездка Никсона вместе с Брежневым в Крым. Ответ, так сказать, на гостеприимный прием Брежнева в Калифорнии годом раньше. Но кроме соблюдения принципа взаимности, чему у нас всегда придавалось особое значение, чувствовалось и желание Брежнева укрепить личные дружеские отношения с американским президентом. Придавал большое значение этим личным контактам и Никсон.

Разместились они в крымском санатории «Нижняя Ореанда», в двух расположенных по соседству друг с другом правительственных особняках. Как было намечено, два руководителя отправились по приезде прогуляться по аллеям санатория. В заранее оговоренных местах по маршруту их прогулки уже находились группы фото- и тележурналистов. Пресс-секретарь президента Рональд Зиглер настоятельно попросил меня, чтобы в те моменты, когда Никсон и Брежнев будут останавливаться возле журналистов, я не попадал в кадр. В свете угрозы, нависшей над американским президентом, его свита старалась таким образом убедить американское общественное мнение в незаменимости Ричарда Никсона, от личной дружбы которого с Брежневым якобы во многом зависели судьбы миллионов людей нашей планеты. Я так и поступал, как просил Зиглер. Правда, мне пришлось говорить громче обычного.

*На даче в Ореанде. Л. И. Брежнев и Р. Никсон отвечают на вопросы журналистов*

*Крым, 1974 год*

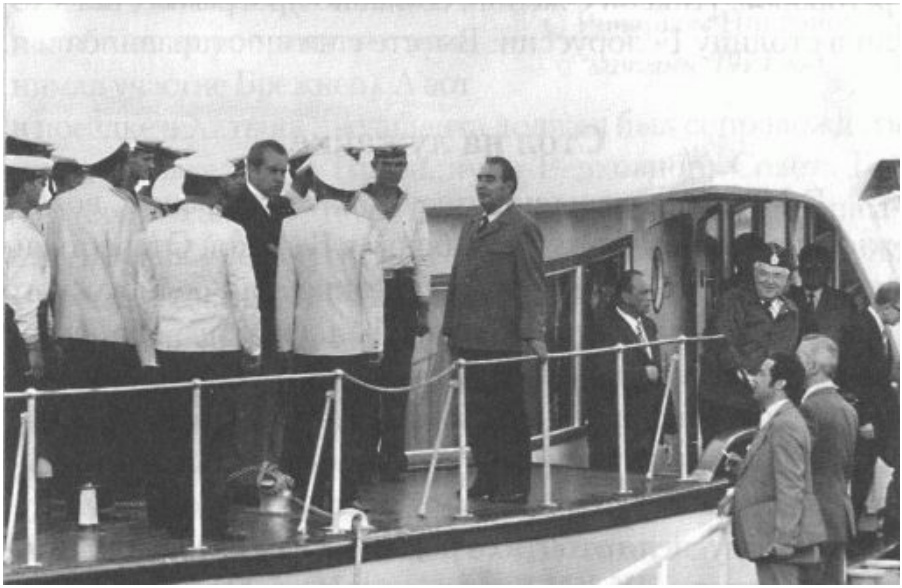


*На санаторской террасе*

*Крым, 1974 год*

***Беседы на берегу Черного моря***

***Крым, 1974 год***



***Перед морской прогулкой на катере***

***Крым, 1974 год***

На следующий день Генсек и президент несколько часов подряд вели переговоры в живописном гроте на берегу моря. Сначала они беседовали с глазу на глаз, а затем пригласили министров иностранных дел и экспертов, а также двух наших генералов. Речь шла о стратегических вооружениях. Но окончательной договоренности по этому вопросу в тот день достичь не удалось.

Усталость решили снять морской прогулкой на довольно большом катере, где предполагалось и пообедать. Плыли вдоль красивых крымских берегов. Не обошлось и без небольшого приключения: на развороте катер так качнуло, что посуда посыпалась со стола, ну и пассажиры, конечно, вздрогнули.

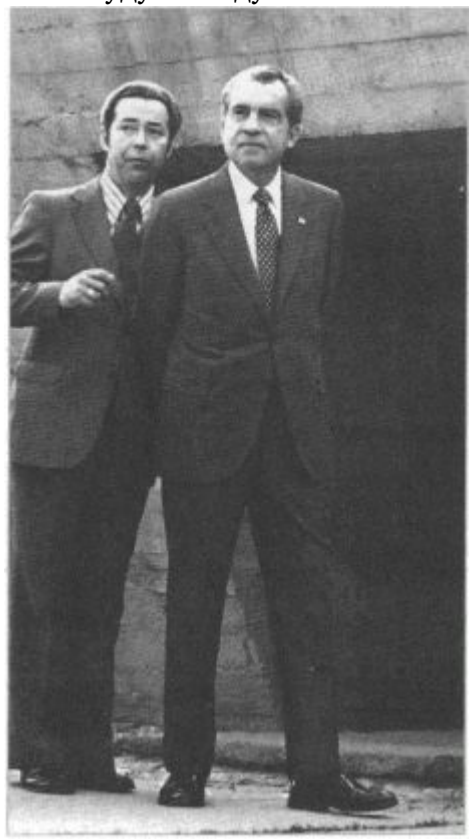
Утром мы покинули Крым. Брежнев улетел в Москву, Громыко и Киссинджер тоже — для продолжения переговоров. Никсон с женой, согласно программе, вылетели в столицу Белоруссии. Вместе с ними отправился и я.

# Стол на лужайке

В Минске президент ознакомился с городом, возложил цветы к памятнику погибшим в Великой Отечественной войне. Затем в загородной резиденции белорусского правительства в честь Никсона был дан обед. На нем он произнес проникновенную речь, в которой воздал должное подвигу белорусского народа во время войны.

После обеда президент отправился отдыхать, а мы с переводчиками Вавиловым и Акаловским пошли прогуляться. Не успели отойти от дома, как нам встретился первый секретарь ЦК КП Белоруссии Петр Миронович Машеров. Остановился возле нас и стал взволнованно говорить о речи Никсона на обеде, а потом вдруг сказал:

— А вы знаете, я, пожалуй, поеду с ним в Хатынь… Постановлением Политбюро это, правда, не предусмотрено, но я никого спрашивать не буду и поеду…



На меня его слова произвели большое впечатление.

Дело в том, что персональный состав сопровождающих высокого гостя лиц всегда четко определялся постановлением Политбюро ЦК КПСС.

Отступать от него не полагалось. Машерову, как первому секретарю, было предписано встретить Никсона и присутствовать на обеде (в Москве в подобных мероприятиях принимал участие Брежнев). А вот в поездке в Хатынь президента должен был сопровождать лишь Председатель Президиума Верховного Совета Белоруссии. Так что Петр Миронович, нарушив предписание, проявил редкую по тем временам самостоятельность. Впрочем, таким он был всегда, судя по воспоминаниям людей, хорошо его знавших.

Хатынь — это печально известная всему миру деревня, которую в 1943 году нацисты сожгли дотла вместе с ее жителями — стариками, женщинами, детьми… В 1969-м на ее месте открыли Мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс «Хатынь». Осматривая этот комплекс, президент был явно взволнован. Склонив голову, он стоял у Вечного огня, внимательно слушал рассказы ветеранов партизанского движения.

***Р. Никсон делает запись в Книге почетных посетителей Мемориального комплекса «Хатынь»***

***Хатынь, 1974 год***

На фоне густого леса, на зеленой лужайке, установили большой письменный стол с креслом, чтобы Никсон мог записать свои впечатления в Книге почетных посетителей комплекса. Президент сел и склонился над раскрытой Книгой. Вокруг него сразу же засуетились журналисты. Рядом со мной стоял один из помощников Никсона. С деланным ужасом он прошептал мне:

— Боже мой! Я представляю себе, что понапишут под этими фотографиями наши журналисты: «Никсона выгнали из Белого дома!..»

Картина действительно была необычная: посреди зеленой лужайки, за письменным столом, одиноко сидит человек и что-то пишет…

*Завершение визита президента США.*

*На переднем плане: А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Р. Никсон, Л. И. Брежнев*

*Внуково-2, 1974 год*

***Л. И. Брежнев, В. М. Суходрев, Р. Никсон в аэропорту***

***Внуково-2, 1974 год***

Вечером мы вернулись в Москву. А на следующий день, после прощальной встречи с Брежневым и официального приема в Кремле, Никсон покинул столицу. Это был его последний визит в нашу страну в качестве президента США. Вскоре Никсон ушел в отставку, чтобы не подвергнуться унизительной процедуре импичмента.

# Встреча с Фордом у Тихого океана

С уходом Никсона в отставку Белый дом возглавил вице-президент Джеральд Форд. Советско-американские переговоры по вопросам, связанным с достижением новых соглашений по стратегическим вооружениям, продолжились. Реализовалась и договоренность между Брежневым и Никсоном, достигнутая в Крыму, о проведении новой встречи на высшем уровне. Правда, на этот раз она была промежуточной, рабочей, не отмеченной официальным протоколом.

В ходе довольно частых контактов нашего посла Добрынина с новым американским президентом возникла мысль о том, чтобы провести такую встречу во Владивостоке. Тем более что у Форда на конец года была запланирована поездка в Японию. В Москве эту идею приветствовали. Встречу наметили на 23–24 ноября 1974 года.

Москву устраивало, что набранные темпы советско-американских отношений не снижались. Наши руководители надеялись и на дальнейшее плодотворное их развитие при новом президенте.

Во Владивостоке загодя полным ходом шла подготовка к встрече. Туда выехала большая группа сотрудников МИДа, Министерства обороны и, конечно, КГБ.

Брежнев вылетел во Владивосток 21 ноября. Перелет через всю страну был долгий, давала о себе знать многочасовая разница во времени между Москвой и дальневосточным побережьем нашей страны.

В пути Генсеку доложили, что, к сожалению, аэродром во Владивостоке, в связи с погодными условиями, не принимает. Там закрутила сильная метель. Военный аэродром завален снегом, хотя целая дивизия, используя новейшую технику, беспрерывно ведет расчистку посадочной полосы.

Приняли решение лететь в Хабаровск. Могу себе представить, каких усилий стоило хабаровским властям организовать прием и ночлег столь важной и многочисленной делегации, свалившейся им на головы.

Брежнева устроить было нетрудно: у городского начальства, как обычно, имелся особняк на случай приема высоких гостей. Но в данной ситуации необходимо было освободить и две главные гостиницы города, что даже в тоталитарном государстве не так уж легко сделать. Однако к нашему прибытию все приготовили.

К утру погода наладилась, и мы быстро долетели до Владивостока. Поскольку запоздали на сутки, уже не имело

смысла уезжать с военно-воздушной базы, на территории которой мы приземлились. Решили дождаться Форда, а потом уж сообща двинуться поездом к живописному участку на побережье Тихого океана, где располагались дачи, дома отдыха и пансионаты партийно-государственного и военного руководства Приморского края и где намечалось провести переговоры.

Погода была замечательная. В небе сияло ослепительное солнце, слегка морозило.

Наконец прилетел президентский «боинг». По трапу спустился Форд — высокий, стройный, всецело оправдывающий свою репутацию хорошего спортсмена. В Америке он слыл отличным пловцом и футболистом.

Неподалеку от аэродрома нас ожидал спецпоезд, пригнанный из Москвы. Дело в том, что после встречи с президентом Генсек собирался нанести официальный визит в Улан-Батор, столицу Монголии, и прибыть туда желал поездом. Этот состав решили использовать и во Владивостоке, для доставки советских и американских представителей к месту ведения переговоров.

Как только подъехали к составу, Брежнев предложил Форду встретиться в его салон-вагоне и начать диалог. В пути были не больше часа, но за это время успели познакомиться и кое-что обсудить. Разговор шел под чай, коньяк и легкую закуску. Обговорили примерный круг вопросов.

Форд, судя по всему, усиленно готовился к встрече, но, конечно, во всех тонкостях и деталях, связанных со стратегическими вооружениями, разобраться не успел. В связи с чем ведущую роль в разрешении этого главнейшего вопроса играл Киссинджер, который по просьбе Форда остался на посту госсекретаря и после ухода в отставку Никсона.

С нашей стороны переговоры довольно энергично вел сам Генсек, а когда это было необходимо, ему помогал Громыко. Заседали по много часов, допоздна. Ведь обсуждались конкретные параметры, уровни различных видов стратегических вооружений, имеющихся у обеих сторон. Когда американской команде надо было провести внутреннее совещание, переговоры прерывались. Но и наша сторона несколько раз просила объявить перерыв, для того чтобы обсудить компромиссные решения. Брежнев с Громыко и другими своими старшими советниками удалялись в отдельное помещение, при надобности звонили в Москву, согласовывая по телефону те или иные нюансы.

Даже не вникая в детали переговоров, было видно, что дело идет нелегко. Брежневу явно не все так просто давалось. Напряжение нарастало. И все же к концу второго дня стороны сумели прийти к основополагающим договоренностям. Это еще

не были готовые соглашения, но можно было уже определить рамки будущего договора, над которым могли начать трудиться эксперты обеих сторон.

В то время Владивосток был закрытым городом. Иностранцев туда не пускали, что, разумеется, вызвало большое недовольство у значительной группы американских журналистов, сопровождавших президента. Делать им в том районе, где происходила встреча лидеров, по сути, было нечего. Им разрешили сделать несколько фотоснимков, снять на видеопленку момент начала переговоров — и все… Когда в конце концов журналистов все-таки провезли по улицам города, не давая даже выйти из автобусов, настроение их не улучшилось.

После завершения переговоров Брежнев предложил Форду совершить автомобильную прогулку по городу. На заднем сиденье салона расположились Брежнев, Форд и первый секретарь Приморского крайкома партии.

Уже стемнело. Длинная вереница автомобилей со всеми участниками переговоров следовала за главной машиной. Прямая и довольно узкая дорога вела с возвышенности вниз — к центру города. Трасса, конечно, была расчищена, многочисленные толпы горожан, заполнившие тротуары, приветствовали гостей. В определенный момент Форд сказал Брежневу, что он очень польщен тем, как горожане приветствуют его. А затем спросил: можно ли ему из окна машины помахать им рукой? Брежнев, естественно, ответил, что можно. А меня вопрос Форда заставил задуматься: какое же представление имеют даже самые высокопоставленные деятели зарубежья о порядках, царящих в нашей стране, если задают подобные вопросы?

Еще на подъезде к центру города (только там наш длинный кортеж мог развернуться, чтобы проследовать в обратном направлении) Брежнев начал жаловаться на усталость. Сказал, что зря затеяли эту поездку, надо было сразу ехать к поезду. Он спросил: нельзя ли развернуться? Секретарь крайкома, явно волнуясь, стал объяснять, что, поскольку дорога слишком узкая, это можно сделать лишь доехав до памятника, установленного в районе морского порта. Там, на круге, мы потом и развернулись. Брежнев окончательно сник, видно было, что ему не по себе. Сидящий впереди старший адъютант Генсека дал команду ускорить движение, и мы помчались к вокзалу.

# От Владивостока до Улан-Батора

Еще до начала автомобильной прогулки Брежнев предложил Форду вновь встретиться в его салон-вагоне для прощальной беседы, пока поезд будет идти к аэродрому. Президент, конечно, согласился. По прибытии на вокзал Форд прошел в свой вагон, Брежнев поднялся в свой и проследовал в спальное купе. Я остался в салоне, где, судя по всему, должна была состояться их прощальная беседа.

Поезд тронулся. Я заметил, что к Брежневу прошел начальник Четвертого Главного управления при Минздраве СССР Е. И. Чазов. Поезд уже давно был на ходу, но никакой команды насчет встречи с Фордом не поступало. Я прошел по коридору мимо спального купе Генсека и увидел такую картину: на постели лежал Брежнев с закрытыми глазами, рядом сидел Чазов. Я не стал задерживаться и вернулся в салон.

Некоторые авторы в своих воспоминаниях утверждают, что именно в тот момент у Генсека случился чуть ли не инсульт. Я об этом доподлинно не знаю и рассказываю лишь о том, что видел. Когда поезд прибыл на военно-воздушную базу, Брежнев появился и проводил Форда до самолета. Выглядел Генсек весьма утомленным, но тем не менее нормально разговаривал с президентом, извинился за то, что не смог с ним, по причине собственной усталости, встретиться в поезде.

В дни визита Форд выходил на улицу в роскошной меховой куртке, которая очень понравилась Брежневу. Перед началом одной из встреч Леонид Ильич даже погладил ее рукой и спросил, какой это мех. Форд ответил, что на куртку пошло три вида меха: волк, ласка и бобер. Брежнев, выражая свое восхищение, даже причмокнул губами. И вот, улетая, Форд, перед тем как подняться по трапу в самолет, снял с себя свою замечательную куртку и протянул ее Брежневу.

— Пусть она напоминает вам о нашей встрече, — сказал президент.

Брежнев расплылся в улыбке и принял подарок.

Этот эпизод был подробно описан в американской прессе. И Форд подвергся серьезной критике со стороны влиятельных защитников дикой природы за то, что вообще позволил себе приобрести такую куртку.

Специальный железнодорожный состав, как я уже говорил, должен был доставить Брежнева в Монголию. Но сразу после отлета президента Форда нам сообщили, что планы изменились: Брежнев, а вместе с ним и все мы, сопровождающие, проведем

ночь на территории военно-воздушной базы, в поезде, а на следующий день вылетим на «Ил-62» в Иркутск. Оттуда Генсек со своей командой полетит в Улан-Батор на самолетах «Ту-134», поскольку взлетно-посадочная полоса тамошнего аэропорта громоздкий «Ил-62» принять не может. Все остальные продолжат полет в Москву.

В поезде меня разыскал Александров и сообщил, что срочно нужна запись последней беседы Генсека с президентом. Я объяснил, что сделать запись еще не успел. При этом предложил такой выход: если меня возьмут в Улан-Батор, то там я быстро ее подготовлю. Моя идея Андрею Михайловичу понравилась, и он немедленно отдал соответствующее распоряжение. Так я оказался в столице Монголии.

Визит Брежнева в Монголию прошел успешно. Леонид Ильич провел переговоры, присутствовал на приеме, устроенном в его честь, а также высидел многочасовой концерт мастеров искусств. Выглядел он вполне здоровым.

## Увядание…

В 1974 году Брежнев в основном был в приемлемой физической форме — об этом говорят его полеты на Дальний Восток и в Монголию. Короткое недомогание, которое он испытал в конце визита Форда, я тогда расценил как результат чрезмерной усталости. Но уже в следующем году у Брежнева начался процесс явного увядания. Это становилось все более заметным не только тем, кто постоянно общался с ним, но и всем, кто видел его на экранах телевизоров. У него ощутимо ухудшилась речь. Его выступления все труднее было слушать. Он стал реже появляться на людях, хотя наши пропагандисты по-прежнему вещали, что Генсек полон сил и с присущей ему неутомимой энергией руководит партией и государством.

И все же, когда здоровье позволяло, Брежнев встречался с иностранными гостями. Иногда выезжал за рубеж или в республики нашей страны, выступал с речами. Для него составлялись щадящие программы, не требующие посещения мест, где надо было много передвигаться. Постепенно изменился характер его бесед с гостями. Теперь для этих бесед ему компоновали «разговорники» из недлинных фраз и легкопроизносимых слов по соответствующей теме. Печатались они на специальных пишущих машинках с крупным, так называемым ораторским, шрифтом. Генсек зачитывал напечатанное от первой до последней строки, и беседа, таким образом, превращалась в его монолог. Собеседник пытался отвечать ему, но, поскольку способность слушать у Брежнева убывала, он мог концентрировать свое внимание лишь на короткое время, а потом почти не воспринимал обращенные к нему слова. Взгляд его затухал, и казалось, Брежнев считает, что беседа закончилась вместе с последней фразой из «разговорника». Все остальное его уже не интересовало. Если он встречался, скажем, с американскими сенаторами, то в беседах с ними все чаще обращался за помощью к Громыко. Обычно Леонид Ильич говорил:

— Ну, Андрей, включайся.

И Андрей Андреевич поддерживал диалог, а Генсек в лучшем случае подавал короткие реплики.

Обычно в августе Брежнев уезжал на отдых в Крым. В этот период туда один за другим по вызову из Москвы наведывались руководители соцстран. Их визиты широко освещались в печати. Лидеры приезжали дня на три, в один из которых они приглашались на дачу к Генсеку. Брежнев проводил с гостем

короткую беседу: зачитывал свой «разговорник». Потом садились за обеденный стол. Вся встреча занимала максимум два часа. Но в наших газетах публиковались внушительные отчеты о плодотворных переговорах.

# Собачий портрет в Грановитой палате

Расскажу об одном запомнившемся мне эпизоде, характеризующем физическое состояние Брежнева в ту пору.

В 1973 году был создан Американо-советский торгово-экономический совет. С американской стороны в него вошли видные представители большого бизнеса, руководители многих крупных корпораций США, ну а с нашей — конечно, государственные чиновники. Ежегодные собрания этой организации попеременно проходили то в Вашингтоне, то в Москве. Стало традицией в один из дней работы Совета устраивать обед от имени главы принимающего государства. В тот раз обед проходил в Грановитой палате Кремля. Сначала, на правах хозяина, встал Брежнев и зачитал подготовленный для него текст. С ответным словом выступил министр торговли США. Держали речь и другие гости, в частности глава корпорации «Пепси-кола» Дональд Кендалл.

Во время обеда гости подарили Брежневу модные в те годы электронные часы с миниатюрным калькулятором (причем настолько миниатюрным, что им было неудобно пользоваться). Тогда это была новинка. Брежнев обрадовался часам, стал нажимать на кнопки, получалось у него плохо. Затем объявили об очередном подарке. Генсеку сказали, что ему дарят охотничью собаку, но так как ее в Кремль привести нельзя, то в Грановитой палате выставили живописный портрет этой собаки, а Брежневу вручают красивый ошейник для нее. Я почувствовал, что Леонид Ильич сильно расстроился.

Между тем обед продолжался. Брежневу в то время водку пить запретили, из бутылки с наклейкой «Столичная» ему наливали обыкновенную воду. Об этой его «спецбутылке» я уже знал и понимал, что Леониду Ильичу довольно скучно за столом. Да и подарок его расстроил. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Вот дураки-то, не знают, что я не хожу на охоту с собаками. А тут зачем-то собаку привезли, какой-то ошейник подарили. И вообще я здесь есть ничего не могу.

Он действительно почти не притрагивался к еде, официанты только меняли тарелки, убирая нетронутые им блюда одно за другим. Потом он снова обратился ко мне:

— Ты знаешь, Витя, я, пожалуй, пойду. Приеду сейчас домой, там и покушаю: съем вареное яичко, две сосиски — вот и весь мой ужин…

Но обед-то был в самом разгаре, и хозяину никак нельзя было его покидать. Я начал лихорадочно соображать, чем бы занять

Генсека, чтобы отвлечь того от желания отправиться домой. Стал рассказывать, что живу в том же доме, где и он, на Кутузовском проспекте. Брежнев оживился и спросил, не в его ли подъезде. Я ответил, что в его подъезде живет только высокое начальство. Потом поинтересовался, не собирается ли он переезжать в новый дом по улице Щусева, где, как я знал, ему специально спроектировали квартиру. Леонид Ильич покачал головой и сказал, что ни за что не уедет из своей квартиры на Кутузовском, хотя домашние его и уговаривают, а вообще-то, живет он постоянно на даче, а не в городе.

Квартирная тема иссякла, и тут я вспомнил, что в МИДе, на одном этаже со мной, правда в другом управлении, работает его дочь Галина. Я сказал ему об этом. В глазах Брежнева вдруг мелькнула строгость, и он спросил:

— А она аккуратно ходит на работу? Вовремя приходит?

Я успокоил его: аккуратно, вовремя, хотя знал, что это далеко не так.

Банкет близился к завершению, и я с облегчением замечал, как список блюд, включенных в меню, постепенно исчерпывается. Но до конца обеда Брежнев все же не высидел. Когда подали сладкое, поднялся и заявил о своем уходе. Прощаясь, пожелал всем присутствующим успехов в их трудах и выразил надежду, что в будущем встретится с ними вновь.

Брежнева сильно беспокоили его болезненные трудности с речью. Не раз во время бесед в те, свои последние, годы, он, зачитав «разговорник», обращался к Громыко:

— Андрей, я, по-моему, сегодня плохо говорю…

Громыко всякий раз успокаивал его:

— Нет, нет, Леонид. Все нормально. Все хорошо… Тут ни убавить ни прибавить…

Впрочем, ухудшение речи Брежнева мою работу не усложнило. Ведь мне давали копию его «разговорника». Стало даже легче, длительность бесед намного сократилась, и когда после их завершения я приезжал в здание ЦК готовить запись, то просто отдавал листки «разговорника» машинисткам, а сам диктовал лишь высказывания иностранных собеседников.

# Портсигар с секретом

С этим же периодом связан постепенный отказ Брежнева от курения по настоятельному требованию врачей. А курил он в основном один сорт сигарет — «Новость», который специально выпускала для него табачная фабрика. Он часто пробовал и другие сорта, в том числе иностранные, но всегда возвращался к «Новости». Врачам он обещал сократить свою ежедневную норму, но не получалось. И тогда, не знаю уж по чьей инициативе, но где-то в недрах КГБ, ему специально изготовили красивый, даже элегантный, портсигар темно-зеленого цвета, вставив в его крышку таймер с замочком. Брежнев мог открыть портсигар только через определенный промежуток времени. Он обычно устанавливал таймер на 45 минут, но уже минут за тридцать до истечения этого срока пытался открыть портсигар, а поскольку у него ничего не получалось, начинал нервничать, оглядываться в поисках курильщика, у которого можно было бы стрельнуть сигарету. И все же портсигаром своим он очень гордился.

Когда врачи и вовсе запретили Брежневу курить, он подчинился. Но при этом стал заставлять охрану курить около него, чтоб ему хоть чужой табачный дым «перепадал». Иногда можно было наблюдать такую сцену: подъезжает машина, открываются дверцы и за выходящим из салона вождем выплывают клубы табачного дыма.

Порой Брежнев, во время бесед с гостями, с подобными просьбами обращался и ко мне. Он вдруг начинал беспокоиться, оборачивался к Громыко и Александрову, сидевшим обычно слева от него, и говорил, махнув на них рукой:

— Андрей, ты ведь не куришь… И ты, Андрей, тоже…

Потом обращался ко мне:

— Витя, но ты же куришь! Ты закури, пожалуйста!

Я закуривал, но, естественно, старался выпускать дым в сторону от него. Тогда Брежнев снова просил:

— Ну не так же! На меня дым!..

Картина была сюрреалистическая: на переговорах сидит во главе стола переводчик, нагло закуривает, да еще и дым пускает в лицо руководителю своей страны.

## «Разговорник» в действии

Последняя советско-американская встреча на высшем уровне, в которой участвовал Брежнев, состоялась в Вене, в июне 1979 года. К этому времени после многолетних сложных переговоров стороны наконец пришли к согласию, и был подготовлен для подписания Договор ОСВ-2. Подписать его решили в Вене.

По состоянию здоровья Брежнев уже не мог отправиться самолетом в Вашингтон, хотя по очередности визитов именно он должен был прибыть в США. Ведь до этого в Советском Союзе подряд побывали Никсон и Форд.

В день приезда в Вену Брежнева и президента США Джимми Картера глава Австрийской Республики пригласил в свою резиденцию, чтобы поприветствовать. Была запланирована очень короткая беседа чисто протокольного характера. И даже там наш Генсек несколько слов благодарности за оказанное гостеприимство сказал не от себя, а зачитал по листку бумаги с заранее подготовленным соответствующим текстом.

Вечером того же дня в Венском оперном театре в честь высоких гостей давали оперу Моцарта «Похищение из сераля». Брежнев не хотел идти в театр и еще на встрече с президентом Австрии сказал об этом Картеру. Тот стал уговаривать Брежнева прийти хотя бы на первое действие, чтобы обозначиться перед прессой. На этот раз Леонид Ильич ответил ему не по бумажке:

— Ну что ж, если господин Картер пойдет, то и товарищ Брежнев будет там.

И он действительно появился в центральной ложе вместе с Картером и президентом Австрии и даже высидел первое действие.

В течение следующих двух дней состоялось несколько раундов переговоров. По нашей инициативе, по понятной причине, все они были довольно короткими. Отдельным пунктом в программе значилась и встреча глав государств наедине, в присутствии лишь одних переводчиков. Нашей стороне она нужна была для того, чтобы продемонстрировать всему миру дееспособность Генсека, развеять слухи о его немощности.

Встреча проходила в резиденции американского президента. На ней присутствовали четыре человека: два руководителя и два переводчика. Сначала Брежнев зачитал свой «разговорник». Затем наступил черед Картера высказаться.

Оба выступления в основном носили характер общих пожеланий и надежд на дальнейшее развитие отношений. Затрагивались и некоторые конкретные темы. Было также

известно, что в ходе беседы Картер поднимет несколько вопросов, не обозначенных в нашем «разговорнике», на которые надо будет отреагировать.

На этот случай Александров дал мне с десяток листов с текстами ответов Генсека на возможные заявления или вопросы президента. Но разумеется, мы не могли знать, в какой последовательности они будут поступать от Картера. Моя задача заключалась в том, чтобы в соответствующий момент быстро найти необходимый листок и передать его Брежневу. Мы также предполагали, что Картер поставит вопросы как в широком аспекте, так и в узком. Поэтому решили: в первом случае Брежнев, отвечая, зачитает всю страницу, а во втором — примерно половину. И вот в ходе беседы Картер задает вопрос, требующий короткого ответа. Я в очередной раз быстро нахожу нужный листок и, зачеркнув лишнее, передаю его Брежневу. Тот зачитывает до зачеркнутого места и вдруг, повернувшись ко мне, довольно громко спрашивает:

— А что, вторую половину читать не надо?

Мне пришлось так же громко, чтобы он услышал, ответить:

— Не надо, Леонид Ильич…

Естественно, Картер и его переводчик все это слышали и видели. Вообще говоря, происходящее было понятно и без перевода…

# Вариации на тему протокола

Программой пребывания в Вене предусматривалось проведение двух официальных обедов с участием членов делегаций с обеих сторон. Первый обед организовали в венской резиденции посла США. С нашей стороны участниками были: сам Брежнев и три члена Политбюро, собственно говоря, члены делегации — Громыко, министр обороны Д. Ф. Устинов и секретарь Центрального комитета К. У. Черненко. Ну и соответственно с американской стороны — президент Картер, государственный секретарь Сайрус Вэнс, министр обороны Гарольд Браун и помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

К назначенному часу мы прибыли в резиденцию посла, в уже знакомое мне здание — здесь в 1961 году состоялась встреча Хрущева с Кеннеди. Гости собрались в приемном зале. Я увидел, что стол накрыт как бы в боковом приделе этого зала. Зная, что мне придется помогать Брежневу и другим членам нашей делегации, я, улучив момент, когда перевод осуществлял мой американский коллега, подошел к столу, чтобы ознакомиться с порядком рассадки участников обеда. К собственному удивлению, я не обнаружил на столе карточки со своей фамилией. Не было ее и в схеме рассадки, выставленной на боковом столике.

К тому же и стол был накрыт не совсем обычно: членам делегации предлагалось расположиться за ним по принципу «стенка на стенку», то есть по схеме ведения переговоров, когда по одну сторону стола находится одна делегация, а напротив — другая. Такая рассадка, в общем-то, возможна, если предполагается, что за накрытым столом будут, по сути дела, продолжены переговоры. Но я не сомневался: американцы знают, что во время обеда Брежнев вести переговоры не станет. Кроме того, у нас никакой памятки, кроме текста ответного тоста, заготовлено не было.

Я подошел к беседующим между собой старшему сотруднику американского протокольного отдела и заместителю заведующего протокольным отделом нашего МИДа и обратил их внимание на то, что за столом не предусмотрены места для переводчиков. Американский протокольщик стал объяснять, что, мол, у стен стоят свободные стулья и, когда участники обеда рассядутся, мне и моему американскому коллеге надо будет взять по стулу и присесть за спинами своих руководителей. Меня такая постановка вопроса возмутила, я стал протестовать и заявил американцу, что сидеть сзади не намерен. Он в свою очередь спросил:

— Но разве тогда нашему переводчику не будет трудно одному переводить обе стороны?

— Будет, — ответил я. — Но это не моя проблема.

Тут и наш протокольщик вознегодовал и сказал, кивнув на меня, что я не просто переводчик, а заместитель заведующего Департаментом Министерства иностранных дел. Американец стушевался, растерялся и куда-то сразу исчез, будто растаял в воздухе.

Здесь я сделаю небольшое отступление и поделюсь некоторыми собственными соображениями о протоколе вообще и о протоколе за обеденным столом в частности.

Соблюдение протокола имеет огромное значение в дипломатии, в том числе и для установления правильных политических взаимоотношений на государственном уровне, когда речь идет о визитах высоких государственных деятелей и личных отношениях между ними. Недаром в таких странах, как Англия, Франция и Испания издавна создавались объемистые тома правил соблюдения протокола и этикета, а, скажем, в протокольных правилах Индии, Соединенных Штатов много заимствований из классического английского протокола. Особое место в плане соблюдения протокола занимает Япония: не изучив особенности японского протокола, имеющего тысячелетнюю историю, не получив определенных сведений о нем, можно попасть в серьезную передрягу. Конечно, главу государства, который сделает что-то не так, не предадут осмеянию, но свою репутацию в глазах хозяев он может испортить навсегда.

Разумеется, соблюдение правил поведения и этикета обусловлено воспитанием. Во многих странах детям с раннего возраста прививают навыки культуры поведения. Так, в Англии, где прошло мое детство, в любой семье, независимо от социального положения, ребенка обучают правильно вести себя за столом, пользоваться столовыми приборами, культурно есть и так далее. Когда это впитывается, что называется, с молоком матери, то становится «второй натурой». Свои, особые, правила поведения приняты даже в тех государствах, которые мы, совершенно напрасно, считаем отсталыми и примитивными. Например, такие правила установлены и на африканском континенте, причем довольно давно. В России, к большому сожалению, естественная культурная эволюция была прервана в 1917 году. В практике реальной жизни оказалось невозможным сохранить неписаные правила поведения. Образовавшийся вакуум заполнился хамством и бескультурьем, неуважением к человеческой личности. И сегодня, как мне кажется, лишь путем обучения

хорошим манерам нельзя восстановить утраченные традиции…

Часть историй, свидетелем которых я был, связана с тем, как соблюдался протокол на многочисленных совместных обедах и ужинах. В скобках замечу: по дипломатическим нормам то, что мы в обиходе называем обедом, считается завтраком, вечерняя трапеза именуется обедом.

Во время совместных застолий переводчик являет собой некое неудобство. С одной стороны, совершенно очевидно — переводчик должен находиться как можно ближе к лицам, ведущим беседу, чтобы он все слышал и слышали его. С другой стороны, протоколом определен строгий порядок рассадки гостей по ранжиру. Обычно хозяин сажает главного гостя напротив себя. Если присутствуют женщины, в частности жены, то по правую руку от хозяина садится жена главного гостя, по левую — жена второго по ранжиру гостя и так далее. Если же участвуют одни мужчины, то справа от хозяина располагается второй по рангу гость, слева — третий и дальше соответственно. Таков заведенный издавна порядок. При этом для переводчика место не предусмотрено. Правда, у нас, в СССР, даже во времена Сталина принято было, чтобы переводчик сидел рядом с хозяином застолья — слева или справа. Перед ним ставили такие же обеденные приборы, что и перед всеми, и обслуживали его наравне с остальными. Переводчик сидел в центре стола не по рангу, а по необходимости — считалось, что он как бы вне протокола.

Надо сказать, нашему брату редко удавалось перехватить хоть что-нибудь из предлагаемых блюд. В моей практике к каким-либо курьезам это не приводило. А вот известный советский переводчик Бережков вспоминает в своей книге, как на одном из обедов у Сталина, за день работы сильно проголодавшись, решил немного перекусить. Улучив момент, когда говорил гость, он отрезал себе кусок мяса и начал есть. В это время, прервав гостя, Сталин вдруг подал реплику. Ее сразу же нужно было перевести, а Бережков еще не успел прожевать. Возникла неловкая пауза, и Сталин, повернувшись к нему, строго спросил: «Вы что, сюда есть пришли?» Можно себе представить состояние Бережкова…

Действительно, приходилось иногда ловчить, так как если хоть что-то не съешь украдкой, останешься просто голодным. Ведь деловые встречи могли проходить и восемь, и десять часов, а совместные завтраки и обеды, устраиваемые в перерыве или после таких встреч, — вообще самые напряженные часы работы для переводчика.

Практика сажать переводчиков за стол продолжалась и при всех наших руководителях после Сталина.

А теперь вернемся в Вену, на обед в американской резиденции. Итак, по четыре человека от каждой делегации стоят в середине зала и ведут беседу, я бы сказал, ни о чем. Как это бывает в американских домах, перед тем как сесть за стол, присутствующие выпивают коктейль или аперитив. Брежневу никогда не нравился этот обычай, я уже говорил о реакции Леонида Ильича на его проявления. Он стал и здесь что-то недовольно бурчать. Посоветовал ему выпить виски с содовой и со льдом, коль скоро мы в гостях у американцев. Он согласился. Я обратился к стоящему наготове официанту. Тот быстро принес Брежневу полный бокал, а затем обслужил и всех остальных.

И тут случилось неожиданное. Брежнев, вместо того чтобы понемногу отпивать виски из бокала, вдруг, поднеся его ко рту, машинально сделал характерный рывок головой назад, сугубо по-русски, за которым последовал привычный большой глоток. И в горло Брежнева вместе с виски ненароком попал кубик льда. Брежнев начал давиться — лицо побагровело, он стал задыхаться. Наступила немая сцена: все буквально оцепенели, уставившись на него. Как положено в таких случаях, надо было резко хлопнуть его по спине. Но кто ж на это решится?! Кто осмелится? И я, стоя рядом, тоже ничего не мог предпринять. Леонид Ильич сделал несколько конвульсивных движений, длившихся не более нескольких секунд, хотя лично мне эти секунды показались чуть ли не вечностью, — и кусочек льда булькнул обратно в бокал. Брежнев скоро пришел в себя, но все мы пережили весьма неприятные мгновения.

Я знал, что никаких серьезных разговоров за столом быть не может, ожидаются только тосты. А застольную беседу поддерживать станет в основном Громыко и в какой-то степени, возможно, Устинов. Черненко вообще молчун. Брежнев не в том состоянии, чтобы вести полноценный разговор. Одним словом, когда всех пригласили к столу, я помог сесть Леониду Ильичу, другим, а сам ушел.

В приемном зале стояло несколько кресел, журнальный столик. Там я и расположился, обратив внимание, что рядом, на стене, висят фотографии памятной мне встречи Хрущева с Кеннеди, состоявшейся здесь же, в посольской резиденции.

С моего места было хорошо видно, что происходит за обеденным столом. В какой-то момент я заметил, как беспокойно стал озираться Громыко, пытаясь выяснить, где я. Поймав его взгляд, жестом руки и кивком дал понять, что нахожусь рядом и все в порядке.

Как я и предполагал, никакой серьезной оживленной беседы не было, и, разумеется, мой американский коллега с легкостью

справлялся с переводом реплик, которыми обменивались за столом.

Кстати, американцы на свой обед не пригласили даже хозяина резиденции — посла США в Австрии, исходя, очевидно, из того, что к советско-американским отношениям тот касательства не имеет. Но посол должен был находиться где-то рядом, это же, в конце концов, его дом, хоть и служебный. И вот, смотрю, он устроился у того же журнального столика, поблизости от меня.

Мы с послом завели беседу — он оказался вполне приятным человеком. Я ему рассказал о нашей, советской, протокольной практике. Он выразил мне свое сочувствие, заметив также, что, по идее, в качестве хозяина дома и сам должен был бы сидеть за столом. Ну, словом, мы как бы поплакались друг другу и сошлись во мнениях. Затем он спросил:

— Вы, наверное, голодны?

Я, естественно, ответил утвердительно.

Тогда посол быстро распорядился, и нам принесли бутерброды, а заодно и по бокалу виски. Так мы и коротали время.

В конце обеда наступила череда тостов. Первым, по праву хозяина, речь держал Картер. Перед тем как произнести свой тост, он предложил, коль скоро обед проходит в узком составе, не вставать при провозглашении тостов, чтобы не утруждать Брежнева.

Когда Картер произнес последнюю фразу, то есть собственно тост, я подошел к Брежневу, остановился позади него и взялся за спинку свободного стула, чтобы поставить его поближе к Генсеку. Ведь поскольку он, как я понял, вставать не будет, переводчик не должен торчать столбом за его спиной. Но тут маршал Дмитрий Федорович Устинов, сидевший слева от Леонида Ильича, увидев меня, демонстративно отодвинулся вместе со своим стулом от Брежнева и сказал:

— Товарищ Суходрев, вдвигайтесь между нами, теперь ваша очередь работать.

И я, таким образом, оказался за столом. Брежнев, видимо, даже не заметил мое отсутствие и не понял, что до этого его все время переводил американец, сидевший за спиной Картера.

В приемном зале, на всякий случай, находилась еще и американская переводчица из Госдепартамента. Вот она, как, впрочем, и ее коллега, была свидетелем этой сцены.

На следующий день на очередном мероприятии, где присутствовали обе делегации, я встретил Билла Краймера, старшего группы американских переводчиков. Как я уже говорил,

мы были с ним давно знакомы. Он мне сказал:

— Виктор, я слышал, что вы вчера выступили в защиту нашей чести и достоинства, отказавшись сесть за спиной своего руководителя. Так вот, я хочу вам выразить глубокую благодарность от имени всей нашей американской переводческой бригады.

Дело в том, что у них, в Госдепартаменте, существует порядок, при котором человек, получивший работу во внешнеполитическом ведомстве США в качестве переводчика, дальнейших продвижений по службе в этом ведомстве не имеет. То есть переводчиком он остается до ухода на пенсию, если, конечно, сам не пожелает уйти раньше, согласно условиям контракта. Другими словами, стать, к примеру, послом он уже не может. И отношение к переводчикам там соответствующее. В Госдепартаменте США на двери кабинета, где размещается группа русскоязычных переводчиков, висит листок с надписью: «Толмачи и прочая сволочь». Это известная цитата из указа Петра Великого, изданного им перед Азовским походом, один из пунктов которого гласит: «толмачи и прочая обозная сволочь» должны идти в самом конце обоза, дабы «видом своим унылым грусть на войска не наводить».

Скажу сразу, что у нас, в МИДе, никогда такого отношения не было. Переводчик — тот же дипломат, такой же ответственный сотрудник МИДа. Могу свидетельствовать, что у нас переводчиков за их тяжелый труд даже быстрее продвигали по службе, чем тех, кто служил чиновником в Департаменте. Ряд наших послов начинали свою карьеру с переводческой работы. Это относится и к Трояновскому, и к бывшему послу во Франции и в Польше Николаю Афанасьевскому, бывшему послу в Эстонии Алексею Глухову, моему большому другу, и многим другим. Примеров достаточно.

На следующий день был назначен обед уже в резиденции нашего посла в Вене. И сотрудник протокольного отдела, с которым у меня сложились добрые, дружеские отношения, помня о вчерашней истории, сказал мне:

— Ну я на них сегодня отыграюсь! — И стал звонить американцам, требуя, чтобы они назвали фамилию их переводчика, который будет присутствовать на обеде. Американцы отмахивались: мол, какая разница, ну приедет какой-нибудь — «их у нас пятеро», вот один из них и будет.

Однако наш протокольщик продолжал им звонить, причем всякий раз объяснял, что мы обязательно должны знать фамилию, ибо она будет указана на настольной табличке, а также в схеме рассадки, всегда в таких случаях выставляющейся у входа.

Словом, он их «дожал». Американцы вынуждены были заранее назвать фамилию. А я должен с гордостью сказать, что наша протокольная служба в данном случае оказалась намного прогрессивнее и человечнее американской с ее бездушным отношением к переводчикам. Хотя подобное со стороны американцев проявлялось далеко не всегда. Именно поэтому меня тогда и удивил столь странный порядок.

Между прочим, у нас гости и хозяева рассаживались через одного, что способствовало более оживленному течению застольной беседы.

На том и закончилась эпопея с венскими обедами.

# Подписание с поцелуем

В последний день нашего пребывания в Вене состоялось торжественное подписание Договора ОСВ-2. Церемония проходила в Большом Редутном зале дворца Хофбург, при многочисленном стечении приглашенных. Две делегации поднялись на сцену. Брежнев и Картер сели за стол, где были разложены тексты Договора. Когда подписи были поставлены, два лидера, поднявшись, должны были обменяться рукопожатиями. Но тут, ко всеобщему удивлению, Картер потянулся к Брежневу и стал левой рукой обнимать его за плечи. Генсек в ответ тоже потянулся к американцу, и два руководителя на глазах у изумленной публики неожиданно поцеловались.

Потом, по случаю подписания исторического документа, лидеры произнесли речи. Первым — Брежнев. Я переводил, стоя рядом со сценой перед микрофоном. Затем начал выступать Картер. И тут вдруг Брежнев заерзал. Сидя за столом, где только что был подписан Договор, он стал оглядываться на стоящих сзади него наших представителей. К нему сунулся Громыко, но Леонид Ильич отрицательно замотал головой. Следом подсеменил Черненко — реакция та же. Наконец, к нему подошел Рябенко, начальник охраны. Брежнев что-то ему шепнул, и тот резким жестом позвал меня. Я поднялся на сцену. Сначала Брежнев сказал мне, что плохо слышит перевод, и действительно, в зале была такая акустика, что голос американского переводчика звучал глухо. Я принялся переводить Брежневу на ухо слова Картера, но Леонид Ильич внезапно перебил меня и спросил:

— Скажи, Витя, а ничего, что я с Картером расцеловался? Но ведь это он первый…

Собрав всю свою волю в кулак, чтобы сохранить на лице серьезную мину, я ответил, что все выглядело абсолютно нормально и в такой исторический момент так и нужно было поступить.

Брежнев, кажется, успокоился.

После этой церемонии Картер предложил Брежневу побеседовать еще раз, наедине, но Леонид Ильич был крайне утомлен, и, наспех простившись, они расстались.

Пожимая и мне руку на прощание, Картер сказал со своей знаменитой улыбкой:

— Виктор, приезжайте снова к нам в Штаты и привозите своего президента…

Такими были последние годы жизни Брежнева. В то время мне иногда становилось неловко за то, что во главе нашего

государства находится человек в крайне плохом физическом состоянии. Но в еще большей степени мне было по-человечески жаль этого немощного старика, которому давно уже было пора на покой.

Рассказывали, что Леонид Ильич неоднократно просил о своей отставке коллег. Но те и слышать не хотели. Ведь тогда им пришлось бы вспомнить и о собственном далеко запенсионном возрасте. Но… такая была у нас тогда власть…

# Андрей Громыко

# Синий карандаш

Порог высотки на Смоленской площади я впервые переступил в ноябре 1956 года. Главой МИДа тогда был Шепилов, которого вскоре сменил Андрей Андреевич Громыко. По длительности пребывания на этом посту Громыко побил все рекорды.

Я проработал с ним 29 лет — до его ухода из МИДа в 1985-м.

Какие у нас сложились взаимоотношения? На данный вопрос ответить непросто. Нельзя сказать, что это были всего лишь отношения начальника и подчиненного. Мы провели вместе очень много времени, оказывались в самых разных ситуациях, что, как известно, сближает. С другой стороны, Громыко никогда не переходил ту грань, за которой начинается какое-то приятельство. Это касалось не только меня, но и всех остальных его коллег. Без исключения.

Вечно мрачный, неулыбчивый человек, Громыко всю свою жизнь верой и правдой служил стране, советской власти, партии и, главное, тому, кто стоял во главе этой партии.

Андрей Андреевич Громыко, безусловно, был незаурядной личностью. Достаточно сказать, что за многие годы совместной работы я не помню такого случая, чтобы он, выступая, пользовался шпаргалками, а тем более кем-то составленными текстами, если, конечно, речь не шла об официально утвержденных.

Весь МИД, скажем, перед зарубежными визитами Громыко готовил для него материалы по соответствующим вопросам. Их было очень много. Наверное, он все эти бумаги читал. Но, как правило, большую часть информации удерживал в памяти, в крайнем случае выписывал названия тем на листке, который клал перед собой во время переговоров. Он мог вести беседу часами, не упуская ни одного нюанса или детали. Память у Громыко была феноменальная.

***А. А. Громыко и В. М. Суходрев в работе***

***1960-е годы***

Писал он неизменно синим карандашом фабрики «Сакко и Ванцетти». О, этот синий карандаш! Во всех случаях Громыко пользовался исключительно им. Резолюции на документах, всевозможные правки и заметки — все пестрело синим цветом. Карандаши всегда стояли в специальном стаканчике у него на письменном столе. За тем, чтобы они были постоянно хорошо заточены, следили помощники.

Почерк, надо сказать, у Андрея Андреевича был ужасный: корявый, трудночитаемый. Ясно, что в школе успехами в чистописании похвастаться он не мог. Вновь принятые на работу помощники неделями изучали этот почерк. Нацарапанные синим карандашом каракули они поначалу просто не могли разобрать. Мало того, карандаши быстро затуплялись, и тогда Громыко продолжал писать стертым грифелем, приводя помощников в полнейшее отчаяние. Когда я расшифровывал его правку моих записей, это тоже было пыткой.

Характерно, что Громыко никогда не писал на требующих его решения документах традиционных резолюций типа «Согласен» или «Отказать». Если он с чем-то не соглашался, то просто

перекладывал соответствующий документ в нетронутом виде в папку отработанных бумаг. А если одобрял, то своим синим карандашом писал две буквы: «АГ», что означало — «Подлежит немедленному исполнению».

Однажды это «АГ» решило и мои личные вопросы. Как-то Петр Младенов, в ту пору министр иностранных дел Болгарии, а в 1990-м ее президент, пригласил меня в свою страну (Младенова я хорошо знал еще в бытность его первым секретарем болгарского комсомола, точнее Дмитровского коммунистического союза молодежи). Он написал Громыко письмо, в котором содержалась просьба о разрешении проведения мной нескольких бесед с переводчиками, работавшими в болгарском МИДе, и, как бы между прочим, о предоставлении мне возможности одновременно провести отпуск в Болгарии.

Старший помощник Громыко, прежде чем передать министру, показал письмо мне и напомнил, что в принципе вопрос о всех поездках, связанных с отдыхом в социалистических странах, решается в ЦК партии. Впрочем, предложил он, бери письмо и сам иди к министру.

Я зашел к Громыко и вручил ему письмо, заметив, что не представляю, как быть. Андрей Андреевич, прочитав его, сказал: насколько он знает, такого рода вопросы решаются в наших партийных органах. Я ответил, что помню об этом, но в данном случае министру необходимо как-то отреагировать на письмо коллеги, даже если это будет отказ под каким-либо благовидным предлогом.

После некоторых раздумий Громыко взял свой синий карандаш и вывел в левом углу письма: «АГ». Протянул его мне:

— Ну вот, Суходрев, понимайте как хотите.

Я поблагодарил, взял письмо, а потом передал его помощнику. Тот посмотрел и сказал:

— Все ясно.

И тут же, прикрепив к письму «уголок», на котором было напечатано «К исполнению», отправил его в управление кадров. Машина закрутилась.

Поскольку любые выезды за границу все равно регулировались ЦК, то туда попал и мой вопрос о выезде в Болгарию. Паспорт дипломатический у меня уже был, визы в Болгарию не требовались, нужно было лишь решение ЦК о выезде из страны. Ближе к моменту отъезда мне стали звонить из соответствующего отдела ЦК и предлагать свои услуги: выписать паспорт, достать билеты, прислать автомашину для доставки в аэропорт… Я вежливо благодарил, но заверял, что мы с женой ни в чем не нуждаемся: паспорт уже есть, дела, связанные с

оформлением, решаются у нас, в министерстве, машина тоже в наличии. В итоге я почувствовал на том конце провода растерянность: как же так — от них отказываются!

Вот так я и попал в Болгарию, где, надо сказать, провел плодотворные беседы с моими коллегами, и к тому же мы с женой прекрасно отдохнули на Золотых Песках.

Мы жили в правительственном доме отдыха, где каждую неделю сменяли одна другую советские, так называемые партийные, обменные группы отдыха, состоящие, конечно же, в основном из деятелей партийного аппарата. Партаппаратчики спрашивали нас с женой: «А что это вы все отдельно?» Они никак не могли себе представить, что мы отдыхаем вне группы.

# «Ни шагу назад!»

В те времена на переговорах с иностранцами любому советскому представителю, в том числе и министру, полагалось иметь при себе директивы ЦК КПСС, утверждавшиеся на заседании Политбюро и имевшие статус обязательных для исполнения. В них содержались основные положения, которые должны были быть затронуты на переговорах: «Добиваться того-то и того-то…», «Настойчиво отводить попытки…», «Отвергать…» и так далее. Громыко, как правило, содержание этих директив просто хранил в памяти. Из папки он вытаскивал только свой листочек, клал перед собой и начинал переговоры.

Конечно, если разговор касался сложнейших технических вопросов, таких, скажем, как ограничение стратегических вооружений, когда должны были приводиться конкретные цифровые данные по параметрам, точным радиусам действия, дальности полета, количеству ракет, то для Громыко специально готовили сжатые справки, куда он мог время от времени заглядывать. Но это — исключение. Чаще всего он пользовался лишь своим кратким планом.

Пожалуй, из иностранцев такой стиль ведения переговоров был свойственен, в некоторой степени, только Генри Киссинджеру. Ему, разумеется, тоже готовили подробные бумаги, отражающие позицию американского руководства, он тоже вел длительные беседы, не раскрывая фолианта с документами, лежащего перед ним. Так же как и Громыко, Киссинджер обладал незаурядной памятью на детали, даты, цифры и тому подобное.

Американских государственных секретарей, с которыми за годы своей службы министром имел дело Громыко, было девять. И у каждого из них всегда под рукой находились объемистые папки-скоросшиватели с документами. Как только с одним вопросом было закончено, помощник тут же убирал со стола соответствующую папку и возлагал другую. Госсекретари во время переговоров частенько в них заглядывали, сверяясь с официально утвержденным текстом, от буквы которого, естественно, отойти не могли. Это — обычная практика. Конечно, каждый из них был в достаточной степени квалифицированным, чтобы вести диалог по той или иной теме или сопутствующим вопросам, но это не всегда спасало — иногда переговоры заходили в тупик. Министры начинали ходить кругами, неоднократно повторяя одни и те же фразы.

Как правило, существовали и запасные варианты, к которым можно было прибегнуть, если противоположная сторона не шла

на уступки. Такие варианты предусматривались и в наших директивах. Но Громыко обычно держался за первоначальную позицию мертвой хваткой, как бульдог, и отстаивал ее до конца, даже тогда, когда ситуация позволяла ввести в игру запасной вариант. Он, как никто другой, был упорен и даже упрям на переговорах и не шел на уступки. «Ни шагу назад!» — эти слова можно, пожалуй, считать его девизом. Андрей Андреевич предпочитал оставлять наш запасной вариант для следующего раунда переговоров, надеясь, что перед твердой и непреклонной позицией советской дипломатии противоположная сторона дрогнет и пойдет на уступки. И только когда убеждался в полной бесперспективности таких надежд, пускал в ход запасной вариант, считая необходимым, однако, еще раз согласовать его с начальством — то есть с самим Генсеком.

# Хождение по кругу

Переговорщик Громыко был, конечно, жесткий. Можно сказать, что его даже побаивались собеседники, причем самого высокого уровня. Подчас ему удавалось, благодаря своему характеру, «выдавливать» из них кое-какие уступки, хотя и не всегда.

Приведу один пример, относящийся к началу 80-х годов. Дело было в Женеве, где Громыко вел переговоры с очередным госсекретарем Соединенных Штатов. Беседа длилась долго, часа четыре. Громыко начал уставать: наверное, возраст брал свое. Андрей Андреевич не выдерживал уже тех нагрузок, которые раньше переносил с поразительной легкостью. Сейчас я думаю, что, может быть, причина была в том, что во время зарубежных поездок он практически не отдыхал. А работал Громыко сверх всякой меры. Мог, например, находясь на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, принимать до десяти министров в день. И с каждым проводил примерно по часу, а то и больше. Он вообще трудился по двенадцать — четырнадцать часов в сутки, не считая званых завтраков или обедов, что, надо сказать, тоже было работой.

Итак, рабочий день переговоров в Женеве подходил к концу. Диалог велся на американской территории, иначе говоря, в представительстве США. Как это часто бывало, у нас с американцами нашла коса на камень: они выдвигали условия, для нас совершенно неприемлемые. Переговоры закружились на одном месте. Наши предложения натыкались на возражения американцев, встречные — не устраивали нас. Громыко, по всей вероятности, уже решил, что на этот раз с американцами каши не сваришь, ни к каким соглашениям не придешь. А между тем надо было согласовать исходные позиции, без которых дальнейшие переговоры просто не могли состояться.

Необходимо отметить, что Андрей Андреевич любил рубленые, четкие формулировки. Почти все беседы он заканчивал примерно одинаково: «Так вот. Подвожу итоги. Могу ли я, вернувшись домой, доложить советскому руководству и лично товарищу Брежневу, что американская сторона согласна…» И дальше он нашими кондовыми «партийными» фразами излагал то, к чему, по его мнению, стороны пришли в результате переговоров.

Для человека непривычного такой язык был очень труден для восприятия. Зачастую, как и в каком-нибудь постановлении советского партийного руководства, в сказанном практически

невозможно было выявить рациональное зерно. Громыко прекрасно это понимал и специально вовсю использовал подобные формулировки. Само собой разумеется, в своих, то есть в советских, интересах. Он не передергивал факты, но излагал их с некоторым креном в сторону нашей позиции.

Более опытные, уже успевшие привыкнуть к тактике Громыко госсекретари обычно начинали отвечать примерно так: «В общем, да, однако…» И если не возражали напрямую, то излагали дипломатически тонко вариант собственной позиции. А Громыко, в свою очередь, просто припирал их к стене, старался избавиться от всех нюансов и свести неопределенную позицию к совершенно четкой формулировке. Он как бы обрубал, обстругивал их позицию, так что оставался один только остов. И настаивал на том, чтобы этот «остов» был принят в качестве итоговой договоренности. К его чести надо сказать, что чаще всего ему это удавалось.

В такие моменты Андрей Андреевич бывал удовлетворенным. У него появлялась уверенность, что даже кремлевские старцы все поймут, когда он будет докладывать об успешных итогах переговоров на заседании Политбюро.

Как я уже говорил, переговоры в Женеве шли туго и Громыко, по-моему, убедил себя в том, что американцы уступать не намерены. И вдруг часа через четыре мне и другим членам советской делегации после очередного изложения американцами своей позиции стало ясно, что они перешли на запасной вариант — очень незаметно сделали небольшой шаг к сближению наших позиций. Его даже нельзя было назвать уступкой. Это такой типичный дипломатический нюанс — делается какой-то маленький шажок вперед, небольшая подвижка, которые могут в итоге сломить ход переговоров, зашедших в тупик, или несколько ослабить узел противоречий. Словом, мне показалось, что путь к началу нового, более продуктивного этапа переговоров открыт. Но Громыко, по всей видимости, пропустил этот момент, не уловил послабления в позиции оппонентов. Он продолжал в своей манере:

— Значит, я должен буду, вернувшись в Москву, доложить советскому руководству и лично товарищу Брежневу, что американская сторона отказывается от наших предложений. Следовательно, никаких переговоров не будет, — услышал я знакомую фразу.

Госсекретарь занервничал. Начал снова излагать американскую позицию. Но Андрей Андреевич не сдавался.

— Вы по-прежнему говорите одно и то же, — напирал он.

Следует отметить еще одно: Громыко, зная английский, часто

не требовал перевода. Так было и на этот раз, что, видимо, также помешало ему уловить маленькую подвижку в позиции американцев. Пришлось наклониться к нему и тихо сказать:

— Андрей Андреевич, может быть, вы заслушаете перевод?

В ответ он сердито буркнул:

— Да не нужен мне никакой перевод, все и так ясно!

Настаивать, понятно, я не мог. Спас положение Георгий Маркович Корниенко, первый заместитель министра, опытнейший дипломат. Увидев выражение моего лица, он шепнул Громыко:

— Давайте сделаем перерыв на десять минут.

Тот нехотя согласился. У американцев прямо-таки вырвался вздох облегчения.

Надо полагать, они давно уже поняли, что к чему. Со времени, когда они перешли на свой запасной вариант, прошло около полутора часов, а с начала переговоров — больше пяти.

Американцы встали из-за стола и удалились, а мы остались в комнате переговоров. Корниенко начал объяснять Громыко суть подвижки американцев, которая позволяла нам в рамках наших директив согласиться с их предложениями. Андрей Андреевич поначалу с недоверием слушал своего заместителя, потом попросил меня зачитать перевод. Выслушал, хмыкнул, почесал затылок и, похоже, успокоился. Заставил меня прочитать мои записи еще раз. Спросил у Корниенко:

— Мы можем с этим согласиться?

Тот ответил утвердительно.

Американцы вернулись. Громыко еще какое-то время распространялся о том, что то-то и то-то для нас неприемлемо, но если, дескать, их позиция сводится к тому-то и тому-то, то, наверное, на определенных условиях мы могли бы договориться. Короче говоря, минут через пятнадцать встреча закончилась благополучно. Все с облегчением выпили по глотку виски.

Как видим, Громыко вел переговоры жестко, с нажимом. Но в дипломатии это нормально. Собеседники, как правило, умеют вовремя остановиться. Даже в случае конфронтации.

Независимо от взлетов и падений в наших отношениях с Соединенными Штатами Америки, а тех и других было немало в годы, когда Громыко находился на посту министра иностранных дел, переговоры всегда велись предельно цивилизованно. При возникновении каких-то острых разногласий нажим Громыко становился жестче, а формулировки — прямолинейней. Но грань дозволенного он не переходил никогда. Более того, с новыми госсекретарями он стремился установить личные доверительные взаимоотношения. Андрей Андреевич придавал таким

отношениям большое значение. Сказал бы даже, что каждого нового госсекретаря он воспринимал прежде всего как человека, а потом уже как должностное лицо.

# Тупики

Помимо умения настаивать на своем у Андрея Андреевича была уникальная способность закрывать тему, если ее дальнейшее обсуждение не входило в его планы или ему просто нечего было выдвинуть в качестве дополнительной аргументации.

В течение ряда лет одной из главных тем советско-американских переговоров являлась ближневосточная проблема — отношения между арабскими странами и Израилем. Тема эта обсуждалась с государственными деятелями не только США, но и других стран. Неоднократно встречались (на нейтральной почве, конечно) даже с министром иностранных дел самого Израиля, хотя у нас не было тогда дипломатических связей. Полноценно участвовать в переговорном процессе Советский Союз не мог именно по этой причине. США, напротив, проявляли большую активность. Генри Киссинджер, например, часто отправлялся в вояжи на Ближний Восток, где занимался челночной дипломатией: летал между Тель-Авивом, Дамаском и Каиром, стараясь предотвратить новую вспышку конфликта. Правда, примирение между Египтом и Израилем произошло только при президенте Картере и его госсекретаре Сайрусе Вэнсе, но вклад Киссинджера в это событие несомненен.

Установить с Израилем дипломатические отношения Советский Союз активно призывали наши западные партнеры, да и сам Израиль. А то получалось, что СССР ведет как бы одностороннюю политику, имея официальные контакты только с арабскими государствами. На все призывы восстановить дипломатические связи с Израилем Громыко отвечал одной и той же фразой: «Нет, знаете ли, наш народ этого не поймет». И все. Ну что тут возразишь? Раз народ не поймет, то «слуги народа» в лице Политбюро, разумеется, не могут пойти на такой шаг. Собеседнику ничего не оставалось, как переходить к другому вопросу.

Подобные «народные» аргументы пускались в ход, если разговор заходил о Камбодже, с которой у нас, наоборот, были установлены дипломатические отношения. В то время в Камбодже зверствовала банда Пол Пота, и об этом было известно во всем мире, а мы делали вид, что там ничего особенного не происходит. Хотя руководство Камбоджи опиралось на идеи Мао, а с Китаем мы к тому моменту разошлись.

На переговорах Громыко напрочь отказывался обсуждать положение в Камбодже. Когда американцы приводили ему примеры злодеяний Пол Пота, он, не пытаясь прямо защищать

кровавый режим, мрачно заявлял: «У нас нормальные отношения с Камбоджей, и мы не владеем никакой информацией, которая бы подтверждала ваши сведения». После таких слов оппоненты обычно умолкали: ведь у нас в Камбодже имелось посольство, а у американцев нет. И если уж мы не владеем никакой информацией, то кто же ею владеет?..

Вообще надо сказать, что разногласий с Соединенными Штатами у нас в те времена хватало. Например, при обсуждении ближневосточной проблемы на переговорах с американцами Громыко часто говорил, что Америка «недостаточно влияет на своего партнера, Израиль, а ведь могла бы…» и так далее. Имелось в виду, что Израиль, мол, зависим от США. Американцы возражали: Израиль — независимое государство, и, несмотря на хорошие с ним отношения, Америка не может заставить его сделать что-то против собственной воли.

Когда же речь заходила о ситуации во Вьетнаме и американцы призывали нас оказать влияние на Демократическую Республику Вьетнам, нашего союзника, чтобы побудить эту страну занять более конструктивную позицию по отношению к Южному Вьетнаму, Громыко, памятуя об «израильских» аргументах оппонентов, говорил, что ДРВ — это самостоятельное государство, имеющее собственную позицию… А вот американцы, мол, могли бы воздействовать на Южный Вьетнам, своего союзника.

Подобные переговоры тянулись до бесконечности.

# Кулаком по столу

На моей памяти был лишь один случай, когда Громыко и его собеседник, в данном случае госсекретарь США Шульц, вышли из себя. Случилось это неделю спустя после того, как наши военные на Дальнем Востоке сбили южнокорейский пассажирский авиалайнер. История достаточно хорошо известна, так что останавливаться на деталях я не буду. Это был период, когда страсти накалились до предела.

8 сентября 1983 года в Мадриде началась встреча министров иностранных дел государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Приезду министров иностранных дел предшествовала довольно длительная работа экспертов, и, конечно же, самыми сложными для Советского Союза оставались вопросы гуманитарного порядка, или, как тогда говорили, вопросы «третьей корзины», то есть права человека, свобода выезда, свобода слова и так далее.

Заранее было условлено, что наш министр и госсекретарь США, воспользовавшись оказией, проведут отдельную двухстороннюю встречу. В порядке очередности (которая строго соблюдалась) встреча должна была состояться у американцев, а именно в резиденции посла США в Мадриде.

После того как наши сбили южнокорейский пассажирский самолет, во всем мире, и особенно в США, поднялась волна возмущения против «советской агрессии». Разумеется, это не предвещало ничего хорошего и для предстоящей встречи двух министров. Но уже перед самой встречей, как по команде, в американской печати появились сообщения, утверждавшие, что Шульц вообще откажется обсуждать обычный круг вопросов с Громыко, если Советский Союз не принесет извинения за сбитый самолет. Высказывались предположения, что встречи может и вовсе не быть, потому что извинения вряд ли последуют. В лучшем случае она продлится пять — десять минут. Повторяю: эти сообщения появились одновременно и в большом количестве, из чего можно было заключить, что сведения исходили из одного и того же источника.

Когда мы прибыли в Мадрид, американцы передали нам просьбу Шульца о том, чтобы основной встрече в полном составе предшествовала его беседа с глазу на глаз с Громыко. Практика таких бесед всегда существовала, но наши после газетной шумихи восприняли данную просьбу как намек на то, что именно во время этой беседы Шульц и поднимет вопрос об авиалайнере.

Громыко забеспокоился. Поручил мне встретиться с кем-нибудь из знакомых американских дипломатов команды Шульца и сказать, что если госсекретарь в ходе беседы один на один планирует поставить вопрос о самолете, то он, Громыко, согласия на нее не дает.

Я созвонился с американцами и отправился в гостиницу в центре Мадрида, где они разместились. Том Саймонз, профессиональный американский дипломат, которого я хорошо знал, выслушал меня. Затем появился заместитель госсекретаря Ричард Бэрт и от имени Шульца заверил, что во время встречи с глазу на глаз вопрос о южнокорейском авиалайнере подниматься не будет.

Поехали в американское представительство. Как всегда, у входа — толпа журналистов, они наперебой спрашивают Андрея Андреевича, верно ли, что встреча будет очень короткой. Он, не отвечая, проходит в здание и сразу же уединяется с госсекретарем. Вопрос, который поднимает Шульц, действительно не связан с авиалайнером, а относится к группе вопросов «третьей корзины». Оказалось, что член нашей делегации на предшествующих переговорах в Мадриде, генерал КГБ Сергей Кондрашов, занимавшийся гуманитарными вопросами, а также диссидентами и отказниками, в конфиденциальном разговоре с одним американским дипломатом пообещал, что вскоре после мадридской встречи на уровне министров группа отказников, за которых особенно ратовал Запад, будет отпущена из СССР. Американцы знали о том, что Кондрашов работает в КГБ, и, очевидно, не сомневались, что от него исходит самая достоверная информация по таким делам.

Шульц в начале беседы все же попросил Громыко подтвердить сказанное Кондрашовым.

Я был лично знаком с Кондрашовым, знал его как человека опытного, слов на ветер не бросающего. Поэтому для меня (как, думаю, и для Шульца) стал полной неожиданностью ответ Громыко, который полностью опроверг слова, по его выражению, «какого-то там члена делегации» и добавил, что ничего подобного не планируется и не планировалось. К тому же он не преминул заявить, что мы «никогда не будем идти на поводу у Запада» и все, о чем сказал Шульц, — это «попытка вмешательства во внутренние дела Советского Союза». Прозвучало заявление довольно жестко.

Шульца ответ Громыко обескуражил. Он стал ссылаться на то, что сведения исходят от весьма авторитетного члена советской делегации, а не от «какого-то там». Громыко сказал, что ему нет дела до того, о чем «болтают всякие безответственные лица».

Короче говоря, разговор не получился.

Тем не менее свое обещание Шульц выполнил: об авиалайнере не было сказано ни слова. Мы перешли в другой зал, где собрались все участники переговоров.

Забегая вперед, скажу, что этих отказников через некоторое время все же выпустили из СССР.

Несколько позднее при встрече с Сергеем Кондрашовым, ныне уже отставным генерал-лейтенантом, я, вспомнив тот эпизод, спросил его:

— Как же такое могло случиться?

Он ответил, что заверения по поводу конкретных отказников получил от Андропова. А неосведомленность Громыко объяснил сбоем в передаче информации в верхних эшелонах власти в Москве. Словом, что-то Громыко не доложили.

Итак, мы сели за стол переговоров и приступили к обсуждению повестки дня. И тут началось. Громыко нервничал. Его вывел из себя разговор об отказниках и диссидентах. Шульц, который тоже был взвинчен, заявил, что хочет начать беседу с вопроса о сбитом авиалайнере. Громыко наотрез отказался обсуждать эту проблему первой. Он сказал, что готов ответить на любые вопросы, касающиеся самолета, но начинать беседу с этого не намерен. Надо, мол, смотреть широко на всю сферу советско-американских отношений, и начинать следует в соответствии со сложившейся традицией: обсудить, куда вообще идут отношения между нашими странами, каково их состояние и перспективы, затем перейти к проблеме разоружения и так далее. А где-то в ходе беседы он готов ответить на вопросы и относительно авиалайнера. Но Шульц вновь повторил, что настаивает на том, чтобы начать именно с этой темы. Громыко не сдавался. Пошли по кругу. И Громыко, и Шульц упрямо твердили каждый свое. Прошло полчаса.

И вдруг Громыко, видимо уже дойдя до предела, изо всех сил стукнул кулаком по столу, резко встал и заявил:

— Если вас не интересуют глобальные вопросы советско-американских отношений, от которых действительно зависит мир во всем мире, и вы хотите свернуть на какую-то провокационную затею, то вообще никакой беседы не будет!

Шульц, спокойный и уравновешенный по характеру человек, тоже сильно ударил кулаком по столу и выкрикнул:

— Значит, никакой беседы не будет!

Все притихли. Такого никто никогда не видел. Министры, оба красные, до предела раздраженные, стояли друг против друга. Тогда мне показалось, что они готовы разорвать друг друга на куски и только стол, разделявший их, спасает от этого.

— Значит, — спросил Громыко, — мы так и будем считать, что Соединенные Штаты и вы, как их представитель, не желаете обсуждать вопросы, от которых зависит мир на земле?! Не хотите?!

— Нет, мы хотим обсуждать! — воскликнул Шульц. — И признаем первостепенное значение наших отношений для судеб мира!

— А если хотите, так давайте обсуждать… — снизил тон Громыко.

— Давайте, — уже спокойно согласился Шульц.

Перепалка прекратилась, начались переговоры. Причем именно по той повестке дня, которую предложил Громыко. Беседа шла в обычном ритме, пока разговор все же не зашел о сбитом авиалайнере. Тут министры наговорили друг другу массу резких слов. Но кулаками больше не стучали. Словом, все закончилось нормально, и пророчества журналистов были полностью опровергнуты: беседа продолжалась не пять — десять минут, а часа три.

## От серьезного до смешного

Большинство госсекретарей США вышли из юристов, бизнесменов и считали себя людьми серьезными, солидными. Сказать, что Громыко был несерьезным, безусловно, тоже нельзя, но все же всплески чувства юмора время от времени у него случались.

Помню случай, когда Громыко заставил всех сидящих за столом переговоров смеяться. Произошло это в один из приездов Киссинджера в Москву. Беседа проходила не в мидовском особняке, а в Кремле. Громыко иногда практиковал такое, дабы повысить значение переговоров. Тем более что в подобных встречах в Кремле подчас принимал участие и сам Брежнев.

И вот в какой-то момент беседы Киссинджер, перелистывая свои бумаги и шепотом советуясь с помощником, вдруг, подняв глаза, посмотрел на массивную люстру и в шутку прикрыл руками текст, который лежал перед ним, явно намекая на наличие скрытых фотокамер. Громыко, уловив смысл жеста, заметил:

— Да. Возможно, вы правы. Но эта техника была установлена еще при Иване Грозном.

Генри Киссинджер хорошо запомнил этот случай и даже упомянул о нем в своих мемуарах.

А вот другой эпизод, на сей раз характеризующий чувство юмора Киссинджера.

Это произошло в Женеве в 1975 году, на последней подготовительной встрече перед подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в том же году в Хельсинки.

Несколько лет лучшие дипломаты всех европейских государств, а также США и Канады бились над этим документом. Потребовалось много усилий и высокое дипломатическое искусство, чтобы удовлетворить всем требованиям 35 стран-участниц, в число которых входили страны — члены НАТО и Варшавского договора, а также нейтральные и неприсоединившиеся государства. Короче говоря, работы — хоть отбавляй.

В результате многотрудных усилий был найден компромисс по всем «трем корзинам» (военно-политической, экономической и гуманитарной) заключительного документа Хельсинкского совещания. Решили, что министры иностранных дел всех стран соберутся еще раз, чтобы обсудить этот документ, внесут в него последние коррективы, словом, окончательно подготовят его к

подписанию главами государств. Что касается Советского Союза и США, то совещание в Женеве явилось для нас еще и дополнительным поводом к встрече и обсуждению собственных проблем, главной из которых считалось ограничение стратегических вооружений.

К этому времени все уже думали, что заключительный документ готов, что он, как говорится, в кармане. Поэтому в один из последних дней перед его подписанием Киссинджер и Громыко встретились и, не ожидая никаких осложнений, решили подвести итоги.

Послы обеих стран доложили, что документ практически готов. Уже даже обговорили раздел, который для Советского Союза был наиболее трудным, — вопросы «третьей корзины». Однако оставался незначительный, как тогда показалось и Громыко, и Киссинджеру, вопрос. Делегация одной из самых маленьких европейских стран, Мальты, требовала распространить действие документа и на район Средиземноморья. Всем было понятно, почему Мальта выдвинула это требование. У нее накопились определенные проблемы в отношениях с Ливией из-за спорных шельфовых месторождений нефти.

Трудность в разрешении ситуации состояла в том, что в случае удовлетворения требования Мальты концепция безопасности и сотрудничества в Европе выходила за рамки самой Европы, ибо южное побережье Средиземного моря — Африка, а восточное — Азия. Стало быть, появлялся риск привлечения к Хельсинкскому процессу еще и ближневосточных государств с их проблемами. Этого, разумеется, не хотел никто. Однако на европейском форуме действовал незыблемый принцип консенсуса, то есть принцип обязательного согласия всех участников. Мальта тормозила все дело.

Громыко и Киссинджер дали своим представителям четкие указания — работать с послом Мальты до тех пор, пока не удастся выработать приемлемый вариант, и как только все будет улажено, немедленно им об этом доложить. А сами тем временем продолжали заниматься вопросами ОСВ, что требовало высокой сосредоточенности и концентрации: необходимо было учесть количество моноблочных ракет, ракет с разделяющимися головными частями, крылатых ракет наземного, морского и воздушного базирования, подводных лодок, стратегических бомбардировщиков, технические данные, разные уровни и подуровни всего этого и многое другое. Требовалось также изучить массу графиков, диаграмм, таблиц. Короче говоря, работа не из легких.

Итак, Киссинджер и Громыко, обложившись бумагами, уже

довольно долго обсуждали сложнейшие вопросы, когда вдруг распахнулись двери и в зал вошли послы. Дальше все развивалось прямо как в театре.

Министры подняли глаза. Они явно раздражены.

Министры:

— Ну что, решили?

Послы:

— Нет. Мальтийцы наотрез отказываются.

Оба министра недовольны:

— Могли бы и не приходить. Наверное, вы не очень постарались. Идите и договаривайтесь.

Послы уходят.

Министры с трудом вспоминают, на чем они остановились, и снова погружаются в сложные расчеты. Проходит час. Открываются двери. Вновь входят послы и говорят:

— Ничего не получается.

Министры, опять же с трудом оторвавшись от своих бумаг, раздраженно отсылают их обратно.

Послы удаляются.

Проходит еще час. Переговоры между Громыко и Киссинджером приобретают все более ответственный характер. Они все глубже уходят в область технических данных и расчетов. И тут опять появляются послы. Докладывают:

— Представитель Мальты сказал, что он ничего сделать не может без личного одобрения премьер-министром Домиником Минтоффом решения о невключении Средиземноморья в документ.

Министры:

— Почему же посол Мальты не свяжется со своим премьер-министром?

Послы:

— Он пытался, но Минтофф ежедневно в это время находится на пляже. Там у него маленький купальный домик, где нет телефона. И всем, даже ближайшим помощникам, запрещено нарушать его покой.

Наступает тягостная пауза. Министры двух держав, утомленные переговорами, с трудом соображают, что делать, и в конце концов спрашивают:

— А когда Доминик Минтофф вернется с купания?

— Неизвестно. Может, через час, может, через полтора, — отвечают послы.

Министры отдают приказ: «не слезать» с мальтийского посла и через него ловить Минтоффа!

Послы уходят.

Оба министра вновь склоняются над своими бумагами и молчат. Все остальные, разумеется, тоже хранят молчание. И вдруг в тягостной тишине раздается басовитый, с легким немецким акцентом голос Генри Киссинджера:

— Может быть, организовать убийство?

Взрыв хохота, грянувший с обеих сторон стола, был оглушительным.

Киссинджер, конечно, пошутил. Дело в том, что в то время все чаще становились достоянием гласности факты о тайной борьбе ЦРУ с противниками США, вплоть до планов физического уничтожения некоторых иностранных государственных лидеров. Например, в прессе много писали о таких планах в отношении Фиделя Кастро. Эти истории, став сенсацией, наделали немало шума и даже послужили темой специальных слушаний в Конгрессе. Так что шутка Киссинджера была довольно рискованной.

Я сидел рядом с Громыко и видел обращенный на меня полный ужаса взгляд тогдашнего посла США в СССР Уолтера Стессела. По-моему, он был единственным, кто не смеялся.

— Виктор, только это не записывайте, — прошептал он мне.

Я показал ему глазами на свою лежащую на столе авторучку и пожал плечами. Я не внес шутливую фразу Киссинджера в запись беседы. Вряд ли кто-нибудь в Москве оценил бы этот своеобразный юмор…

Примерно через час опять пришли послы и объявили, что Доминик Минтофф вернулся с пляжа. Видимо, купание пошло ему на пользу, и он согласился на предложенный ему компромиссный вариант.

Так завершилось согласование окончательного текста Заключительного акта.

## «Третья корзина»

Сегодня это покажется невероятным, но в середине 70-х годов Советский Союз вдруг стал заправским борцом за права человека. В свое время, сразу после войны, нашей страной были подписаны основополагающие международные акты о соблюдении прав и элементарных свобод, присущих, или, как сказали бы в США — «данных Богом», любому индивидууму. Но у себя дома никаких прав человека мы не соблюдали и, когда американцы нам ставили это в укор, отвечали: «А у вас за океаном притесняют негров и индейцев».

Брежневу очень хотелось подписать Заключительный акт, потому что именно Советский Союз был инициатором созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эта идея возникла как попытка вбить клин между Западной Европой и США и даже подрыть фундамент НАТО. Советский Союз стремился показать, что Европа существует сама по себе, а Америка, она отдельно — там, за океаном.

Эта затея с самого начала не имела никаких шансов на успех. Нам, конечно же, потом пришлось уступить. Заключительный акт был также подписан Соединенными Штатами и Канадой. Баланс сил в Европе сохранился.

Для СССР прежде всего было важно закрепить послевоенные границы в Европе. Запад с этим согласился, но, в свою очередь, выдвинул проблему соблюдения прав человека. Разумеется, этот вопрос был для нас как кость в горле, но деваться-то некуда. Помню, какие споры шли между Киссинджером и Громыко буквально по каждой формулировке, которая должна была войти в Заключительный акт. Особенно, конечно, Громыко возражал по поводу вопросов «третьей корзины». Спорили до тех пор, пока Киссинджер, с присущим ему прагматизмом (на грани цинизма), не заявил:

— Господин Громыко, что же мы с вами спорим о каких-то тонкостях и нюансах! Ведь всем и так ясно, что Советский Союз никогда не поступится своими интересами, что бы в этот документ ни записали.

Иными словами — давайте подпишем, а дальше каждый будет действовать по собственному усмотрению. Киссинджер как в воду глядел: Заключительный акт СССР подписал, но ситуация с правами человека в нашей стране нисколько не изменилась…

И все же Заключительный акт сыграл свою великую роль. Не сразу, конечно.

А ведь поначалу даже названия у этого документа не было.

Помню, как однажды я стал участником обсуждения будущего наименования. Меня пригласили к ответственному сотруднику, готовившему проект итогового документа: мне необходимо было проконтролировать, чтобы при переводе заголовка на другие языки был правильно передан его смысл. Может, потому, что подписывать документ должен был Брежнев, Генеральный секретарь, предложили название «Генеральная декларация». Я сказал, что в английском языке словосочетание «генеральная декларация» («general declaration») означает общую, не совсем конкретную декларацию, то есть в нашем случае оно не передаст требуемого смысла. То же значение это словосочетание имеет во французском языке, и, видимо, в других основных европейских языках. Так, помнится, мы тогда ни к чему и не пришли. В конце концов документ был назван Заключительным актом.

Предстояло решить, где состоится его подписание. Остановились на Хельсинки, потому, в частности, что Брежнев уже был немощен и до Финляндии ему легче было добраться. Но немаловажную роль сыграло и то, что эта страна нейтральная, традиционно поддерживающая хорошие отношения с Советским Союзом и со всеми другими европейскими странами.

Заключительный акт мы подписали. Объемистый документ был даже опубликован газетой «Известия» без каких-либо сокращений, в отличие от прессы западных стран, которая печатала сжатые варианты или просто приводила выдержки из текста. Мы очень гордились, что напечатали документ полностью, хотя многие его положения в СССР не выполнялись.

Тем не менее толчок развитию правозащитного движения он дал. Стали организовываться Хельсинкские группы, диссиденты подняли голову… Некоторых в ЦК КПСС развитие правозащитного движения раздражало. За участие в разработке такого «крамольного» документа они даже пытались повесить всех собак на МИД. И, как это ни нелепо звучит, в том, что в стране «развелось слишком много диссидентов», обвиняли даже самого Громыко.

Да, тяжела была для нашей дипломатии эта «третья корзина».

# Утка под номером

Как я уже отмечал, в бытность свою министром иностранных дел Громыко встречался с девятью госсекретарями США и с каждым из них стремился установить личные доверительные отношения. К некоторым он питал симпатию, к другим относился более сдержанно. С теми, кому симпатизировал, с удовольствием общался и вне рамок официальных переговоров.

Любые встречи министров иностранных дел во время взаимных визитов непременно сопровождались завтраками или обедами.

Опишу запомнившийся мне случай. Громыко и его американский коллега Уильям Роджерс находились в Париже в связи с участием в международной конференции. Обоих сопровождали жены. Во время одной из деловых встреч Роджерс предложил Громыко поужинать вчетвером в знаменитом старейшем парижском ресторане «La Tour d'Argent», или «Серебряная башня». Расположен он на набережной Сены, напротив собора Парижской Богоматери, и со своего фасада действительно похож на башню.

Громыко недолго раздумывал, получив такое не совсем обычное предложение. Спросил только, не будет ли Роджерс возражать, если пятым участником ужина станет Суходрев. Роджерс ответил, что мое присутствие он только приветствует.

Следующим вечером Роджерс в начале восьмого заехал на своей машине за четой Громыко в наше посольство на улице Гренель. Министры и я сели в лимузин Громыко, жены — в машину Роджерса. За каждой машиной следовал автомобиль охраны. Нас сопровождали еще две машины охраны, с французской стороны. Такой довольно длинный кортеж подъехал к «Серебряной башне».

Встретили там очень радушно. Вышел сам хозяин ресторана. Мы поднялись лифтом на верхний этаж и сели за приготовленный заранее стол. Чуть поодаль накрыли стол для телохранителей Громыко и Роджерса.

Госсекретарь объявил, что главным блюдом этого ресторана является особым образом приготовленная утка.

Мэтр спросил: что господа выпьют в качестве аперитива? Громыко, как это он обычно делал, в свою очередь спросил у меня, хотя прекрасно знал ответ:

— Суходрев, как вы думаете, что?

Я знал о пристрастии Роджерса к виски и не сомневался, что он закажет себе в качестве аперитива именно его. Поэтому

ответил, что лучше всего выпить виски.

Мужчинам принесли виски, женщинам — что-то помягче, и началось застолье.

Стали подавать французскую закуску, знаменитый «пате де фуа гра» — паштет из гусиной печени.

Тут Роджерс повернулся ко мне и сказал:

— Виктор, наверное, обо мне плохо подумает мэтр, но я лично хочу выпить еще виски. Вы ко мне не присоединитесь?

— С удовольствием. Пусть о нас двоих плохо думают французы, — ответил я.

Вышколенный официант не моргнув глазом выслушал просьбу и принес еще два бокала виски. Мы с Роджерсом выпили. И тут настал очень важный момент для французского ужина — выбор вин. К закуске, разумеется, полагалось белое вино, а к утке следовало заказать либо красное, либо розовое.

После того как покончили с закуской, принесли главное блюдо. Утка была нарезана тонкими ломтиками. При нас ее залили особым соусом. Он источал совершенно дивный аромат. Ничего подобного я ни до, ни после этого не ел.

К утке подали вино, сейчас уже не помню, какое именно. Громыко пригубил бокал и сказал:

— Да, это действительно великолепное вино.

Заинтересовавшись вином, он шепнул мне на ухо, чтобы я запомнил его название. Я попросил официанта показать мне этикетку и сказал, что министру Громыко это вино очень понравилось. Я и раньше замечал, что он, крайне редко употреблявший крепкие напитки, всегда с интересом пробовал вина, особенно красные, в том числе и на обедах в Кремле, на которых в те годы, как правило, подавали мукузани.

В конце обеда мне принесли разглаженную этикетку. Я сообщил об этом Громыко. Он насторожился:

— А это удобно?

Я успокоил его:

— Не только удобно, но и принято во всех хороших ресторанах. Помимо всего прочего, такая просьба характеризует вас как человека, разбирающегося в винах. Так что ваши акции в этом ресторане только повысились.

Он попросил, чтобы я пока оставил этикетку у себя, но потом не забыл непременно ему отдать.

Перед тем как мы покинули ресторан, каждому из нас вручили по открытке. На ее лицевой стороне красовалась фотография — дагерротип одного из хозяев ресторана в костюме девятнадцатого века, занятого приготовлением фирменной утки. А сверху значилось, что по счету, ведущемуся с 1890 года,

момента разработки оригинального рецепта приготовления утки, номер съеденной нами птицы — 448 251.

Это был один из самых приятных вечеров, проведенных мной рядом с нашим министром. Деловых разговоров не было. Громыко вел беседу на английском языке. Говорили о семьях, детях, внуках… И совсем не касались политики.

# «Сладкий мальчик»

Помню, как в очередной приезд Громыко в Вашингтон на переговоры нам сообщили, что встреча с американским президентом Джимми Картером назначена на половину девятого утра. Громыко же по традиции, заведенной советскими руководителями еще в сталинские времена, привык трудиться допоздна, а иногда и по ночам. Он зачастую уезжал из министерства в девять-десять часов вечера, захватив с собой пухлую папку с документами. В МИДе же круглосуточно работали дежурные помощники, которые были готовы в любую минуту выехать к нему на дачу, чтобы привезти новые документы или увезти отработанные. При таком распорядке Громыко не привык вставать слишком рано. А тем более если предстояла важная встреча…

Несколько слов о Картере.

Джимми Картера долго считали политиком местного значения. В Джорджии его знали сначала как трудолюбивого и удачливого фермера, владеющего большими плантациями арахиса, культовой для Америки сельскохозяйственной культуры, затем — как губернатора штата. Правоверный баптист из весьма религиозной семьи, человек с открытым, улыбчивым лицом, светло-русыми волосами и белесыми ресницами, Картер, безусловно, тянул на стопроцентного американца. Но не более.

Во время президентской избирательной кампании он, соблюдая старую американскую традицию, лично ходил по домам избирателей, стоял у проходных заводов, раздавая листовки, и говорил: «Здравствуйте, меня зовут Джимми Картер. Я собираюсь баллотироваться в президенты Соединенных Штатов».

Как это часто бывает в Америке, в результате перипетий предвыборной гонки, стечения обстоятельств, одним словом, удачи белокурый фермер из Джорджии стал президентом. Правда, как потом оказалось, всего на один срок.

Американских обывателей после прихода нового президента к власти интересуют не только возможные перемены во внутренней политике (повышение или снижение налогов, увеличение или сокращение расходов на образование, медицину и так далее), но и то, какие изменения он внесет в облик своей резиденции в Белом доме. Я не могу отнести это только лишь к праздному любопытству. Характер перемен в Белом доме говорит очень многое о натуре, пристрастиях и воспитании его нового хозяина, в той или иной форме, в общем-то, определяющих

будущую внешнюю и внутреннюю политику страны. Поэтому данный вопрос и волнует американцев.

Когда президентом был Кеннеди, его жена, в частности, много потрудилась в Белом доме над созданием более шикарного, изысканного убранства. При Линдоне Джонсоне стиль стал простым, техасским. Никсон тоже внес немало своего.

Заменяются даже картины, украшающие стены многочисленных комнат и залов Белого дома. При Кеннеди, например, висели произведения маринистов, изображения парусников… Словом, каждый президент вместе с супругой приспосабливает Белый дом под свой образ жизни, имидж, привычки. Это касается как убранства официальной резиденции американских президентов, так и порядков ее внутренней жизни. Меняется стиль обслуживания, питания, организации приемов и торжеств.

Конечно же, изменения произошли и при Джимми Картере. После его въезда в Белый дом стали поговаривать, что стиль этой резиденции существенно упростится. Дело в том, что многие предшественники Картера-президента критиковались за чрезмерное расточительство за счет налогоплательщиков: организация непомерно роскошных банкетов, приобретение новых сервизов персон на двести и прочее. И вот, чтобы отмести от себя подобные пересуды, Картер сразу же дал понять, что при нем все будет значительно упрощено. Сменили поваров, взамен французов и итальянцев наняли американцев, кухня стала как бы более «патриотичной». Было заявлено, что вина будут подаваться только калифорнийские (это коснулось и американских посольств за рубежом, куда «калифорнийцы» стали завозиться в обязательном порядке). И вообще ходили слухи, что потребление спиртных напитков в стенах Белого дома будет резко сокращено или даже отменено.

При Картере обмен визитами на уровне высших руководителей не осуществлялся. Этот президент в какой-то мере был идеалистом. Вскоре после своего избрания он прислал в Москву госсекретаря Сайруса Вэнса с предложениями, далеко выходящими за рамки Владивостокских договоренностей по вопросам ограничения стратегических вооружений. После этого переговорный процесс надолго застопорился. Казалось, что американцы напрочь отказались от уже согласованной основы. У нас даже считали, что, пока нет преемственности во внешней политике, с Америкой вообще нельзя вести никаких дел и, соответственно, не может быть и встреч на высшем уровне.

***С. Вэнс, Л. И. Брежнев, А. А. Громыко на встрече в Кремле***

***Москва, 1977 год***

Еще одна проблема, которой, говоря современным словечком, Картер «доставал» советское руководство, — его навязчивая забота о правах человека. Он выдвинул эту проблему чуть ли не на первый план советско-американского диалога. Конечно, для наших руководителей предложенная тема стала просто острым ножом, приставленным к горлу, и рассматривалась она как вмешательство во внутренние дела СССР, несмотря на подписанный нами ранее Заключительный акт. Отношение же Картера к данной теме было идеалистическим, почти религиозным. Новый госсекретарь вместе со своим президентом начал ставить решение тех или иных вопросов в непосредственную зависимость от решения проблем в области соблюдения прав человека. Таких, например, как обращение с диссидентами, которых, повторюсь, стало появляться все больше и больше после и, я бы даже сказал, в результате Хельсинкских договоренностей. Короче, при Картере советско-американские отношения переживали не лучшие времена.

Однако ни американцы, ни мы, даже в условиях взаимных упреков и обвинений в адрес друг друга, все же не отказались от

диалога. И вскоре вернулись к практике ежегодных встреч президента США и Громыко во время пребывания нашего министра иностранных дел на Генассамблее ООН.

…Когда Громыко узнал о том, что американский президент будет ожидать его в Белом доме рано утром, Андрей Андреевич спросил у Добрынина, нельзя ли перенести переговоры на более поздний час. Тот в ответ усмехнулся: попробовать, конечно, можно, но вообще-то для Картера раннее утро — обычное для встреч время. В Госдепе, мол, подтвердили, что в другое время Картер принять Громыко не может.

Никуда не денешься. На следующее утро, ровно в половине девятого, мы были в Белом доме.

Картер привлек к беседе многочисленных официальных лиц и экспертов, поэтому переговоры проходили в так называемом зале заседаний правительства, примыкающем к Овальному кабинету. Едва мы зашли в это довольно просторное помещение, как открылась одна из боковых дверей и появилась пожилая, хорошо выглядящая, одетая в брючный костюм женщина. Президент встал и, улыбнувшись своей известной, несколько застенчивой улыбкой, произнес:

— Господин Громыко, прежде чем мы начнем, хотел бы представить вам мою маму. Она очень хотела познакомиться с таким известным человеком, как вы. И я не мог ей в этом отказать.

Никто из нас не был готов к столь неожиданной встрече, но Громыко немедленно поднялся, приветливо улыбнулся и воскликнул:

— Как, это ваша мама?

Картер обнял ее за плечи и подтвердил:

— Да.

Громыко сказал, обращаясь к матери президента, что ему очень приятно с ней познакомиться, что он читал о ней в прессе и знает, в частности, о том, что она была волонтером Корпуса мира (американской организации, которая посылает своих членов в слаборазвитые страны для оказания им помощи). Замечу, кстати, что у нас к деятельности Корпуса мира тогда было отрицательное отношение, так как ее истолковывали не иначе как проявление неоколониализма.

Мать Картера, с весьма заметным акцентом жительницы южных штатов, ответила, что она тоже счастлива познакомиться с Громыко, а потом неожиданно добавила:

— Не буду вам мешать. Но вы, господин Громыко, не обижайте моего сладкого мальчика.

Громыко шутливо парировал:

— Я? Вашего сына? Знаете, это, наоборот, он меня иногда пытается обидеть.

На что госпожа Картер отреагировала категоричным тоном:

— Ну, в это я никогда не поверю. Джимми очень, очень хороший мальчик…

# Гамбургер по-президентски

В один из последующих своих приездов в Соединенные Штаты Громыко вновь встретился с Картером, на этот раз не рано утром. Участников встречи было немного, и она проходила уже в Овальном кабинете. Как это часто бывает, беседа затянулась, вышла за рамки намеченного заранее круга вопросов. Были какие-то разногласия по гуманитарной тематике, но в целом все протекало мирно и доброжелательно. Пресса прессой, идеология идеологией, а беседы на таком уровне должны проходить конструктивно. И очень важно, чтобы диалог велся в нормальной обстановке. Как бы ни бесновались наши и американские идеологи, что бы ни трубили о конфронтации газеты, дела должны идти. И они шли. Может быть, не так быстро и успешно, как хотелось бы, но продвигались. Конечно, Громыко иногда выдавал президенту или госсекретарю что-нибудь зубодробительное относительно политики Соединенных Штатов и те отвечали тем же относительно советской, но на личности никто никогда не переходил.

К концу беседы между Громыко и Картером я уже начал предвкушать предстоящий завтрак в нашем гостеприимнейшем и хлебосольном посольстве. Иностранцев на завтраке не должно было быть, поэтому предполагалось, что обстановка будет неформальная. Можно пообщаться со старыми друзьями и коллегами, расслабиться, пошутить, выпить по рюмке.

Беседа закончилась, все вышли на террасу перед Овальным кабинетом и начали прощаться, как вдруг Картер, посмотрев на часы, обратился к Андрею Андреевичу:

— Господин министр, время-то подходит к часу дня. Время ланча. Надо же где-то поесть. Давайте поднимемся на второй этаж и позавтракаем вместе — вы и я.

К этому никто не был готов. Наверняка мысль пригласить Громыко на ланч пришла Картеру внезапно. Андрей Андреевич приглашение принял, но, повернувшись к стоящему рядом Добрынину, попросил его передать Картеру, что он, Громыко, чувствовал бы себя спокойнее, если бы рядом был его переводчик.

— Ну, разумеется, — ответил президент, — еды на всех хватит.

Мои надежды на завтрак в посольстве с друзьями рухнули.

Пока шел этот разговор, я, подойдя к стоявшему чуть поодаль моему американскому коллеге Биллу Краймеру, как бы из солидарности сказал, что, наверное, и ему в таком случае следовало бы присоединиться.

Билл почтительно поинтересовался у президента, не понадобится ли и он на ланче? На что Картер белозубо улыбнулся и ответил:

— Нет, спасибо. Уверен, что Виктор один справится.

Делать было нечего. Работа есть работа. Картер жестом пригласил нас вернуться в дом и подняться на второй этаж в его личные апартаменты.

Заходим в семейную гостиную, за открытой дверью, в столовой, накрыт небольшой обеденный стол. Открывается еще одна дверь, и, переступая босыми ножками, входит мальчик, не старше двух лет, в сопровождении симпатичной чернокожей няни. Картер, расплывшись в улыбке, говорит:

— А это мой внук — Джеймс Картер.

Громыко, у которого тоже были внуки, заулыбался и, указывая на мальчика, переспросил:

— Тоже Джимми?

— Нет. Джимми — это я. А он — Джеймс.

Потом, когда малыша увели, Картер предложил нам перед ланчем что-нибудь выпить. Громыко немного замешкался и, как обычно, спросил у меня:

— Суходрев, как вы думаете, что именно?

— Ну, если мы в Америке, Андрей Андреевич, то, видимо, виски с содовой.

— Вы, наверное, правы, Суходрев. — И Громыко уже по-английски говорит президенту: — Может быть, виски с содовой?

— А вы, Виктор? — спрашивает меня Картер.

— Учитывая, что я посоветовал министру виски, то уж точно буду пить то же самое.

Громыко шепнул мне:

— Суходрев, а где-нибудь руки помыть можно?

Я переадресовал вопрос Картеру. Он показал, куда надо пройти. Громыко ушел.

Принесли напитки. Я взял свой стакан, Картер — свой, а виски для Громыко поставили на столик.

И тут я спросил Картера:

— Господин президент, а что же это везде пишут, будто у вас, в Белом доме, и выпить-то ничего крепкого нельзя?

Надо сказать, что Картер всем своим обликом и поведением располагал к разговору без особых церемоний. Даже у людей намного ниже его рангом он не вызывал никакой боязни или трепета, перед ним ни у кого не возникало желания вытянуться в струнку.

Картер улыбнулся на мой вопрос:

— Ну нет, это преувеличение. На самом деле я и сам не прочь

после работы выпить немного виски.

В это время вернулся Громыко. Я тоже попросил разрешения удалиться. Когда я снова присоединился к ним, сам хозяин ненадолго покинул нас.

Громыко спросил меня:

— Как вы полагаете, он этот завтрак специально задумал? Может, он хочет какой-то вопрос поставить? Опять про эти права?

— Я так не считаю, Андрей Андреевич. Картер, видимо, придумал этот завтрак на ходу.

Я оказался прав. Никаких деловых разговоров за ланчем не было.

Сели за стол. Я посмотрел на приборы. Две вилки — большая и маленькая, один нож… А за тарелкой — ложка. Мне все стало ясно: ланч будет скромный.

Начали с зеленого салата. Круглая булочка. Кирпичиком — масло. Вина не подали, только минеральную воду. Когда убрали тарелки из-под салата, принесли главное блюдо.

«О боже! — воскликнул я про себя. — Гамбургер!»

Увы, такой же, какой можно было купить в любом «Макдональдсе» за семьдесят пять центов! И это — вместо моих любимых домашних горячих пирожков с мясом! Не говоря обо всем прочем в нашем посольстве.

Переводить мне так ничего и не пришлось. Громыко и Картер говорили на малозначимые темы и в переводчике не нуждались.

Когда мы вернулись в посольство, я рассказал своим друзьям, что подают на ланч у президента США. Однако особого сочувствия к себе не вызвал. Возможно, потому, что сытый голодного не разумеет. И я на легкий желудок надолго засел тогда в так называемой темной комнате посольства, защищенной от подслушивания, чтобы продиктовать двум сменяющим друг друга стенографисткам запись утренней беседы Громыко и Картера.

# Громыко в работе

Надо сказать, что Андрей Андреевич Громыко начал работать во внешнеполитическом ведомстве СССР еще при Сталине, в 1939 году. До этого, в 1932 году, он окончил Минский сельскохозяйственный институт, а в 1936-м — аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства и с того же года занимал должность старшего научного сотрудника в Институте экономики АН СССР.

Всю жизнь Андрей Андреевич много читал. Он неплохо знал историю России, интересовался деятельностью своих великих предшественников, например Витте, любил рассказывать о них. Благодаря отличной памяти, практически дословно цитировал прочитанное, а на переговорах почти никогда не пользовался тем, что мы в МИДе называли «разговорниками», в которых пространно излагалось то, что необходимо было сказать в ходе беседы. В принципе, как я уже отмечал, ему готовили только справки по истории вопроса, по цифровым данным.

Громыко зарекомендовал себя искусным оратором на публичных сборищах. Для сравнения, если вспомнить других наших руководителей в этом плане, то Хрущев, например, любил покрасоваться перед публикой, выступить на пресс-конференции. Мне всегда казалось, что он прямо-таки наслаждается этим. Брежнев в пресс-конференциях не участвовал, да никогда и не пытался. Косыгин во время своих зарубежных визитов всякий раз устраивал встречи с прессой. А когда его постепенно «отодвинули», то, пожалуй, в высшем руководстве и не осталось никого, кто был бы способен выступить на пресс-конференции, да и вообще имел бы навыки без подготовки сделать четкое, ясное заявление, без шпаргалки ответить на каверзные вопросы зарубежных журналистов.

Что же касается Громыко, то, где бы ни был Андрей Андреевич, после окончания переговоров он охотно подходил к толпе корреспондентов, делал краткое заявление, без всякого, разумеется, заранее заготовленного текста, и минут десять — пятнадцать отвечал на вопросы. По-моему, ему даже нравилось словесное фехтование с журналистской братией. Конечно, это создавало дополнительные трудности для меня. Но я понимал, Громыко делает все для того, чтобы приблизить нашу страну к мировой практике цивилизованного общения. Госсекретари США, например, после переговоров в обязательном порядке выходили к журналистам. Громыко, памятуя об этом, всегда старался опередить американского партнера по переговорам и первым

сообщить представителям прессы об итогах прошедшей беседы, вернее изложить свое понимание итогов. И справлялся с этим блестяще.

***Генеральный директор ТАСС при Совете Министров СССР Л. М. Замятин, А. А. Громыко, В. М. Суходрев на пресс-конференции в Доме приемов***

***Москва, 1970-е годы***

***Визит премьер-министра Великобритании Дж. Кэллагана в СССР***

***Слева направо: Дж. Кэллаган, Л. И. Брежнев, В. М. Суходрев, А. А. Громыко***

***Москва, 1970-е годы***

Громыко мог и в Москве созвать специальную пресс-конференцию и сделать пространное заявление, опять же не пользуясь какими-то заготовками, а только на основании своего листочка бумаги, исписанного неизменным синим карандашом. Для тех лет это было непривычным явлением.

На пресс-конференциях Громыко отвечал на любые вопросы, не увиливая и не отделываясь общими фразами. Говорил четко, рублено. Подчас витиевато, сложно, но, как правило, исключительно грамотно и по делу. Порой эмоционально, возбужденно, иногда спокойно, даже несколько флегматично. Вообще-то он не был эмоциональным человеком, но мог распалиться, если тому была причина.

Согласно дипломатической практике того времени, переводчик не только переводил, но и вел подробную запись всего разговора. За годы работы мне пришлось извести, наверное, километры и километры бумаги, записывая беседы и переговоры. А после окончания встречи наступал для меня самый трудный этап — расшифровка записей (они делались особой скорописью) и составление отчета.

Громыко всегда внимательно просматривал и правил мои записи, которые были довольно объемными — по 20–30 страниц. Андрей Андреевич придавал большое значение абсолютно точной, практически дословной записи. Хотя, в отличие от стенографистки, переводчик должен внести в свою запись определенные коррективы — логично и грамотно изложить фразы и выражения. Короче говоря, устная, не всегда правильная, зачастую отрывочная речь беседы в письменном отчете должна выглядеть как стройный диалог. Главное — не обюрократить текст, не превратить его в сухой канцелярский документ. Для меня это было всегда важно.

Громыко, естественно, требовал как можно скорее представить ему мои записи. Особенно если это было за границей. Ему хотелось побыстрее доложить в Москву о результатах своих переговоров. Более того, он имел привычку

после их завершения собрать всех участников с нашей стороны и коротко обсудить итоги. Расхаживая по кабинету, он давал собственное толкование того, к чему стороны пришли в результате переговоров, а потом всегда спрашивал, правильно ли он трактует достигнутые договоренности. Иногда просил меня, вспоминая какую-то особенно важную часть беседы, достать блокнот и прочитать буквальный перевод. Я шуршал листами, находил нужное место и зачитывал. После чего он отпускал меня с обычным своим напутствием:

— Вы понимаете, что это нужно донести до Москвы как можно быстрее? Но это не значит, что вы должны торопиться за счет качества.

Качество записи он всегда выдвигал на первый план.

Внося свои исправления в готовую запись, Громыко почти не правил речь иностранного собеседника. Если и вставлял какие-то слова, то чаще всего поясняющие. Например, перед прямой речью мог написать: «Здесь он, очевидно, имея в виду, что…» или «Из этого следует, что американцы склонны пойти на уступки…» А самую суть, как правило, не трогал.

К собственным словам Громыко относился очень придирчиво. Корректировал свой текст с учетом реакции в Москве, иногда внося в него весьма существенные исправления. Усиливал фразы, мог вставить прямую цитату из директив, даже если и не произносил ее на самом деле. Нет, он не обманывал кремлевских начальников. Просто Громыко знал, что та манера общения с иностранными лидерами, которую он выбирал для того, чтобы те пошли на уступки, не всегда будет правильно воспринята членами Политбюро. Значит, для кремлевских старцев содержание переговоров нужно было изложить на понятном им языке. Что Громыко и делал, когда правил записи бесед. И в этом тоже проявлялись его качества дипломата: осторожность и предусмотрительность. Такие были времена — подобным лавированием и изворотливостью должен был обладать любой партийный функционер, если он надеялся добиться какого-то успеха. Эти же законы царили и на самом верху, среди членов партийного Олимпа — Политбюро ЦК КПСС. Так что сохранившиеся в архивах записи переговоров, которые вел Громыко, конечно же, по сути своей точны, но утверждать, что каждое зафиксированное в них слово было им произнесено, нельзя.

# Привычка — вторая натура

По своему характеру Громыко был консерватором. Даже в мелочах. Во время зарубежных поездок его помощники и секретари «отоваривались» всеми необходимыми канцтоварами в наших посольствах. Синих карандашей импортного производства никто для Андрея Андреевича не «закупал». Знали, что он все равно от них откажется, предпочитая отечественные. Брился Громыко только обычным, классическим, станком «Жиллет» с бритвами. А когда появились станки с двойными лезвиями, плавающими головками, он не пожелал их даже испробовать, сказав, что все это ерунда.

Внешний облик Андрея Андреевича нельзя себе представить без галстука, костюма темного тона и белой рубашки и вообще неделовым.

Став членом Политбюро, Громыко полюбил ездить на отдых в Крым, в местечко под названием Мухолатка. Это примерно час с небольшим езды от Ялты. Там он проводил свой отпуск. Замечательное безлюдное место. Две небольшие госдачи, маленькая, всегда спокойная бухточка. Говорят, что он и в море купался, но все же не могу представить Громыко в одежде курортника и уж тем более в плавках.

Однако это, так сказать, дома. А вот случай из дальних странствий.

Мы находились с Громыко на Кубе. Оказались там потому, что, возвращаясь из Америки, с сессии Генассамблеи ООН, сделали остановку на острове по приглашению кубинского руководства.

Разместили нас в отдельных гостевых коттеджах, расположенных вокруг небольшого озерца. В переговорах я не участвовал и два дня просто отдыхал.

Накануне нашего отлета, вечером, Фидель Кастро решил устроить ужин на свежем воздухе. Где-то на окраине или даже за городской чертой Гаваны находилось излюбленное, по словам работников посольства, место отдыха Фиделя. Туда он и пригласил всю советскую делегацию. На Кубе в это время стояла сильная жара. Кастро попросил передать Громыко, что ужин будет совершенно неофициальный, чисто дружеский. И очевидно, зная Андрея Андреевича, он специально подчеркнул: «Никаких галстуков, никаких костюмов». Даже попросил нашего посла уговорить Громыко явиться в рубашке с короткими рукавами и летних брюках.

Перед выездом мы все собрались у дома, в котором

остановился Громыко. Выстроился кортеж автомашин. Вдруг ко мне подошел посол и говорит:

— Вот вы увидите, что будет. Он выйдет в галстуке, в своем плотном темном костюме, то есть в том виде, в котором вел переговоры. Этого я и боюсь. Ведь Кастро специально и очень настойчиво просил, чтобы он пришел в летней одежде.

***А. А. Громыко, Л. И. Брежнев, Р. Никсон в Ореанде***

***Крым, 1974 год***

***А. А. Громыко и И. Ганди***

***1970-е годы***

Мы все, разумеется, надели рубашки с короткими рукавами. У кубинцев очень популярна рубашка навыпуск, с четырьмя накладными карманами. И в ней, если она белого цвета, считается приличным появляться даже на официальных приемах. Это и понятно — жара там совершенно нестерпимая.

Посол обратился ко мне:

— Вы же его хорошо знаете, может быть, подниметесь к нему и уговорите надеть что-нибудь полегче.

Я поднялся на второй этаж. Громыко вышел, как и предполагал посол, в плотном шерстяном костюме. В помещении это еще было ничего, потому что работали кондиционеры. А на улице… Я говорю:

— Андрей Андреевич, извините, но Кастро просил надеть что-нибудь легкое.

Я старался вовсю, чуть ли не умолял его понять, что это и политически важно, ибо Кастро хочет продемонстрировать именно дружеское общение, подчеркнуть, что встреча абсолютно

неформальная, не продолжение переговоров.

Громыко поморщился и спросил:

— Суходрев, вы действительно так считаете?

— Я в этом убежден, Андрей Андреевич. Все, кто с вами здесь находится, весь состав посольства и, конечно же, кубинцы — все без исключения будут в рубашках с короткими рукавами и без галстуков.

— Н-да, — недоверчиво протянул Громыко. — Ну хорошо. Будь по-вашему.

Он развернулся и пошел к себе. Через десять минут вновь вышел. Пиджака на нем не было, рубашка и галстук остались те же. А поверх рубашки он надел куртку бежевого цвета, застегнув ее аж до самого узла галстука. Не могу ручаться, но мне показалось, что эта куртка была шерстяная. Во всяком случае, достаточно плотная.

— Ну вот, Суходрев, — сказал Андрей Андреевич, — я пошел на компромисс!

В таком виде, а для Громыко это была высшая степень вольности в одежде, он отправился на ужин. И провел весь чудесный вечер под открытым небом с яркими южными звездами в данном облачении.

Угощение было особым: на огромном вертеле жарилась туша целого быка. Повара поворачивали вертел над угольями и по мере прожаривания мяса срезали благоухающие слои. Я сидел довольно далеко от Громыко, но видел, что на протяжении всего вечера, несмотря на жару и горячую пищу, он держался молодцом.

В Индонезии, в дни визита туда Хрущева, Андрей Андреевич поразил меня в этом плане еще больше.

Довольно много времени мы проводили в дороге. Я обычно ездил в одном автомобиле с Громыко.

Итак, едем мы в очередной раз на машине, Громыко расположился на заднем сиденье, я — на откидном, вполоборота к нему, потому что отвечаю на его вопросы. Ненароком бросаю взгляд вниз и вдруг замечаю под слегка задравшейся брючиной Андрея Андреевича белые кальсоны, явственно просвечивающие через тонкие черные носки.

В дни нашего пребывания в Индонезии столбик термометра поднимался обычно до 35–40 градусов в тени. Мы довольно много часов проводили на воздухе, под палящим солнцем. На неформальных церемониях, говорил нам президент Сукарно, лучше всего быть в легких одеждах. Хрущев с удовольствием, помню, надевал вышитую украинскую косоворотку. А Громыко оставался в неизменном темном плотном костюме и при галстуке.

И, как выяснилось, еще и в теплом нижнем белье…

Завершая эту тему, расскажу о случае, который произошел с Андреем Андреевичем в Нью-Йорке в середине 70-х годов. Во время одного из своих выступлений с трибуны ООН Громыко вдруг страшно побледнел, умолк на полуфразе, качнулся — было видно, что вот-вот упадет. Подбежавшие охранник и врач успели его подхватить под руки и увести.

Я в этот момент был в зале. Начался переполох. Как бы кто ни относился к Громыко-политику, случившееся с патриархом дипломатии вызвало у присутствующих сочувствие и привело их в состояние замешательства. К тому же никто не знал, что именно произошло с ним. Все видели только то, что Громыко вдруг потерял сознание. Посоветовавшись, председатель решил дать слово следующему оратору.

Забегая вперед, скажу: потом я спросил личного врача Громыко о причинах обморока, и он ответил, что виной тому был элементарный перегрев. Сентябрь в Нью-Йорке — прекрасный теплый месяц, а в зале Генеральной Ассамблеи, где собрались делегации полутора сотен стран, было довольно душно. Тут-то Громыко и подвела привычка в любую погоду надевать на себя теплые вещи. Неудивительно, что случился этот обморок.

Когда выступление следующего оратора закончилось, председатель объявил о том, что Громыко готов продолжить свою речь. Андрей Андреевич вернулся на трибуну и как ни в чем не бывало продолжил выступление с того места, на котором прервался. Весь зал, все присутствующие, независимо от политической окраски и пристрастий, встали и устроили ему овацию. «Старый боевой конь» вернулся в строй.

# Пять дней в океане

Вообще, со здоровьем у Громыко было все в порядке. Хотя вспоминаю еще один случай, когда Андрей Андреевич почувствовал недомогание.

Это произошло в 1958 году, во время моей первой поездки с Громыко в ООН в качестве переводчика. В ту пору у нас еще не было самолетов, которые могли бы совершать перелеты через океан в Нью-Йорк. Поэтому, долетев до Хельсинки или Стокгольма, мы пересаживались на обычный рейсовый самолет какой-нибудь западной авиакомпании. Обратно добирались точно так же. А вот в той поездке помощники уговорили Громыко возвращаться домой после пребывания на Генассамблее не самолетом, а морским путем. Сказано — сделано. Заказали билеты на роскошный трансокеанский лайнер «Куин Мэри» и отправились в путь. Нас было человек шесть-семь. Ни охрана, ни личный врач на тот момент Громыко не полагались, так как он еще не являлся членом Политбюро.

Все были довольны — пять дней в открытом океане! Причем на огромном многопалубном судне, с несколькими бассейнами, кинозалами, ресторанами, танцзалами и так далее. (Сейчас уже нет такой традиции — пересекать океан на плавательном судне. Нынче все больше летают самолетами. Конечно, существуют круизы, но как популярный вид транспорта пассажирские корабли безвозвратно ушли в прошлое. А жаль.)

Знаменитая пароходная компания «Кюнард» устраивала подобным лайнерам в Нью-Йоркском порту торжественные проводы с конфетти, серпантином, воздушными шариками и оркестром.

Перед отплытием я на всякий случай зашел в аптеку и запасся «Драмамином», лучшим на то время средством от морской болезни. Как выяснилось позже, только я оказался таким предусмотрительным, хотя мне лично «Драмамин» не понадобился. А вот что касается Андрея Андреевича, то в конце первого же дня плавания я заметил, что он неважно себя чувствует. Помощники тоже обратили внимание на то, что он погрустнел и выглядит мрачнее, чем обычно. Я сказал им об имеющихся у меня таблетках. Те призадумались. Как люди опытные, они знали, что спрашивать у Громыко о том, как он себя чувствует, совершенно бессмысленно: о плохом своем самочувствии он ни сказал бы никогда в жизни. В конце концов один из помощников попросил меня:

— А ты подойди к нему как бы невзначай и скажи, что у тебя

есть таблеточки. Не нужно ли ему случайно? Вроде как по наивности.

Так я и сделал. Андрей Андреевич недоверчиво повертел в руках коробочку с лекарством, внимательно прочитал надписи, что-то пробурчал себе под нос, однако две таблетки взял.

Утром, перед завтраком, мы все собрались у каюты Громыко. Он вышел заметно повеселевшим. И когда помощники отошли в сторону, сказал мне, что таблетки очень помогли. Я отдал ему всю упаковку, сказав, что у меня есть еще.

Эти пять дней на корабле оказались для меня подарком судьбы, неожиданным отдыхом. Я ходил в бассейн, в бар. Громыко же ничего такого себе, конечно, не позволял. И весь груз общения с ним во время его вынужденного бездействия лег на плечи помощников. Они договаривались между собой, кто и чем будет занимать его.

Единственным развлечением Андрея Андреевича были прогулки по палубе. Он любил пройтись быстрым шагом, благо размеры палубы это позволяли. Мы все — рядом с ним. Как-то, помню, уже в который раз шагаем мы по палубе, и тут какой-то подвыпивший американец подходит и довольно громко говорит:

— А-а, Громыко! Да улыбнитесь же вы, наконец!

Андрей Андреевич встрепенулся, смутился и быстро направился в свою каюту. На моей памяти это единственный случай, когда кто-то позволил себе по отношению к нему такой бестактный поступок.

На лайнерах типа «Куин Мэри» всегда следили за исполнением правил этикета. Так, в роскошный ресторан, где собирались пассажиры, следующие первым классом, в первый вечер мужчинам полагалось прийти в обычном костюме, а во все остальные вечера, кроме последнего, уже надо было являться в смокинге с бабочкой. Разумеется, советские люди эту часть правил этикета не соблюдали. И каждый вечер среди «пингвинов», как иногда называют мужчин, одетых в смокинги, появлялась группа товарищей в обычных темных костюмах. Наверное, «пингвины» что-то думали по данному поводу, но нас это не волновало.

В один из дней и на мою долю выпало «развлекать» Громыко. А началось это так. Перед сном я решил пойти на корму и выкурить там сигарету. Свежий воздух, внизу — широкая белая дорожка, оставляемая мощным телом «Куин Мэри», красота, одним словом. Вдруг слышу сзади голос:

— Решили покурить перед сном?

Я обернулся и увидел католического священника в черном костюме и рубашке с белым воротничком-стоечкой. Моложавый,

светловолосый. Мы познакомились. Будучи священнослужителем одного из американских монастырей, он ехал с инспекционной миссией по общинам своего ордена в какую-то далекую азиатскую страну. Очень удивился, узнав, что я русский, и сказал: значит, непременно коммунист. На следующий день мы опять встретились и довольно долго беседовали. Он рассказал о себе, в частности, о том, что помимо иных обетов принял на себя обет нищеты. Однако достаточно дорогие часы на его руке несколько не соответствовали данному обету. Я обратил его внимание на это. Он ответил:

— Часы не мои. Мне их выдали в связи с поездкой, чтобы я мог узнавать время. А так у меня не только часов, но и никаких других личных вещей нет.

— А сигареты? — спрашиваю.

— Да, есть у меня такой грех… — смутился он.

— А где же вы берете деньги на них, если вы нищий? Неужели церковь снабжает вас деньгами на греховные дела?

Вот таким образом мы с ним и разговаривали, а потом начали спорить о религии. Я, естественно, доказывал преимущества коммунизма, поскольку именно он «приведет род людской к равенству и братству»…

После очередной встречи с этим священником я заглянул в гостиную, где сидел Громыко со своими помощниками. Шел уже третий день плавания, и помощники заметно устали. Запас их альтруизма подходил к концу, а «развлекать» Андрея Андреевича по-прежнему надо было… Я рассказал одному из помощников о своем новом знакомстве. Тот обрадовался.

— Это просто отлично! — воскликнул он и повел меня к Громыко. — Андрей Андреевич, а знаете, с кем тут наш Виктор познакомился? С католическим священником! — радостно оповестил он шефа.

Громыко оживился:

— Суходрев, а ну-ка расскажите. Это интересно.

Я сел и долго, во всех подробностях, рассказывал о том, что услышал от священника. Громыко внимал с большим интересом. Когда я дошел до наших с американцем споров, Андрей Андреевич начал мне подсказывать аргументы: коммунизм — это основная движущая сила, извечное совершенство, живое учение и так далее. И настаивал, чтобы я именно так при следующей встрече и заявил священнику.

На пятый день мы прибыли в Гавр. Во время прощания священник спросил:

— Вы не возражаете, если я напишу вам письмо?

Я замешкался, а потом, вспомнив, что о наших беседах я

рассказывал не кому-нибудь, а самому министру иностранных дел Советского Союза, смело ответил:

— Конечно не возражаю, пишите, пожалуйста!

Но писем не было. Ни одного. Вот такая история.

# Соратники без дружбы

Оглядываясь на прошлое, я думаю, что Андрей Андреевич Громыко был человеком во многих отношениях негибким, прямолинейным. Но ведь и система была такова. Будь он другим, не занимал бы столько лет такой пост, не сослужил бы большой службы Стране Советов.

Проявлял ли он раболепие перед первыми лицами, начиная со Сталина и кончая Горбачевым? Да, конечно. Как, впрочем, и все остальные. Или, по крайней мере, подавляющее большинство. Он всегда хранил непоколебимую верность тому человеку, который в данный момент находился у власти. Вначале это был Сталин. Потом, когда стало ясно, что Хрущев все больше утверждается как «первый среди равных», Громыко всецело перешел на его сторону. То же произошло, когда начал возвышаться Брежнев. Громыко всегда умел вовремя определить, в чьи паруса дует ветер. И это чутье ни разу его не обмануло.

Несмотря на то что Андрей Андреевич всячески поддерживал Хрущева в борьбе с так называемой антипартийной группой, тот так и не ввел Громыко в состав Политбюро. Его членом он стал лишь при Брежневе, в 1973 году.

Тогда и положение МИДа изменилось. До этого в течение многих лет над Громыко стоял Борис Пономарев — секретарь ЦК, заведующий Международным отделом. В 1972 году Пономарев был избран кандидатом в члены Политбюро, в то время как Громыко оставался всего лишь членом ЦК КПСС. Поэтому любые мидовские документы, которые шли через ЦК, запросто правили сотрудники аппарата Пономарева. Они, кстати, очень любили это делать, зная о непростом отношении своего шефа к МИДу.

И вдруг в одночасье, минуя этап кандидатства, Громыко становится членом Политбюро. Сразу все переменилось. Замечу, что тут Громыко свое взял. Сотрудники МИДа, в том числе и я, это сразу почувствовали. Мы уже могли огрызаться, если кто-то звонил из Международного отдела ЦК и уж очень настойчиво критиковал наши бумаги. Теперь нам было достаточно сказать, что их утвердил Громыко, и все вопросы отпадали сами собой.

Отмечу еще вот что. Косыгин, глава правительства в те годы, не мог давать указаний Громыко, члену правительства, как, впрочем, он не мог их давать и министру обороны или председателю КГБ. Они подчинялись только Политбюро, стало быть, Генеральному секретарю. Поэтому Громыко на заседания правительства, которые проводил Косыгин, почти никогда не являлся.

Совсем другое дело Политбюро. Сюда его вызывали даже в то время, когда он не был в его составе. И, как мне рассказывали, он всегда довольно твердо выступал в поддержку Генсека. А споры там тоже бывали, часто довольно ожесточенные.

С Косыгиным у Громыко постоянно были натянутые отношения. Они недолюбливали друг друга (со стороны Громыко это объяснялось, может быть, тем, что к Косыгину прохладно относился сам Брежнев). Это чувствовалось даже в повседневном общении, хотя внешне они этого особенно не выказывали.

На данную тему вспоминается такой эпизод. На переговорах в Ташкенте между президентом Пакистана Айюб Ханом и премьер-министром Индии Шастри Советский Союз выступал посредником. Руководителем нашей делегации был Косыгин. Громыко, конечно, тоже вошел в ее состав.

Косыгин, как я уже рассказывал, занимался на этих переговорах челночной дипломатией: ездил в резиденцию премьер-министра Индии, оттуда — к президенту Пакистана, ибо те напрямую не разговаривали друг с другом.

Однажды Косыгин с Громыко приехали в резиденцию Шастри в одном лимузине и, соответственно, вернуться должны были вместе, в этом же автомобиле. После окончания беседы все вышли к машинам. Мы с Андреем Вавиловым быстро сели в свою «Волгу», чтобы потом не отстать от лимузина Косыгина и Громыко. И вдруг я вижу: Громыко, что-то сказав Косыгину, внезапно поворачивает назад и возвращается в здание. Позже выяснилось, что он забыл свою папку. Такого с Громыко никогда не случалось, я, по крайней мере, подобного не помню.

Косыгин как ни в чем не бывало сел в лимузин и укатил. Не стал ждать. Мы же остались. Через минуту вышел Громыко. Не обнаружив лимузина, он начал растерянно озираться по сторонам, явно не зная, что делать. Выглядело это довольно необычно — министр иностранных дел стоит на улице в одиночестве, без сопровождения, без машины. Я направился к нему. Громыко, заметив меня, обрадовался:

— Суходрев, у вас есть машина?

Я не знаю, ездил ли Андрей Андреевич когда-нибудь до этого в обычной «Волге». Он долго усаживался, устраивая свои ноги. Всю дорогу сидел насупившись, поджав губы, молчал. Мы тоже, естественно, не вымолвили ни слова. Приехали в особняк, в котором поселили Косыгина. Вошли в дом, поднялись на второй этаж. Председатель сидел в гостиной. Увидев Громыко в нашем сопровождении, он с издевкой посмотрел на него, улыбнулся и ехидно заметил:

— Ну что? Папку забыл? Все секреты небось разгласил…

При всем моем уважении к Косыгину не могу не признать, что эти слова его не украсили.

# Дела мирские

У Андрея Андреевича Громыко было правило: из командировок, особенно в Америку, привозить подарки первым лицам государства — Брежневу, Подгорному, Андропову, а позже и Черненко. Причем каждый раз это был один и тот же набор — шляпы, рубашки, галстуки.

Конечно, сам Громыко не ходил по магазинам. Он чаще всего поручал эту «почетную» миссию мне — я слыл в МИДе человеком, который разбирается в мужской одежде. Надо сказать, я с большой охотой отправлялся в эти походы по магазинам, так как выделяли машину и попутно я что-то покупал для себя.

Покупками для семьи Громыко, довольно многочисленной, занималась в основном его жена, Лидия Дмитриевна, сопровождавшая супруга почти во всех его поездках за границу. Материальные возможности четы были не безграничны (во всяком случае, до той поры, пока Андрей Андреевич не стал членом Политбюро). Правда, во время командировок он получал самые высокие суточные, с определенными надбавками, но все равно это были не слишком большие деньги. Лидия Дмитриевна целыми днями колесила, например, по Нью-Йорку с женой одного из наших дипломатов, досконально изучившей рыночную «конъюнктуру» города и его окрестностей. Ездили они за покупками в самые дешевые районы, в частности в Даунтаун, где все продавалось по бросовым ценам. Там Лидия Дмитриевна покупала вещи для себя, мужа, сына, дочери и внуков. Качество товаров, естественно, было невысоким.

Однажды Лидия Дмитриевна, зная, что я поеду по просьбе ее мужа закупать партию рубашек, обратилась ко мне и со своей просьбой — купить для одного из внуков спортивную рубашку навыпуск. Он стеснялся собственной фигуры из-за полноты, а такая рубашка скрадывала бы ее. Я сказал, что это не проблема, и привез искомое. Лидия Дмитриевна поохала насчет дороговизны, но смирилась.

Когда же я разложил для осмотра подарочные рубашки для взрослых дядей и назвал цену каждой, она запричитала:

— А я видела точно такие же рубашки намного дешевле! — Своим тихим назойливым голосом она могла любого вывести из себя, а мужа — взвинтить.

И вот уже он обрушил на меня собственную досаду. Стал обвинять в том, что я хожу не по тем магазинам, что меня просто обманывают евреи в своих дорогущих лавках.

Стиснув зубы, я процедил, что выбираю магазины средней

руки, хотя мог бы купить рубашки втрое-впятеро дороже или вообще практически за бесценок, из тех, что, наверное, видела Лидия Дмитриевна. Но эта дешевка себя обязательно обнаружит. И недостойно Андрея Андреевича преподносить в подарок людям, которых он уважает, рубашки за десять долларов.

Как-то раз Громыко попросил меня подыскать для его сына дубленку. И опять я попытался было поспорить. Ведь практически все дубленки, продающиеся в американских магазинах, привозные: болгарские, венгерские, румынские, югославские. В принципе в США довольно мало ширпотреба собственного производства. Я в те времена купил себе в Болгарии приличную дубленку из экспортной партии, предназначенной для отправки в Канаду. Короче говоря, я посоветовал Громыко купить дубленку сыну в какой-нибудь из братских стран, добавив, что это будет намного дешевле. Андрей Андреевич только фыркнул в ответ и отверг мое предложение. Пришлось мне отправиться в нью-йоркский магазин. Дубленку я нашел, но когда сказал моему шефу, сколько она стоит, он как-то сразу потерял к ней интерес. Видимо, было не по карману.

Кстати, другие наши высокопоставленные руководители, которых я сопровождал в их зарубежных поездках, тоже были ограничены в средствах. Я, возможно, удивил читателей, но это — факт.

Вообще, лидеры Советского Союза предпочитали товары с прилавков «загнивающего» Запада. Я уж не говорю о спецмагазинах ЦК, где также продавались исключительно заграничные товары. Доступ туда имели члены семей самого высшего руководства. Помню, как однажды на четырнадцатом этаже МИДа, где я работал, случайно встретил в коридоре Галину Брежневу. Мы поздоровались, и она стала спрашивать мое мнение о часах, купленных ею буквально в этот же день в подарок мужу. При этом показала элегантную коробочку, в которой лежали золотые часы одной из ведущих швейцарских фирм — мощные, крупные, с тяжелым браслетом. Я ее покупку, конечно, одобрил и поинтересовался, где у нас такое продают. Она и рассказала, что в начале Кутузовского находится спецмагазин, доступный лишь для ограниченного круга людей.

Так что заграничные вещи наши руководители приобретали и дома. Но признаваться в этом было не принято.

В 1959 году ездил я в США с Фролом Романовичем Козловым. В Чикаго, в огромной подземной торговой галерее, Козлов из окна автомобиля на ходу с интересом поглядывал на витрины роскошных магазинов, изобилующие товарами. И вдруг в какой-то момент повернулся к Меньшикову, нашему послу в США, и

говорит:

— Слушай, вот смотрю я на витрины и вижу — одежда, часы, вещи разные, но что-то ничего особенного.

Меньшиков, одетый с ног до головы во все американское, отвечает:

— Да что ты, Фрол! Все это просто барахло! Дешевка!

Громыко никогда не позволял себе подобных суждений. Но все же общая отсталость СССР в производстве товаров широкого потребления отражалась и на его взглядах.

А вообще-то, как я уже отмечал, в житейских вопросах Громыко был человеком абсолютно консервативным. Эта его черта, естественно, проявлялась и в отношении к моде. Здесь он соблюдал постоянство, хотя за долгий период его активной деятельности на дипломатическом поприще мода несколько раз круто менялась. Он же признавал только некую усредненную модель, скажем, мужского костюма. Конечно, он не принял тех изменений в стиле одежды, которые произошли в 70-х годах, — всех этих широченных лацканов пиджаков, длинных воротников сорочек, расклешенных брюк и ярчайших, закрывающих чуть ли не полгруди галстуков. На моей памяти это была самая резкая, внезапная и революционная смена стиля. Особенно он был необычен после моды 60-х.

В связи с новыми модными тенденциями мне стало все труднее выполнять просьбы Громыко о закупках одежды, потому что покрой даже самых консервативных и классических рубашек изменился. Когда я их приносил, на лице у Громыко появлялось недовольное выражение. Так же сложно стало покупать галстуки. Самые узкие и сдержанные из них все равно были шире и ярче тех, к которым привыкли наши руководители.

Дело доходило до исторических экскурсов. Я спрашивал:

— Андрей Андреевич, ну скажите, как бы оценили, например, сто лет назад то, что носят сейчас? А если оглянуться еще дальше и проследить за эволюцией моды, то, с точки зрения людей Средних веков и уж тем более Древнего мира, сегодняшняя одежда выглядит просто ужасно! На протяжении всей истории человечества мода эволюционировала, и что же, теперь она вдруг должна застыть только потому, что мы привыкли к какому-то определенному фасону?!

Громыко на это лишь качал головой.

А однажды, за обеденным столом, когда он был в благодушном настроении, я даже позволил себе сослаться на «вечно живое» учение марксизма-ленинизма, на постулат диалектического материализма о том, что все течет, все изменяется, ничто не может стоять на месте, иначе это будет

стагнация. Громыко, помню, поднял бровь. Даже хмыкнул. Но против этого убийственного тезиса возразить не мог. И в итоге согласился приобрести несколько рубашек более-менее современного покроя.

# Ежегодные шляпы

Ездить по Нью-Йорку в поисках подарков мне приходилось немало. И отнюдь не из-за привередливых вкусов их будущих обладателей, а потому, что зачастую те предметы одежды, которые требовалось купить, в Америке уже не пользовались спросом и, соответственно, производили их в очень малых количествах.

Прежде всего это касалось шляп. Люди старшего поколения, наверное, помнят, что наши руководители обожали носить шляпы. Они буквально не выходили из дома без этого головного убора — какая-то шляпомания.

Впрочем, и на Западе, в том числе в США, такое было, но… в 30–40-х годах. Достаточно вспомнить любой американский гангстерский фильм о том времени. До нас эта мода дошла, как обычно, с заметным опозданием. Поэтому мне пришлось немало побегать, прежде чем я нашел небольшой магазин мужских головных уборов фирмы «Стетсон», на Мэдисон-авеню.

Продавали там и шляпы типа «хомбург» — фетровые, с высокой тульей, немного загнутыми по окружности и обшитыми шелковой тесьмой полями. Когда-то шляпы «хомбург» были на Западе в моде, и весь деловой Нью-Йорк щеголял в них. Потом мода прошла, что, естественно, на вкусы наших руководителей не повлияло.

Перед тем как отправить меня за шляпами, Громыко показывал свою старую и даже давал мне ее с собой в качестве образца. В «Стетсоне» шляпу заодно чистили, отпаривали и возвращали ей форму. В Нью-Йорке мы бывали ежегодно. И каждый раз я отправлялся в поход на Мэдисон-авеню за этими шляпами.

В магазине были шляпы всех цветов и оттенков — от черного до светло-голубого. Громыко же требовал шляпы исключительно мышино-серого цвета и никакого иного. Я забирал нужное количество головных уборов «на пробу», привозил в наше представительство, раскладывал и устраивал выставку в апартаментах Громыко. Потом появлялся он сам и все это добро обозревал. Он внимательнейшим образом разглядывал и ощупывал товар, много раз уточнял размеры (в Америке они дюймовые, а у него были записаны сантиметровые, и в магазине мне делали перевод по специальной шкале). Иногда приходилось неоднократно ездить в «Стетсон», чтобы подобрать шляпы более подходящего оттенка, затем снова привозить и показывать их Андрею Андреевичу. И наконец, когда получал «высочайшее»

благословение, я в последний раз отвозил шляпы в магазин, где на них золотым тиснением выводили инициалы будущих владельцев — «ААГ», «ЛИБ», «ЮВА», «НВП», а позже и «КУЧ».

Шляпы для наших руководителей я покупал, как уже сказал, каждый год и, естественно, знал, что цены на них регулярно повышаются. Сейчас такое периодическое повышение не вызывает у нас удивления, а тогда советскому человеку это бросалось в глаза. Громыко не был исключением. Когда, например, я приносил ему шляпу за 60 долларов, он, памятуя, что раньше за такую же платил на десятку меньше, выказывал свое недовольство. Вторя нашим тогдашним газетам, со злорадством сообщавшим о «безудержных темпах инфляции и обнищания трудового народа в капиталистических странах», я отвечал ему:

— Ну, Андрей Андреевич, что же здесь удивительного? Ведь у них инфляция. Уровень жизни падает. Как же могут цены не расти?

Он с мрачным видом проглатывал мою сентенцию и говорил:

— Да, действительно, на практике убеждаешься, что все-таки права наша теория…

Он, конечно, шутил, но это была, пожалуй, одна из самых мрачных его шуток.

Шутки шутками, но я всегда задавался вопросом: сколько одинаковых шляп нужно одному человеку?

# «Прищепка» для Брежнева

Расскажу еще одну историю в продолжение темы о подарках, привозимых Громыко из зарубежных командировок, в частности из США, нашим высшим руководителям и конкретно Брежневу.

Уж не знаю, кто именно и когда показал Леониду Ильичу так называемый галстук-прищепку, от которого он пришел в восторг. Это галстук с готовым узлом фабричного изготовления. Держался он на рубашке за счет пришитого к верхней части узла специального пластмассового крючка и двух узких длинных «крылышек», отходящих влево и вправо от узла: крючок цеплялся за верхний край рубашки, а «крылышки» подсовывались под ее воротник. Я знал о существовании таких галстуков, но мне было также известно, что носят их в основном бедные люди. Трудно найти в Америке человека, который бы не был с детства научен завязывать галстук. Любой американец, даже если он принадлежит к классу «синих воротничков», в церкви по воскресеньям, на свадьбах, днях рождения, похоронах, рождественских праздниках непременно появляется в костюме и при обычном, классическом, галстуке. Но для особо ленивых, видимо, придумали эти — «прищепочные». Были они дешевые, из низкокачественного материала и смотрелись неэстетично — крючок-то был заметен, а уж если случайно расстегивалась или отрывалась верхняя пуговица рубашки… Можете себе представить, как это выглядело.

Одним словом, Брежнев попросил Громыко, чтобы тот привез ему именно такие. Я получил соответствующее задание. Однако, прежде чем его выполнить, решил прямо сказать Андрею Андреевичу, что негоже приличному человеку, а тем более Генеральному секретарю, носить такие галстуки, что это сразу выдает дурной вкус, вернее отсутствие всякого вкуса. Но все напрасно. Громыко настоял на своем. Кстати, ни в одном солидном магазине этих галстуков не оказалось. Пришлось ехать в дешевый район, и что-то я все же купил. Несколько штук Громыко одобрил. И Брежнев стал надевать это убожество, выходя в свет.

Конечно, западные журналисты не могли оставить этого без внимания. Вскоре в одной из американских газет появилась статья, автор которой, подвергая резкой критике политику Брежнева и лично Леонида Ильича, в качестве уничижительного штриха к характеристике нашего лидера упомянул его галстуки-прищепки. Для американца эта «прищепка» говорила о многом.

# Охота пуще неволи

Как известно, при Хрущеве в верхах увлекались охотой. По мере роста авторитета Никиты Сергеевича в его окружении становилось все больше охотников. Примерно так же, как до сравнительно недавнего времени все заделывались заядлыми теннисистами. Особую популярность имела зимняя охота на лося и кабана. Эти виды охоты требовали наличия соответствующей теплой одежды. И вот в один из приездов в Нью-Йорк Громыко попросил меня помочь ему с приобретением теплого охотничьего белья. Я посмотрел каталоги и отправился в магазин «Эйберкромби и Фитч», который тогда был самым крупным местным центром охотничьих и спортивных товаров. Этажей в нем было этак восемь или девять. Когда я в него вошел, у меня буквально разбежались глаза. Каждый этаж имел свою специализацию по товарным группам. На нижнем продавались всевозможные настольные игры и тренажеры, а также были выставлены различные новинки. Впервые в жизни я увидел «видик». Он сильно отличался от современного внушительными габаритами. Однако тогда я смотрел на него как завороженный. Этажами выше продавали мужскую и дамскую спортивную одежду, а еще выше — оружие. В большом ассортименте были охотничьи ружья на любого зверя, от тушканчика до слона. Наконец я обнаружил этаж, на котором продавались теплые вещи, предназначенные для зимних видов спорта. Цены, конечно, кусались. Продавцы показали мне последнюю новинку — термальное многослойное нижнее белье, заменяющее чисто шерстяное. Это замечательное белье, легкое, удобное, ткань держит тепло и позволяет коже дышать. Но Громыко говорил мне о белье знаменитой фирмы «Егер», и я спросил продавца именно о нем. Тот улыбнулся и заявил, что это белье — «прошлый век», они такого уже не держат. Я взял проспект с полным описанием современного теплого белья, посмотрел на другие новинки, в частности куртки с подогревом, потом поднялся на несколько этажей и немного погулял по залу, где продавали оружие. Громыко говорил мне, что интересуется и этим. Там я тоже взял рекламные проспекты. Когда продавец узнал, что я из России, то сразу же показал мне нашу винтовку времен финской войны.

Короче говоря, я побывал в этом магазине на интересной экскурсии. Вернувшись, стал рассказывать Андрею Андреевичу. Термальное белье он с ходу отверг:

— Вот «егерское» белье — вещь, вот это я понимаю. А это все — мода, синтетика. Да еще за такие деньги!

Надо сказать, он вообще был решительным противником всего синтетического. Даже когда я приносил рубашки, в которые, для сохранения формы, был добавлен небольшой процент синтетики, он протестовал. Каждый раз ворчал: «Неужели нельзя найти чисто хлопчатобумажные?» Я его уверял, что все продавцы после подобных моих просьб смотрят на меня как на дикаря и что синтетика придает дополнительные положительные качества ткани и так далее. Он начинал спрашивать окружающих о том, так ли это, и только когда они в один голос поддерживали меня, с трудом соглашался.

Кстати, с гордостью замечу, что именно с моей подачи Громыко пристрастился к сорочкам с едва заметной полоской, отказавшись от традиционных чисто белых. Хотя для подарков продолжал требовать только «классику».

Привезенные мной проспекты охотничьих ружей и винтовок его всерьез заинтересовали. Признаться, я редко видел своего шефа таким увлеченным. Впечатление было настолько сильным, что он даже согласился поехать в магазин и взглянуть на оружие. На моей памяти такое случилось впервые.

В «Эйберкромби и Фитч» его, конечно, с почетом провели в отдел оружия. Нас сопровождал специалист. Громыко довольно долго рассматривал ружья и винтовки, вертел их в руках, прицеливался, пробовал затворы, интересовался ценами. Его заверили, что для него будет сделана скидка. Андрей Андреевич приглядел себе ружье и винтовку по приемлемой цене, но попросил их пока отложить. Только через несколько дней, разобравшись со своей наличностью и выкроив нужную сумму, он окончательно решился на покупку. Я отправился в магазин.

Так мой шеф стал обладателем охотничьего оружия, купленного в магазине, в который некогда захаживал сам Хемингуэй.

Вспоминаю в связи с оружейной темой, как во время визита в Англию Громыко прислали подарок от министра иностранных дел этой страны — из хорошей кожи прекрасно сделанный на английский манер футляр для охотничьего ружья. Все знали, что Громыко любит поохотиться. Заглянув в футляр, Андрей Андреевич первым делом спросил: «А что, самого ружья не было?» Такой вопрос мог задать только «наш человек». Ружье стоит немало, и его, конечно, подарить не могли. За рубежом вообще не принято делать столь дорогие подарки.

К сожалению, где-то в конце 70-х магазин «Эйберкромби и Фитч» постигла печальная участь. От своего друга, работавшего в нью-йоркском представительстве, я получил вырезку из «Нью-

Йорк таймс» со статьей, в которой сообщалось, что архитектурно-торговый памятник Нью-Йорка, знаменитый «Эйберкромби и Фитч», в связи с банкротством закрывается.

Изменились времена, упал спрос на дорогие товары для спортивной охоты, в Америке более популярными стали другие виды отдыха.

Вот так социальные условия в США, да и не только там, влияют на судьбы некогда могущественных торговых гигантов. Этот процесс продолжался и в 90-е годы, когда я работал в Нью-Йорке. На моих глазах закрылся огромный универсальный магазин на Пятой авеню. Тоже обанкротился. Закрылась и сеть магазинов «Александерс», некогда любимых советскими командированными за дешевизну.

Словом, институт знаменитых нью-йоркских универмагов постепенно исчезает. Облик города становится все более непохожим на тот, который был во времена, когда я ездил по нему в поисках шляп, рубашек и галстуков для первых лиц нашего государства.

## Словесная эквилибристика

Проблемы и трудновыполнимые задачи, постоянно ставившиеся Громыко передо мной и, конечно, не только передо мной, нередко дополнялись чисто лингвистическими ребусами и шарадами, которые необходимо было решить при переложении на английский его подчас усложненно-образных изречений. К их переводу он относился особенно ревниво. Часто проверял, как же сказанное им прозвучит на английском языке. Думаю, ему это было интересно просто потому, что он сам бы хотел перевести, да не знал как.

Помню, во время одной из бесед с американцами была затронута афганская тема. Громыко долго обвинял американцев в том, что они не оказывают давления на своих друзей в Пакистане, дабы те закрыли лагеря для беженцев из Афганистана, перекрыли все пути снабжения моджахедов и так далее. При этом Громыко всячески подчеркивал, что вообще-то боевые действия в Афганистане ведут отнюдь не советские войска. Мы, дескать, лишь оказываем помощь войскам патриотических сил. Если бы наши солдаты воевали там против моджахедов, то те бы и дня не продержались. И вдруг он употребил слово, ранее никогда не встречавшееся в его дипломатическом лексиконе. Громыко сказал: «Если вы не окажете давления на Пакистан, то наши войска начнут обустраиваться в Афганистане».

Отмечу, что ничего подобного в директивах, которые, естественно, он заранее прочитал, не было. Поначалу я даже не понял, что хотел сказать министр. Как это войска могут «обустраиваться»? Строить казармы? Создавать постоянные базы? Вообще, довольно емкое русское слово «обустраивать» не имеет аналогов в английском языке. Для примера скажу, что известная статья А. Солженицына «Как нам обустроить Россию» по-английски звучит скорее так: «Как нам организовать Россию».

Я попытался за те доли секунды, которые были мне отпущены, найти адекватное слово. Громыко его отверг. Я предложил другое, но и оно не устроило.

— Суходрев, я же ясно сказал: войска начнут обустраиваться!

Но от повторения суть и смысл сказанного понятнее не становились. В конечном счете я перевел как «войска начнут закрепляться». Громыко махнул рукой:

— Пусть будет так.

Разумеется, переводить тех, кто сыпал штампованными формулировками, было намного легче.

Подобно Хрущеву, Громыко любил употреблять пословицы и

поговорки. Но, в отличие от Хрущева, Андрей Андреевич, повторюсь, ревниво прислушивался к их переводу.

Так, в одной из бесед, опять же с американцами, о контроле над вооружениями он в ходе своих рассуждений сказал, что «шила в мешке не утаишь». Я лихорадочно стал вспоминать английский аналог слова «шило». Как на грех, он не сразу пришел мне в голову, и я употребил слово «игла». Смысл, согласитесь, был сохранен.

Громыко же, который знал, как по-английски будет «игла», посмотрел на меня и заметил:

— Суходрев, но я же сказал «шило».

Я ответил, что пытаюсь вспомнить это слово на английском. Он насмешливо спросил:

— Что, английский язык «шило» не берет?

Я успокоил его:

— Пока не берет, но сейчас возьмет.

Американцы, сидящие напротив, слушали непонятный для них русский диалог. За те тридцать секунд, пока он длился, моя подкорка сработала, я вспомнил, как по-английски будет «шило» — «awl»! И с облегчением, уже с «awl», перевел пословицу. Громыко этого английского слова явно не знал и вопросительно уставился на американцев, ожидая подтверждения. Те закивали. Есть, дескать, такое слово!

Думаю, что Андрей Андреевич, заботясь о точности перевода, убивал еще одного зайца — пополнял свой английский словарный запас.

## Итоги

Завершая рассказ о Громыко, позволю себе высказать свое итоговое мнение об Андрее Андреевиче, с учетом моего многолетнего общения с ним.

Думаю, что в те, советские, годы Громыко был на своем месте. Ведь именно при нем были достигнуты многие важные договоренности, например два соглашения по ограничению стратегических вооружений. А чего стоит договор по ПРО! Он не привел к сокращению хотя бы одной ракеты, но ограничил их дальнейшее наращивание и стал предвестником будущих сокращений в области стратегических и обычных вооружений. Впрочем, полный список заключенных при Андрее Андреевиче солидных международных соглашений, отвечающих жизненным интересам нашей страны, занял бы слишком много места. При Громыко мы могли настаивать на своих позициях, могли добиваться соглашений, выгодных не только для нас, но и для всего мира. Так что, считаю, советская дипломатия в ту эпоху отнюдь не находилась в застое.

В то же время к концу правления Брежнева, и особенно при Горбачеве, стало заметно, что Громыко начал выдыхаться. Ему уже было тяжело держать в узде весь, огромный и разветвленный, аппарат Министерства иностранных дел. И наверное, останься он министром после 1985 года, Андрей Андреевич не смог бы уже полноценно продолжать свою деятельность. Просто физических сил у него уже не было. Да и психологической готовности воспринимать перемены, когда «главный противник» чуть ли не в одночасье превратился в союзника, тоже не было. Громыко вряд ли смог бы превратить наши отношения с американцами из антагонистических в партнерские. Не думаю, что он принял бы сердцем и разумом такой поворот событий.

Сегодня однозначно ясно, что весь мир возрадовался окончанию холодной войны, при этом одновременно констатировав, что проиграл ее именно Советский Союз. В этой связи напрашивается мысль, будто уход Громыко сказался довольно пагубно на состоянии нашей дипломатии. Ведь именно мы лишились своих союзников и собственно самого военно-политического блока, на основе которого зиждилась безопасность СССР. Что Советский Союз распадется, во времена Громыко и представить себе было невозможно.

Видимо, Андрей Андреевич готов был бы выполнять указания и нового генсека, однако я не могу поверить в то, что при Громыко объединение Германии произошло бы столь

скоропалительно. Уж наверняка бы он твердо настаивал на том, чтобы Советский Союз при неминуемом объединении Германии получил полновесную компенсацию. И главное — Громыко постарался бы получить официальные письменные заверения, которыми четко, на основании международного права, была бы обеспечена надежная безопасность нашей страны. Трудно говорить более детально, но думаю, что в эпоху Горбачева и Шеварднадзе с нашей стороны проявилось стремление добиться, как говорят англичане, «Too Much Too Soon» — «Слишком много, слишком скоро».

Громыко так никогда не действовал. Это видно хотя бы из того, как он поступал в отношении заложенных в директивы запасных и компромиссных вариантов. Он, впрочем, иногда перегибал палку, не спешил на переговорах вводить запасные варианты, но это свидетельствовало только о его огромном чувстве ответственности за судьбу державы.

Итак, к 1985 году Громыко сделал свое дело и должен был уйти.

Уходил он с министерского поста «по-громыкински» — в одночасье, после принятия решения о его назначении Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Тогда это была чисто номинальная должность, на которую отправляли «заслуженных ветеранов партии и правительства». Правда, он еще некоторое время оставался членом Политбюро, а значит, имел весомый голос в решении государственных проблем. Но Андрей Андреевич уже сам понимал, к чему все идет.

Так вот, получив указ о новом назначении, Громыко поднялся с кресла в мидовском кабинете и уехал в Кремль. Он не созвал коллегии, не провел никаких прощальных встреч со своими многолетними сотрудниками. Просто взял и уехал. Ни в письменном столе, ни в кабинете, ни в комнате отдыха у него не было ничего своего, личного. И это за столько лет работы в высотном здании на Смоленской площади!.. Он был окружен всем казенным, тогда как на Западе, например, принято, чтобы собственный кабинет высший чиновник оживлял личными предметами — фотографиями родных и тому подобным. Ведь большую часть жизни он проводит в своем служебном кабинете.

У Громыко же ничего такого не было. Проявлялась сухость характера, отличающая руководителей той эпохи, людей, прошедших железную сталинскую школу.

Хотя был и другой Громыко, мало кому известный, Громыко, который умел шутить, умел смеяться.

Помню день его семидесятилетия. Он получил тогда вторую Звезду Героя Соцтруда, и к нему потоком шли депутации от всех

министерств, от ВЦСПС и так далее. Все дарили традиционные для того времени адреса в красивых папках с золочеными надписями. В этот день я несколько раз заходил по делам к Громыко в приемную и видел делегации, которые ожидали своей очереди войти к нему в кабинет.

Во второй половине дня, когда этот поток схлынул, я решил и сам поздравить Андрея Андреевича. Помощник сначала что-то недовольно буркнул насчет усталости министра, потом все-таки впустил. Я вошел в давно знакомый длинный кабинет, в дальнем конце которого стоял письменный стол. Увидев меня, Громыко вышел из-за стола и пошел навстречу. Я начал его поздравлять:

— Андрей Андреевич, я знаю, что вы устали за этот день, но день ведь такой, что я не мог не прийти, примите мои поздравления от всей души…

Андрей Андреевич не дал мне закончить, заключил в объятия (меня, я помню, это потрясло), и мы с ним расцеловались. Он сказал мне тогда:

— От всей души вы меня поздравляете? А вот что такое душа, вы не задумывались?

Это он так шутил.

Вспоминается еще эпизод. Мой коллега, дипломат, в прошлом один из ведущих французских переводчиков, в силу разных причин покончил с собой — вскрыл себе вены. По тогдашним нашим порядкам самоубийцу хоронили без всякого церемониала, без почестей. Не полагалось, не должен был советский человек так уходить из жизни. Но… произошло. И помощник министра решил доложить об этом Громыко. Прощупать его реакцию. Пошел к министру, рассказал. И Громыко ответил:

— Ну что ж, печально, делайте то, что необходимо в таких случаях.

Помощник было возразил:

— Но ведь вы знаете, к самоубийцам у нас особый подход. И некролог не вывешивается в вестибюле высотного дома на Смоленской, и хоронят не так, как обычно.

Громыко задумался, потом промолвил:

— Да, но ведь человека-то нет!

Эта реплика говорит о многом.

На похоронах дипломата был соблюден весь полагающийся в таких случаях церемониал…

Громыко бывал вспыльчив, подчас до грубости, но отходчив. После срыва никогда не извинялся, не выражал вслух сожаления,

но своим поведением давал понять, что инцидент исчерпан.

Например, ожидая как-то запись очередной беседы, вызвал меня и сердито спросил:

— Чем вы там занимаетесь? Поэму пишете? Где запись?

Я спокойно ответил:

— Вам же нужна серьезная, грамотная запись, я ее и делаю.

Он сразу стих:

— А нельзя ли побыстрее?

Когда же я вручил ему запись, он сказал:

— Суходрев, вы же, наверное, не ужинали? Так идите, идите же. А то ведь так и ноги протянуть можно, — и тут же: — А вот что это за выражение — «протянуть ноги»? Это как? Вы себе представляете, Суходрев, как это — «ноги протянуть»?

Богат русский язык. Действительно, как любил говорить Громыко, шила в мешке не утаишь. Как, впрочем, и истину. Пройдет время, улягутся политические страсти, и образ Андрея Андреевича Громыко найдет правдивое и многогранное отражение на страницах нашей Истории.

# Михаил Горбачев

# Между двумя эпохами

Из названия данной главы явствует, что я перехожу к повествованию о недолгом своем общении с последним Генсеком ЦК КПСС. Как известно, до М. С. Горбачева в послебрежневский период пост главы нашего государства кратковременно занимали сначала Ю. В. Андропов, затем К. У. Черненко. По разным причинам, в том числе в немалой степени связанным с плохим состоянием здоровья, они в международной жизни активного участия не принимали. Стало быть, и в моей памяти заметного следа не оставили. А эта книга основана на том, чему я сам был свидетелем.

Разумеется, и эти руководители проводили встречи и беседы с англоговорящими гостями высокого уровня. Помню, например, приемы Андроповым делегации сенаторов США, а также видного американского политического деятеля Аверелла Гарримана. На эти встречи Андропов приезжал из больницы. Из-под манжеты его рубашки на левой руке выглядывал край медицинской повязки. Сенаторов, а их было много, специально завели в кремлевский зал заранее, чтобы вышедшему к ним Андропову не пришлось с каждым здороваться за руку. Время бесед было строго ограничено. Говорил он довольно свободно, по делу, лишь изредка сверяясь с памяткой. За помощью к кому-либо из наших не обращался.

Черненко при встречах с иностранцами сильно напоминал позднего Брежнева. Тяжело дыша, от начала и до конца зачитывал «разговорник», постоянно обращался за поддержкой к непременно находящемуся рядом с ним Громыко. Если что и отвечал на реплику собеседника, сразу же поворачивался к Андрею Андреевичу:

— Ну что, так ведь…

Вот, пожалуй, и все памятные моменты.

Теперь перехожу к воспоминаниям о человеке, который в конечном счете подвел черту под нашим прежним существованием.

# Последний Генсек

Вокруг имени Горбачева создан своеобразный ореол таинственности. Например, до сих пор до конца не раскрыта его роль во всем, что связано с ГКЧП. Сам он сразу же после тех, путчистских, событий заявил на пресс-конференции, что всего никогда не расскажет. Давать его объемный портрет не входит в мою задачу, тем более что общался я с ним мало. Ограничусь лишь некоторыми штрихами.

В то время, когда «весь советский народ», как у нас любили писать в газетах, связывал имя Горбачева с наконец-то проснувшейся в нашем руководстве долгожданной чуткостью, внимательностью, я лицезрел перед собой человека, отнюдь не блистающего этими душевными качествами. За период деятельности Горбачева на высоком посту вряд ли кто из его окружения слышал от него слово «спасибо». Если Брежнев, даже будучи уже дряхлым и больным, после окончания официальной беседы с иностранцем, попрощавшись с ним, считал для себя обязательным пожать руку переводчику и поблагодарить его за работу, то Горбачеву это и в голову не приходило. Для него все мы были своеобразной частью обстановки, как столы, стулья, карандаши.

Расскажу о двух наиболее запомнившихся мне эпизодах из моего, повторяю, недолгого общения с последним нашим Генсеком.

Первый опыт моей работы с ним пришелся на день похорон Черненко. С 1982 года, когда умер Брежнев, наступил сложный период в жизни нашего государства: одна за другой последовали еще две смерти первых лиц — Андропова и Черненко. На похороны съезжались лидеры многих государств. Они, конечно, рассчитывали и на личные деловые встречи с новоиспеченным руководством. Времени на такие встречи отводилось мало, да и принять в течение двух дней всех прибывших на очередные похороны новый генсек не мог. Приходилось составлять список «желающих» по степени значимости представляемых ими стран. Каждому отводилось не более тридцати минут, о чем заранее предупреждали.

В такие дни аппарат МИДа буквально стоял на ушах. Надо было подготовить биографические справки о каждом посетителе, а также памятки для бесед с гостями, содержащие информацию об особенностях отношений СССР с представляемыми ими государствами.

Беседы проходили в Большом Кремлевском дворце, в

Екатерининском зале. Именитых визитеров заводили в этот зал из примыкающей к нему Зеленой гостиной, а выводили из него через двери, ведущие в Кавалергардский зал. Официанты едва успевали сменить на столе в Екатерининском зале чайно-кофейные приборы, как на беседу тут же приглашался следующий гость.

В день похорон Черненко, как, впрочем, и в последующие за этой церемонией дни, Горбачев держался достойно. Видно было, что он успевал прочесть наши мидовские материалы. Беседуя с очередным лидером, Горбачев, помимо каких-то общих положений относительно преемственности общеполитических принципов и направленности политики СССР, довольно четко излагал и собственные соображения, касающиеся дальнейшего развития отношений со страной собеседника. Это впечатляло. Особенно в сравнении с его предшественниками. Например, когда умер Андропов, то Черненко, принимая лидеров разных стран, зачитывал лежащие перед ним заготовки и этим ограничивался.

Многие прибывшие на похороны Черненко раньше уже участвовали в кремлевских беседах, когда приезжали к нам на похороны других генсеков. Горбачев вселял в них надежду на положительные изменения в Советском Союзе. Новый лидер говорил уверенно, энергично, грамотно, если не считать его извечных «на́чать» и «при́нять». С появлением Горбачева повеяло свежим ветром перемен в политической жизни страны. Череда встреч с руководителями иностранных государств потребовала от него колоссальной самоотдачи. Я возглавлял группу переводчиков, обеспечивавших эти беседы. Участвовал и сам.

Расскажу о первом большом интервью Горбачева американскому телевидению, которое я и переводил. Это было в 1987 году. Генсек согласился ответить на вопросы ведущего обозревателя телекомпании «Эн-би-си» Тома Брокау.

К тому времени Горбачев успешно избавился от тех, кто мог бы напоминать о его предшественниках. Этот процесс шел на всех уровнях. Например, Громыко отлучили от внешней политики методом «пинка вверх» — перевели на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Обновился и состав Политбюро, куда вошли такие государственные деятели, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, а также два антипода — Борис Ельцин и Егор Лигачев.

На тот момент я уже отошел от переводческой деятельности, поскольку давно хотел перейти на самостоятельную дипломатическую работу. Мое место занял младший талантливый коллега Павел Палажченко, который не один год был моим дублером. Но все же синхронный перевод ответов

Горбачева на вопросы американского обозревателя поручили мне: ведь миллионам американцев предстояло слышать голос переводчика. А вопросы Тома Брокау переводить Горбачеву на русский язык поручили Палажченко.

Съемка происходила в Кремле, в небольшой комнате, обычно используемой под столовую генсека. Я появился там за несколько минут до прихода американцев. Все уже было готово. Горбачев волновался: молча шагал по комнате. Я почтительно поздоровался с ним, а также с его старшим адъютантом Володей Медведевым, которого хорошо знал еще с брежневских времен.

Горбачев тоже поздоровался со мной, но руки не подал. Сказал мне:

— Постараюсь говорить не слишком быстро, хотя может случиться и так, что заведусь.

Я улыбнулся и ответил:

— Не беспокойтесь, Михаил Сергеевич, тогда и я заведусь.

Он на это хмыкнул, и мне показалось, что даже немного успокоился. Через минуту-другую в комнату вошли Том Брокау и его команда. Начался период «разогрева», как это называют американские профессионалы-телевизионщики, а попросту говоря, завязался общий разговор на разные темы, в ходе которого главные действующие лица должны слегка привыкнуть друг к другу, создать психологический настрой для основного разговора.

***На обеде в честь участников заседания Американо-***

***советского торгово-экономического совета (АСТЭС)***

***Слева направо: М. С. Горбачев, В. М. Суходрев, со-председатель Совета Д. Андреас***

***Москва, 1980-е годы***

***На обеде в честь участников заседания АСТЭС.***

***В центре: Н. И. Рыжков, В. М. Суходрев, М. С. Горбачев***

***Москва, 1980-е годы***

Перед самым началом интервью мы с Палажченко вышли в соседнюю комнату, где были оборудованы две кабины с микрофонами и наушниками. И вот беседа началась. Основные вопросы заранее составили и передали Генсеку, так что он, видимо, подготовился, хотя текста перед ним не было. Брокау задавал Горбачеву самые разные, в том числе и неожиданные, вопросы. Словом, был таким, каким его привыкли видеть на своих

экранах миллионы американцев — профессионалом высшего класса.

Пересказывать интервью не буду: его транслировали и по нашему телевидению. Скажу только, что Горбачев вышел с честью из этого своеобразного испытания. Вопросы в основном касались различных аспектов внутренней жизни обновляющегося СССР и международных отношений, в первую очередь — советско-американских. Мне еще запомнился самый короткий ответ Горбачева. Брокау спросил нашего лидера: что происходит у него дома, когда он после напряженного рабочего дня в Кремле возвращается в семью, о чем беседует с женой? Ответ на этот вопрос, по сравнению с предыдущими, почему-то последовал не сразу. Неожиданная пауза длилась довольно долго. Затем в наушниках прозвучал тихий, отрывистый голос Горбачева: «Обо всем». И вновь наступила небольшая пауза: Генсек жестом пригласил Брокау задавать очередной вопрос…

Вскоре после показа этого интервью по американскому телевидению я получил телеграмму через наше посольство в Вашингтоне. В ней говорилось: «Ваш перевод интервью, данного Генеральным секретарем компании «Эн-би-си», был превосходен! Вы напомнили мне о вашей замечательной работе во время моих встреч с Брежневым в 1972, 1973 и 1974 годах. С теплыми пожеланиями — Ричард Никсон, 3 декабря 1987 года».

# Жена нового типа

Очевидно, вопрос о домашних разговорах с женой Брокау задал Горбачеву неспроста. К тому моменту и у нас, и на Западе деятельные черты характера и манера поведения супруги нового советского лидера вызывали много толков. Раиса Максимовна постоянно сопровождала мужа в его частых поездках и за рубеж, и по городам нашей страны. Причем она не только сопровождала, но и проявляла активность: подавала реплики, высказывала непререкаемые суждения во время тех или иных встреч, без конца меняла наряды. Естественно, мы все это видели на телеэкранах.

Повышенную инициативность она проявляла и в ходе встреч с женами зарубежных руководителей, как за границей, так и в Москве.

Если раньше перед встречами на высшем уровне МИД готовил лишь развернутую характеристику того или иного иностранного лидера, то теперь было необходимо составить и подробный словесный портрет его супруги. Кроме того, от нас требовали детальных описаний всех объектов, включенных в «женскую программу» визита. Изучив эти материалы, Раиса Максимовна на всех этапах выполнения данной программы, будь то дома или за рубежом, «командовала парадом», часто вызывая естественную неприязнь своих визави.

Знаменитыми стали ее стычки с супругой Рональда Рейгана — Нэнси. Для жен, на время занятости мужей, предусматривались «женские завтраки» или «женские чаи», разного рода экскурсии, так что у высоких дам была возможность общаться.

В дни пребывания Горбачева в Вашингтоне был запланирован осмотр Раисой Максимовной Белого дома. Экскурсоводом выступила его тогдашняя хозяйка — Нэнси Рейган. Когда Нэнси показывала своей гостье спальни, Голубую гостиную, прочие помещения исторического особняка, Горбачева, которая еще в Москве изучила описание резиденции американских президентов, постоянно ее перебивала: да, да, я знаю — Голубая гостиная в таком-то году была такой-то, а потом стала такой-то, переделывалась так-то и тогда-то… Конечно, все говорилось хорошо нам знакомым менторским тоном. Нэнси это доводило просто до бешенства.

Когда же Рейган приехал в Москву, Нэнси выразила желание посетить Третьяковскую галерею, причем просила провести ее только по тем залам, где выставлены иконы. И на сей раз Раиса Максимовна подготовилась. Она приехала в Третьяковку раньше Нэнси. Надо сказать, что обычно супруга Генсека опаздывала на

такие мероприятия. Из-за нее опаздывал и сам Горбачев. Теперь же, ожидая приезда Нэнси, Раиса Максимовна решила пообщаться с журналистами. Она села на излюбленного конька и безапелляционно начала излагать известную концепцию советского атеистического искусствоведения, согласно которой икона — не столько религиозный символ, сколько живописное изображение реальных людей, исполненное в манере своего времени. Короче говоря, получалось, что она отрицает религиозное, духовное значение икон.

Подъехала Нэнси. Но Раиса Максимовна так разошлась, что уже не могла остановиться, хотя ей, несомненно, следовало оказать внимание приехавшей гостье. Лишь спустя некоторое время она повернулась к ней и кивком поприветствовала. А потом, завершив свою «лекцию», заявила, что вот, дескать, я закончила, теперь пошли смотреть. Выглядело это настолько вызывающе, что стало предметом многочисленных комментариев в зарубежных СМИ. Нэнси отреагировала не менее агрессивно: мол, вы поговорили, дайте и мне сказать…

В таком духе и проходили почти все их встречи…

## В роли «певца за сценой»

В тот год, когда Генсеком стал Горбачев, я, как уже говорил, отошел от переводческой работы и всецело был занят советско-американским направлением нашей внешней политики, являясь заместителем начальника Управления США и Канады Министерства иностранных дел СССР. Во главе МИДа стоял Шеварднадзе. Советско-американское направление при нем стало активно развиваться. Велся интенсивный поиск новых договоренностей с Америкой по всему спектру отношений между нашими державами, включая двусторонние, за разработку которых я нес непосредственную ответственность.

Новый министр резко изменил стиль работы МИДа. Сам он засиживался в своем кабинете допоздна, непременно приезжал в министерство в субботу. Любил проводить в этот день заседания коллегии. Словом, о пятидневке можно было забыть. Рассказывали, что он поначалу очень удивлялся, когда звонил по внутреннему телефону какому-нибудь мидовскому чиновнику часов в восемь вечера и не заставал того на месте. Недовольство его быстро дошло до аппарата МИДа, и вскоре все начальники стали оставаться на своих местах до ухода министра, даже если у них и не было каких-то срочных дел. Впрочем, в Управлении США и Канады работы всегда хватало. Если я тогда являлся домой часов в десять вечера, жена даже удивлялась и спрашивала, не заболел ли я.

В тот период мне не раз приходилось выступать в роли «певца за сценой», то есть быть «английским голосом» Горбачева в его публичных обращениях к американцам. Так, например, в 1986 году по взаимной договоренности Горбачев и Рейган выступили 1 января с новогодними телеобращениями, соответственно, к народу США и к народу Советского Союза. Об их временны́х рамках договорились заранее — не более семи минут. Горбачеву пришлось даже сократить свое выступление, поскольку оно превысило установленное время секунд на тридцать.

*М. С. Горбачев, В. М. Суходрев, М. Тэтчер*

*Москва, 1985 год*

*М. С. Горбачев и Р. Рейган подписывают Договор о*

***ликвидации ракет средней и меньшей дальности***

***Вашингтон, декабрь 1987 года***

В декабре 1987 года Горбачев впервые прибыл с официальным визитом в Вашингтон. И там голос «певца за сценой» был мой, хотя все официальные переговоры переводил Палажченко. По инициативе Генсека в нашем посольстве состоялись его, Горбачева, встречи с деятелями культуры, представителями большого бизнеса США, а также с группой ведущих сенаторов. Для экономии времени решили прибегнуть к методу синхронного перевода, то есть всех присутствующих, включая Горбачева, снабдили наушниками, а в зале установили микрофоны для выступлений и вопросов. Мы с Палажченко находились в том же зале, но в специальных кабинках, откуда и переводили: Павел — Горбачеву на русский, а я — Горбачева на английский.

Надо сказать, это был период пика популярности Горбачева на Западе вообще и в США в частности. Так что на разосланные загодя приглашения откликнулись многие знаменитые писатели, артисты, режиссеры, представители наиболее крупных промышленных компаний, влиятельные сенаторы. В нашей печати публиковали подробные отчеты об этих встречах. К сожалению, Горбачев к тому времени уже больше говорил и все меньше слушал. Об этом серьезном для высокого руководителя недостатке тогда уже говорили у нас в стране. Отметила его и американская пресса. Ведь вместо обещанного диалога на вашингтонских встречах получились длинные монологи-лекции, изредка перебиваемые краткими вопросами гостей. Помню, один из сенаторов прямо заявил, что никогда бы не пошел на встречу, если бы знал, что все сведется к сплошному говорению советского лидера. Как он подчеркнул: без права на ответ.

Полагаю, он был прав. Я тоже так подумал.

# Заметки на полях

# Вожди с бокалами в руках

Государственные деятели — тоже люди. Им присущи такие же человеческие слабости и пороки, как и нам, простым смертным. На официальных завтраках, обедах и ужинах они много не пьют, но тем не менее спиртное подается в достаточном количестве, правда, если данные мероприятия не проводятся там, где алкоголь запрещен по религиозным мотивам, например в большинстве мусульманских стран и в Индии.

Я уже говорил, что на Западе принято перед застольем выпить коктейль или аперитив. Надо сказать, что наши руководители не всегда с пониманием относились к этой традиции, предпочитая по русскому обычаю «употреблять» сидя за столом, под закуску. Однако и Хрущеву, и Брежневу, и, конечно, Громыко приходилось время от времени следовать ритуалу — стоять с бокалом в руке среди западных дипломатов.

У нас любят рассказывать всякие небылицы о том, как пьют «наверху». Спешу огорчить: «там» пьют немного. Но почему-то ходят россказни на эту тему про Хрущева. Говорят, что когда он в 1956 году ездил в Югославию мириться с Иосипом Броз Тито, то выпил лишнего и поэтому что-то не то сказал. Меня там не было, и утверждать — выпил или не выпил — не берусь. Скажу только, что пьяным Никиту Сергеевича я никогда не видел, тем более во время официальных банкетов и приемов с участием иностранцев. Кроме того, Хрущев «почти не расставался» в таких случаях с подарком, который он получил от жены посла Соединенных Штатов Джейн Томпсон, — хрустальной стопкой для водки, с виду довольно объемистой и емкой, а на самом деле вмещавшей напитка не более столовой ложки. Я частенько наблюдал, как Никита Сергеевич пьет из нее: по частям, не залпом. А окружающим, возможно, казалось, что он «набирается». Не отсюда ли пошли легенды о его любви к спиртному?

Хрущева, а также Брежнева в последние годы его пребывания у власти во время застолий обслуживал личный официант-виночерпий. У него на подносе стояла бутылка с наклейкой «Столичная», наполненная обыкновенной водой. Я это знал точно, потому что был знаком с официантами Хрущева и Брежнева. Эта уловка не всегда проходила незамеченной. Ведь сидящим рядом с генсеком иностранцам наливали из другой бутылки. И несколько раз на моей памяти кто-то из гостей, обращаясь к нашему лидеру, спрашивал: «А можно попробовать водку именно из вашей бутылки?» Ответ сводился к шутке, и вопрос так или иначе заминался.

Кстати, об официантах. Все они, конечно же, работали в 9-м управлении КГБ и прошли специальную подготовку. Это были молодые, отлично вышколенные ребята. Они обслуживали хозяев и дома, и на даче, и в отпуске, сопровождали в поездках по стране. В общем, постоянно были рядом. Часто и во время зарубежных визитов мы договаривались с принимающей стороной, чтобы генсека на официальных банкетах обслуживал наш официант, чтобы именно он подавал блюда и менял тарелки.

Как-то раз в Индии я, согласно тамошнему протоколу, на банкете сидел за спиной Брежнева. Вдруг вижу: к опустевшей тарелке Леонида Ильича тянется рука. Не смуглая, как у индийцев, а белая. Поднимаю глаза. Ба! Это же Леша, официант Брежнева. Но в каком виде! Банкет проходил в президентском дворце, где все слуги были одеты в ярко-красные камзолы с золотым шитьем, и для того чтобы Леша не выделялся среди них, его нарядили точно так же и на голову водрузили высокий тюрбан. Впрочем, Леше, как и его коллеге-сменщику, было не привыкать облачаться в разные одежды.

Во время обеда Никсона с Брежневым на катере в Ялте за столом прислуживали матросы. Гляжу — опять тот же Леша. На этот раз на него надели матросскую форму — тельняшку и брюки клеш…

В любую страну мы брали с собой солидный запас провизии и напитков. В основном потому, что не во всех странах наши врачи доверяли пище, подававшейся на стол. Конечно, не из-за того, что опасались преднамеренного отравления, а чаще по санитарно-гигиеническим соображениям. Врачи особенно предупреждали о том, чтобы мы не использовали для охлаждения напитков кубики льда местного приготовления: их могли сделать просто из сырой воды. Лучше уж выпить теплого виски.

Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я и увидел. Вместе с Хрущевым я был в Египте на открытии Асуанской ГЭС. Вначале нас провели по обводному тоннелю, по которому предполагалось пустить воды Нила. Потом начался митинг. Для гостей соорудили специальный помост, устлали его коврами. Кроме Хрущева и Насера присутствовали президенты Сирии, Ливии, Ирака. Каждый, конечно, выступал с речью, одна длиннее другой. Арабский я не понимал, стоял за спинами высоких лиц и скучал. Длилось все это несколько часов, а между тем столбик термометра поднялся выше сорока градусов. В конце концов я решил немного прогуляться.

Прямо за помостом я увидел небольшую деревянную площадку, также устланную коврами. Там Насер и Хрущев должны были нажать кнопку, чтобы взорвать перемычку и пустить

воды Нила в тоннель. Рядом сновали официанты в красочных одеждах. Они разносили гостям кока-колу, содовую, соки и другие напитки, разумеется, кроме алкогольных. И тут я обратил внимание на официанта с большой глыбой льда в руках. Подойдя к столу, на котором стояли бокалы и бутылки с напитками, он изо всех сил шарахнул эту глыбу об пол. От ковра поднялись клубы пыли и песка. Официант спокойно собрал руками осколки льда и стал раскладывать их по бокалам. Затем другие официанты налили в них напитки и унесли гостям. Чего-нибудь холодного хотелось ужасно, но после этой картины я предпочел пить кока-колу безо льда, хотя она напоминала горячий чай.

Как я уже сказал, на самом верху пьют немного. Но конечно, случается всякое. И не всегда только с нами, с русскими.

Помню, в 60-х годах наша делегация во главе с Громыко в очередной раз участвовала в работе Генассамблеи ООН в Нью-Йорке. Перед возвращением домой мы перебрались в Вашингтон, где сначала состоялась встреча Громыко с президентом, а потом прошли его переговоры с тогдашним государственным секретарем США Дином Раском.

В последний вечер Раск устроил обед в Госдепартаменте. Перед началом обеда госсекретарь предложил Громыко ненадолго уединиться для приватной беседы. Громыко согласился. Министры удалились, отказавшись от услуг переводчиков. Раск прихватил с собой большой бокал виски с содовой. Прошло полчаса, час — министров нет. Часа через полтора они наконец появились и в один голос заявили, что вдвоем, без нас, решили все вопросы. Это была дежурная шутка, которую иногда отпускали Громыко и его американские коллеги после бесед с глазу на глаз.

Сели обедать. После обеда — кофе, коньяк, ликеры — все как всегда. Громыко неожиданно выразил желание еще побеседовать с Раском, на этот раз при участии переводчиков. Мы перешли в другой зал. Официанты предложили напитки. Все выбрали виски. Правда, Андрей Андреевич лишь делал вид, что отпивает из бокала, а на самом деле просто подносил его к губам. А вот Раск с удовольствием выпил, попросил еще виски, потом еще…

Беседа шла на темы, связанные с германскими проблемами, по которым у нас были серьезные разногласия. Громыко приводил свои аргументы, Раск — свои. Через некоторое время я обратил внимание, что у госсекретаря слегка стал заплетаться язык. Четвертый по счету бокал Раска постепенно пустел, и в голосе американского министра начали звучать агрессивные нотки. Отмечу, что Громыко всегда очень чутко улавливал изменения тона собеседника. Вдобавок у Андрея Андреевича была манера не

давать тому последнего слова (мои записи его бесед всегда завершались так: «В заключение беседы А. А. Громыко сказал…»). Поэтому, заметив, что Раск начал говорить гораздо резче, Громыко тоже изменил тон, его формулировки зазвучали наступательно, он стремился захватить к концу разговора инициативу и оставить за собой последнее слово. Собеседники распалялись все больше. Раск между тем отпивал из своего бокала… Дело дошло до того, что ни с того ни с сего он вдруг стал вспоминать пакт Молотова — Риббентропа и чуть ли не обвинять в связи с этим тогдашнее, 60-х годов, советское руководство. Громыко, конечно, за словом в карман не лез и также резко возражал. Андрей Андреевич совершенно не понимал, что Раск говорит все это под влиянием выпитого. Я сказать ничего не мог. Мой американский коллега тоже. Я посматривал на часы, стараясь таким образом подать знак Андрею Андреевичу, но тот не реагировал.

Министры, повышая тон, высказывались все резче и прямолинейней. К чему бы это привело — не знаю. Но в какой-то момент Раск неважно себя почувствовал, как-то обмяк и закруглил беседу. Помню, когда мы поднялись и стали раскланиваться, его даже качнуло.

Все бы хорошо, но мне предстояло сделать запись беседы. Как быть? Надо отметить, что тогда я еще не чувствовал себя достаточно свободно с Громыко, как это было в последующие годы. Пришлось советоваться с его помощниками. Я сказал им о том, что Раск наверняка не стал бы всего этого говорить, не будь он под градусом. А в письменном виде его слова будут выглядеть как продуманная позиция госсекретаря, а значит, и правительства США. И это может обострить наши отношения. Нам придется как-то реагировать.

Мне удалось убедить помощников. Уже в самолете они растолковали Громыко что к чему, и когда мы, совершая промежуточную посадку в Шотландии, в аэропорту Прествик, вышли из самолета, Громыко вдруг повернулся ко мне и, ухмыльнувшись, произнес:

— Ну что, Суходрев, Раск-то вчера был того?

Он явно проверял то, о чем ему сказали помощники. Я подтвердил и добавил, что поэтому и не стал фиксировать беседу во всех деталях.

— Вы абсолютно правы, Суходрев. Раск был того, — повторил Громыко и покачал головой.

Трудно поверить, но однажды Громыко и сам попал в подобный переплет. А дело было так.

В Египет для ведения важных переговоров, связанных, в

частности, с поставками вооружений и оплатой этих поставок, выехала советская делегация во главе с Косыгиным. Может, кому-то это сегодня покажется странным, но наша страна не всегда дарила оружие своим союзникам. Во всяком случае, мы постоянно пытались получить за него хоть что-то. После Шестидневной войны египетская армия оказалась в плачевном состоянии. В ходе боев большая часть техники, поставленной СССР, была выведена из строя, и мы были готовы восполнить эти потери.

Косыгина сопровождали Громыко, министр обороны, командующий военно-морскими силами. Состоялись переговоры в Каире. Затем, после поездки в Александрию, Насер предложил переправиться на яхте бывшего короля Фарука в Порт-Саид.

Отправились вечером, рассчитывая к утру добраться до Порт-Саида. Насера сопровождало практически все руководство Египта, включая будущего президента Анвара Садата. На яхте был дан ужин. Египтяне старались всячески продемонстрировать свою дружбу и расположение к нам. После ужина гостей пригласили на корму отдохнуть на мягких диванах и в креслах. В знак особой доверительности закрыли глаза на мусульманские обычаи и устроили там небольшой бар с набором самых разнообразных алкогольных напитков.

Некоторые египтяне поехали с женами, Косыгина тоже сопровождала его супруга, так что обстановка царила неформальная. Ночь выдалась прекрасная. Крупные южные звезды, тихий плеск воды за бортом, редкие огоньки на недалеком берегу… Словом, красота неописуемая.

Косыгин осмотрел набор бутылок и спросил у меня:

— Я что-то не вижу водки. Неужели ее нет?

Я ответил:

— Алексей Николаевич, я тоже смотрю и не вижу!

Действительно, в баре было все, кроме «Столичной».

Косыгин неодобрительно покачал головой:

— Нехорошо это… Позовите-ка моего адъютанта, пусть принесет пару бутылок из своих запасов.

Я подошел к Жене Карасеву и сказал:

— Председатель просит водки, иначе бар неполный.

— Восполним, — заверил Женя, и спустя пару минут в баре появилась наша водка.

Косыгин обратил на это внимание египтян, и бутылка с водкой была торжественно откупорена. Выпили. Египтяне завели свою песню. Косыгин призвал нас достойно ответить, и его жена запела русскую песню. Наши подтянули.

Однако в дипломатии ничего не делается просто так. В самый разгар веселья президент Насер кивнул Косыгину, тот — мне, и

мы удалились в салон, где состоялся очень важный разговор, ради которого, собственно, и приехал Косыгин. Еще уходя, Косыгин подошел к Громыко и сказал ему:

— Андрей Андреевич, остаешься за тамаду.

Мы расположились в салоне. Косыгин достал из кармана справку, подготовленную в Москве, в которой были перечислены виды вооружения и приведены экономические выкладки, а проще говоря — цены, и началось серьезное обсуждение.

А с кормы тем временем доносились веселые голоса, смех, египетские и русские песни. Андрей Андреевич, всегда отличавшийся исполнительностью, и здесь не ударил в грязь лицом — веселье шло вовсю.

Спустя час мы вернулись, но, так как надвигалась ночь, вскоре все разошлись по каютам. Утром я обратил внимание на то, что некоторые египтяне явились на завтрак в темных очках и были не так улыбчивы, как вечером.

В Порт-Саиде мы вышли на берег. Я заметил, что и Громыко выглядит неважно. Сразу же по прибытии нас повели на экскурсию в Музей обороны Порт-Саида, который находился в основании огромного монумента.

Андрею Андреевичу становилось все хуже. Мы с его помощником с трудом нашли стул и предложили министру сесть. Он минут пятнадцать отдыхал, пока остальные ходили по музею. Врач Косыгина дал Громыко какие-то таблетки, и тому постепенно стало лучше.

Андрей Андреевич не столько был напуган своим самочувствием, сколько недоумевал — не мог понять, что с ним происходит. Сначала он решил, что его укачало на корабле. Но море было спокойным, и вообще погода стояла отменная. Мы искренно сочувствовали шефу. В таком состоянии самое лучшее — выпить холодного пива, о чем я и сказал его помощнику. Но, увы, предложить такое Громыко он не посмел. Так наш министр, пребывая в неведении, испил всю чашу мучений элементарного похмелья.

# Дети и отцы

Свои воспоминания о представителях нашей партийно-государственной элиты, о разных, скрытых от постороннего глаза, моментах их жизни хочу завершить рассказом об их трепетном отношении к собственным детям, а также о «непотопляемости» самих отцов в некоторых критических ситуациях.

В эпоху Брежнева слово «стабильность» в определенных кругах приобрело особенный смысл: всякий высокопоставленный чиновник остается на своем посту до тех пор, пока его не вынесут ногами вперед из служебного кабинета. «Номенклатура ЦК!» Человеку неискушенному этот термин мало что говорил, но попавшие в волшебный список номенклатуры могли считать себя материально обеспеченными и неуязвимыми до самой смерти. Номенклатурный чиновник мог быть переведен на другую должность, но при этом навсегда сохранял за собой машину, секретарей, помощников, спецобеспечение и прочие привилегии, даже если перевод был в другой город или республику. Нарушить данную систему могли только чрезвычайные обстоятельства.

Знаменательно то, что номенклатурные чиновники стремились распространить все эти блага и на своих детей. Номенклатура талдычила всем и вся через органы пропаганды, что мы живем в самой лучшей стране и люди у нас, соответственно, самые лучшие. Но почему-то большинство высокопоставленных чиновников хотели, чтобы их собственные дети жили и работали не дома, а за границей. Отсюда и тяга устроить своих чад учиться в МГИМО.

Каждый год, начиная с весны, тем, кто мог иметь влияние на руководство этого высшего учебного заведения, отовсюду без конца раздавались телефонные звонки. Разговоры, переговоры, просьбы… Меня такая проблема не волновала — своему сыну я сразу сказал: «Ты в этот институт не пойдешь». Хотя тогда из вожделенного МГИМО открывалась дорога за границу — в Европу, Америку, на худой конец — в Латинскую Америку и уж в самом худшем случае — в дружественные нам страны Азии и Африки. Весна в МИДе была периодом совершенно фантастическим: звонили все — всем. Звонили членам коллегии, звонили заместителям Громыко, звонили самому Громыко. Звонили даже мне. Некоторые наивно полагали, что и я способен чем-либо помочь в этом вопросе. Но никого в МГИМО я не знал, да и не оканчивал его, так что оказать содействия не мог.

Так продолжалось до тех пор, пока не завершались приемные экзамены. Не хочу называть фамилий, против которых в

неофициальных списках абитуриентов стояли загадочные значки или точки. Скажу только, что в телефонном справочнике сотрудников МИДа и в персональном справочнике владельцев номеров «вертушек» с годами становилось все больше и больше однофамильцев. Интересно было сравнивать фамилии и отчества в мидовской книжке с фамилиями и именами в «вертушечной».

Среди детей номенклатурных чиновников тоже существовала своеобразная иерархия: кому какой факультет светит. Дети самых главных попадали на факультет международных отношений, что означало прямую дорогу в МИД и посольства. А тех, кто пониже, — на факультет международных экономических отношений. В данном случае — это путь во Внешторг и в зарубежные торгпредства. С юридическим факультетом и журналистикой дела обстояли сложнее — нужно было обладать определенными талантами.

Многих принимали по непосредственному приказу Громыко. Помню один случай, который меня сильно покоробил. Однажды Андрей Андреевич вызвал меня к себе по какому-то вопросу. Когда я уже был у него в кабинете, позвонила его жена. Оказывается, возникли проблемы у дочек каких-то ее дальних родственников — они поступали на техкурсы МИДа, где готовили, в основном для министерства, секретарей-машинисток. Там учили стенографии, машинописи, довольно неплохо преподавали иностранные языки. Словом, тоже вожделенное место, хотя и не МГИМО. Кстати, скажу, что раньше в МГИМО девушек принимали со скрипом. Их вообще начали набирать только тогда, когда подросла дочка Молотова. Выслушав жену, Громыко вызвал своего старшего помощника, который, судя по всему, был в курсе вопроса, и сердито сказал ему:

— В чем дело? Почему девочки получили двойки за диктант? Это безобразие! Просто возмутительно!

Помощник попытался возразить:

— Андрей Андреевич, они написали диктант на двойку, сделали массу ошибок…

Громыко вспылил:

— Знаете, я сейчас вам такой диктант задам! Вам! И вы у меня двойку получите! Немедленно займитесь этим!

Помощник не нашелся, что ответить, хотя было ясно: если уж родственницы Громыко получили двойки, значит, это было более чем заслуженно. Ведь кому-то поставили и пятерки…

Потом дети приходили работать в МИД, а папы зорко следили за тем, чтобы их чад повышали и в ранге, и в должности. Конечно, среди таких «позвоночных» выпускников МГИМО были талантливые люди. Но хватало и посредственностей, которые не

беспокоились о том, чтобы стать лучше, потому что знали: за ними стоят их папочки. Соответственно, это сказывалось на качестве работы МИДа. Здание на Смоленке «засорялось» все больше и больше.

При Горбачеве началась вдруг кампания по борьбе с семейственностью. Проводником этой кампании в МИДе был Валентин Михайлович Никифоров, бывший работник ЦК (его привел с собой в министерство Шеварднадзе, в качестве своего заместителя по кадрам). Он развернулся вовсю: с его подачи в каждом отделе проводились партсобрания, на которых назывались конкретные фамилии. Мне пришлось, как заместителю заведующего отделом, выступить с докладом по этому вопросу. Состоялось даже заседание коллегии на тему семейственности. На нем один из членов коллегии, кстати ближайший помощник Шеварднадзе, встал и сказал: я подаю в отставку, потому что мой сын работает в советском посольстве за рубежом, и раз такое дело, пусть он работает, а я уйду.

Однако вся эта кампания в конце концов сошла на нет. Никифорову самому пришлось защищаться на том же заседании коллегии от натиска ее членов. Ему просто сказали: «Если так пойдет, то куда же мы придем?» Он что-то бормотал в свое оправдание… Короче, пришли к выводу: семейственность — явление, конечно, пагубное, но так же вредна борьба с нею, потому что и среди детей номенклатуры есть толковые люди, и не следует всех стричь под одну гребенку.

Наказанием для представителя номенклатуры — секретаря обкома или министра — было назначение в какую-нибудь страну послом. Должность посла для таких людей — закат карьеры. Правда, встречались исключения, например — Александр Яковлев. Он в свое время исполнял обязанности заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, затем за вольнодумство «сослан» послом в Канаду. Отработал там десять лет, а вернувшись, стал «отцом перестройки».

Впрочем, среди «высылаемых» встречались послы и другого типа — им не только работу в области международных отношений, но и колхоз доверить нельзя было. Почему-то в этом плане всегда «везло» Австралии. Был такой деятель, ведавший радио и телевидением, — Месяцев. Человек абсолютно непригодный к работе послом. Однако его назначили. Помню, как он появился у нас в МИДе и развернул свои прожекты. Тыкал пальцем в карту и говорил, что вскоре Австралия станет ближайшим партнером Советского Союза.

— Посмотрите, где Австралия. Рядом же наш Дальний

Восток! Мы же тут такую торговлю организуем! Здесь же буквально два шага до нас! — восклицал он.

В дальнейшем послом в Австралию назначили Басова — «героя» Новочеркасска. После расстрела рабочих в этом городе его, разумеется, оттуда убрали и послали сначала в Чили, откуда он еле ноги унес, потом на Кубу, советником при Кастро (представляю, что он там ему советовал!), и затем — в Австралию. Фантастический человек. Про него ходило столько забавных рассказов, что из них можно составить отдельную книгу. Например, я слышал о том, как он, будучи послом, приворовывал апельсины в супермаркетах, выпрашивал себе подарки в поездках по стране и тому подобное. Сотрудникам посольства часто приходилось краснеть за своего шефа.

Случалось и такое, что при определенных обстоятельствах вместо того, чтобы отдать чиновника под суд, его назначали послом.

В страны социалистического лагеря послы подбирались вообще не МИДом, а специальным отделом ЦК. Считалось, что советский посол там — это что-то вроде секретаря обкома. Находясь в этих государствах, наши послы чувствовали себя как древнеримские проконсулы в своих провинциях. В такой манере они общались и с первыми лицами соцстран, не утруждая себя никакой дипломатией, превышая служебные права.

Помню, после сессии Генассамблеи ООН Громыко заехал в Берлин для встречи с тамошним высшим руководством. Я в этих переговорах не участвовал и, оставаясь в особняке, где мы разместились, беседовал с опекавшими нас мидовскими работниками ГДР. Они жаловались на поведение нашего посла Абрасимова. В частности, недоумевали, почему в посольстве СССР в Берлине, когда туда на прием приходят руководители ГДР, исполняют сначала Гимн Советского Союза, а уже потом гимн ГДР. Это было вопиющее нарушение международных норм и правил протокола, существенное в сфере межгосударственных отношений.

Подобное поведение, разумеется, не могло не сказаться впоследствии на наших взаимоотношениях с соцстранами. Как только пала Берлинская стена и развалилось так называемое соцсодружество, все бывшие «верные союзники и друзья» устремились на Запад, подальше от бывшего «старшего брата». И конечно, в немалой степени этому способствовали наши дутые послы и консулы. Повторю: МИД не имел никакого отношения к их назначению.

# Несанкционированные встречи

# Мой друг Ван Клиберн

**И**мя Вана Клиберна известно всему миру. (Вообще-то, если правильно передать по-русски его английские имя и фамилию, он — Вэн Клайберн, но в данном случае я буду его называть так, как этого музыканта впервые представили в Москве.)

Ван Клиберн оставил след не только в музыкальной жизни нашей страны. Можно сказать, что этот далекий от политики человек в какой-то мере даже повлиял на развитие международных отношений Советского Союза.

Мое знакомство с Клиберном произошло в рамках служебной деятельности, а потом взаимоотношения между нами переросли в личные, дружеские. Нашей дружбе с Ваном, пусть подчас с длительными перерывами, уже почти пятьдесят лет.

Ван Клиберн приехал в Москву в 1958 году в качестве участника Первого Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Он стал победителем этого конкурса. Музыкальное соревнование такого масштаба впервые проводилось в СССР, и ему, разумеется, придавали огромное значение, в том числе и политическое. Поэтому после завершения конкурса наше правительство устроило грандиозный прием в Георгиевском зале Кремля. Среди приглашенных были государственные деятели, работники искусства, послы и, как обычно, представители общественности. Нашу команду переводчиков тоже пригласили. Правил бал сам Никита Сергеевич Хрущев. Гостям представили победителей конкурса, в том числе стройного, высокого, светловолосого парня — настоящего техасца. Он мне сразу понравился. В нем чувствовался интеллект и скромность, все то, что отличает воспитанных в благородном духе людей. Хрущев как-то по-отечески к нему отнесся: сердечно поздравлял, крепко жал руку, даже сумел заключить музыканта в объятия, хотя своей макушкой едва доставал ему до подбородка. Хрущев не был меломаном, но он понимал, что победил великий музыкант.

Московский конкурс принес Вану мировую славу и определил всю его дальнейшую жизнь. В ту пору имя Клиберна ассоциировалось со словом «успех». Он начал, может быть, слишком бурную концертную деятельность, которая, к сожалению, привела его спустя годы к значительному душевному и творческому опустошению. В 80-е пианист, уйдя в благотворительные дела, почти прекратил концертную деятельность. Но тогда, после конкурса, он почти каждый год приезжал на гастроли в Москву и выступал с огромным успехом.

При этом он всегда говорил, что без Москвы жить не может. Мне понятны его чувства к Москве. Наша столица буквально родила его как музыканта с мировым именем. В Москве он почувствовал впервые, что такое любящая аудитория. Москва стала для него стимулом к новым творческим достижениям, источником вдохновения — всем.

Я старался не пропускать ни одного московского концерта Вана Клиберна. Пианиста всегда сопровождала мать. Она была его первой учительницей музыки, а потом вела все концертные и финансовые дела Вана. Мне кажется, что она даже немного ревновала его к Москве. Они останавливались в гостинице «Националь», причем постоянно в одном и том же номере.

К Вану продолжал благоволить Хрущев. Однажды Никита Сергеевич пригласил его к себе на дачу. Клиберна обожала вся семья Хрущева. На эту встречу в качестве переводчика пригласили и меня. Стоял жаркий день, все пошли купаться в Москве-реке, а я стоял на берегу. Выручила меня младшая дочь Хрущева — Елена. Она обозвала меня чопорным мидовцем и подначила: «Слабо в воду сигануть?» Я вежливо отказался, объяснив, что нахожусь на работе. Но тут вмешался сам Хрущев. Тогда я разделся и присоединился к ним.

В один из приездов семьи Клиберн в Москву я пригласил американцев к себе домой. Моя мама приготовила свое фирменное блюдо — окрошку, конечно же, на домашнем квасе, да такую, что в ней ложка, как говорится, стояла. Ван и его мать, никогда не пробовавшие это блюдо, пришли в полный восторг и даже попросили добавки.

Когда Ван Клиберн вновь приехал в Москву, Хрущев, чтобы подчеркнуть свое к нему расположение, предложил Вану остановиться не в «Национале», а в одном из правительственных особняков на Ленинских горах. Клиберну сказали, что там есть все условия для отдыха и репетиций. Он согласился и был вместе со своей матерью торжественно доставлен в особняк. Однако через несколько дней мне стало известно, что наши гости затосковали в «золотой клетке» на Ленинских горах. Особенно загрустила мать Вана. Оказывается, она превосходно чувствовала себя в гостинице: знала всех горничных и другую обслугу. Не владея русским языком, умудрялась общаться с ними. Словом, там она чувствовала себя как дома. Ван тоже любил гостиницу «Националь». Туда к нему приходили поклонницы, приносили цветы, сувениры. Номер прямо-таки напоминал магазин подарков. Ван никогда не уставал от гостей. Поклонницы не только приходили к нему в гостиницу, но и следовали за ним на гастроли в другие города страны. Когда наши власти попытались

оградить Вана от назойливых почитательниц, он сам попросил пропускать их к себе в номер.

В правительственном особняке, естественно, ничего этого не было.

Мне позвонили из 9-го управления КГБ: зная о наших дружеских отношениях с Ваном, обратились ко мне с просьбой отговорить его от переезда в гостиницу. Мол, желание Клиберна вернуться туда может быть расценено как выпад против Хрущева. Я собрался и через час был у Вана. Угадал как раз к ужину. В гостях у него застал Арама Хачатуряна. Я был давно знаком с Арамом Ильичом и знал его как веселого рассказчика и вообще как искрометного человека.

На столе была разнообразная закуска, а также фрукты, ягоды… Хачатурян взял крупную ягоду клубники, обернул ее тонким ломтиком копченой осетрины и с удовольствием съел. Потом, поймав на себе наши удивленные взгляды, рассмеялся и пояснил:

— Во-первых, это очень вкусно, во-вторых, чем-то напоминает процесс сочинения музыки, что-то в этом есть контрапунктивное.

Наши брови от удивления поползли еще выше, а Хачатурян добавил:

— Вы же знаете, что контрапункт — это полифония.

Мы посмеялись, но, насколько помню, примеру великого маэстро никто не последовал.

Я постарался тогда использовать все свое красноречие, чтобы внушить Вану мысль о необходимости остаться в особняке и не переезжать в «Националь». Пустил в ход имя Хрущева. Мол, он справляется о его здоровье. Такой чести не всякий иностранный государственный деятель удостаивается. Ван слушал меня внимательно и ответил, что он очень ценит внимание Хрущева и благодарен советскому руководителю за все, но просит понять и его: мамочка сильно тоскует в особняке. В «Национале» ей все так мило, так уютно. Я понял, что моя миссия не удалась. Доложив об этом коменданту особняка, я распрощался и уехал. Вскоре Ван и мамочка перебрались обратно в гостиницу.

Несколько интересных встреч у меня было с Ваном и по ту сторону океана. Однажды осенью наша делегация прилетела в Нью-Йорк для участия в очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. И я узнал из газет, что в ближайшие дни состоится сольный концерт Вана Клиберна в Линкольн-центре. Ван жил в Техасе, а в Нью-Йорке постоянно снимал номер в гостинице «Селисбери», расположенной напротив знаменитого концертного зала Карнеги-холл. Он обрадовался моему звонку и тут же пригласил на свой концерт. К счастью, я был в тот вечер

свободен. Судьба опять улыбнулась мне — я получил непередаваемое удовольствие от его игры. После концерта зашел к нему в грим-уборную. Ван сказал, что будет рад меня видеть среди своих друзей за праздничным ужином. И мы сразу поехали в знаменитый отель «Плаза», где нас ждал роскошный стол в Дубовом зале.

Среди гостей Вана оказались знаменитая оперная певица Рената Тебальди и великий композитор Леонард Бернстайн. Разговор, как водится, вращался вокруг концерта. Восторг был всеобщий. Ван улыбался. К моему удивлению, мамочки рядом с ним не было. Случай поразительный — он без нее раньше шагу не делал. Я не стал спрашивать, где она. Забегая вперед, скажу, что Ван до конца ее дней всюду появлялся только с ней. Мать, как я уже говорил, вела все его дела, организовывала бесконечные турне, гастроли. Ван играл, играл и играл… Никакой личной жизни. А ведь он был видный мужчина, талантливый, богатый. Но мамочка полностью подчинила его своей воле. Она сопровождала его даже тогда, когда уже не поднималась с инвалидной коляски. Ван не сумел, а вернее, не пытался освободиться от ее чрезмерной опеки. Такие люди, как Ван Клиберн, всецело отдаются делу своей жизни. Музыка для него была единственным миром, который побуждал его к мыслям, наблюдениям, страстным чувствам. Остальное — лишь приложение к этому миру, не более того.

***Л. Бернстайн, Р. Тебальди, В. М. Суходрев, Л. Лайонс и***

***Ван Клиберн в отеле «Плаза»***

***Нью-Йорк, 1960-е годы***

Итак, мамочка на том ужине отсутствовала, и Клиберн, сам того не замечая, был свободен. Это проявлялось в его раскрепощенной манере общения. Бернстайн спрашивал меня о том, насколько напряженна обстановка на Ближнем Востоке, где, как всегда, конфликтовали между собой арабы и израильтяне. Он хотел узнать мое мнение о возможной реакции Москвы на его запланированную поездку в Тель-Авив. Переживал, что в Москве, куда он был приглашен с концертом, на него за эту поездку могут обидеться. Я, разумеется, его успокоил, но сам подумал, что ведь запросто «обидятся».

Вдруг Ван обратился ко мне:

— Виктор, придумай быстренько что-нибудь остроумное. К нашему столу идет сам Леонард Лайонс.

Через весь зал к нам, действительно, шел человек — худенький, невысокого роста, с крупным носом. Меня, помню, удивило, что все знаменитости за нашим столом с особым почтением стали его приветствовать. Он, как я понял, был очень известной личностью, но я о нем ничего не знал. После обмена приветствиями Ван предложил ему сесть за наш стол. Я уловил направленный на меня острый, умный взгляд Лайонса. На предложение заказать что-либо из еды он попросил лишь чашечку кофе. Каждый из сидящих за столом старался завладеть его вниманием. Помню, Лайонс удачно пошутил, и все дружно рассмеялись. Неожиданно он протянул мне через стол блокнотный листок, на котором я прочитал: «Вы не хотели бы со мной за один вечер побывать на восьми бродвейских мюзиклах?» На этом же листке я ответил: «С большим удовольствием!» Прочитав это, Лайонс улыбнулся и через несколько минут вновь передал мне записку. В ней он указал свои телефоны и попросил звонить ему в свободное время. Вскоре он попрощался и ушел. О том, как Лайонс выполнил свое обещание, я расскажу ниже, а сейчас вернусь к рассказу о Клиберне.

# В «Клубе-21»

Через некоторое время я вновь встретился с Ваном. Он пригласил меня на ланч. Причем сначала мы должны были перекусить в одном ресторане, а потом для более основательной трапезы перейти в другой. В Америке, в том числе и в Нью-Йорке, такая система называется «ланч вприпрыжку». На основное блюдо он пригласил меня в очень известный и популярный среди богачей «Клуб-21». Там нас, благодаря Вану, подчеркнуто тепло приняли. Несмотря на популярность, клуб сам по себе небольшой, но весьма уютный. Столики стоят близко друг к другу. Над некоторыми из них я увидел привинченные к стене таблички с фамилиями людей, которые данные столики приобрели в собственность. В отсутствие этих персон за «именные» столики усаживают гостей. Когда заканчивается время ланча, ресторан пустеет. Очередная партия посетителей появляется к вечеру, после шести. А в половине восьмого заходят те, кто намерен здесь пообедать. Не поужинать, а именно пообедать. Так принято на Западе. Последние гости приходят обычно после театральных представлений, ближе к одиннадцати, — на ужин. В таком ритме работает большинство ресторанов Нью-Йорка.

Хозяин клуба предложил нам осмотреть винный погреб и позвал главного виночерпия, который оказался весьма пожилым негром с белоснежной головой. Он уже не одно десятилетие проработал здесь. Виночерпий поведал нам о том, что винный погреб клуба «функционировал» и в ту пору, когда в США действовал сухой закон, и тогда вход в него, разумеется, тщательно маскировали от полиции. Слушая его рассказ, мы шли за ним в сторону кухни. Вдруг он остановился у большой ниши в стене. Темно-зеленая краска, которой по кирпичу была закрашена ниша, местами вздулась засохшими пузырями. Сверху свисали крюки. Наш «гид» сказал, что раньше на них вешали окорока. Торцевая стена ниши оказалась дверью в винный погреб. Виночерпий снял с одного крюка металлический штырь, как выяснилось — своеобразный ключ от потайной двери, и, протянув его мне, предложил открыть дверь, подсказав, что штырь надо вставить в один из пузырей вздувшейся краски. Если я попаду в нужный, то дверь откроется. Конечно, я зря потратил время, тыкая наугад. У Вана тоже ничего не вышло. Тогда виночерпий взялся за это дело сам, и дверь со щелчком, напоминающим клацание винтовочного затвора, открылась. Наш черно-белый «гид» удовлетворенно ухмыльнулся. Слегка нагнувшись, мы вошли в подземелье, и началась собственно экскурсия.

Вдоль узких проходов тянулись стеллажи, заполненные бутылками с вином и другими спиртными напитками. По специальным табличкам можно было выяснить марку и возраст алкогольной продукции. Там я узнал еще об одной американской традиции: когда у состоятельного американца рождается сын, он приглашает приятелей в ресторан, чтобы отметить это событие. Во время застолья он заказывает бутылку любимого вина и просит, чтобы ее в нетронутом виде сохранили в ресторане до дня совершеннолетия сына. Ко дну бутылки приклеивается бумажка с соответствующей информацией. В день своего совершеннолетия парень может эту бутылку востребовать. Подобных бутылок в погребе клуба было немало. Поскольку все они лежали под небольшим наклоном, как, в общем-то, и положено для лучшего сохранения вина, то, проходя мимо стеллажей, можно было прочесть написанное на дне бутылок. Много там значилось именитых фамилий из мира политики, бизнеса, искусства.

В музейном отделении погреба мы увидели бутылку водки, датированную девятнадцатым веком, бутылку коньяка «Наполеон» с полуистлевшей наклейкой — он был разлит в год, когда впервые стала использоваться такая классификация коньяка — «Наполеон». Я спросил нашего «гида», почему коньяка всего полбутылки. Оказывается, жидкость, хранящаяся даже в крепко закупоренной сургучом емкости, со временем испаряется и выдыхается. Крепость данного коньяка на момент нашей экскурсии в лучшем случае была равна крепости обычного пива.

Потом мы поднялись в ресторан и продолжили ланч.

## «Подмосковные вечера» в Вашингтоне

Шли годы, я постоянно интересовался судьбой Вана. Говорили, что он тихо живет в своем доме в Техасе. Я надеялся на новую встречу, и она произошла — в 1987 году, когда Рейган пригласил Горбачева в Вашингтон. Я участвовал в той поездке. Как обычно, в Белом доме состоялся торжественный банкет, а после — концерт. Выступали выдающиеся американские исполнители, Ван Клиберн в их числе. Он сыграл несколько классических произведений, а затем зазвучала мелодия «Подмосковных вечеров». Она сразу же была встречена бурными аплодисментами. Особенно восторгались Горбачев и его супруга. Ван закончил играть и, обращаясь к первому ряду, где сидела наша высокопоставленная чета, спросил:

— Что бы вы еще хотели послушать?

В наступившей тишине раздался отчетливый голос Раисы Максимовны:

— Первый концерт Чайковского!

Я увидел, как у Вана удивленно поднялись брови. Он тихо сказал:

— К сожалению, я без оркестра.

Слава богу, диалог произошел на русском языке, и большинство присутствующих ничего не поняли.

Когда высокие гости вышли из зала, я подошел к Вану. Мы оба обрадовались встрече. Рядом с ним находилась его вечная спутница — мать. По-моему, ей тогда было уже за девяносто. Передвигалась она в инвалидной коляске.

Прошло два года. И вот стало известно — Ван Клиберн снова приедет в Москву с концертами. В это время я уже знал о том, что через несколько месяцев отправлюсь в длительную командировку в Нью-Йорк — работать в Секретариате ООН. Значит, до отъезда я мог с ним повидаться в Москве.

На сей раз встретились мы с Ваном на приеме, который в его честь устроил в своей резиденции посол США в Москве Джек Метлок. Я сообщил Клиберну о своем скором отъезде в Америку, и он просил дать ему знать, как только я там устроюсь. Я так и поступил.

Все пять лет моего пребывания в Нью-Йорке я получал от Вана к Рождеству ярко-красные цветы — пуансеттию, популярное на Западе рождественское растение, именуемое также «Рождественская звезда». Самого Вана мне довелось за эти годы увидеть лишь однажды. В 1994-м в Нью-Йорк приехал на гастроли симфонический оркестр из Петербурга. Я, разумеется, пошел на

его концерт. Там один из организаторов Международного фортепианного конкурса имени Вана Клиберна сказал мне, что в зале присутствует Ван, и после концерта проводил меня к двери, ведущей со сцены в фойе. Я увидел Клиберна и окликнул его. Рядом с ним стоял красивый, спортивного вида мужчина. Ван представил мне его: «Познакомься, Виктор, — это мой компаньон…» Я все понял. К тому времени мать Вана уже умерла.

Незадолго до моего отъезда из Нью-Йорка Ван Клиберн дал концерт. «Нью-Йорк таймс», одна из наиболее авторитетных американских газет, отозвалась о прошедшем концерте весьма нелестно. У нас бы такое только прибавило музыканту славы, но в Америке не так…

# Марафон

Ну а теперь я вернусь к рассказу о знаменитом журналисте Леонарде Лайонсе, знакомству с которым обязан Вану Клиберну.

Ежедневная колонка Лайонса в газете «Нью-Йорк пост» называлась «В логове льва». При выборе заголовка он исходил из собственной фамилии: «лайонс» — «львиный». Что же, приятно слыть могучим зверем.

При первой нашей встрече в ресторане, как я уже говорил, меня удивил почтительный переполох в кругу знаменитостей, вызванный появлением Лайонса. Потом мне объяснили, что Леонарда Лайонса знает и уважает буквально вся Америка. На протяжении нескольких десятилетий он регулярно вел свою колонку в «Нью-Йорк пост», которую перепечатывали многие другие местные газеты. Содержание этой колонки можно было бы определить как светские новости, но с определенным креном в мир искусства — кино, театр, литература, живопись. Лаконично, без всяких «художеств» Лайонс сообщал о творческих планах преуспевающих деятелей, да и политики не ускользали от его внимания. Он знал, кто, где, когда и с кем в Нью-Йорке ужинал, моментально выдавал в своей колонке информацию об этом и воспринимался высшим американским обществом кем-то вроде регулировщика в мчащемся потоке машин.

Самые богатые и знаменитые люди Америки считали за честь попасть в колонку светских новостей Лайонса. Он делал им лучшую рекламу. За ним просто охотились. Это общая характеристика деятельности великого журналиста. Я же расскажу о своих личных встречах с ним.

Несколько дней я проносил записку Лайонса («Вы не хотели бы со мной за один вечер побывать на восьми бродвейских мюзиклах?») в кармане, и вот наконец у меня появилось свободное время. Я позвонил Лайонсу, представился его секретарше и тут же услышал его энергичный голос:

— Я все сделаю. Встречаемся на углу Бродвея и Сорок пятой улицы в восемь пятнадцать вечера.

Я приехал в точно назначенное время, но Лайонс уже меня поджидал. Он сразу увлек меня за собой, сказав, что мы идем в театр. На ходу подтвердил: сегодня вечером мы действительно побываем на восьми мюзиклах. И показал мне листок, на котором его секретарша с точностью до минуты расписала наш вечер.

В Америке у входа в театр обычно дежурит помощник режиссера. Узнав Лайонса, помреж с улыбкой распахнул перед нами двери. В зале Леонард шепнул мне, что здесь мы послушаем

только увертюру и вступительную арию. А мюзикл был знаменитый — «Кабаре», известный у нас по одному из самых кассовых фильмов с Лайзой Минелли. И когда ария главной героини закончилась, Лайонс схватил меня за рукав и потащил к выходу.

— Пора в следующий театр, — сказал он не останавливаясь.

Не вспомню сейчас всю последовательность нашего с ним марафона по бродвейским мюзиклам, скажу только, что мы успевали на самые выигрышные моменты и слушали самые известные арии.

И так восемь раз. Вот этот букет: «Кабаре», «Хеллоу, Долли!», «Скрипач на крыше», «Человек из Ламанчи», «Никогда в воскресенье», «Смешная девчонка», «Мейм» и «Аллилуйя, бэби!». Иначе как букетом это и не назовешь.

Всюду нас встречали как родных. Лайонс поглядывал на часы, сверял время с графиком, и мы следовали дальше. По сути, он посвятил этот вечер мне.

Свою расположенность ко мне он объяснил тем, что тогда, на ужине, ему понравилась какая-то моя остроумная реплика. Убей бог, не помню какая!

После восьмого мюзикла он пригласил меня в ресторан «Сарди», известный среди театральной общественности.

У входа нас встретил хозяин ресторана, господин Сарди. Лайонс сразу предупредил его, что мы зашли всего лишь на десять минут, и заказал свой неизменный кофе. Я после таких «скачек» решил выпить виски. Леонард, оглядев зал, нашел взглядом какого-то человека, подошел к его столику и, переговорив с ним, быстро записал что-то в блокнот. Вернулся ко мне и, допив кофе, сказал:

— Ну, на сегодня все.

Я поинтересовался насчет завтрашнего его материала в газете. Он улыбнулся и ответил с улыбкой:

— А в завтрашний номер колонка уже готова, только что получил недостающий штришок.

Лайонс не имел машины. Он пользовался такси. Диктофон ему заменял маленький блокнотик. Но он все успевал делать вовремя. В ресторанах его поили и кормили бесплатно, в театрах — двери открыты. Я думаю, что половина таксистов Нью-Йорка тоже с него не брала денег.

Деятельность Лайонса чем-то напоминала охоту. Кстати об охоте… Я вспомнил, что впервые имя Леонарда Лайонса встретил в очерке Хемингуэя «Рождественский подарок», который переводил для «Огонька». В нем писатель, рассказывая о своей знаменитой поездке в Африку на сафари, несколько абзацев

посвятил Лайонсу. Хемингуэй вспоминал, что когда он покупал себе крупнокалиберную винтовку для охоты на слонов, то затащил в подвал знаменитого нью-йоркского магазина «Эйберкромби и Фитч», где находился тир для пристрелки охотничьего оружия, своего друга Леонарда Лайонса. Хемингуэй предложил Леонарду выстрелить первым. Тот, не раздумывая, согласился. Невысокого Леонарда после выстрела отдачей отбросило далеко назад, и он больно ударился о стенку. Мне, как переводчику, пришлось в очерке сделать сноску, поясняющую, кто такой Леонард Лайонс. Кто бы мог в ту пору подумать, что он станет моим другом!

Видимо, охотничье оружие Лайонс с тех пор в руки не брал, предпочитая «охоту» на «слонов» из высшего света, «охоту» с авторучкой.

В тот, «бродвейский», вечер я сделал Леонарду комплимент по поводу его работоспособности. Он сказал, что если у меня есть время, то я могу провести с ним еще и следующий вечер и поближе познакомиться с его работой, а заодно и с Нью-Йорком.

Несколько раз, в разные годы приезжая в Нью-Йорк, я сопровождал Лайонса на его «охоте».

Во время поездки Хрущева по Америке я появлялся рядом с нашим лидером в качестве переводчика на экранах телевизоров, на фотографиях в прессе, и меня потом многие узнавали, заговаривали, задавали вопросы. Леонард этим пользовался и делал записи в своем неизменном блокнотике. Бывало, за один вечер мы объезжали с ним около десятка ведущих ресторанов Нью-Йорка, а также и ночных клубов, задерживаясь везде ровно настолько, чтобы успеть получить нужную информацию. Всюду его встречали как желанного, уважаемого гостя.

В России таких журналистов в те годы не было.

В американском обществе публичный человек как бы не имеет права на тайну личной жизни. Он — объект всеобщего внимания. Если, например, жена какого-либо деятеля общается в ресторане с политическим противником мужа, то всей Америке уже ясно, что происходит. Если Лайонс сообщал о том, что в том или ином ресторане встретились такая-то кинозвезда и такой-то продюсер, стало быть, другие продюсеры больше не строили в отношении этой звезды никаких планов.

Лайонс ежедневно совершал круг «охоты» по Нью-Йорку. Во время нашего общения он иногда записывал мои высказывания. Но, правда, всегда спрашивал меня, можно ли, если он опубликует их в своей колонке, упомянуть мою фамилию. Если я не давал согласия, он тут же выбрасывал эти записи в мусорную корзину.

# Бар «Пи Джей Кларкс»

Своим вниманием Леонард не обходил и метрдотелей. В популярных ресторанах Америки это уважаемые и высокооплачиваемые люди. Они должны обладать умением расположить к себе посетителей, правильно рассадить гостей, особенно именитых, чтобы каждый из них чувствовал себя комфортно.

В американских ресторанах зал условно делится на две части: престижную, которая находится ближе к входным дверям, и соответственно, по мере удаления от них, — менее престижную. Так что столы в глубине зала издавна здесь называются «Сибирь». Почему престижно сидеть у входа? Потому что все входящие вас видят — реклама. Мне многие американцы рассказывали, как в молодые годы, когда они только начинали свою карьеру, в ресторанах их отправляли в «Сибирь», даже если «престижные» столики были свободны. Рос их авторитет в обществе — и они уже сидели ближе к входу. А вот у нас все стремятся расположиться в самом центре или где-нибудь поукромней, у окна.

Метрдотели часто поставляли Лайонсу интересную информацию. Но иногда, выйдя из ресторана, он с саркастической улыбкой говорил мне:

— Он такое нес… Воображает, что это имеет какое-то значение. Чепуха!

Заканчивал Лайонс свой рабочий день, как правило, в баре «Пи Джей Кларкс» на углу Третьей авеню и 55-й улицы, где в те годы по ночам собирались известные люди. Здание бара внешне ничем не выделяется: старое двухэтажное строение из красного кирпича. Когда-то здесь громыхала надземка и улица считалась малопрестижной. Дома не строились выше пяти этажей. После войны надземку убрали и пустили линию подземного метро. Район моментально преобразился. Выросли высотные дома и заслонили собой все малоэтажки. Впрочем, не все — бар остался. Его хозяину предлагали большие деньги за то, чтобы он отдал земельный участок, занимаемый заведением, под очередной небоскреб, но он упорно сопротивлялся. Он очень любил свой бар, и никто не мог заставить его отказаться от него. Пока в Америке существует закон о частной собственности на владение землей, никто его нарушить не смеет. Так и стоит до сих пор это двухэтажное здание среди собратьев-гигантов.

В 60-е и 70-е годы бар завоевал большую популярность. Лучшие люди Америки считали за честь побывать в нем. Лично я

видел там актеров с мировыми именами, известных режиссеров. В «Пи Джей Кларкс» любили выпить виски братья Кеннеди. Там же я видел Онассиса, познакомился с Питером О'Тулом и многими другими представителями сферы политики и искусства. Лайонс в это время, разумеется, был рядом со мной.

Первый зал «Пи Джей Кларкс» — типичный зал американского бара со стойкой и круглыми высокими табуретами. Частенько в него набивалось столько народу, что перед стойкой посетители дышали в затылок друг другу. Далее — средний зальчик и, наконец, после узкого коридора, святая святых — третий зал. Здесь бывали только избранные.

Владелец бара, Денни Лавеццо, царствовал в нем по вечерам. Он выглядел радушным хозяином: плотный, с небольшим «пивным» брюшком. Это был потрясающий собеседник. Его увлекали политика, культура, сельское хозяйство, словом, в мире не было ничего, что не вызывало бы интереса у Денни.

Как-то я привел к нему в заведение нашего академика Г. А. Арбатова. Они побеседовали, и ученый потом сказал мне, что хотел бы иметь такого человека в числе старших сотрудников Института США и Канады, которым он тогда руководил. Денни со знанием дела рассуждал о советско-американских отношениях, о проблемах политической жизни в США, о шансах того или иного кандидата на пост президента.

Как я уже говорил, в этом баре Леонард Лайонс заканчивал свой рабочий день. Меня всегда поражало, что он в течение целого вечера ничего не ел, а неизменно пил только кофе, хотя повсюду ему предлагали на выбор самые лучшие блюда и напитки. После полуночи Леонард покидал бар и шел пешком два квартала к газетному киоску, в котором покупал утренний номер «Нью-Йорк таймс». Лишь потом брал такси и ехал домой. Там он ел и садился за работу. В пять утра за готовым материалом к нему приезжал посыльный из его газеты. А еще через пару часов выходил свежий номер «Нью-Йорк пост» — колонка Лайонса, как всегда, была на своем обычном месте.

Так жил этот прекрасный американец, и не просто жил, а властвовал над умами Америки.

# Володя Горовиц

Прибыв как-то в очередной раз в Нью-Йорк, я сразу позвонил Леонарду. Он сказал, что если я выкрою время, то он познакомит меня с пианистом Владимиром Горовицем.

По счастливой случайности тем же вечером я мог располагать своим временем. В назначенный час мы встретились с Лайонсом в районе 90-х улиц и направились к дому, где жила чета Горовиц. Это был один из старых нью-йоркских особняков. Дверь открыла служанка, мы прошли в гостиную, где нас ожидали сам хозяин и его жена. Лайонс представил меня Горовицу. Разговор шел на английском. Но так продолжалось недолго. Горовиц вдруг сказал мне:

— А что же мы, двое русских, на английском разговариваем?

Я с удовольствием перешел на родной язык. Горовиц обрадовался русской речи и сразу же предложил обращаться друг к другу по имени: Володя — Витя… При этом он заметил, что вообще предпочитает, чтобы на любом языке его называли Володей.

Выпили немного вина, и Володя повел нас по комнатам своего дома, показывая картины всемирно известных мастеров. Я знал, что он давно уже не дает публичных концертов, и спросил: «Володя, а почему вы перестали выступать?» Горовиц с готовностью ответил, что ему однажды до чертиков надоела вся эта концертная деятельность и особенно то, что с ней связано: необходимость колесить по разным городам, надевать смокинг или, хуже того, фрак, сидеть за роялем до позднего вечера, а потом тащиться на скучный прием и общаться с неинтересными людьми. Затем, помолчав, добавил, что, конечно же, времени он не теряет и часами сидит за роялем и даже иногда выступает, но в обычном костюме и в основном днем, перед молодежью в университетах.

На мой довольно нескромный вопрос о том, на что тогда он живет, Володя усмехнулся и показал рукой на окружающие нас шедевры живописи.

Мы вернулись в гостиную. Я ждал, что же будет дальше. Чувствовал, что мой друг Лайонс не будет самим собой, если вечер закончится просто разговором, даже если это разговор с таким великим музыкантом, как Горовиц. Так оно и вышло. Лайонс пригласил нас в тот же вечер в Гринвич Виллидж, гнездо богемной жизни ночного Нью-Йорка. В те годы там существовали своеобразные коммуны художников, музыкантов, литераторов и актеров. Это были хиппи, «дети цветов». Они потребляли травку и

другие наркотики, носили длинные волосы, слушали усиленный могучей электроникой рок-н-ролл…

Мы вскоре оказались в этом богемном районе, где двери ресторанов, кафе, баров и джаз-клубов не закрываются допоздна. Все его улочки кишат туристами и полицейскими. Но порядок, в русском понимании этого слова, американцы особо не нарушают.

Лайонс привел нашу компанию в ночной клуб «Электрический цирк». Хозяин ожидал нас у дверей. Мы окунулись в мир грохочущей электромузыки, множества хиппующих молодых людей, где никто не обращал на нас никакого внимания. Лозунг того поколения американской молодежи: «Каждый должен делать свое дело!» В данном случае нашим делом являлось лишь любопытство, и никто нам не мешал его проявлять. Гремела музыка, юноши и девушки извивались в танце. Володя протискивался между танцующими, глаза его горели восторженным огнем. Со сцены выкрикивали какие-то команды, молодые люди моментально им подчинялись и меняли стиль танца. Мелькал пульсирующий свет. Но я смотрел на мастера-исполнителя классической музыки. Мне казалось, что Володя заворожен этим действом.

В «Электрическом цирке» было несколько залов на разных этажах. В одном из них стоял несусветный грохот, в другом — тишина, молодые люди разговаривали между собой почти шепотом. В следующем зале выставлялись художники. Словом, «Электрический цирк» приносил радость американской молодежи. Это была их любимая «деревня» («виллидж»).

Пробыв там около часа, мы вышли на улицу и направились в небольшой ресторанчик, где нас также ожидали благодаря всемогущему Леонарду. Здесь мы насладились тишиной и уютом. Я спросил Володю, как же он, с его утонченным классическим музыкальным слухом, вынес «Электрический цирк». Горовиц улыбнулся и ответил:

— Витя, я же знал, куда иду!

Сказав это, он демонстративно вынул из ушей резиновые беруши.

# Леонард в Москве

Довелось мне однажды принимать Лайонса в Москве. Он приехал вместе с труппой чернокожих американских артистов, привезших на гастроли в столицу оперу Гершвина «Порги и Бесс». И тут, как говорится, у нас не обошлось без накладки. Мы с женой решили пригласить Леонарда на эстрадный концерт Ленинградского мюзик-холла. Наша знакомая, работавшая в Москонцерте, пообещала заказать билеты.

В назначенный час Леонард был у нас дома. Мы посидели, перекусили, поговорили и отправились в Театр Советской Армии, где должен был состояться концерт. Приехали на такси. Я подошел к окошку администратора и представился. Никакой реакции. Волосы на голове моей стали, образно говоря, выпрямляясь, подниматься. Увы, ни в одном списке мы не значились. Я лихорадочно стал объяснять администратору, какого гостя я привел, в Нью-Йорке двери всех бродвейских театров буквально распахиваются перед ним. После продолжительных переговоров мне все-таки дали билеты, однако на самые верхние места.

На галерке я честно объяснил Леонарду, в чем дело. Он сказал, что ничего страшного, бывает и хуже. С тех мест, где мы сидели, такому малорослому человеку, как Леонард, разглядеть что-либо внизу, на сцене, не было никакой возможности, и он простоял, опершись на барьер, весь концерт. Однако к нашему с Ингой удивлению, Лайонс радовался от души и повторял: «Никаких проблем. В Америке такого концерта теперь не увидишь». Когда все закончилось, мы вышли на площадь перед театром — ни одного такси. Правда, от Театра Советской Армии до нашего дома в Каретном Ряду было рукой подать, и я в отчаянии предложил Леонарду поехать на троллейбусе. Благо он тут же подкатил. Мы довольно быстро доехали. Троллейбус, по-моему самый поэтический вид московского транспорта, привел Леонарда в полный восторг.

Дома мы с женой немного успокоились, устроили ужин, потом вызвали такси и отправили гостя в гостиницу.

Через какое-то время я получил от Леонарда послание из Америки. В конверт, помимо письма, была вложена вырезка из газеты «Нью-Йорк пост». Лайонс в своей колонке описывал гастроли американских чернокожих артистов в Москве и прекрасный эстрадный концерт, который ему посчастливилось посмотреть в Театре Советской Армии. Он написал, что не пропустил ни одного слова советских артистов, потому что

переводчиком у него был его друг, Виктор Суходрев, услугами которого обычно пользуются главы государств. Также он вспомнил, как ехал по Москве в троллейбусе, и отметил, что кондуктора у русских нет, все сами бросают деньги в кассу. Очень честный народ — русские. Об эпизоде с билетами в театр он умолчал.

# Американцы за русским столом

К сожалению, эпоха Лайонсов в Америке безвозвратно ушла в прошлое. Жизнь Леонарда, его ежедневные обходы пульсирующих точек города являлись как бы частью образа жизни самого Нью-Йорка. Лайонс был, образно говоря, и компонентой и достопримечательностью этого великого города.

В 60–70-е годы вечерняя жизнь Нью-Йорка, в том числе и питейная, бурлила: ночные клубы работали до четырех утра, американцы допоздна засиживались в ресторанах и барах. Перед едой непременно выпивали «Драй Мартини», а попросту говоря — коктейль из нескольких капель итальянского мартини и моря джина с одной оливкой. Предлагались и напитки, где вместо джина использовалась наша родная водка. Кстати, я давно заметил, что вкусы американцев и русских потрясающе совпадают, и не только в еде и выпивке. Иной раз мне казалось, что американцы — это двойники русских в другом полушарии земного шара. И наоборот, русские — настоящие двойники американцев. Во всяком случае, в самые ответственные моменты во взаимоотношениях двух мировых центров — России и Америки — согласия было много больше, чем разногласий.

И вот я в Америке 90-х. Как все изменилось! Уже почти нет ночных клубов, работающих до четырех утра. Мой любимый бар «Пи Джей Кларкс» закрывается в час ночи. Там, где раньше струился дым сигарет и сигар, запрещают курить, а если и разрешают, то лишь в глубине «Сибири». За пять лет, проведенных мной в 90-е годы в Нью-Йорке, я почти не видел, чтобы кто-то из мужчин заказывал «Драй Мартини» или другие крепкие напитки. Вместо «Кровавой Мэри» — водки с томатным соком и специями — современные американцы перед едой выпивают коктейль «Дева Мария», ингредиенты которого те же, только без водки. Такое впечатление, что и бармены в Америке потеряли свою квалификацию и ничего более сложного, чем виски с содовой или джин с тоником, уже не умеют готовить.

Американцев охватила чрезмерная забота о своем здоровье. А когда Америку захватывает какая-то идея — это серьезно. В нынешней Америке засиживаться допоздна в ресторанах считается дурным тоном. С утра, за час до работы, бегают трусцой — модно быть подтянутым и стройным. Вместо масла одно время все ели маргарин — полезнее. Потом вдруг газеты начали писать, что растительные жиры ничуть не менее вредны, чем животные. И американцы пришли в замешательство: чем же тогда питаться, чтобы сохранить здоровье? В некоторых

ресторанах дошло до того, что посетители заказывают, например, блюда не из целого картофеля, а лишь из его кожуры — опять же полезнее. Правда, спрос рождает не только предложение, но и рост цен на это предложение….

Однако мы с Ингой жили в Нью-Йорке по своим законам. Наша квартира, можно сказать, была частичкой России в этом городе. Американским гостям подавали наваристый московский борщ, бефстроганов, русские блюда. Ко всему этому на стол выставлялась запотевшая бутылка водки. Честно скажу, что американские гости за нашим, русским, столом не вспоминали ни маргарин, ни картофельную кожуру. Ели, нахваливали и добавки просили. Вот вам и изменившиеся вкусы.

Сложно человека изменить. Во всех отношениях.

# Послесловие

Последние годы своей трудовой жизни я провел в Нью-Йорке, в Секретариате Организации Объединенных Наций. Это была уже совсем другая жизнь: я работал в многонациональном коллективе, который объединяла одна цель — содействовать расширению сотрудничества всего мирового сообщества во всех мыслимых и немыслимых областях.

Я уже не участвовал во встречах на высшем уровне, но видел глав почти всех стран мира, когда они выступали с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Эти годы ознаменовались такими изменениями, о которых раньше и подумать было невозможно. Закончилась холодная война, распалось социалистическое содружество, и — что, наверное, самое драматичное и невероятное — исчезло с карты мира государство, которому я служил верой и правдой на протяжении всей своей жизни, — Советский Союз.

Однако… за всем этим я наблюдал уже издалека. Хотя переживал ничуть не меньше, чем если бы находился в родной Москве.

Я не пропускал ни одного источника информации о происходящем в мире, особенно в моей стране, старался все это осмыслить и по многочисленным просьбам довольно часто выступал перед различными аудиториями слушателей, которых, конечно, волновали события, связанные с огромными переменами в нашем государстве, но зачастую они не в состоянии были их понять.

Я постоянно, даже, может быть, ревниво, наблюдал за всем, что происходило на политическом олимпе. Я и сегодня неотрывно всматриваюсь в экран телевизора, когда проходят встречи в верхах, или саммиты, как их теперь называют. Разумеется, вглядываясь в день нынешний, я все время сверяю происходящее с личным опытом. Вижу много положительного, но, к сожалению, замечаю и то, что повторяются многие из тех ошибок, свидетелем которых я был и о которых рассказал на страницах моей книги.

Так уж, наверное, устроен человек, что он уверен в том, будто прокладывает неизведанные тропы, тогда как на самом деле он повторяет пройденное. Не задумываясь. Часто не утруждая себя даже попыткой сопоставить нынешнее с прошедшим, сделать выводы из прошлого, что пошло бы на пользу дню сегодняшнему.

Однако жизнь продолжается, и уже этому стоит радоваться. Многое изменилось. Но по-прежнему люди власти в своих автомобилях мчатся по Москве на огромной скорости. Они

спешат так, словно убегают от прошлого. Мы уступаем им дорогу, продолжая верить в то, что для нас они затеяли эту неистовую гонку. Мы по-прежнему верим и в то, что от их ума, деловитости, способности сострадать и сочувствовать каждому человеку жизнь наша станет все-таки лучше. Мы уже не боготворим их, как раньше, открыто критикуем за ошибки, не прощаем им человеческих слабостей. И продолжаем надеяться на то, что они, люди, стоящие у власти, наконец-то поймут — это не они смотрят на нас с газетных фотографий и с экранов телевизоров, а мы, именно мы, внимательно наблюдаем за ними. И запечатлеваем в собственной памяти, дневниках, записках, воспоминаниях.

# НЕДОСКАЗАННОЕ…

*За восемь лет, прошедших со времени первого издания воспоминаний «Язык мой — друг мой», мы с Ингой, моей женой, получили немало отзывов о них. Не обошлось и без критики. Так, советник Л. И. Брежнева, ныне уже покойный, А. М. Александров-Агентов передал мне в устной форме через моего сына свое недовольство той откровенностью, с которой я рассказал о последних годах работы со стареющим Леонидом Ильичом. А друзья и близ - кие упрекнули меня в том, что я почти не затронул в мемуарах очень интересный, с их точки зрения, заключительный период моей службы — период дипломатической работы в ООН — и опустил подробности нашего с женой пятилетнего пребывания в США.*

*Недавно старший сын Инги, журналист Александр Липницкий, вызвался разговорить нас с женой об этом американском отрезке нашей жизни. На ваш суд предлагается литературно обработанная запись наших с ним бесед, а также эссе «А нам было хорошо…». Наверное, для интересующихся большой политикой данное добавление вряд ли будет значимым. Однако, исходя из сегодняшнего повышенного интереса к частной жизни известных людей, этот «постскриптум», думаю, все же найдет своих читателей.*

***В. М. Суходрев***

**Александр Липницкий:** Простому обывателю работа переводчиком у первых лиц государства представляется невероятно ответственной, но при этом не требующей дипломатического дара, приложения самостоятельных усилий в сфере дипломатии, то есть работой, что называется, «на хозяина». Действительно ли это так? И в связи с первым вопросом — второй. После многих лет переводческой деятельности вы в 1989 году получили пост в Секретариате Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Потребовала ли от вас новая должность проявления, помимо переводческих, каких-то иных профессиональных качеств? Если да, то каких и как вы с этим справились?

**Виктор Суходрев:** Всю жизнь я любил профессию переводчика, получал от своей работы абсолютный «кайф». Это факт. Вместе с тем я признавал за собой определенные организаторские способности. Например, под конец моей службы в Бюро переводов, где трудился до 1966 года, я заведовал английской секцией, у меня в подчинении были 4–5 человек. То есть руководящую административную функцию я уже как бы выполнял. Затем перешел на работу во Второй Европейский отдел на должность советника и через какое-то время стал заместителем заведующего этим отделом, соответственно прибавились административные обязанности: я, скажем, начал больше читать и составлять шифрованные телеграммы, справки или редактировать материалы, подготовленные младшими сотрудниками. Следует отметить, что до этого, занимая более низкие должности, работая исключительно переводчиком, я, в отличие от многих дипломатов младшего звена, например от референта или атташе, которые только бумаги носят туда-сюда, также читал кучу соответствующих документов, потому что готовился к той или иной дипломатической встрече: переводить, не зная, о чем будет разговор, не зная сути, не зная деталей темы, переводчику на высоком политическом уровне просто нельзя. Таким образом, в плане выполнения административных функций я вступил на руководящий пост в значительной степени более подготовленным, чем те, кто, начав свою карьеру младшим референтом, затем дослуживался до советника. Мои коллеги, другие переводчики, которые переходили на службу в какой-либо политический или территориальный департамент, были также хорошо подготовлены в этом отношении.

**А. Л.:** Можно ли сказать, что вы «переросли» работу

переводчика? Если бы судьба так распорядилась, и вы продолжали работать в качестве переводчика у российских лидеров — Ельцина и даже Путина, вы бы сами себе не казались каким-то анахронизмом? Есть ли у переводчиков первых лиц государства возрастной профессиональный предел?

**В. С.:** Есть, конечно. Как и у представителя любой профессии.

Переводчик на высоком политическом уровне — очень серьезная, ответственная должность, и никакого комплекса неполноценности она не вырабатывает. Правда, если только не думать, что ты какой-то слуга, прислужник… Но в моем случае такого и быть не могло. Необходимо самому осознать, что должность эта, повторюсь, весьма ответственная и что все, кто сидит по ту сторону стола переговоров или в зале, а тем более многомиллионная публика у телевизионных экранов, ничего не понимают из того, что говорит твой руководитель на чужом для них языке, какой бы блистательный оратор он ни был, а понимают только тебя, переводчика, и только ты можешь донести до них смысл сказанного представителем твоего государства.

Однако наступает момент, когда эту должность «перерастаешь», в том смысле, что она становится, можно сказать, почти невмоготу. Кроме того, с возрастом реакция слабеет, это тоже правда. Когда Хрущева «убрали», ему было 70 лет, но Никите Сергеевичу тогда казалось, что он может еще работать и работать. Мне сейчас 74 года, и я уже не смог бы успевать, например, за нынешним нашим президентом. Я уже не в силах так напряженно работать, как раньше — по 4–5 часов подряд.

**А. Л.:** Очевидно, что в роли переводчика вы в годы холодной войны испытали немало трудностей, невольно участвуя в политических дебатах руководителей сверхдержав, в том числе на заседаниях ООН. Наверняка вам приходилось сглаживать острые моменты. Существенно ли изменилась атмосфера в ООН с появлением на международной арене М. С. Горбачева?

**В. С.:** К 1989 году уже не было системы абсолютного противостояния: если Америка «за» — значит, Советский Союз «против» и наоборот. Началось плодотворное сотрудничество в сфере ликвидации некоторых международных кризисов в различных точках земного шара: Сомали, Ангола, Юго-Восточная Азия, Индия, Пакистан и так далее. Наступил этап, когда никакие вопросы не выносились, например, на обсуждение открытых заседаний Совета Безопасности, прежде чем они не были оговорены и обсуждены во всех деталях за закрытой дверью. Обсуждение проходило в рамках двухсторонних переговоров в одном из посольств, или в Москве, или в Вашингтоне (я говорю только о США и СССР, но это касалось и других стран). Потом

проводились негласные консультации, на которых присутствовали послы, все члены Совета Безопасности, как постоянные, так и непостоянные, но на которые не допускались ни журналисты, ни представители других государств. Это были абсолютно закрытые консультации. Принятое в результате таких переговоров единое решение выносилось на обсуждение открытого заседания Совета Безопасности. Короче говоря, право вето (принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности), закрепленное в 1945 году, когда была образована Организация Объединенных Наций и утвержден ее Устав, старались не использовать. Заседания становились, можно сказать, скучными, потому что все знали — серьезных разногласий не будет. Худшее, что могло произойти, это если Китай или Советский Союз воздержатся. Но и в данном случае резолюция проходила. Одним словом, стали изменяться процедурные аспекты деятельности ООН, начался процесс адаптации механизмов и методов работы этой организации к новым условиям.

Я получал огромное удовлетворение, работая в Секретариате Организации Объединенных Наций. Первое время я занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН, Переса де Куэльяра. Потом его сменил Бутрос Гали, и он первым делом переструктурировал свой секретариат. Я был назначен Директором Управления по делам Генеральной Ассамблеи ООН. В подчинении у меня находилось, смешно сказать, около 25 женщин. Мужчина — один я. Сотрудницы все были среднего возраста, учитывая пенсионный возрастной предел в ООН (не старше 60 лет): африканки, латиноамериканки, англичанки, француженки, японки. Русских среди них не было.

**А. Л.:** Ревновала ли вас мама (Инга Дмитриевна Суходрев — жена В. М. Суходрева. — *Прим. ред.)?*

**В. С.:** Нет. Женам там можно было выписывать постоянные пропуска, и как-то раз Инга пришла ко мне, я ей показал место, где работаю, познакомил со своими «девчонками». После этого они стали ее называть «миссис S». Например, моя секретарша, по национальности никарагуанка, подзывая меня к телефону, говорила: «Миссис S на проводе». Они все хорошо относились к Инге, да и она им симпатизировала.

**А. Л.:** Вы работали в ООН в конструктивный период. А сейчас, после того как возникли военные конфликты в связи с распадом одной сверхдержавы, по вашему мнению, уменьшилась ли роль этой организации?

**В. С.:** В какой-то степени уменьшилась. Конечно, положение изменилось вследствие распада Советского Союза, развала

Варшавского договора — блока, противостоящего блоку НАТО. Все происходило на моих глазах. Бывшие республики Советского Союза стали подавать заявления о вступлении в ООН. До этого времени ее членами из советских республик являлись только Украина и Белоруссия, а в 1991 году, когда я уже был Директором Управления по делам Генеральной Ассамблеи, в ООН стали вступать остальные республики СССР. Их представители, приезжая в Нью-Йорк для решения данного вопроса, должны были сначала прийти к заместителю Генсека ООН по делам Совета Безопасности (на тот момент — В. С. Сафрончуку, россиянину), а потом — ко мне. Я принимал соответствующие документы и назначал дату заседания Генеральной Ассамблеи по этому вопросу. Принятие решения об официальном приеме в члены ООН происходило без голосования, путем аккламации — аплодисментами. Надо сказать, что когда бывшие советские республики вступили в ООН, стали полноправными ее членами, то со многими сотрудниками их представительств, в том числе и прибалтами, у меня установились очень хорошие отношения.

**А. Л.:** Сегодня, в начале XXI века, уже совершенно ясно, что торопливость и недальновидность нашего руководства в вопросах внешней политики в тот период, о котором мы говорим, привели к тому, что не были использованы имеющиеся у нас козыри в целях укрепления СНГ, сохранения границ страны, ставших теперь отчасти границами НАТО. А тогда, в начале 90-х, работая в Секретариате ООН в Нью-Йорке, вы не предполагали, к чему это в конце концов может привести?

**В. С.:** Весь этот процесс начался в 1990–1991 годах, когда развалился Варшавский договор, а потом и Советский Союз. Находясь в то время в Нью-Йорке, я видел и слышал, как на сессиях, заседаниях ООН с позиции, несовместимой с позицией Советского Союза, выступают представители, президенты, премьер-министры государств — бывших участников Варшавского договора (например, Венгрии, Болгарии). В целом они говорили о советской оккупации, о коммунистической диктатуре. Антисоветская эйфория совершенно шокировала. Стоит отметить, что я никогда не был идейным коммунистом, однако, слушая подобные выступления, просто смешно становилось, причем не только мне…

**А. Л.:** Надо думать, что американцы и соответственно НАТО эту ситуацию обыграли в свою пользу?

**В. С.:** Ну конечно, обыграли, если целая держава и целый военный блок, по сути противники, рухнули практически в одночасье. Когда восточно-европейские государства стали, так сказать, формально независимы, когда СССР распался и когда

бывшие советские республики стали стремиться в НАТО, вот тогда и пошел процесс расширения НАТО на Восток.

Выскажу свое субъективное мнение по данному вопросу. У меня никогда не было опасений по поводу расширения этого блока в сторону наших границ, потому что я не сомневался в том, что при правильном ведении внешней политики российским правительством никаких агрессивных намерений со стороны НАТО в адрес России не будет и быть не может. Кроме того, вступление в НАТО требует от государств-кандидатов огромных финансовых затрат на то, чтобы реформировать свои вооруженные силы, начиная с военной формы и заканчивая собственно вооружением. И мне казалось, что этим странам прежде всего следует направлять силы на развитие экономики, на улучшение бедственного положения своего населения (ни для кого не секрет, что во многих бывших социалистических государствах, да и в бывших советских республиках, до сих пор не выровнено экономическое положение). Поэтому, повторюсь, у меня никогда не было опасений относительно расширения НАТО. Я в этом смысле всегда солидаризировался с давним моим другом, ныне, к сожалению, покойным, опытным ученым-политологом Александром Бовиным, который, выступая в те годы по телевидению, говорил: «А какая угроза от НАТО? Да никакой!»

**А. Л.:** Вы, как и Бовин, в какой-то степени западник?

**В. С.:** Да, и я этого не скрываю.

**А. Л.:** Закончим разговор о политике. Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни в Нью-Йорке, быте, друзьях. Но сначала о том, каким образом вы оказались в Секретариате ООН?

**В. С.:** В 1989 году от тогдашнего министра иностранных дел Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе мне вдруг поступило предложение поехать на дипломатическую службу в ООН. Надо сказать, что до 1989 года я никуда надолго не выезжал, именно из-за моих переводческих обязанностей. И вот мне предлагают ехать работать в Нью-Йорк, причем на должность достаточно интересную и ответственную — специального помощника Генерального секретаря ООН. Ранее ее всегда занимал советский сотрудник, как правило, служащий КГБ. Однако, поскольку кагэбэшник делать там что-либо по своему ведомству не мог (все знали, из какой он организации), руководство КГБ в конце концов отказалось от этой должности в пользу МИДа. И вот решили назначить меня.

Стоял август 1989 года. Генеральный секретарь ООН должен был утвердить мою кандидатуру. Вообще, с нашей, советской, стороны ее сначала утвердили в ЦК партии, так было положено. Потом послали запрос Генсеку ООН, Пересу де Куэльяру, все-таки

речь шла о его личном помощнике. Через два дня пришло согласие: Перес де Куэльяр меня знал с того времени, когда он посещал Союз в качестве Генсека ООН и когда я встречался с ним в ООН, приезжая туда с Громыко. Таким образом, я стал первым сотрудником МИДа СССР на должности специального помощника Генерального секретаря ООН.

Сначала нас с женой устроили в гостиницу. Я рассчитал так, чтобы прилететь в Нью-Йорк в пятницу, а в субботу и воскресенье познакомить Ингу с городом (Нью-Йорк — это мой город, я знаю его так же хорошо, как Москву, поскольку с 1958 года часто бывал в нем с Громыко). Мы прилетели вечером. Решили сходить в магазин. Пошли в супермаркет. Подобных магазинов в ту пору в России не было, и Инга там впервые увидела полное изобилие. Накупили всякой всячины. Затем гуляли по Нью-Йорку.

В понедельник я пошел на службу, а жена осталась в гостинице. Потом она рассказывала о том, как ее жалела горничная-негритянка по поводу того, что Инга, бедненькая, сидит одна.

Естественно, встал вопрос о личном жилье. Мне хотелось жить где-то рядом со штаб-квартирой ООН, то есть недалеко от работы, чтобы я мог, например, прийти домой днем, пообедать с женой. Короче говоря, нашел агента по найму квартир, бразильца, молодого энергичного парня, даже помню его имя — Хуан Барон. Он повел нас смотреть квартиры в округе, показал пять из них. Инга ходила, внимательно все осматривала, говорила: «Да, это квартира неплохая, но где мы будем гостей принимать?» В общем, то гостиная слишком маленькая, то столовая небольшая. Наконец, посмотрев одну квартиру в двух кварталах от ООН, поняли — это наше. Приблизительно 16 метров спальня, две ванны, а гостиная и столовая совмещены в одну комнату в виде буквы «Г».

Плата за квартиру составила порядка 1800 долларов в месяц. К слову сказать, когда я начал работать в Америке, месячная зарплата у меня была достаточно высокая — где-то 10 тысяч долларов, это намного больше, чем получали сотрудники советской миссии при ООН. Однако дело в том, что моя должность приравнивалась к должности первого заместителя постоянного представителя Советского Союза, размер оклада по которой был ниже моей зарплаты, поэтому разницу (около 2 тысяч долларов) я должен был сдавать в советскую казну. И это не считая внутриооновского подоходного налога, отчислений в пенсионный фонд ООН, медицинской страховки и тому подобного. В итоге на руки выходило 1432 доллара. Вот вам и 10 тысяч…

Квартира, как я уже говорил, находилась близко от места службы: комплекс зданий ООН в Нью-Йорке начинается с 42-й улицы по Первой авеню, а квартиру мы сняли на 39-й улице между Первой и Второй авеню. Было очень удобно. Окна нашего жилища выходили на Первую авеню, слева виднелась река Ист-Ривер, справа — Эмпайр-Стейт-Билдинг, знаменитый 102-этажный небоскреб. Вид, надо сказать, замечательный, тем более, если учесть, что открывался он с 36-го этажа.

После того как вопрос с квартирой разрешился, возникла новая проблема — надо было покупать мебель. От ООН мы получили специальный грант на обустройство. Заказали мебель в магазине. Правда, доставка ее была назначена на разные сроки, и поскольку спать было не на чем, мы по-прежнему жили в гостинице. Я ходил на работу, а жена — на квартиру. Мебель постепенно доставляли. В тот день, когда должны были привезти спальню, мы наконец выехали из гостиницы. Приехали в квартиру, ждем — никого нет. Звоню в фирму, девушка на другом конце провода объясняет, что у них что-то случилось с грузовиком. Я возмутился, объяснил ситуацию. А она мне отвечает вопросом: «Но, сэр, вы разве не видите, что у нас в Нью-Йорке бездомные спят даже на тротуарах?» Я аж как-то «заколдобился», подумал: «Куда же это мы приехали?» В общем, спать опять было не на чем. Тогда я позвонил в советское постоянное представительство, меня все там знали, и нам оттуда привезли раскладушку, правда несколько отличавшуюся от наших, отечественных, более удобную. И вот мы с Ингой день, а может два, не помню уже, проспали на этой раскладушке, пока не привезли спальню. Так мы начинали нашу жизнь в Нью-Йорке.

**А. Л.:** А с кем вы общались после рабочего дня и в выходные?

**В. С.:** В Москве у нас все время были гости, и там осталось очень много друзей. Потихоньку и в Нью-Йорке мы стали обрастать друзьями, прежде всего теми же самыми, московскими. Наши друзья из театрального мира (например, Шура Ширвиндт, Миша Державин, Валя Гафт), ученые, спортсмены, литераторы, приезжая в Нью-Йорк на гастроли или по другим делам, откуда-то узнавали наш телефон, звонили, будь то днем или вечером, и я всегда говорил: «Немедленно ко мне!» Кроме того, в августе — сентябре, когда мы были уже в Нью-Йорке, так сказать инсталлировались, туда на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН прибыли мои коллеги из Москвы во главе с министром. Наверное, с этого все и началось. Скажем, приехал замминистра, мой друг, — надо принять его на ланч. Я везу его к себе домой, а если это вечер, то говорю: «Бери машину, давай приезжай». Вот так было.

Учитывая мой должностной уровень в Секретариате ООН — «ди-два», то есть «директор-2», или «высший директор», я мог на ооновских складах закупать спиртное без налогов. Мне было положено два ящика крепкого спиртного, практически неограниченное количество вина, ну и, естественно, всевозможные ликеры и тому подобное. Следовало заполнить какие-то бланки, потом получить ящики в подвале. Я быстро освоил данный процесс, и у меня никогда с этим проблем не возникало, все было, скажем так, на высоте.

Мы знали, что некоторые наши знакомые, москвичи-эмигранты, живут в Нью-Йорке. Стали их разыскивать, нескольких нашли. Появились такие вот, по советским меркам, «неудобные» друзья. Однако к тому времени мы уже не боялись. Мне не надо было ездить в нашу миссию и что-то докладывать. Я, как советский дипломат, если узнавал что-либо интересное, имел право поехать туда и изложить полученные сведения в письменной форме, и затем моя информация могла быть отправлена телеграммой в Москву. Я несколько раз этим правом пользовался. Так делали и американцы, и французы, и представители других стран, работающие в ООН, и это было нормально — мы являлись гражданами своих государств, работающими за рубежом, то есть беспристрастными международными чиновниками.

**А. Л.:** Как вы уже говорили, в Нью-Йорк в те годы приезжали ваши друзья, популярные и известные в нашей стране люди. Если можно, расскажите подробнее о ваших с ними встречах, о том, что они делали в Америке.

**В. С.:** Напомню, что это был 1989 год — время, когда постепенно стал повышаться интерес к нашей стране американской общественности, которую, в сущности, мало интересует что бы то ни было, выходящее за рамки собственно Соединенных Штатов. Такое внимание было вызвано тем, что в СССР, можно сказать, государстве врага США, «империи зла», вдруг начали происходить удивительные трансформации, значительные перемены. С Советским Союзом стали связывать слово «демократия». Почти в этот же период широкий поток советских граждан хлынул на Запад. Раньше наши соотечественники, выезжая за рубеж на постоянное место жительства, лишались гражданства и не имели права вернуться в страну, то есть теряли честь называться советскими гражданами. С 1989 года все изменилось.

Надо сказать, что практически в любом большом городе США (например, Бостоне, Чикаго, Лос-Анджелесе и других) есть кварталы, заселенные выходцами из Советского Союза. Самый

известный находится в Нью-Йорке, на Брайтон-Бич, в одном из пяти районов города — Бруклине. Это так называемая «Маленькая Одесса» — «малая земля» нашей эмиграции. И вот во второй половине 1989 года в «Маленькой Одессе» среди новой волны эмигрантов появились импресарио, которые раньше культурно-досуговой деятельностью не занимались, но, оказавшись в Америке и проникшись духом предприимчивости и предпринимательства, решили, что можно зарабатывать на организации гастролей артистов из Союза, вечеров встреч с представителями нашей творческой интеллигенции, удовлетворении, если хотите, определенных культурных запросов русскоговорящих людей, живущих вдали от Родины и тоскующих по культуре (самых разных направлений), к которой они привыкли.

Одним словом, в США, в том числе и в Нью-Йорке, стали чаще бывать представители нашей творческой интеллигенции. Перед русскоговорящими американцами приезжали выступать и мои давние театральные друзья — Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Валентин Гафт. Шура Ширвиндт узнал откуда-то номер нашего телефона, и по приезде ребята нам позвонили. Сказали, что они в Нью-Йорке, что их разместили в гостинице где-то на Манхэттене. Мы с Ингой необычайно обрадовались, сразу пригласили их к себе, предупредив, что у нас в квартире еще и мебели толком нет. Поскольку гостиница, где они остановились, находилась недалеко от нашего дома, я объяснил им по телефону, как дойти до нас пешком. В Нью-Йорке очень просто ориентироваться, так как он разбит на ровные прямоугольники: длинные стороны — авеню, короткие — стриты. Они должны были быстро найти наш дом. Ждем 20 минут, ждем полчаса, час — их нет. Наконец раздается телефонный звонок — они по карманам наскребли мелочи и позвонили нам из телефона-автомата (мобильников тогда еще не было). Спрашиваю: «Куда вы пропали?» Шурка начинает объяснять, и я понимаю, что они пошли в другую сторону. В конце концов эта компания до нас добралась, совершив, таким образом, своеобразную экскурсию по Манхэттену, по 39-й улице.

Мы, как всегда, замечательно посидели — Инга приготовила вкусный обед, шутили, смеялись, смотрели телевизор. У меня тогда только появилась фотокамера «Полароид», я сделал несколько снимков. Тогда же Валя Гафт сходу сочинил: «Державин, Ширвиндт, Гафт и Он на кухне рядышком с ООН».

***М. М. Державин, И. Д. Суходрев, А. А. Ширвиндт, В. И. Гафт, подруга семьи С. В. Сургучева***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

Ребята к тому времени объехали с концертами многие города США, в которых существовали русскоязычные колонии. Естественно, друзья нас пригласили на свой первый творческий вечер-концерт в Нью-Йорке. А где они могли выступать в этом городе? Разумеется, на Брайтон-Бич. Концерт проходил в здании колледжа: его помещения, в том числе концертный зал со сценой, можно было арендовать на вечера, выходные дни. Ожидая начала концерта, мы вдруг встретили Михаила Гулько. Я не был с ним до этого знаком, его знала Инга и вы с Володей (имеются в виду Александр и Владимир Липницкие — сыновья И. Д. Суходрев. — *Прим. ред.*), еще с той поры, когда жили на улице Каретный Ряд в Москве. Музыкант и певец, когда-то собиравший народ в ресторане «Русалка» московского сада «Эрмитаж», Гулько эмигрировал в 1980 году в США, выступал в ресторане «Одесса» на Брайтон-Бич. Мы немного поговорили о вас с Володей, и затем он сказал: «Ну что, идем смотреть наших любимцев». Я эту фразу хорошо запомнил — она символизирует те чувства, с которыми

эмигранты третьей волны встречали нашу творческую интеллигенцию в Америке. Успех был невероятный, зал был полон до отказа. Со сцены звучали репризы, монологи из спектаклей, скетчи. Гафт рассказывал о Театре «Современник», Ширвиндт и Державин — о Театре Сатиры, о культурно-театральной жизни Москвы. Слушали мы, можно сказать, раскрыв рты, буквально не шелохнувшись.

В США приезжал и Александр Иванов, замечательный человек, известный в свое время поэт-пародист. Сегодняшняя молодежь не знает о нем, наверное, но когда-то он был очень популярен в Советском Союзе, выступал на телевидении, вел программу «Вокруг смеха».

**А. Л.:** А та, местная, публика знала его?

**В. С.:** Безусловно, знала. И это тоже была своеобразная связь с Родиной, со своей «старой страной» (в США, чье население в принципе и состоит в основном из эмигрантов, есть очень точное выражение — «олд кантри», то есть «родина, отечество», дословно «старая страна»). Саша Иванов тоже был у нас в нью-йоркской квартире. Он приезжал с женой, бывшей солисткой Мариинского театра, киноактрисой Ольгой Заботкиной (она, например, исполняла роль Кати в первой экранизации «Двух капитанов» В. Каверина). Они немного у нас посидели, а потом Ольга сказала, что им надо идти. Помню ее слова: «Нас предупредили, чтобы мы вечером по Нью-Йорку пешком не ходили, очень опасно». А предупредили те новоявленные импресарио, которые их пригласили и которые платили им деньги, причем небольшие.

Вспоминаю один из вечерних концертов Иванова (в основном Саша выступал со своими стихотворными пародиями). Проходил он в здании синагоги, где-то на 38-й улице, когда там не шла служба и помещение можно было арендовать. И опять был аншлаг. Открывая вечер, Саша сказал: «Я очень рад вас всех приветствовать. Знаю, что большинство из вас евреи, так как выступаю я в синагоге. Что касается меня, извините, я — русский в пятом или шестом поколении». Дело в том, что Сашу, у которого, многие наверняка помнят, были еврейские черты лица, особенно профиль, трудно было по внешним признакам назвать «Ивановым», то есть русским.

*А. А. Иванов, О. Л. Заботкина, В. М. Суходрев*

*Нью-Йорк, 1990-е годы*

***Г. Б. Волчек и И. Д. Суходрев***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

В гостях у нас также бывали Майя Плисецкая со своим мужем — композитором Родионом Щедриным. В Нью-Йорк великая русская балерина приезжала в основном танцевать, а однажды председательствовала на балетном конкурсе, проходящем в этом городе.

Посещали нас и театральный художник Боря Мессерер с поэтессой Беллой Ахмадулиной, супруги. Точно помню, что было это в праздник Хеллоуин. Мы с Ингой купили символ этого праздника — «пампкин» (проще говоря, тыкву). Она стояла у нас на столе, когда Боря и Белла к нам пришли. Боря ножом художественно вырезал на тыкве традиционную ужасную рожицу, вынул из тыквы семена, предварительно срезав ее верхушку, осталось только внутрь вставить зажженную свечку, как делают все американцы. В общем, веселились от души.

Конечно, в те годы, как всегда, на гастроли в США приезжали прославленные ансамбли из нашей страны, из бывшего СССР,

например ансамбль грузинского национального танца «Сухишвили — Рамишвили», в составе которого были и наши друзья. Мы с Ингой, разумеется, побывали на выступлении этого коллектива и пригласили друзей в гости. Илико Сухишвили, одного из основателей ансамбля, к тому моменту уже не было в живых. К нам пришли его вдова Нино Рамишвили, сын Тенгиз с красавицей-женой Ингой Тевсадзе, солисткой ансамбля. Ужин мы постарались сделать на грузинский манер. Нино Рамишвили, помню, сказала: «Ой, как хорошо мне у вас здесь, а то эти молодые после концерта куда-то уходят, меня с собой не берут. А тут вдруг и меня взяли».

***В. М. Суходрев, М. М. Плисецкая, профессор Ш. Атлас, И. Д. Суходрев, Р. К. Щедрин***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

***Б. А. Ахмадулина, В. М. Суходрев, главный редактор журнала «Огонек» В. А. Коротич, И. Д. Суходрев***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

**А. Л.:** Мама, а не могла бы и ты что-либо добавить о вашей жизни в Америке?

**Инга Суходрев:** В Нью-Йорке мы жили очень насыщенно. Когда проводились осенние сессии ООН, нам приходилось в течение двух месяцев каждый день бывать на трех-четырех приемах, вечером — на официальных обедах. Кроме того, в связи с лекциями, которые Виктор читал в различных фондах и университетах, мы довольно много ездили по стране. Там мы встречали лучших представителей американской интеллигенции.

Как уже сказал Виктор, из России в Нью-Йорк регулярно приезжали наши друзья, в частности академики В. А. Кабанов и Н. А. Платэ. Они знакомили нас со своими американскими коллегами — интереснейшими, высочайшей культуры и эрудиции личностями. К сожалению, и Виктора Александровича, и Николая Альфредовича, этих двух очень близких нашей семье людей, сегодня уже нет с нами.

Если в Нью-Йорк прилетали театральные друзья-соотечественники, мы, конечно, не пропускали ни одного их выступления. После спектаклей, концертов общались с ними или у нас дома, или на приемах, устраиваемых в их честь. Когда «Ленком» привез «Юнону и Авось», у нас побывала целая группа актеров театра.

Можно очень много рассказывать о подобных встречах, которые там, на чужбине, особенно радостны.

**А. Л.:** А как ты проводила свободное время?

**И. С.:** Если я была действительно свободна, то есть Виктор никого не приглашал на ланч, то я отправлялась просто гулять по городу. Мне очень нравилось совершать прогулки по Нью-Йорку, особенно осенью — она там изумительна. Часто заходила в свой любимый музей живописи — «Фрик коллекшн». Каждую неделю посещала также клуб жен послов, где нам читали интересные лекции крупнейшие специалисты в разных областях: политики, экономики, дипломатии и так далее.

***Роман Кармен-млададший, В. М. Суходрев, Н. А. Платэ***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

***В. А. Кабанов, его жена Ася, В. М. Суходрев, Ш. Атлас***

***Нью-Йорк, 1990-е годы***

Если говорить о походах по магазинам, то отмечу, что шоппинг никогда не был моим любимым занятием, поскольку в СССР я такой привычки не приобрела, а за границей впервые оказалась в 55 лет. В плане покупок мне помогали мои новые подруги — американки. Мы обычно вместе отправлялись в какой-нибудь только им известный магазинчик, покупали все, что необходимо, и затем заходили перекусить в ближайшее кафе.

Кроме того, большого внимания требовал дом — ни горничной, ни повара у нас не было, а гостей мы принимали всегда много и всегда с удовольствием.

Вспоминая сейчас те пять лет, прожитые в Нью-Йорке, могу сказать только одно: спасибо Америке за эти годы, спасибо и моим дорогим подругам, друзьям, чьи внимание и любовь сделали этот период нашей жизни счастливым.

**В. С.:** В свою очередь, я хотел бы вспомнить еще об одном человеке, навещавшем нас в Нью-Йорке, — Мише Ромадине. Сын известного художника-пейзажиста академического направления Николая Ромадина, Миша не пошел точно по стопам отца, а стал художником в разных жанрах: в кино (в частности, он был художником-постановщиком фильма «Солярис» А. Тарковского), в

театре, книге, живописи. Мишу и его жену Виту Духину мы знали еще по Москве. Получив какой-то грант, он приезжал в Техас, в Хьюстон, работал на заказ. Затем, оказавшись в Нью-Йорке, он нам позвонил. В 1989 году в «Клубе русской книги» при нью-йоркской штаб-квартире ООН, название которого довольно условно, поскольку это клуб не только книги и не только русской и проводит он самые разные мероприятия, была организована персональная выставка работ Миши Ромадина. Все, кто посетил ее, пребывали в полном восторге. Миша с Витой обедали и ужинали у нас дома не один раз. Как я уже говорил, из наших окон на 36-м этаже открывался замечательный вид на Ист-Ривер. Конечно, впечатлил он и Ромадина, — сидя на нашем балконе, Миша несколько дней подряд рисовал эту панораму. Готовую картину назвал «Вид на Манхэттен из квартиры Суходрева». Потом долгое время Миша выставлял ее на выставках своих работ.

**А. Л.:** В продолжение «художественной» темы следующий вопрос. Известно, что к участию в создании оформительских материалов для украшения нью-йоркской штаб-квартиры ООН, в частности монументальных, приглашают, учитывая международный характер данной организации, многих знаменитых художников и скульпторов мира. Какими новинками в этом плане обогатилась территория штаб-квартиры ООН за ваш период работы в Секретариате?

**В. С.:** Когда министром иностранных дел нашей страны стал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, в нью-йоркской штаб-квартире ООН появился и Зураб Церетели. Мы познакомились с ним задолго до этого, были приятелями. Церетели решил поставить на парковой территории Секретариата ООН скульптуру Георгия Победоносца, любимого своего архетипа. Когда Советский Союз и США пришли к знаменательным соглашениям об уничтожении ракет средней дальности, у Зураба родилась идея монумента: Святой Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона, выполненного из остатков именно таких ракет — «Першинг» и «СС-20».

Когда Зураб только выбирал место для установки данного памятника, я был рядом с ним — мы вместе изучали парковую территорию Секретариата ООН. Дело в том, что она давно превратилась в своеобразный парк скульптур, среди которых есть и такие работы, как аллегорическая статуя Евгения Вучетича «Перекуем мечи на орала», скульптура «Лежащая фигура: рука» известного абстракциониста Генри Мура. Однако по своим размерам все они не очень крупные, в отличие от задуманного Церетели. Установку «Святого Георгия» в парке скульптур сильно

лоббировал Шеварднадзе, что повлияло на окончательное решение данного вопроса. В 1990 году скульптура «Добро, побеждающее Зло», так Церетели назвал свою работу, была торжественно открыта в этом парке. Теперь, когда подъезжаешь к ООН с 43-й или 44-й улицы, первое, что бросается в глаза, — огромное ваяние нашего скульптора-монументалиста. По непосредственному указанию Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра я присутствовал на открытии памятника. После официальной части состоялся банкет, устроенный, конечно же, автором произведения. Хочу сказать, что такого количества черной икры даже я, привыкший к кремлевским банкетам, в жизни не видел: когда опустошалось одно глубокое блюдо с икрой, тут же приносили следующее, до краев наполненное этим деликатесом. Словом, у Зураба все монументально.

В 1994 году, незадолго до моего ухода из Секретариата ООН на пенсию и отъезда из Соединенных Штатов, Альваро де Сото, Специальный советник Генерального секретаря ООН, в то время отвечавший за художественное оформление всего комплекса зданий Секретариата, обратился ко мне: «Сегодня уже 1994 год, Шеварднадзе больше не министр иностранных дел, в связи с этим, как ты думаешь, Виктор, если мы памятник с фигурой Георгия Победоносца и ракетами продадим какой-нибудь частной компании, короче говоря, уберем с нашей территории, Россия не очень рассердится?» Я пожал плечами… Сегодня, насколько я знаю, церетелиевский монумент стоит на прежнем месте.

## *Прощание с ООН и с Америкой*

### *Нью-Йорк, 1994 год*

**А. Л.:** И последний вопрос. Я замечал, что, просматривая телевизионные новостные сводки, вы очень внимательно и даже критично следите за работой ваших многочисленных преемников на высшей переводческой должности. Скажите, пожалуйста, посещает ли вас чувство профессиональной ревности к вашим «наследникам» — российским переводчикам английского языка на высшем политическом уровне?

**В. С.:** Конечно, и я думаю, что это совершенно естественно. Правда, крайне редко удается их услышать, потому что, как правило, голос переводчика в телевизионной трансляции отключают. Смотрю, слежу, и, в отличие от простого человека, который не знает всей этой кухни, языка прежде всего, не знает, что и как происходит вообще на переговорах, я начинаю трепетать, дрожать, даже бегают мурашки. Это напоминает спортивное волнение: выиграешь — не выиграешь.

# А нам было хорошо…

На Западе неделю между Рождеством Христовым и Новым годом именуют праздничным сезоном. Это самое веселое и радостное время года. А предшествует ему прямо-таки вакханалия шоппинга. Подарки для всех — для родственников, близких и дальних, для друзей и сослуживцев. И еще — поздравительные открытки… Их посылают всем, всем, всем. Можешь не общаться с человеком весь год — но к Рождеству пошли ему открытку. Если, конечно, считаешь себя хорошо воспитанным. На Западе в прежние времена почти в каждой семье существовали постоянно обновляющиеся картотеки с фамилиями тех, кому надо отправлять рождественские открытки. Эти картотеки ведутся и сегодня, однако теперь они умещаются на любом электронном носителе. Нажмешь кнопку — и из принтера поползет лента с отрывными самоклеящимися квадратиками, на которых четко напечатаны адреса и фамилии адресатов. Шлепай квадратики на конверты, в которые уже заложены открытки, и все дела. Впрочем, нынче можно обойтись и электронной почтой. В любом случае список адресатов сохраняется лишь в электронной памяти, а вовсе не в твоей. А на душе спокойно: вроде бы всех помнишь, только…

Мы, русские, — народ особый. Во многих отношениях. В том числе и в соблюдении традиций, в частности календарных. Там, на христианском Западе, Рождество празднуют 25 декабря, а у нас, на не менее христианском Востоке, — 7 января. А вот Новый год все вроде бы празднуем в один день — 1 января. Правда, у нас, у русских (как, впрочем, и у некоторых других православных), есть свой дополнительный новогодний праздник — Старый Новый год — 13 января. Он какой-то особенный — теплый. И его многие, очень многие, отмечали даже в ту пору, когда и говорить о нем открыто не положено было: праздник-то по церковному календарю. И елки новогодние держали в домах до Старого Нового года. Потому что елки эти на самом деле — рождественские.

***И. Д. Суходрев***

***Нью-Йорк, 1992 год***

***В. М. Суходрев***

***Нью-Йорк, 1992 год***

Мы с Ингой до сих пор наряжаем на Новый год елку, когда-то купленную в Нью-Йорке. Пошли мы как-то в магазин — рождественский бум в разгаре. Повсюду расставлены образцы синтетических елок, уже украшенных яркими шарами всевозможных цветов и размеров, блестками и гирляндами мигающих фонариков. С нами была наша американская подружка. Пока мы с женой осматривали рождественско-новогоднее великолепие, приценивались, она о чем-то поговорила с продавцом, потом подошла к нам и сказала: «А зачем вам сейчас все это покупать? Ведь у вас Рождество еще не скоро. Если вы приобретете один из этих образцов со всеми прибамбасами после 25 декабря, покупка вам обойдется в одну треть цены». Истинно американская практичность. Мы послушались ее совета, так и поступили.

Поставили мы нашу елку сразу после западного Рождества, ближе к 1 января. И радовала она нас и в русское Рождество, и на Старый Новый год. А из дома напротив американцы смотрели на

нашу мигающую разноцветными огоньками елочку и, наверное, недоумевали: «Что за странные люди? Праздничный сезон уже давно кончился, а они еще гуляют».

А нам было хорошо…

# Феномен Виктора Суходрева

Ничто так не изменяет человека, как годы. Разных людей по-разному. Одних — беспощадно, других — милостиво.

Виктор Михайлович Суходрев получил от времени, от судьбы режим наибольшего благоприятствования. Недавно отметили его 74-летие. Он по-прежнему здоров и энергичен. Не растерял по длинной дороге жизни своих талантов. И своих друзей, поклонников.

Одновременно отпраздновали день рождения его супруги Инги Дмитриевны, одной из первых красавиц Москвы с неизменными и по сей день обаянием, прелестью.

Виктор Суходрев в отечественной дипломатии личность почти легендарная. Детство и юность, проведенные в Англии, среди английских сверстников, наградили его бесценным призом — вторым родным языком, английским. Но этот чудесный дар нужно было еще уметь использовать. Виктор использовал по максимуму. С 1956 года, когда известный советский дипломат О. А. Трояновский рекрутировал его в Бюро переводов МИДа из Института иностранных языков, В. М. Суходрев занял достойное место в московском истеблишменте. И не только как переводчик. Он настоящее общественное явление. И в нашей стране, и в тех странах, куда ему приходилось ездить с советскими лидерами.

Переводил он артистично, на совершенном литературном языке, если это вообще возможно в политике. В его устах стандартные языковые клише обретали выразительную окраску, точность, образность.

На переговорах Н. С. Хрущева с американцами, на его публичных выступлениях во время визитов в США и другие англоязычные страны Суходрев становился alter ego советского лидера. Эмоциональные и вспыльчивые слова бескомпромиссного Никиты Сергеевича, сопровождаемые бурной жестикуляцией, в переводе Суходрева звучали уже не так аррогантно, хотя и не утрачивали хрущевскую оригинальность и самобытность.

Мы близко познакомились с Виктором Суходревом в сентябрьские дни 1960 года на теплоходе «Балтика», на котором Никита Сергеевич вместе с руководителями некоторых социалистических стран отправился на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Виктор уже был знаменит, за его плечами была поездка с Хрущевым в 1959 году в Соединенные Штаты, где молодой переводчик блистал юношеской красотой, аристократичностью, театральностью versus грубоватости своего шефа.

Следующее появление Суходрева в Америке закрепило за ним популярность на уровне звезд Голливуда — все происходило на моих глазах. Та же картина была в других странах, в которые ездил Никита Сергеевич в сопровождении Виктора.

После ухода Н. С. Хрущева с политической арены Виктор Суходрев оказался максимально востребованным и новым руководством. Судьба надолго свела его с Л. И. Брежневым. Они были чем-то схожи, даже внешними чертами (естественно, если говорить о Леониде Ильиче до его болезни). Насколько помню, ни одно значимое официальное зарубежное турне Брежнева не обходилось без Суходрева — встречи в Вене с президентом США Дж. Картером, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в Хельсинки, и так далее. Он даже участвовал в визите на Кубу в 1973 году, где все переговоры велись на испанском языке. Его сочли целесообразным взять с собой, на всякий случай, как талисман, знак удачи. Жили мы с ним в одном домике, в резиденции, Виктор скрашивал наши трудовые будни.

Большим авторитетом В. Суходрев пользовался также у премьер-министра СССР А. Н. Косыгина. Например, в качестве его переводчика присутствовал на исторической Ташкентской встрече 1966 года, во время которой советский премьер пытался помирить, и почти преуспел в этом, президента Пакистана Айюб Хана и индийского премьера Шастри.

В ночь перед отлетом из Ташкента домой Шастри скончался в своей резиденции. Мне, на тот момент исполняющему обязанности заведующего отделом печати МИДа (в отсутствие моего шефа Леонида Митрофановича Замятина, находившегося в Ташкенте), необходимо было от имени первого заместителя министра иностранных дел В. В. Кузнецова составить и передать по телефону ВЧ (высокочастотной связи) в ташкентскую резиденцию официальное сообщение для прессы в связи с кончиной индийского премьера. В резиденции из-за страшной суматохи и напряжения никто не мог откликнуться на мои звонки. Мимо телефона ВЧ пробегал Суходрев, и он, как говорится, по дружбе «притормозил», записал текст, передал куда надо и помчался наверстывать упущенные дела.

В своей замечательной книге «Язык мой — друг мой» Виктор описывает эту ташкентскую эпопею.

Менее чем через пару лет, в апреле 1968 года, вновь состоялась встреча Косыгина и Айюб Хана, правда, уже на пакистанской территории. Косыгин направился в Пакистан с официальным визитом. Значит, полетел и Суходрев. Я также был в составе делегации.

***А. Н. Косыгин, Б. Д. Пядышев, В. М. Суходрев в Пакистане. Крайний справа А. Хан***

***Пакистан, 1968 год***

В Равалпинди, тогдашней пакистанской столице, прошли официальные переговоры. Виктор был занят до предела. В заключение переговоров состоялась пресс-конференция А. Н. Косыгина, тут уж наступил мой черед потрудиться.

В конце визита прилетели в Карачи. Жара. По пути из аэропорта по программе — «посещение промышленного района» (в расшифровке — осмотр завода боевых машин, выпускаемых не без советского участия).

Необходимости в нашем с Виктором присутствии там не было, и мы прямым ходом направились в отель «Inter-Continental». Нас радушно встретили и сразу же отправили в бассейн.

Появление легендарного Суходрева вызвало фурор, обслуга выказывала всяческое рвение. По жаре особенно хорошо шел джин с тоником. Подносы с бокалами приплывали один за другим.

Возлежа на водной глади, Виктор после очередной смены подноса философски произнес: «Ну вот, Борис, броню и ствол с

одной боемашины мы уже прикончили. Остались колеса и гусеницы».

Прикончили бы и «гусеницы», но обнаружилось одно обстоятельство: Виктору необходимо было приобрести солнечные очки для подарка, причем женские. По степени его озабоченности данной проблемой видно было, что подарок предназначался очень дорогому для него человеку. Кому же? По данным разведки, в ту пору он опять был холост.

С сожалением выбрались из бассейна. Проблему Виктор разрешил тут же, в бутике холла отеля. Очки он купил отличные.

Кончился визит, прилетели в Москву.

Через пару дней мы с Виктором, выйдя из здания МИДа на Смоленскую площадь в обеденный перерыв, решили пройтись. Пересекли Старый Арбат, пошли дальше, по Садовому. День был чудесный, яркое, нежаркое солнце. Смотрю — к нам приближается девушка, стройная, красивая. В темных очках.

— Витя, — толкнул я Суходрева в бок, — это же твои очки. Это — она?

— Она, — ответил Суходрев и шагнул навстречу девушке.

Они обнялись и долго стояли соединившись. Так и остаются они соединенными до сегодняшнего дня. Здоровья вам и счастья, дорогие Виктор Михайлович и Инга Дмитриевна!

**Б. Д. Пядышев**